

Российская академия наук
Институт психологии

ПРОГРЕСС ПСИХОЛОГИИ КРИТЕРИИ И ПРИЗНАКИ

Под редакцией
А.Л. Журавлева,
Т.Д. Марцанковской,
А.В. Юревича



Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва — 2009

УДК 159.9
ББК 88
П 78

П 78 **Прогресс психологии: Критерии и признаки /** Под ред. А.Л. Журавлева, Т.Д. Марцинковской, А.В. Юревича. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. – 336 с. (Методология, теория и история психологии.)

ISBN 978-5-9270-0152-1

УДК 159.9
ББК 88

В книге рассматриваются вопросы о том, в чем состоит прогресс психологической науки, что ему препятствует, каковы его критерии и признаки. Обсуждаются и другие методологические проблемы, связанные с прогрессом психологии, – общеметодологические модели и ориентиры ее развития, критерии научности психологического знания, соотношение его естественнонаучной и гуманитарной составляющих и др. Прослеживается эволюция конкретных областей психологического знания, таких как социальная психология, когнитивная психология, психология восприятия.

Книга предназначена для всех, кто интересуется методологическими проблемами психологической науки и перспективами ее развития.

*Изданы односторонне при финансовой поддержке
Российского грантового научного фонда (РГНФ)
проект № 08-06-16063А*

© Институт психологии Российской академии наук, 2009

ISBN 978-5-9270-0152-1

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 7

Часть I ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОГРЕССА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

М.С. Прохорова
ПОНЯТИЕ ПРОГРЕССА И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ 13

Г.В. Зельцова
ПРОГРЕССИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИИ
В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ..... 32

Т.Д. Морозовская
К ВОПРОСУ О ПРОГРЕССЕ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ 63

И.Е. Бурбур
«ПРОГРЕСС ПСИХОЛОГИИ» КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОНСТРУКТ ... 77

Д.А. Лещинько
ПСИХОЛОГИЯ КАК ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА:
ОТ ДИСЦИПЛИНЫ НЕОБХОДИМОГО К «ЦВЕТУЩЕЙ
СЛОЖНОСТИ» ВОЗМОЖНОГО 95

Г.В. Корсакова
ОЗНАЧАЕТ ЛИ СВОБОДНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ ИДЕЙ ОТКАЗ
ОТ КРИТЕРИЕВ НАДЧНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ?..... 111

И.А. Мироненко
ОБ ИСТОЧНИКАХ СОМНЕНИЙ В ПРОГРЕССЕ ПСИХОЛОГИИ, ... 126

А.И. Ждан
КРИТИКА ПОНЯТИЯ ПРОГРЕССА 144

Часть II
СЛАГАЕМЫЕ ПРОГРЕССА
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

<i>А.В. Юренин</i> ИНТЕРПРЕТАТИВНЫЕ ТРАДИЦИИ И ПАРАМЕТРЫ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ	153
<i>Н.И. Чурикова</i> ПРОГРЕСС ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ	170
<i>С.Д. Смирнов</i> К КАКОМУ ИДЕАЛУ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ ДВИЖЕТСЯ ПСИХОЛОГИЯ?	186
<i>В.И. Порус</i> СИСТЕМЫ ОБЪЯСНЕНИЯ И ПРОГРЕСС ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ	197
<i>И.И. Семенов</i> СИСТЕМО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ И ИСТОРИКО-НАУЧНАЯ РЕФЛЕКСИЯ КАК СРЕДСТВА ПРОГРЕССА ПСИХОЛОГИИ	210

Часть III
ПРОГРЕСС КОНКРЕТНЫХ ОБЛАСТЕЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

<i>Г.М. Андреева</i> ИТОГИ СТОЛЕТИЯ (К ВОПРОСУ О ПРОГРЕССЕ В СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ)	237
<i>В.А. Яценко</i> ПРОГРЕСС В ПОНИМАНИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ: СОЦИОКУЛЬТУРНО-ИНТЕРДЕ- ТЕРМИНИСТИЧЕСКАЯ ДИАЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА	262

В.А. Бородин

ПРОГРЕСС В ИССЛЕДОВАНИИ ВОСПРИЯТИЯ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ.....286

Е.А. Серенко

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ И РЕВОЛЮЦИЯ
В КОГНИТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ РАЗВИТИЯ319

АВТОРЫ И СОСТАВИТЕЛИ СБОРНИКА.....334

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о *прогрессе* психологической науки — один из наиболее болезненных, а то обстоятельство, что он является таким же для всех социогуманитарных наук, не может служить для психологии утешением. С одной стороны, многолетнее существование любой науки вроде бы предполагает и ее развитие, а значит, и прогресс, так что научную дисциплину, существующую, как психология, более столетия, но развивающуюся, трудно себе представить. С другой стороны, в начале XXI в. психологическое знание выглядит столь же «сырым», рыхлым и ненадежным, как и в конце XIX в., когда возникали первые психологические лаборатории, основатели которых стремились сделать психологию «настоящей» наукой, вырабатывающей «твердое» и надежное знание, а актуальные характеристики состояния и основных методологических трудностей психологии практически не отличаются от тех, которые давали ей У. Джемс и другие современные ему психологи более ста лет назад. Это создает очень дискомфортное для психологов чувство отсутствия прогресса их науки, неизбежно порождающее и целый ряд неприятных вопросов, например, за что же тогда ее представители получают деньги и признание.

Подобные вопросы остро стоят не только перед академической психологией, психологией как наукой, но неизбежно распространяются и на психологическую практику. Эта практика вроде бы демонстрирует все основные признаки благополучия. Численность психологов стремительно нарастает, в том числе и в нашей стране, где в одной только Москве их готовят более 70 вузов, а львиную долю их многочисленной армии составляют психологи-практики. При этом, во всем мире опросов, большая часть наших сограждан убеждена, что психологов у нас намного меньше, чем должно быть, исходя из многообразия и важности психологических проблем нашего общества. Доходы психологов-практиков, как правило, обеспечивают им безбедную жизнь и совершенно несопоставимы с доходами их коллег-исследователей. Наше российское общество, как и западные страны, обнаруживает основные симптомы превращения в т. н. «психологическое общество», осознающее важность своих психологических проблем, необходимость специальных

институтов и служб для их решения, регулярного обращения граждан к психологам и т. п., хотя в плане массовой культуры общения с ними мы пока существенно отстаем от этих стран. Т. е. психологическая практика более чем востребована и в будущем будут востребованы еще больше, что создает перед психологической практикой многообещающие перспективы. Однако вера «человека с улицы», человека, не знакомого с «кухней» производства психологического знания, в надежность этого знания, не беспредельна, и его состояние может рано или поздно стать предметом заслуженных рекламаций. А «тылы» психологической практики, обеспечиваемые психологической наукой, выглядят очень неважными. В результате вопрос о прогрессе психологической науки, о перспективах ее выхода на те уровни надежности знания, которые ассоциируются с точными науками, не является лишь предметом размышления методологов, а имеет жизненно важное значение для всей психологической системы, созданной в современном обществе психологической наукой и практикой.

Проблема прогресса психологической науки – это целый клубок вопросов о том, развивается ли эта наука или стоит на месте; если развивается, то по относительно прямой/линейной, поступательной или по какой-либо другой, более замысловатой траектории; правильным ли путем развивается; каковы ее перспективы и т. п., т. е. целый комплекс проблем самоопределения психологии на сложном организованном пространстве человеческой мысли.

Решение этих вопросов предполагает обращение к существующим моделям развития науки, разработанным Т. Куном, И. Лакатосом, К. Поппером, П. Фейерабендом, А. Ляуджом и др., образующим остов философской методологии науки и имеющим своим стержневым компонентом проблему критериев развития науки. Данная, ключевая для философской методологии науки, проблема по-разному решалась этими исследователями, выделявшими различные «единицы» развития науки, такие как парадигма, исследовательская программа, исследовательская традиция и т. д., обозначившими различную логику ее развития, выделявшими различные влияющие на это развитие факторы. Единого представления обо всем этом нет и, по всей видимости, не будет, что лишает психологов возможности выбрать «единственно правильную» модель развития науки и применить ее к психологии. Кроме того, в подавляющем большинстве подобные модели представляют собой обобщение опыта развития наиболее «правильных» – естественных – наук, главным образом, физики, а их применимость

к социогуманитарной науке вообще и к психологии, в частности, вызывает большие сомнения.

Так, относительно парадигмального статуса психологии существуют три основные позиции. Согласно первой, которой придерживался и сам Т. Кун, эта модель универсальна для всех научных дисциплин, и психология не является исключением, развивается по тому же пути, что и естественные науки, но является допарадигмальной дисциплиной, пока не достигшей собственно научной — парадигмальной — стадии развития, по достижении которой она станет полевой на фланку. Согласно второй позиции, психология является мультипарадигмальной дисциплиной, обреченной на сосуществование различных парадигм, на стадии «нормальной» науки обнаруживающей все то, что естественная наука переживает лишь на стадиях научных революций, а значит, психология в целом вписывается в куновскую модель развития науки, но не полностью, обладая и некоторой спецификой. Согласно третьей позиции, психология — не допарадигмальная и не мультипарадигмальная, а метапарадигмальная научная дисциплина, развивающаяся своим собственным путем, и куновские представления о развитии науки, обобщающие опыт развития естественных наук, в основном фланки, к ней вообще не применимы.

Аналогичный конгломерат позиций порождается и при применении к психологии других общих моделей развития науки, и вырисовывается вывод о том, что ни одна из них полностью не адекватна психологии. Необходима выработка либо специфической для нее модели, либо общей модели развития социогуманитарной науки, в которую вписывались бы и психология. Очевидно, разработка таких моделей — дело будущего, которое станет очень важным шагом и в развитии общей методологии науки, и в решении ключевых методологических проблем психологии. Однако уже сейчас достаточно ясно круг вопросов, на которые необходимо ответить в процессе такой разработки. Это вопросы о том, существует или нет прогресс психологической науки; если да (а психология волею бы в это верить, по вере мало — необходимо обосновать данную позицию), каковы основные критерии и признаки этого прогресса; в чем современная психология «лучше» той, которая существовала 100 или 50 лет назад; какова общая логика развития психологической науки и практики; каковы основные факторы, влияющие на это развитие; можно ли выделить «единицу» (или «единицы») развития психологического знания, подобные парадигмам, исследовательским программам и исследовательским традициям; можно ли говорить о кумулятивности этого знания и т. п.

Нашим данным вопросам стали центром притяжения для авторов этой книги, определяя основные направления их размышлений. Хочется надеяться, что книга не только будет иметь широкую аудиторию читателей, неравнодушных к истории, современному состоянию и перспективам психологической науки, но и расширит эту аудиторию, увеличив количество неравнодушных, а также положит начало продуктивной дискуссии о прогрессе психологии.

*А.Л. Жданов
Т.Д. Марьямовская
А.В. Юренин*

Часть I

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРОГРЕССА
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

ПОНЯТИЕ ПРОГРЕССА И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

М.С. Гусельцев

ПОНЯТИЕ ПРОГРЕССА И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В НАУКАХ О ЧЕЛОВЕКЕ

В первую очередь следует определиться, что мы понимаем под прогрессом, поскольку в психологии существует давняя традиция расхождения в понимании терминов. В своем изначальном смысле слово прогресс означало характеристику развития: буквально «прогресс» — это движение вперед. Прогресс был одной из ключевых идей Просвещения. В этом смысле прогресс понимается как поступательное движение от простого к сложному, от низшего к высшему, от несовершенного к совершенному. Эта идея прогресса была воспринята в XVIII–XIX вв. естественными науками и, соответственно, ориентировавшейся на них психологией. Однако такое понимание прогресса сегодня устаревает и находит даже в естественных науках.

Н.А. Бердяев в «Смысле истории» писал, что «учение о прогрессе есть временное учение XIX века, отражающее состояние сознания европейского человечества в XIX веке со всей [его] ограниченностью...» (Бердяев, 1990, с. 149) и порождающее разного рода исторические утопии. Идеология Просвещения породила в психологии методологические установки эволюционизма и объективизма. Эволюционизму свойственно представление об универсальных законах развития культуры и всякий, выделение последовательных этапов или стадий развития. Неточным эволюционистской идеологии служили известные теории Ч. Дарвина, учение Г. Спенсера и другие идеи английского просвещения. Постулаты эволюционизма сводились к следующему: начиная с кремниевца, природа человека практически не изменилась; развитие идет от низшего к высшему и в нем можно выделить прогрессивные стадии; европейский путь развития культуры универсален и для других народов. Объективизм сводился к требованию научной строгости и точности исследований в позитивистском понимании. С этими установками были связаны определенные достижения

психологии (проникновение в нее эволюционных идей, выделение стадий развития психики, генетический метод), но затем они исчерпали свой методологический потенциал и позитивистская идеология стала тормозом развития науки. На смену идеологии позитивизма в настоящее время приходит герменевтическая логика, берущая истоки в гуманитарном знании.

Что такое прогресс в гуманитарных науках? Популярный сегодня в связи с темой постмодернизма антрополог Клиффорд Гирд — создатель теории интерпретации культур — показывает, что в анализе культуры знание «выплескивается струйками». Анализ культуры — это не восхождение на гору знания, а хождение вокруг да около все более широкими концентрическими кругами. Такое хождение вокруг темы предполагает ее расширение и углубление. К. Гирд пишет: «Одни исследования базируются на других, но не в том смысле, что они продолжают начатое другими, а в том, что, обладая большей информацией и концептуальной основой, они более глубоко изучают то же самое. Каждый серьезный анализ культуры начинается с самого начала и доходит туда, куда удастся добраться, пока не будет исчерпан интеллектуальный запас». Исследование удачно, если оно более проницательно, чем предыдущее, но оно не стоит у них на плечах, а наоборот бежит рядом» (Гирд, 1997, с. 194).

На смену эволюционизма и объективизма в гуманитарных науках в 60 гг. XX в. пришли релятивизм и культурная аналитика (см.: Нонин, 2000). К. Гирд утверждает, что наиболее подходящий жанр для интерпретации культуры — это этюд, очерк, эссе. Цель теории в антропологии — «не создать свод абстрактных правил, а сделать возможным "насыщенное" описание» (там же, с. 194–195). Иными словами, плетется сеть гуманитарного знания. Теоретические конструкции не создаются заново, а заимствуются из старых исследований, совершенствуются и используются для новых интерпретаций. Прогресс здесь связан с использованием разных техник интерпретации, которые создают или модернизируют под новую исследовательскую задачу. Прогресс «проявляется таким образом, что можно выбрать направление теоретического развития в связи с одной конкретной этнографической интерпретацией и применить ее в другой, при этом добиваясь больших точности и соответствия; но невозможно написать "Общую теорию культурологической интерпретации"» (там же, с. 196).

Иногда высказываются опасения, что психология, ориентированная на методологию гуманитарных наук, превратится в искусство. На это можно возразить, обратившись к примеру истории: когда

история сменила парадигму (с позитивизма на герменевтику), она не перестала быть историей. «Осень Средневековья» Н. Хейзинги – это исторический труд, который не утратил научности от того, что написан живо и интересно (хотя современники его нещадно критиковали). Другой пример – популярное сегодня междисциплинарное предпринятие, получившее название «история повседневности».

История повседневности – междисциплинарная область исследований образа жизни и его изменений. Она возникла в результате исчерпанности парадигмы позитивизма и устаревания марксистского и структуралистского подходов. Ее методологическими источниками стали идеи Э. Гуссерля («оживленный мир»), А. Шюца («мир человеческой непосредственности»), Н. Зиньеса, а также идеи социального конструктивизма, этнометодологии (Г. Гарфинкель) и интерпретативной антропологии (К. Гирц). История повседневности представлена двумя течениями – французским, берущим истоки из традиции «Анналов», и германской и итальянской историософией (Ж. Медик, А. Людтке, К. Пиншбург, Д. Леви). Современная история повседневности строится в логике междисциплинарного дискурса. Методы ее исследований включают в себя герменевтический анализ источников, анализ символических форм (слов, образов, поступков), включенное наблюдение, анализ фокус-групп и др. Однако в университетах история повседневности пока не нашла для себя пристанища. Там процветают автономные дисциплины: «история во-первых изучает "события", психология – "эмоции", а этнография – "быт"» (Пушкарева, 2004, с. 16).

«...Изучение истории повседневности – поле, где с наибольшей полнотой осуществляется творческий синтез дисциплин всего гуманитарного цикла, где переосмысливаются, дополняя друг друга, данные археологии и лингвистики, литературоведения и фольклористики, экономической и социальной истории. Здесь традиционные для исторического анализа методы сочетаются с постановками вопроса, свойственными этнографии, психологии и социальной антропологии» (Ястребцкая, 1994, с. 98). «История повседневности» в зарубежной науке выступает антитезой социальной истории, протестом против абстракций и глобальных теорий, она сосредоточена на изучении жизни индивидуальной личности в контексте определенной культуры.

Историк Жан Гренье, представитель направления «Анналы», заметил, что, занимаясь историей 25 лет, он все время слышал, что история находится в кризисе, и у него сложилось впечатление, что

кризис — это «постоянное состояние исторической дисциплины». Присмотревшись к этому кризису внимательнее, он обнаружил, что тот поддерживается междисциплинарным обменом идеями и повышенной рефлексией историков к своей методологии. И поэтому «во следует желать конца "кризиса истории", так как бессмысленно говорить о стабильных парадигмах или о единственном способе жизнеописания» (Трейне, 2005, с. 143). К концу XX в. историки преодолели традицию интерпретации истории «в рамках каузальности». Одним из критериев прогресса в истории стала междисциплинарность. Ж. Трейне видит «вокруг себя все больше коллег-историков, которые читают книги по другим дисциплинам и постепенно осваивают определенную культуру социальных наук, что было раньше редкостью» (там же, с. 151).

Американский философ испанских корней Джордж Сантьяна (1863–1952) посвящал статью размышлению о прогрессе в философии. Веру в прогрессе он считает предрассудком. Цель философии — понимание мира, и эта цель до сих пор не достигнута, хотя и появилось невероятное количество гипотез, вариантов трактовки мира. Само появление множества таких концепций служит критерием прогресса, понимаемого как развитие. Однако новейшие концепции не лучше древних, а нередко и уступают им по глубине (Сантьяна, 1992).

Прогресс в поэзии связан с тем, что новые поэты пополняют общий культурный фонд, но не отменяют самобытности Гомера, Данте или Шекспира.

В философии обращает на себя внимание существование разных моделей развития: теория самоорганизации, концепция ноосферы, концепция коэволюции, творческая эволюция А. Бергсона и т.д. Идея развития как прогресса, как правило, связана с западным типом мышления. В восточной традиции концепция развития носит по преимуществу циклический характер и развитие нередко рассматривается как просветление или духовное совершенствование.

Существуют концепции развития как конфликта и развития как коэволюции. Гераклит, Г. Гегель и К. Маркс понимали развитие как единство и борьбу противоположностей. Ч. Дарвин предложил эволюционную теорию, в основе которой лежала борьба за выживание, тогда как П.А. Кропоткин, приводя обширный феноменологический материал, доказывал, что основной механизм эволюции — сотрудничество и коэволюция.

Наиболее универсальная модель развития представлена в концепции всеединства В.С. Соловьева, значительно повлиявшей на

отечественную философско-религиозную и гуманитарную психологическую мысль. В.С. Соловьев отмечал, что «не всякие изменения в организме образуют его развитие. Такие изменения, в которых определяющее значение принадлежит внешним, чуждым самому организму деятелям, может влиять на внешний ход развития, задерживать его или и совсем прекращать, разрушая его субъект, но они не могут войти в содержание самого развития: в него входят только такие изменения, которые имеют свой корень или источник в самом развивающемся существе, на него самого вытекают и только для своего окончательного проявления, для своей полной реализации нуждаются во внешнем воздействии» (Соловьев, 1999, с. 311). Материал развития и толчки даются извне, но «это побуждающее начало может действовать „лишь сообразно с собственной природой организма» (там же). Внешние воздействия составляют лишь материальную и действующую причины развития, но формальная и целевая причины заключаются в самом субъекте развития.

Согласно В.С. Соловьеву, существенный признак развития — это цель. Развитие — это изменение, имеющее начало и дыгающееся к определенной цели. Если мы знаем закон развития растения, то мы можем установить и цель развития — плодоношение. Развитие для В.С. Соловьева — это прогрессивное изменение, и его концепция развития определенным образом ориентирована на понятие прогресса.

Во всяком развитии В.С. Соловьев обнаруживает три стадии. Первая стадия — первоначальная целостность, характеризующаяся слитостью, смешанностью и индифферентностью частей. Вторая стадия связана с выделением и обособлением компонентов. Третья стадия — итоговая целостность, с оформленным и сложной структурой связей между компонентами; их соединяет солидарность. Установки на конфликт и на солидарность — соответственно второй и третьей ступени. Эта модель развития (как будет показано ниже) может быть переосмыслена в контексте представлений о классической, неклассической и постнеклассической рациональности).

На сегодняшний день сосуществуют линейная (просвещенческая) и циклическая модели прогресса, спираль и ритм. Обе модели описывают отдельные аспекты реальности, выделяя в ней либо линейные, либо циклические моменты развития. Таким образом всякая модель — это идеальная модель. Так, ритмическая модель конструируется посредством описания смены стилей в искусстве, колебания естественнонаучного и гуманитарного дискурса (в истории науки), чередой

авангардными и постмодернистами как транскультурных феноменов (Э. Эко), смены доминанты развития познавательной и мотивационно-потребностной сферы и т.д.

Иными словами, есть разные представления о прогрессе или модели развития. За эволюционистскими моделями развития обычно стоит линейная схема, но развитие может идти не только вперед, но и вбок, и вниз. Как мы видели выше, в гуманитарных науках исследователи ходят вокруг одной темы кругами: расширяют и углубляют ее, и это иная модель развития. Эволюционизм дополняется релятивизмом, а методологической предпосылкой концепций культурного релятивизма нередко выступает постмодернизм. Постмодернисты Ф. Гваттари и Ж. Делез, изучая различные модели устройства мира, описали три модели развития: *стержневую* (в ее основе лежит «корень» и здесь предполагается иерархическое устройство реальности), *мозаичную* (в основе которой «корешки», и здесь имеет место смешение порядка и хаоса) и *сетевую* (она представляет собой «ризому», «грибницу», и в культуре отсутствует единый стержень, нет определенного вектора развития). Именно сетевой тип организации культуры (и науки) отвечает принципу «все связано со всем, центр – везде, в каждой точке».

О каком типе развития может идти речь в случае психологии? История этой науки показала, что психология развивается «не в ствол, а в куст» (В.П. Зинченко) – это может быть «мозаичное», а нередко и сетевое развитие.

Трактовка прогресса как поступательного движения от простого к сложному, от низшего к высшему, от несовершенного к совершенному сегодня не актуальна. Понятие прогресса усложнилось. Прогресс – это развитие, которое не всегда целенаправленно и совсем не линейно. Современными критериями прогресса являются междисциплинарность и коммуникативность исследователей.

Обратимся теперь к психологии. Что такое прогресс в психологии? Понятие прогресса в психологии неразрывно связано с моделью ее развития. Моделирование же развития психологии возможно по разным основаниям: по предмету (П.Я. Гальперин), по этапам развития науки (Т.Д. Марциановская), по проблемам (В.А. Ромеенц) и развитию категориального аппарата (М.Г. Ярошевский), а также в связи со сменой типов рациональности (П.А. Маслов, М.С. Гусельцева). На мой взгляд, критерием прогресса в психологии как раз и служат смена типа рациональности: от классической к неклассической, а затем и к постнеклассической.

ПАРАДИГМЫ ИЛИ СМЕНА ТИПОВ РАЦИОНАЛЬНОСТИ. ВНЕШНИЙ И ВНУТРЕННИЙ ПЛАНЫ РАЗВИТИЯ НАУКИ

Понятие постнеклассической науки принадлежит В.С. Стёшину, описавшему три исторических типа рациональности, соответствующих состоянию науки: классическую, неклассическую, постнеклассическую (Стёшин, 2000). *Классическая рациональность* была связана своим появлением с промышленным переворотом и успехам естествознания, ее идеалами являлись бесконечность знания, представления об истинной картине реальности, достигаемые посредством объективных методов, механическая, а позднее и органическая метафоры. На рубеже XIX–XX вв. возникла *неклассическая рациональность*. Ее особенностями стали рефлексия зависимости истины от метода, «личностное знание», попытки преодоления дихотомии объекта и субъекта, понимание исторической обусловленности науки. Развитие постнеклассической науки В.С. Стёшин связывает с последней четвертью XX в. – с информационным состоянием мира, когда объектом исследований становится уникальные саморазвивающиеся системы. В постнеклассической науке возникают проблемно-ориентированные исследования, требующие междисциплинарного дискурса, особых способов описания реальности, диалога естествознания и гуманитарных наук. Постнеклассическая наука, согласно В.С. Стёшину, представляет собой тип научной рациональности, объединивший науки о природе и науки о духе. В современном познании возникла общенаучная картина мира, когда разные типы рациональности не отрицают друг друга, а делают между собой сферы влияния. В зависимости от исследовательских задач одна и та же реальность может быть рассмотрена с разных позиций и выступить предметом освоения в разных типах рациональности (Стёшин, 2000).

Поскольку концепция смены парадигм Т. Куна создавалась, исходя из опыта естествознания, то на наш взгляд, в венкологии уместнее вести речь о смене интеллектуальных стилей, об «идеалах рациональности», ориентируясь при этом на концепцию М.К. Мамардашвили (Мамардашвили, 1994) и модель нормативно-ценностного развития науки В.С. Стёшина. Однако это не исключает и употребление термина «парадигма», просто в него вкладывается другой смысл: парадигма как синоним типу рациональности, парадигма – целостное представление о состоянии науки, ее основных методах и принципах, набор методологических установок и приемов исследовательской деятельности. Типы рациональности последовательно

сменяют друг друга, и именно в этой смене обнаруживает себя прогресс той или иной науки.

Однако модель развития психологии должна включать в себя два плана — внешний и внутренний. Внешний план обусловлен развитием психологии в контексте истории науки. Внутренний план связан с логикой становления собственно психологического знания. Разумеется, такое деление условно и представляет собой не что иное, как идеальную модель *знаний исторического развития психологии*.

Если мы обратимся к опыту истории науки, то увидим, что каждая дисциплина в своем развитии проходит три периода — *период первоначального синкретизма, период дифференциации и раздробленности, период самостоятельного развития и зрелости*.

Синкретизм — явление архaisкое, он характеризуется слиянием всех мыслимых компонентов; это период включенности знания в самую жизнь. Так, на заре человечества мы проследиваем процессы постепенного вычленения мифологии из обрядово-бытовой сферы, а затем ее распад на отдельные отрасли культуры, такие как философия, искусство, религия, право, литература и т.д., некогда пребывавшие в нераздельном единстве. *Синкретический период* развития психологии связан с ее пребыванием в контексте философии. И поэтому вплоть до XIX в. трудно отделить историю психологии от истории философии, но в конце XIX в., когда философия сама начинает испытывать методологические трудности, психология заявляет о себе в качестве самостоятельной науки и начинает ориентироваться на интенсивно развивающееся естествознание.

Период дифференциации психологического знания представлен двумя этапами — классическим и неклассическим. Классический этап развития психологии тянется от возникновения ассоциативной парадигмы до ее кризиса. Неклассический этап представляет собой пик дифференциации и появление разнообразных психологических школ как плодов методологического кризиса.

Дисциплины, продолжившие синкретизм, на протяжении более или менее долгого периода времени стремятся к самодостаточному, обособленному развитию, тщательно охраняя свои пределы. Но зрелая дисциплина в своем развитии вновь начинает искать контакты и пересечения с другими отраслями знания, обращается к эвристической напряженности своих границ. В ней накапливаются проблемы, неразрешимые изнутри, и, наконец, умудренная опытом дисциплина, не боясь утратить «лицо вообще выразиться», однажды вылезает за свои пределы. Тогда появляются такие области науки, как

биофизика, биохимия, нейролингвистика, социобиология, этносоциология, этнопсихология и т.п. Основным методологическим ресурсом развития дисциплины на этом этапе становится коммуникативная рациональность (Ю. Хабермас), подразумевающая открытость границ, междисциплинарные и проблемно-ориентированные исследования.

Самостоятельный уровень развития психологии представлен его первым этапом — *постнеклассической рациональностью*.

Таким образом, в общем контексте науковедения вырисовываются контуры следующих этапов развития психологии: 1) *додарядвильное состояние*, связанное с развитием психологических знаний в лоне философии; 2) *классическая рациональность*, достигшая о себе претензий психологии на статус самостоятельной науки и завершившаяся так называемым «открытым кризисом»; 3) *неклассическая рациональность*, представленная расцветом психологических школ XX в., ориентирующихся на разнообразные типы анализа; 4) *постнеклассическая рациональность* — современный этап, в особенности которого относятся критические самосмысленные дисциплины (К. Джорджон), междисциплинарный дискурс, естественный принцип организации знания и перманентическая ориентация исследований.

Мы видим, что критерием прогресса психологии в данном случае выступает смена типов рациональности. В этом смысле и кризисы в психологии — явление прогрессивное, поскольку всякий кризис представляет собой вызов, требующий ответа, и таким ответом является новый конструкт — тип рациональности.

На додарядвильном этапе развития психология формулировала свой предмет, апробировала различные методы исследования, искала универсальной механизм объяснения психических феноменов. Этот этап завершился становлением ассоциативной психологии как первой психологической школы, сумевшей объединить отдельные «фрагменты» психологического знания в единую систему (возникла собственно психологическая терминология, был найден общий объяснительный принцип — ассоциация) (Марандиновская, 1994).

Классическая рациональность в психологии была связана с ориентацией на естествознание, дискуссиями о предмете и методах исследования и с претензиями психологического знания на самостоятельность. Причем погоня за точностью и строгостью естественных наук привела психологию к возникновению комплекса неполноценности и к невротической фантасии состояния перманентного кризиса (Юренич, 2001). Среди феноменов, свойственных классическому идеалу рациональности в психологии, отмечают «ослабление» неадаптивного

поведения как патологии, обсуждение проблем в рамках логических дихотомий, образ рационального и адаптивного человека в культуре. А.Г. Асмолов указывает на такие методологические установки классической рациональности в психологии, как антропоцентризм, европоцентризм, эволюционизм, а также постулаты «непосредственности» и «сообразности» (Асмолов, 1990).

Ответа на кризис классической рациональности (ассоциативной парадигмы, парадигмы психологии сознания) стало появление множества концепций неклассической психологии, начиная от проектов интенциональной психологии Ф. Brentano и физиологической психологии И.М. Сеченова (а главной идеей Сеченова было представление о рефлективном вольше, благодаря которому мышца становилась не только органом движения, но и органом познания, а внешнее движение превращалось во внутреннее посредством механизма интериоризации). Функциональная и поведенческая психология шли по пути преодоления кризиса исследования сознания как изменения предмета психологии. Психоанализ расширил предметную область психологии, включив в нее бессознательную психику. Бихейвиентология взяла на вооружение последние достижения физики. Культурно-исторические концепции Л.С. Выготского использовали в психологии генетический метод и формирующий эксперимент (в последнем учитывалась роль наблюдателя в исследовании психики). Физиология активности И.А. Бераштейна, психология установки Д.Н. Узнадзе, междисциплинарная концепция человека А.А. Ухтомского, деятельностный и субъектно-деятельностный подходы составили содержание отечественной неклассической психологии. К неклассическим установкам психологической науки обычно относят различные попытки преодоления «постулата непосредственности» путем поиска «посредствующего звена» (Асмолов, 1990).

Н.Н. Ланге, сравнивая кризисы в науке с землетрясениями, фактически говорил о смене парадигм. Методологический кризис поставил перед психологией задачу выработки новой системы науки посредством критического анализа всех имеющихся психологических направлений и попытки их согласования между собой, а также вызвал необходимость учитывать новые данные смежных с психологией дисциплин — биологии, физиологии, социологии, истории. «Суть задачи сводится ... к тому, чтобы, с одной стороны, признать реальность психической жизни как особого жизненного фактора, подлежащего эволюции, а с другой — не впасть при этом в метафизику и не вступить

в конфликт с положительными результатами естествознания» (Ланге, 1996, с. 100) – такова сформулированная Н.Н. Ланге суть неклассической психологии.

Однако неклассическая психология – это универсальная психология. И Э. Фрейд, и Э. Эриксон и А.Н. Леонтьев (и идущие по его стопам советские психологи) создавали универсальные и в силу этого абстрактные модели, будь то стадии развития сексуальности, стадии развития идентичности или периодизация психического развития. Универсальность и жесткость этих схем задавали представление о нормальном и патологическом (отклоняющемся) развитии.

В основе культурно-генетического метода Л.С. Выготского лежала методология марксизма. Именно в контексте марксизма были практически реализованы методы восхождения от абстрактного к конкретному, метод системного анализа и культурно-исторический метод. «Смысл культурно-генетического метода состоит в том, что при объяснении "текущих" социальных волнений в отдельных культурных регионах и странах [исследователи] опираются не только на непосредственно наблюдаемые процессы, но и на всю, на предельно доступную глубину культуру, историю этих регионов и стран, выявление их культурно-исторической уникальности» (Калтор, 1992). Л.С. Выготский был марксистом в большей степени, чем другие его современники, использующие марксистскую терминологию, он буквально выстрадал марксистскую методологию, впитал ее, сжился с ней и органично применил в собственных работах. Однако в книге «История историка» А.Я. Гуревич обращает внимание на происшедший в 60-х годах XX в. методологический поворот в отечественной гуманитарной науке. Несмотря на то, что некоторые гуманитарии (и среди них М.Я. Гелфанд) занимались попытками «нового прочтения» К. Маркса, его историческая философия, правдоподобно вытекавшая в середине XIX в., уже не могла восприниматься всерьез в начале XX в. Искусственно законсервированная в нашей стране, в мировой гуманитарной науке марксистская философия истории (учение о формациях, теории базиса и надстройки и т.п.) оказалась вытесненной неокантианской методологией. «Уже в первой трети XX столетия в западной исторической мысли были выдвинуты совершенно другие методологические принципы исторического исследования. Происходило формирование и утверждение идей неокантианской эпистемологии. ... В трудах Виндельбанда, Риккорта и в особенности М. Вебера было показано, что постигнуть непосредственно так называемую объективную реальность нам не дано, не только потому,

что она уже прошла и ее нет, но и потому, что ее следы в источниках замаскированы: источники эти непрозрачны, нуждаются в расшифровке, а расшифровка их, прощаживание через источники в то, что происходило в прошлом, возможны только в том случае, если мы займемся анализом понятийного аппарата, познавательных средств...» (Гуревич, 2004, с. 109).

В чем преимущество неокантовской методологии по сравнению с марксистской? В марксисте «позитивная схема дана априори», раньше, чем исследован материал; ее можно лишь «модифицировать, уточнить, обогащать...» В неокантовстве исследователь начинает с идеализации, «идеальной модели», «идеального типа», который впоследствии не только уточняется, но и может быть кардинально видоизменен под давлением конкретного историко-культурного материала. «Согласно марксистской схеме, надо элиминировать те факты, которые ей мешают, отделиться от них, просто считать, что это не типично, не так важно». В неокантовской методологии идеальный тип — это «не схема, которой следует подчинить конкретный материал, а инструмент, при помощи которого я его собираю, изучаю, систематизирую и обобщаю» (там же, с. 116). Неокантовская методология особенно настойчиво подчеркивает инструментальную роль историко-культурных понятий. Более того, А.Я. Гуревич утверждает, что история сделалась по отношению к естественным наукам самостоятельной областью знания только тогда, когда неокантовцы преодолели позитивистскую методологию, своим универсализмом препятствующую осмыслению конкретного уникального материала, и выработали специфические методы гуманитарных наук.

В середине XX в. историческая наука переживала свой методологический кризис, и способом его разрешения стал выход из дисциплинарных границ и обращение историков к опыту других гуманитарных наук, таких как археология, этнология, антропология. Междисциплинарный подход выступил здесь средством выхода из методологического кризиса. С другой стороны, прорывом в развитии гуманитарного знания в 60-х годах XX в. стала семантика, сосредоточенная внимание на различии планов выражения и планов содержания при анализе текстов.

В отечественной гуманитарной науке последовательным исполнителем неокантовской методологии оказался А.Я. Гуревич. Он рассматривал неокантовство как синтез позитивизму (включая марксизм). Более того, А.Я. Гуревич обнаружил принципиальное сходство в методологии неокантовства и методологии французской

исторической школы «Анналы». Суть новой методологии выразилась в переходе от анализа универсальных законов к уникальным событиям, от «объективизма» – к «культурной аналитике», от континентализма – к герменевтике. Последовательное применение неокантианской методологии привело А.Я. Гуревича к убеждению, что не существует личности как универсальной категории, а наполнение понятия личности меняется от эпохи к эпохе. Так, средневековая личность – иная, нежели новоязреневская, но даже в рамках одной средневековой эпохи структура личности горожанина, крестьянина и рыцаря различны. Во всяком обществе в определенную эпоху существует не «базисный» тип личности, а «разброс» типов, обусловленный как социальной структурой и степенью усвоения культурных ценностей, так и врожденными особенностями индивидов.

Новая исследовательская парадигма получила название постнеклассической науки. Если классическая и неклассическая психологии методологически ориентированы на естествознание, то постнеклассическая психология ищет себя в методологическом контексте гуманитарных наук. Она имеет дело с жизнью как потоком хаотических меняющегося и неопределенного разнообразия. Однозначности здесь нет, и В. Франкл, исходя из этой логики, в своей концепции подчеркивает, что великий смысл ситуативен, он существует только в данном контексте, смысл должен быть найден, сотворен здесь и не переносим в другой контекст. Суть постнеклассической парадигмы психологии состоит в переходе от систем в судьбы (как образно выразился в свое время Л.С. Выготский), от систем – к сетям (эти идеи развивают в мире образования А.М. Лобок и А.В. Цирульников), от предметов – к проблемам (это направление исследования претворила в жизнь французская историческая школа «Анналы»), от однозначных толстов – к множественности интерпретаций и стилей (подход, связанный с работами Ю.М. Лотмана). Иными словами, постнеклассическая психология – это такое состояние знания, в котором различные научные теории (внимаемые как модели, описывающие отдельные аспекты психической реальности) составляют взаимосогласованную сеть.

Сформулируем принципиальные отличия постнеклассической рациональности от неклассической (Гусельцева, 2005, 2006).

Если вдохновителем неклассической психологии выступила, прежде всего, межреалистская физика, то на становление постнеклассической психологии (как будет показано ниже) существенное влияние оказывает культурология.

- Неклассическая психология развивалась в философском контексте *определяемой методологией*, тогда как постнеклассическая рациональность допускает *выбор философии* и, соответственно, методологии в зависимости от задач исследования и личных предпочтений исследователя.
- Постнеклассическая рациональность предполагает открытость знания новому опыту, междисциплинарный дискурс, толерантность, вызванную «парадигмальными прививками» (В.С. Стёпин). Неклассическая рациональность едва допускала субъективность исследователя и придерживалась веры в объективность мира, тогда как постнеклассическая психология размышляет *цели о социальном конструировании реальности и особой креативности субъективного опыта*.
- Представление о развитии в неклассической рациональности связано с эволюционными идеями и поиском универсальных законов, в постнеклассической рациональности развитие мыслится в категориях «взрыва», «бифуркации» и «сензитивных периодов», когда особое внимание уделяется расшифровке внутренней логики развития, отражением которой выступают сюжеты самостроительства в культуре, феноменологические зарисовки судьбы и призвания человека. В качестве примера обратимся к биографии А. Эйнштейна, который в детстве значительно «задержался» в развитии. Точка в плане культурно-психологического анализа зачастую выступают как образцы собственной логики развития.
- Если разработки неклассической психологии были связаны с овладением человеком своим поведением, то постнеклассическая психология (следуя выходкам постструктурализма) сосредоточивается на средствах защиты человека от экспансии власти и идеологии. Если «главный принцип неклассической психологии – принцип выживаемости в реальности» (Демидов, 2002, с. 457), то постнеклассическая психология берет на вооружение принцип «*благословенная вера в развитие*».
- Классической рациональности свойствен механический и биологический детерминизм. Для неклассической рациональности характерен социодетерминизм. Постнеклассическая рациональность связана с ситуативным детерминизмом, здесь на передний план выходит свобода воли и свобода выбора.
- Интеллектуальным стилем неклассической рациональности выступал объективизм, тогда как в постнеклассической ра-

циональности приветствуется *контурная аналитика*. Понятия в постклассической рациональности — не столько логические абстракции, сколько типологические черты или идеальные модели. Объектом исследования являются уникальные саморазвивающиеся системы. Предмет исследования нередко предстает как *текст* и к нему применяется *сложившийся дискурс*.

- Социокультурным контекстом неклассической рациональности является индустриальное общество, тогда как постклассическая рациональность развивается в социокультурном контексте информационного общества и постмодернистской культуры.
- Ментальное новообразование постклассической рациональности — *сферорефлексивность* (*обыгрывая семантику Дж. Келли: рефлексивная сложность*), т. е. способность критического осмысления в меняющихся исследовательских контекстах; произвольное владение «линзами», через которые ученые, согласно Т. Куну, смотрят на мир. В неклассической рациональности установки видения достаточно жестко закреплены за научными сообществами, и способность менять «линзалы» возникает в исключительных случаях, а именно в ситуациях смены парадигм.
- Эгоцентризм психологических концепций, свойственный классической и неклассической рациональности, сменяется в постклассической рациональности установкой на *коммуникативность* (Ю. Хабермас). Если неклассическая методология полагала истину практикой, то в постклассической психологии истинность обретается через согласованность теории и практики как *синхронистичных линий развития*. Так, когда психотерапевтическая практика созвучна постмодернистскому дискурсу, это доказывает существование «нового измерения», которое проецируется и в практическую психологию, и в постмодернизм.
- С организационной стороны постклассическая наука характеризуется ростом числа междисциплинарных исследований, поскольку ее объекты как *уникальные саморазвивающиеся системы* «многоэлементны», многомерны, и требуют практической реализации принципа допустимости.
- Отметим также, что вызовы неклассической психологии были вызовами преодоления дихотомий: разнообразие психологического знания и единство предмета психологии; физическое и духовное, физиологическое и психическое как две стороны исследования человека в мире; естественнонаучная и гуманитарная

направленность психологических исследований; предмет психологии – объект и в то же время субъект; как известно субъективными методами достичь объективности; как преодолеть разрыв между абстрактной психологическими теориями и конкретной прикладных исследований?

Продолжение кризиса неклассической психологии было намечено в ряде методологических принципов С.Л. Рубинштейна. В диссертации, защищенной в германском университете в 1914 г., С.Л. Рубинштейн доказывал, что естественнонаучная методология не годится для гуманитарного знания, поскольку специфика гуманитарных наук состоит в их *субъективности* и *ценностной обусловленности* знания. Отсюда проистекает и принцип *самодетерминации субъекта*, его *самодетерминации*, сформулированный С.Л. Рубинштейном в статье 1922 г. «Принцип творческой самодетерминации».

Понимая методологическую *примату единства сознания и деятельности* (просвещать сознание через деятельность), С.Л. Рубинштейн обосновал *психологию как науку детерминированную* (внешние причины действуют исключительно через внутренние условия), *как науку субъективности*, *саморазвивающуюся* (в творческой деятельности рождается творец).

С.Л. Рубинштейн по своим методологическим предположениям был неокантовцем, он учился в Марбурге у Г. Коппа и основной темой его размышлений являлась проблема метода. Неокантовское воспитание позволило С.Л. Рубинштейну в поздней работе «Человек и мир» заметить преодоление позитивизма марксистской методологии по трем позициям: 1) человек есть не только олицетворение общественных отношений; 2) история мира не сводится к классовой борьбе и переходу от одной общественно-исторической формации к другой; 3) природа есть не только нечто внешнее для человека, но и его внутренняя природа (Рубинштейн, 2003, с. 395).

С.Л. Рубинштейном был разрешен один из названных «вопросов» – антиномия телесного и духовного. Он сформулировал методологический принцип *единства сознания и деятельности* и тем самым открыл возможность изучать сознание, «просветившая» его через деятельность. Решение другого «вопроса» – дилеммы субъекта и объекта – предложил гуманистическая психология, обратив основное внимание на *самодействие терапевта и клиента*, на диалог между ними. Более того, труды М.М. Бахтина и Г.Г. Шпета также показали, что возможно провести четкую грань между внешним и внутренним – душа находится в той же степени снаружи, что и внутри. Дилемму естественнонаучного и гуманитарного в психологии Ф.Е. Василюк пред-

ложил преодолеть посредством психотехнического подхода, причем психотехническое познание он относит к постклассическому типу рациональности (Васильев, 2003).

Признаком кризиса неклассической психологии стали повышение методологической рефлексии и интерес к эпистемологическим проблемам в конце XX в. Новыми конструктами, преодолевающими этот кризис, стали концепции коммуникативной и постклассической рациональности.

Переход к постклассической психологии обусловлен стремлением к интеграции психологического знания. На этом этапе происходит понимание сетевой природы знания, возникает стремление к коммуникации, взаимосогласованности психологических теорий. Это означает, что в координатном информационном возможном мире любая психологическая теория должна учитывать содержание других психологических теорий (развитие же информационных технологий значительно упрощает эту задачу).

Иными словами, наступившее постклассическое состояние науки позволило разрешить давущееся противостояние между «науками о природе» и «науками о духе». Возник общепонятный язык, междисциплинарный дискурс, стал неактуальным выбор единственно верного и незаменимого методологического ориентира. Психология стала осознавать себя взаимодейщей сетевой наукой в взаимодейщем сетевом мире.

СПЕЦИФИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Психология – наука исключительная в силу ряда особенностей. Психология исключительна своей коммуникативностью – способностью впитывать и использовать достижения других наук, будь то физика, химия, биология или гуманитарное знание. Психология исключительна своей несводимостью к единой теории, единой концепции. История науки доказывает, что единая психология невозможна. Психология существует, представленная веком разнообразных направлений – и задача постклассического этапа ее развития сводится к превращению этого века в науку, в взаимосвязанную сеть знания. Психика – многомерная реальность, и каждое по направлению исследует свой аспект психического. В конце XX в. в таком разнообразии психологических школ научились видеть не недостаток, а достоинство. Разные подходы и теории стали рассматриваться как взаимодополнительные. Например, если концепция Л.С. Выготского ориентирована

на социализацию личности, то К. Юнг исследовал процессы индивидуации личности; если Г.Г. Шпет развивал типологический анализ психического, то А.А. Потебня ставил во главу угла генетический анализ и т.д. Современный психолог не должен быть рабом какой-то одной концепции, потому что всякий взгляд на мир ограничен своей перспективой. Современный психолог учится сопоставлять разные концепции и понимать, где та или иная лучше работает.

Но если мы пойдем дальше в своем анализе необычности психологии, то заметим, что психология — разнопредметна. Проблема предмета психологии не решается путем споров, какой предмет лучше — бессознательное или действительность, — в зависимости от конкретных исследовательских задач, от собственных интересов и пристрастий ученый выбирает предмет и единицу анализа (такой единицей может стать действие, слово, поведенческий акт или судьба человека в целом).

Психология, как и любая из гуманитарных наук, довольно чувствительна к происходящему за ее пределами. Поэтому наступившее в XXI в. методологическое наблюдение вполне может стать питательной средой для развития постклассической психологии.

ЛИТЕРАТУРА

- Асмолов А.Г. Психология личности. Принципы общепсихологического анализа. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990.
- Асмолов А.Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002.
- Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990.
- Васильев Ф.Е. Методологический анализ в психологии. М.: МГППУ; Смысл, 2003.
- Виноградов Ф., Дельс Ж. Трактат о методологии // Новый круг. 1992. № 2. С. 183–187.
- Друк К. Влияние концепции культуры на концепцию человека // Антола. исследования культуры. СПб.: Унив. книга, 1997. Т. 1. С. 115–138.
- Друнов Ж.И. Размышления о «критическом повороте» // Одиссей: Человек в истории. Под ред. А.Я. Гуревича. М.: Наука, 2005. С. 138–151.
- Друнов А.Я. История историка. М.: РОССПЕН, 2004.
- Духоварова М.С. Культурная психология: методология, история, перспективы. М.: Прометей, 2007.

М.С. Грольцова. Понятие прогресса и модели развития психологической науки

- Грольцова М.С. Методологические кризисы и типы научной рациональности // Вопросы психологии. 2006. № 1. С. 3–15.*
- Грольцова М.С. Постнеклассическая рациональность в культурной психологии // Психологический журнал. 2005. № 6. С. 5–15.*
- Вайс Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М.: Логос, 2000.*
- Камюар К.М. История против прогресса. Опыт культурно-исторической гештальтики. М.: Наука, 1992.*
- Кроманьон В.А. Важная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса. Петроград: Голос труда, 1922.*
- Ланге Н.Н. Психический мир. М.: Ин-т практич. психологии; Воронеж: МОДЭК, 1996.*
- Мамурдовичи М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. М.: Лабиринт, 1994.*
- Марцанковски Т.Д. Российская ментальность и ее отражение в науках о человеке. М., 1994.*
- Миссод П.А. Психология в аспекте типов научной рациональности // Вопросы психологии. 2004. № 6. С. 3–18.*
- Пухарова Н.Я. Предмет и методы «истории повседневности» // Этнографические сборники. 2004. № 5. С. 3–19.*
- Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб: Питер, 2003.*
- Самозина Дж. Прогресс в философии // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 124–131.*
- Солоньев В.С. Философское начало цельного знания. Минск: Харвест, 1999.*
- Степан В.С. Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000.*
- Тэйлор де Шарден П. Феномен человека. М.: Наука, 1987.*
- Юренич А.В. Социальная психология науки. СПб: Изд-во РХГИ, 2001.*
- Ярославский М.Г. Историческая психология науки. СПб., 1995.*
- Ярославский М.Г. Социальные и психологические координаты научного творчества // Вопросы философии. 1995. № 12. С. 118–127.*
- Ястребицкая А.А. Повседневность и материальная культура средневековья // Одиссей: Человек в истории. М.: Наука, 1991. С. 84–102.*

ПРОГРЕССИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

Т.В. Зеленкова

«Прогресс и мир объясняются тем, что настоящее средство для будущего...»

И.А. Бердяев. «Царство Духа и царство кесаря»

Постмодернистские процессы, активно идущие последние десятилетия в современной науке, культуре и обществе, вызвали мощный поток методологической рефлексии в психологии, эксплицитировали полипарадигмальность, равноправность теоретических позиций, пролиферацию несравнимо развивающихся теорий и практик, а также обнажили многочисленные разрывы в ткани психологического знания, ставшие препятствием для целостного осмысления методологической архитектуры психологии и осознания логики развития ее основных направлений.

Открытие того, что постмодернизм не только присутствует в берекле хранимом и священном здании отечественной науки, но и уже достаточно глубоко проник в него, вызвало в психологическом сообществе ощущение вторжения чего-то чужеродного, поверхностного, эклектичного, и как следствие – чувство неопределенности и тревоги за будущее отечественной науки, насыщенное неисчерпаемым множеством недооткрытых идей, недорасшифрованных символов и смыслов. Это привело к еще большему усилению рефлексии и бурной полемике, отраженной в публикациях ведущих психологических журналов и методологической литературе последних лет. Можно ли квалифицировать направленность изменений, происходящих сегодня в психологии, как прогресс?

СЛОЖНОСТНЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

В последние десятилетия продолжающаяся дифференциация психологического знания и появление все новых независимых концепций начали существенно затруднять ориентацию в проблемном поле психологии и создавать ощущение тупика, осознаваемое как кризис. Возникло противоречие между попытками многочисленных школ отделиться и развиваться автономно, с одной стороны, и трудностями изолированного продвижения вперед без учета других подходов — с другой, поскольку именно разномыслие взглядов создает возможность появления качественно нового знания. Такое противоречие в дальнейшем может привести к регрессу, если естественный центростремительный процесс дробления существующего целого затянется, и дифференциация превращается в диссоциацию, или к прогрессу, если доминируют центробежные, интеграционные силы, приводящие к поиску связей и путей взаимодействия, обретению новой целостности.

Сложнившаяся к настоящему времени множественность взглядов и концепций представляется вполне закономерной, поскольку прогресс психологии, в первую очередь, связан с широтой охвата, глубиной понимания и познанием все более сложных свойств, процессов и явлений психики. Это требует многостороннего рассмотрения одних и тех же объектов с привлечением разномыслия, часто казущихся несовместимыми взглядов, что, в свою очередь, неизбежно приводит к дифференциации предмета изучения и увеличению количества теорий, которые на данном этапе развития, по-видимому, уже не могут сосуществовать как равнозначные. Поэтому дальнейшее возрастание сложности предмета исследования и прогресс науки возможны только путем интеграции.

В постсовременную эпоху возрастание сложности объектов познания стимулировало начало интеграционных процессов во многих научных областях. Известный американский исследователь нелинейных процессов в экономике Э. Петерс пишет, что в последние годы в науке активно формируется новая интегральная дисциплина — теория сложности. Она имеет дело с процессами, в рамках которых множество кажущихся независимыми агентов (субъектов познания) действуют взаимозависимо и согласованно на основе более глубоких связей. Ссылаясь на биологические открытия С. Клауфмана, который выявил, что более сложные виды всегда

возникают в результате неких вырвов природной активности, и затем постулировал свачкообразную спонтанную согласованность структур как более приемлемый механизм эволюции (по сравнению с медленными переменными по теории Дарвина). Петерс показывает, что и в социальных науках можно отыскать много примеров, когда рассредоточенная индивидуальная познавательная деятельность внезапно приводит к образованию новой школы или философского направления (Петерс, 2000).

Рассматривая вопросы соотношения точных количественных и нечетких качественных методов научного познания, один из создателей теории сложности Л. Заде вводит понятие «гуманистические системы». Этим он подчеркивает тот факт, что в последнее время усилился интерес к вопросу (который поднимал еще Кант) о включении сознания человека в систему естественнонаучных законов. Гуманистические системы — это системы, на функционирование которых существенно влияют суждения и знания человека. К их числу относятся психологические, экономические, общеобразовательные, правовые системы, а также системы научного знания. Огромная сложность и принципиальная невозможность точного описания гуманистических систем требует для их реалистического моделирования применения приближенных (качественных) способов рассуждений, понимая того, что эти системы нельзя описать при помощи чисто количественных методов, не содержащих неопределенности (Заде, 1976).

Современная наука сформулировала три фундаментальных постулата описания сложных аспектов исследуемых систем: принцип дополнительности Бора, принцип неопределенности Гейзенберга и принцип несовместности Заде. Согласно первому, один и тот же объект может иметь взаимоисключающие свойства в зависимости от условий эксперимента (электрон может проявлять свойства и частицы, и волны), или, в более общей формулировке — «противоположностью правильного высказывания является ложное высказывание, но противоположностью глубокой истины может быть другая глубокая истина» (Н. Бор — цит. по: Кизлева, 1995, с. 170). Принцип неопределенности связан с невозможностью одновременного установления точных пространственных координат и направления движения объектов микромира. Принцип несовместности утверждает, что высокая точность описания несовместима с большой сложностью системы. Более конкретно, сложность системы и точность, с которой ее можно анализировать, обратно пропорциональны. Чем сложнее система, тем менее применима к ней точная модель. Можно делать

точные утверждения о сложной системе, но тогда будет вестись о смысле. Если стремиться к увеличению смысла, точность ее описания будет уменьшаться: «С возрастанием сложности точные утверждения становятся менее осмысленными, а осмысленные утверждения теряют точность» (Петере, 2000, с. 231).

Психологическое знание как сложная гуманитарная система, существенно поддерживаемая влиянием сознания человека, также в значительной мере может в своем развитии опираться на вышеуказанные постулаты. Так, например, принцип дополтельности можно использовать в современных подходах к решению психофизиологической (психофизиологической) проблемы (Гинсбургер, 1988; Уилбер, 2004), которая в результате, по сути, снимается. Также снимается методологическое противоречие между иерархией и сетью, которые являются дополнительными структурами в архитектуре организмов и общества (Костлер, 1993).

Принцип неопределенности можно весьма плодотворно применять при описании нечеткости локализации нейронных коррелятов высших функциональных функций в связи с повышением степени их сложности, а также для преодоления трудности констатации одновременной и точной пространственной и временной локализации нейронных процессов (каждый момент времени характеризуется разным составом динамически связанных функций).

Принцип несовместности накладывает серьезные ограничения на перспективу научения психики исключительно точными объективными методами без учета личности исследователя и использования герменевтических (интерпретационных) подходов и диалоговой коммуникации. В современную эпоху роль герменевтика еще более возрастает в связи с развитием Интернета, печатного, по-видимому, изменить общечеловеческое сознание и язык. Как в свое время изобретение гласных и становление алфавитно-звуковой письменности привели к персонализации сознания человека (Poletti, 2002), так и появление Интернета и введение «онтологий» для описания модулей знаний в семантических сетях (Беншамон, 2008), возможно, приведет в скором будущем к развитию «онтографической» письменности и персонализации языка, обеспечивающих обретение максимальной свободы для самовыражения без боязни остаться непонятым.

Сложностные аспекты психологического знания нашли отражение и в методологии в позициях сторонников принципа «пролиферации» П. Фейерабенда (Фейерабанд, 1986) (принцип дополтельности), в изменчивости научных приоритетов во времени (принцип

неопределенности), в принципиальных отношениях к естественно-научным и гуманитарным методам исследования (принцип несовместимости).

СЕТЕВЫЕ СТРУКТУРЫ В НАУЧНОМ КОНТЕКСТЕ ПСИХОЛОГИИ

Прогресс психологической науки достаточно отчетливо проявляется в темпах ее эволюции относительно наименее внешней общенаучной среды (актуального научного контекста). Для того чтобы выявить признаки прогресса психологии на фоне развития других современных наук, необходимо переместить фокус внимания с фигуры на фон. Этот простой прием позволяет увидеть, что в последние десятилетия современный научный контекст, окружающий психологию, стремительно меняется – он структурируется, становится активной информационной средой, приобретает сетевую форму. В целом ряде наук проявляется стремление к интегративному мировоззрению и построению целостной картины научного знания. Данные процессы заложены, по мнению В.С. Стёпина, закономерным этапом значительного расширения поля исследуемых объектов на базе представлений о природе как о сложной динамической системе (Стёпин, 1997).

Саморганизация знания и образование сетевых структур – процессы, уже реально происходящие в современной науке. Наиболее ярко и естественно они проявились в математике, которая уже изначально развивалась по сетевому принципу. Собственно, вся история математики – это история образования сети: каждая новая теория не отрицала другие, а максимально использовала для собственного развития, в свою очередь, обогащая и совершенствуя их. В своих знаменитых «Методах математической физики» выдающийся немецкий математик и крупный методолог образования первой половины XX в. Е. Курант, рассуждая об организации знания в учебном процессе, писал о том, что «математическую дисциплину можно рассматривать как непрерывную ткань взаимных связей, при изложении которых метод и мотивировка выступают на передний план, а кристаллизация результатов в кодированные четко очерченные теоремы играет лишь вторичную роль» (Курант, Гильберт, 1945, с. 4). Удивительным подтверждением этой мысли стало доказательство Э. Уайлсом в 1995 г. Великой теоремы Ферма, которое потребовало привлечения огромного количества знаний из самых разнообразных разделов математики, на первый взгляд, казалось бы, ничем не связанных между собой.

и, тем не менее, использованных совместно для решения проблемы, волновавшей ученых более 300 лет (Сингх, 2000).

В других науках образование сетевых структур шло, как правило, менее гладко, через конфликт, противостояние и взаимоотрицание теорий. Лишь с течением времени пришлося их равное право на истину. Так было, например, в физике с теорией элементарных частиц, природу которых считали поочередно то корпускулярной, то волновой. Однако в конечном итоге обе теории были признаны истинными, когда стало понятно, что они, хотя и являются взаимноисключающими, все же не противоречат друг другу. В этом состоит одна из ключевых парадоксов современной квантовой физики. Примерно то же самое произошло с классической механикой. Появление релятивистской, а затем квантовой механики сначала воспринималось как неразрешимое противоречие, что привело к противостоянию сторонников разных теоретических позиций. Сейчас эти теории согласуются между собой, каждая нашла свою эволюционную нишу: классическая механика объясняет события, происходящие в макромире, квантовая – в микромире, релятивистская – в макро- и метамире.

В чуть более мягкой форме протекло противостояние между психоанализом и гештальтпсихологией, которых со временем «соединили» в сеть психоэрготическая практика и психоанализ, и гештальттерапия имеет свою собственную теорию, но часть понятий в них осталась общей. Гештальттерапия сама по себе формировалась по принципу самоорганизации знания и уже может рассматриваться как сетевая структура, отражающая связи с динамической, поведенческой, экзистенциальной, телесно-ориентированной терапией и психодрамой.

Формирование сетевой парадигмы в современной науке можно наблюдать на примере резкого увеличения числа междисциплинарных исследований. Бурное развитие кибернетики в 50–60-е годы XX в. привело к появлению когнитивной психологии, теории коммуникаций, дискурса радикального конструктивизма, концепции аутоэволюции. При этом и сама кибернетика стала, в значительной мере, антропоморфной – концепции искусственного интеллекта и принципов робототехники исходили из законов функционирования живых систем.

Теоретическое осмысление сетевого подхода в науке началось в последние годы в лингвистике, биологии и информатике (Капра, 2003; Кинчева, Курдюмов, 2005). Сетевые модели начинают изучаться в экономике (Давыдов, 2002b; Париню, 1998). Идея Вернадского

о биосфере и ноосфере, привлекая в настоящее время усиленное внимание зарубежных ученых и озабоченные многими продуктивными гипотезам в экологии (гипотеза Бен Дж. Лавлока, эволюционная гипотеза Л. Маргулик), имеют, фактически, сетевую основу (Казанский, 2000). Представления о биосфере как об автономной самосохраняющей системе, которая самоорганизуется по принципу сети, являются основой для более глубокого постижения функционирования и эволюции биосферы в современной науке (Казанский, 2003).

Возникновение сетевого мышления в науке связано с развитием системного подхода и переходом его на качественно новую ступень. В середине XX в. работы Л. Бергалаффи, предложившего общую теорию систем и впервые описавшего живой организм как открытую систему, вызвали большой интерес кибернетиков к свойствам живых систем. Бергалаффи полагал, что общая теория систем может обеспечить идеальную концептуальную структуру для объединения различных научных дисциплин, страдающих изолированностью и фрагментарностью. Системный подход стал универсальным принципом научного познания практически во всех областях, объясняя свойства объектов и их (объектов) функционирование на разных уровнях систем.

Качественно новый уровень в области системных исследований связан с разработкой Г. Хакеном теории детерминированного хаоса (Хакен, 1985), И. Пригожиным – теории диссипативных структур (Пригожин, Стенгерс, 1986), а также с появлением бутстрап-теории (Чью, 1968) и идей самоорганизации, возникших практически одновременно в различных областях знания, включая науку о живой материи. Внимание исследователей переместилось от объектов в связях между ними, что привело не только к смещению акцентов, но и к появлению нового направления в системном мышлении. Сущность этого направления очень образно выразил Ф. Капра, отмечая, что «в новом системном мышлении метафора здания (по отношению к знанию) заменяется метафорой сети» (Капра, 2003, с. 55).

Представление о сетевой модели научного знания впервые получило выражение через формулировку в 1970-е годы американским физиком Дж. Чью теории «бутстрапа» (от англ. bootstrap – самоподстройка, самосоглашение). Согласно этой теории, материальная вселенная рассматривается как динамическая паутина взаимосвязанных событий, где свойство любой части вытекает из свойств других частей, а общая согласованность их взаимосвязей определяет структуру всей сети. При этом ни одно из свойств не является более фундаментальным, чем другое.

Концепция сети не исключает существования различных системных уровней, однако ни один из них не может быть первичным или вторичным – каждый имеет самостоятельное значение и роль в общей организации сети. Так, чилийские нейрофизиологи У. Матурана и Ф. Варела, изучая живые организмы, описывали структурную организацию метаклеточных систем по принципу сетей внутри других сетей (так называемых «вложенных» сетей). Г. Бейтсон, развивая теорию коммуникаций, рассматривал коммуникативную систему как иерархию контекстов или «контексты контекстов», описывая ее в виде бесконечной регрессии релевантного «оружия», представляющего собой «сеть целей прохождения сообщений» (Бейтсон, 2000, с. 276). При этом каждая сеть является операционально замкнутой, а последовательность сетей внутри сетей – дискретной. Эта операциональная замкнутость обеспечивается «сетью динамических процессов, действие которых не выходит за рамки этой сети» (Матурана, Варела, 2001, с. 79), а также границей сети, которая не является формальной, а активно строится и постоянно воссоздается самой сетью, т. е. является ее частью. Такой тип организации получил название аутопоэтического (самоорганизующего).

Следующим этапом утверждения сетевой парадигмы в научном сознании является попытка описать общество как сетевую социальную систему. Концепция социального аутопоэза, разработанная Н. Луманом, рассматривает процессы коммуникации как социальные процессы аутопоэтической сети: «...в каждой коммуникации, причем абсолютно независимо от ее конкретной тематики и от пространственной дистанции между участниками, подразумевается виртуальное общество» (Луман, 2004, с. 161). Он предлагает понятие общества как «операционально закрытой, аутопоэтической социальной системы, включающей в себя все остальные системы, то есть абсорбирующей в себя все коммуникации» (там же, 179), а приобретение обществом гетеро-архичности и а-центричности считает коррелятом «осетельности» коммуникаций (там же, с. 167).

Ярким примером сетевой организации информации является сеть сетей – Интернет, которая дала возможность не только связать «все со всем», но и создать непосредственные контакты между людьми независимо от расстояния между ними. Это послужило толчком к осмыслению новых связей в мировом сообществе, которое сегодня переживает «беспумные», но «неслыханно радикальные изменения общественного устройства» (Давыдов, 2002а, с. 35), суть которых состоит в неуклонном установлении прямых и равноправных связей всех со всеми. Интернет-технологии, которые сняли существенные ограничения

с возможностью действовать (пространственно-временных, бюрократических, индивидуально-личностных и проч.), послужили основой становления нового, «сетового» общественного уклада, зарождения сетевой организации взаимодействия — « сетевого общества» (там же, с. 40).

Одной из самых современных и перспективных интегративных тенденций является стремительное развитие социальных (коммуникативных) Интернет-сетей, объединяющих людей по разным категориям: профессиональным интересам, видам практической деятельности, увлечениям и проч. В настоящее время это дает возможность эксплицитирования знаний и коммуникативного обмена личностями с помощью синтаксических структур (связи между объектами сети — на уровне синтаксиса). Перспектива более высокого уровня коммуникации — возможность обмена смыслами в результате эволюционных изменений форм коммуникации (связи между объектами — на уровне семантики). Это получило отражение в концепции семантической сети (*Semantic Web*), предложенной создателем современного Интернета Т. Бернерсом-Ли. Семантическая сеть предполагает коммуникацию с помощью расширенной информации за счет снабжения ее точно определенным смыслом, определенным автором (Vatavts-Lee et al., 2001).

Прогрессивную направленность сетевой формы интеграции придает уникальное свойство сети — ее способность к самосохранению и самовосстановлению. Именно поэтому сеть Интернет изначально была задумана ее создателями из Министерства обороны США как структура управления, обеспечивающая сохранение своей работоспособности и эффективности в случае возникновения ядерной войны. Устойчивость подобной сетевой структуры позволяет ей восстановиться практически полностью, даже если сохранится только ее фрагмент, не превышающий 30% (принцип развертывания целого из любой его части). Д. Бом, развивая свою «теорию подразумываемого порядка», рассматривающую мир как сеть динамических отношений, описывает этот порядок, пользуясь аналогией голограммы. Если осветить любую часть голограммы, то будет восстановлен (пусть с меньшей подробностью деталей) и весь образ (Капра, 1996, с. 33).

НЕЛИНЕЙНЫЕ СВОЙСТВА СЕТЕВЫХ МОДЕЛЕЙ

Сетевая система — это, прежде всего, открытая система, характеризующаяся выраженной нелинейностью (многообразием обратных связей) по всем направлениям и не имеющая управляющего центра. Поскольку

центр тяжести переносится с элементов системы (узлов сети) на взаимосвязи между ними, а сами узлы при ближайшем рассмотрении тоже оказываются сетями, само понятие элементов перестает играть определяющую роль и становится второстепенным. При анализе таких структур на первый план выходит характеристика сети как динамической системы с высокой степенью неустойчивости. Характеристики, описывающие функционирование подобной системы, связаны с понятиями, которые были открыты в физике (теория детерминированного хаоса) и развиты в синергетике, ставшей в настоящее время одной из центральных наук, занимающихся системными исследованиями.

Синергетика изучает закономерности возникновения качественно новых, внезапно возникающих целостных (эмерджентных, т. е. не сводимых к сумме свойств отдельных частей) свойств системы под влиянием внешних воздействий на основе ее внутренней динамики. Поэтому язык синергетики является органичным и удобным инструментом описания практически любых сетевых взаимодействий, а ее терминологический аппарат и система понятий, сформировавшиеся в значительной мере в результате описания естественных явлений в различных естественных и гуманитарных областях, успешно применяется в современной социологии, экономике, а также в психологии для решения определенного класса задач, являясь «эвристическим средством, расширяющим операционально-аналитические возможности ученого-исследователя» (Митина, Петренко, 1997, с. 361).

В рамках сетевой парадигмы понятия синергетики дают возможность рассмотрения системы в постоянной динамике, развитии, открывая, наряду с пространственным, временной аспект анализа явления. Основными понятиями здесь являются точки бифуркации, аттракторы, положительные и отрицательные обратные связи. Динамический компонент, содержащийся в каждом из этих понятий, дает возможность научного описания процессов формирования и изменения сети, происходящих в ней непрерывно.

Точка бифуркации – точки неустойчивого равновесия, в которых система подвержена влиянию случайных воздействий очень малой величины. В этом критическом состоянии система может начать новое направление развития либо разрушиться вовсе.

Под аттракторами (от лат. *attractio* – притягивать) в синергетике понимаются структуры, представляющие собой точки или области притяжения свойств, состояний или содержания системы. Эти структуры различаются по своим функциям. Принято различать фазовые и странные аттракторы. Фазовые приводят систему в состояние

циклической устойчивости или покая, странные аттракторы переводят ее в новое состояние или на новый этап развития.

Концепция отрицательной обратной связи, введенная в психологию и физиологию Н.А. Бернштейном (Бернштейн, 1997) и в кибернетике Н. Винером, включала в качестве своего основного содержания процесс устранения неопределенности между функцией на входе и ответной реакцией на выходе в системе регулирования и рассматривалась как основной механизм управления сложными живыми и неживыми системами. Порадо позже, уже в 1960-е годы, после выхода работ астронома и кибернетика М. Маруэма (Капра, 2003), для целей управления стали использовать, наряду с отрицательными (саморегулирующими), и положительные (самоусиливающие) обратные связи. Работы Г. Хакена, И. Пригожина и становление синергетики позволили рассматривать действие положительных обратных связей не только как драматичное по своим последствиям, но и как прогрессивное, имеющее отношение к процессам самоорганизации и эволюции сложных систем.

Концепция обратной связи стала ключевой и в сетевой парадигме Г. Бейтсона, который связывал ее с основой самообучающегося поведения. Необходимо отметить, что Бейтсон впервые обратил внимание на такой качественный параметр, как степень интенсивности обратной связи, являющийся, по его мнению, характеристикой уровня развития сети, ее места в общей иерархии сетей. Чем интенсивнее обратная связь, тем ниже уровень организации сети и степень первичности контекста, с которым взаимодействует система (Бейтсон, 2000, с. 29). Этот параметр, по-видимому, может сыграть положительную роль в разработке различных теоретических концепций — аналогичным образом в экономике используется понятие «информационной проницаемости среды» в качестве критерия классификации экономических форм управления. В частности, сетевая экономика рассматривается как начало качественно нового «зигзага» экономического роста на основе реального увеличения информационной проницаемости и возрастания интенсивности обратной связи в результате появления сети Интернет (Шаронов, 1998).

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ В ОРГАНИЗАЦИИ ЗНАНИЯ

Построение теоретического знания как взаимосвязанной сети концепций достаточно четко просматривается в работе Д. Дойча «Структура реальности» (Дойч, 2001). Связывая в единое целое четыре научные

области, автор утверждает, что вместе они обеспечивают новый уровень объяснения единой структуры реальности, и «ни одну из четырех ветей невозможно должным образом понять, не понимая трех других» (там же, с. 340).

В этой работе Д. Дойч не использует слово «сеть», однако он не только дает представление о сетевой концепции знания, но и на протяжении всей книги воссоздает также динамику формирования этой сети. Д. Дойч показывает, как в каждой из четырех областей научного знания – квантовой механике, теории вычислений, эпистемологии и теории эволюции – появление новых концепций вызывает «раскачивание» парадигм и их переход в точки бифуркации. Возникают неравновесные состояния, характеризующиеся ситуацией, когда новые теории еще не являются общепринятыми парадигмами, но уже становятся общепринятыми в практическом смысле. При этом в каждой паре теорий возникает большое количество положительных обратных связей, которые образуют странные аттракторы и переводят все четыре области во взаимосвязанное состояние, формируя сетевую структуру. И если каждая из рассматриваемых Д. Дойчем концепций по отдельности содержала пробелы в объяснительной базе, то, как только появлялась возможность их совместного рассмотрения, это неудачное свойство изменялось на прямо противоположное. В поле этих концепций возникало главное свойство сети: «объяснительная структура, которую она совместно представляют для структуры реальности, не является иерархической: каждая из четырех ветей содержит принципы, которые “исходят” их перспектив трех других, но, тем не менее, помогают объяснить их» (там же, с. 350).

Поскольку связанная сеть делает синергетический скачок на новый уровень объяснения, то последующий шаг – возникновение (связывание) сети на новом уровне – даст скачок еще на более высокий уровень и так далее. Подобный механизм развития систем описывает А. Костлер, формулируя теорию открытых иерархических систем (*OIS*) как альтернативу современным ортодоксальным теориям (Костлер, 1993).

Размышляя о зарождении новой (сетевой) парадигмы в научных исследованиях, Ф. Капра одним из наиболее эффективных путей преодоления разобщенности научного знания считает принцип самоастройки (*bootstrap*), при котором ни одна из теорий и моделей не будет более фундаментальна, чем другие, и все они должны будут являться взаимно совместимыми. Новая

психология, о возникновении которой он пишет в работе «The Turning Point» (Сарга, 1982), хотя и далека сегодня от завершенности, уже развивается в такого рода форме нежестко соединенных моделей, идей и терапевтических техник. Это развитие происходит вне академических институтов, большинство из которых остается привязанными к картезианской парадигме мышления. В настоящий момент фокус новой науки смещается в направлении от психологических структур к процессам, лежащим за ними. Психика человека рассматривается как динамическая система, включающая ряд функций, которые системные теоретики связывают с феноменом самоорганизации.

Одним из наиболее существенных достижений современной психологии, считает Ф. Капра, является адаптация *бутстрапного* подхода к пониманию психики человека. Согласно на мнения ряда современных психологов, ни один из существующих подходов не является ошибочным, но каждый из них сосредоточивается на отдельной части целостного спектра психологического явления. Как и физики, пишет Ф. Капра, психологи должны создать сеть связанных моделей, использующих разные языки для обозначения различных аспектов и уровней действительности.

Сетевая парадигма предполагает участие в процессах формирования системы психологического знания обоих видов обратных связей. Согласно взглядам Дж. Чью, образование сетевой структуры знания предстает как медленное и постепенное создание сети взаимосвязанных и равнозначных идей и концепций. Механизм «бутстрапа» предполагает, что объединяются и становятся членами сообщества только сильно взаимодействующие теории и практики (Чью, 1988). Это исключает эклектичность их соединения. По мере развития структуры взаимосвязи в этой сети становятся все более и более определенными, а вся сеть — все более и более фокусированной. Чем больше число концепций «пришнуровывается» к ней, тем более динамичным становится этот процесс. В этом случае отрицательные обратные связи обеспечивают организационную устойчивость знания, стремление к расширению возможностей различных теорий и практик, а положительные — «раскачивают» систему, приводят ее в состояние неустойчивого равновесия, создавая тем самым возможность для возникновения нового знания, позитивной критики, творческого развития, перехода на новые уровни организации.

ИНТЕГРИРУЮЩИЕ ОБОБЩЕНИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЯ СИНТЕЗА НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Механизм «бутстрапа» описывает формирование системы знаний как бы с внешней стороны, со стороны формы, которую приобретают отдельные концепции в результате интеграционных процессов. В плане внутреннего содержания наиболее прогрессивным можно назвать введенное К. Уилбером понятие межпарадигматических «ориентирующих обобщений», выполняющих роль интеграторов в этом процессе (Уилбер, 2004). К ним относятся определенные фундаментальные положения или результаты, впервые полученные в какой-либо одной теории, и независимо подтвержденные или заново переоткрытые в других учениях. На основе этих положений преимущества уже существующих подходов интегрируются в сетевые структуры научного знания, а их недостатки полностью или в значительной степени компенсируются другими подходами. Таким образом, за счет «ориентирующих» (в данном контексте уместнее назвать их «интегрирующими») обобщений каждая теория так или иначе определяет свое место в общей структуре знаний, поскольку (перефразируя известную афоризм) можно сказать, что ни одна теория не является настолько великой, чтобы состоять исключительно из одних ошибочных положений.

Подобную идею анализа психологических школ, как показано в книге Т.В. Корниловой и С.Д. Смирнова, высказывал еще К. Бюлер, предложивший «ограничивать, но сочетать компетентность разных школ, не отказываясь от достижений ни одной из них» (Корнилова, Смирнов, 2006, с. 134).

Хотелось бы отметить интересную закономерность: последовательность возникновения интеграционных процессов в науке совпадает с этапами эволюции природы в целом – от физикосферы (в физике и химии) – к биосфере (в биологии), и далее – к ноосфере (в социологии и психологии). В качестве краткой иллюстрации этой последовательности приведем примеры основных научных достижений и интегрирующих обобщений (далее будем называть их «интеграторами») в соответствующих областях знания.

В физике и химии это работы В. Гейзенберга и его ученика Д. Чье, которые создали единую основу всей современной физики путем разработки так называемой «бутстрап-теории», интегратором которой выступает взаимосвязанная сеть элементарных частиц,

Г. Хакена, разработавшего основы синергетики, где интегратором является идея спонтанного возникновения упорядоченных структур в сложных системах. Это также создание И. Пригожинам нелинейной термодинамики, где интегратором является понятие неравновесных диссипативных структур. С помощью гиперциклов, являющихся интеграторами в теории М. Эйгена, показавшей закономерную возможность возникновения жизни из неживых молекул, стало возможным описание добиологического эволюционного процесса (Эйген, Шустер, 1982).

Крупные достижения физики и химии, обобщенные в интеграторах, начали включаться в науки о живом. С. Кауфман выдвинул теорию биологической самоорганизации, в которой интегрирующим обобщением является утверждение о том, что достаточно широкий спектр эволюционных процессов в биологических системах разной сложности (начиная от генома и отдельной клетки до организма и экосистем) можно охватить при помощи модели самоорганизации двоичных цифровых сетей (Кауфман, 1991). У. Матурана и Ф. Варела в «самых лучшей теории познания» теоретически и экспериментально показали необходимые и достаточные условия возникновения жизни. Как интеграторы выступили: а) сетевая концепция аутопоэза, с помощью которой они смогли предложить общую схему описания жизненных процессов во всем многообразии ее форм («паттерн жизни»); б) понятие «структурного сопряжения» – такого способа взаимодействия организма со средой, который приводит к изменениям структуры организма независимо от наличия или отсутствия первой системы (Матурана, Варела, 2001). Открытие «психосоматической сети» нейробиологом К. Перт позволило объединить сразу три науки: нейробиологию, эндокринологию и иммунологию (Перт, 2007). В качестве интегратора рассматривалась информационная функция белковых структур (пептидов) в осуществлении обмена между нервной, эндокринной и иммунной системами.

Достижения естественных наук явились основой творческого синтеза в науках об обществе и философии. Известный немецкий социолог Н. Луман, развивая идеи Матураны и Варелы, создает концепцию социального аутопоэза и в качестве интегрирующих обобщений называет процессы «осветления» коммуникаций (Луман, 2004). Ученый И. Пригожин, американский исследователь Э. Янг, предлагал новое понимание эволюции природы, человека и общества на основе принципов неравновесной термодинамики (Янг, 1999). Его

теория «самоорганизующейся Вселенной» направлена на раскрытие наиболее общих законов эволюции социобиологического и социокультурного аспектов реальности. Ориентация на исследование процессов дает возможность выделить роль флуктуации в возникновении новых структур. Интегратором является темп о взаимосвязанности, которая возникает в динамике самоорганизации на многих уровнях эволюции.

В теории «универсального эволюционизма», созданной И.Н. Моисеевым, делается попытка целостного видения современного мира. Его концепция основывается на теории самоорганизации сложных нелинейных систем, которую он применяет к проблемам антропогенеза, социогенеза (на примере России) и проблемам развития всей цивилизации. Здесь интеграторами являются основные понятия и законы синергетики. С их помощью он пытается не только достичь целостного понимания мира, но и получить возможность прогнозировать его дальнейшее развитие (Моисеев, 2001).

Единая «трансдисциплинарная» теория Э. Ласло подходит к интеграции знания с позиции достаточно высокого уровня абстракции, подчеркивая ее не меж-, а над-дисциплинарный характер. Ласло считает, что процессу интеграции подлежат, прежде всего, три главных аспекта реальности: материя, жизнь, разум и, соответственно, три научные области: физика, биология, психология. Интегрирующими обобщениями выступили так называемые «природные алгоритмы» — наиболее общие законы, существующие в разных областях знания и объединенные в единую сеть (Ласло, 2004).

Таким образом, интеграционные процессы в науке на каждом этапе эволюции природы характеризуется включением и творческим развитием предшествующих достижений других областей, обобщенно выступающих в виде интеграторов нескольких направлений. Это проявляется во всех сферах знания. Большинство крупных ученых неизбежно приходит к одному выводу: нет плохих школ, а есть неправильная оценка их места в научной картине мира. Определенные роли теорий на основе интегрирующих обобщений и их синтеза приводят к разрешению большинства научных проблем путем вклада всех школ в общее знание.

Эволюционная последовательность появления и включения интегрирующих обобщений в различные сферы науки в порядке усложнения предмета изучения свидетельствует о наличии общей закономерности прогресса научного знания, которая свойственна и психологии.

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПСИХОЛОГИИ КАК ОСНОВНОЙ ПРИЗНАК ПРОГРЕССА

Характеризуя постсовременную эпоху, К. Уэлбер выделяет три основных положения, свойственные большинству постмодернистских подходов в науке: конструктивизм (положение о том, что реальность не полностью является изначально данной, а частично конструируется как интерпретация), контекстуализм (признание зависимости смысла от контекстов, которые безграничны) и интегральный аперсептивизм (множественность точек зрения, плюралистичность познания), который Уэлбер называет «сетевой логикой» (Уэлбер, 2004, с. 221).

В рамках конструктивизма, представленного в концептуальном мышлении П. Ватцлавика и доведенного до редукционизма у Э. фон Глазерсфельда, Х. фон Фёрстера, Г. Рота и других представителей радикалистов (Цоколов, 2001), подчеркивается важное значение интерпретации для познания и познания реальности, обращается внимание на необходимость учета «действительности второго порядка» – психической реальности субъекта, включенного в процесс познания (Ватцлавик, 2001). Идея конструктивизма, как показал В.Ф. Петренко (Петренко, 2002), была также заложена в понятие «образа мира» и активно развивается в отечественной психологии.

Контекстуализм, наиболее ярко проявившийся в эпистемологических взглядах Г. Бейтсона и ставший интерпретационной основой экологической модели развития ребенка У. Бронфенбреннера (Бурменская, 1985), показал роль фоновых культурных контекстов, в которых находится индивид. Важнейшая роль в повышении смысла изменений, происходящих сегодня в психологии, принадлежит контексту, формирующемуся в результате активации методологической рефлексии и находящемуся, в свою очередь, в контексте развития современного научного знания. Это динамичное поле является мощным инструментом проверки теорий, и чем сильнее методологическое окружение, тем качественнее становится оценка. Контекстуализм, характеризующийся свободой в оценках и многообразием точек зрения на перспективы развития психологии, непосредственно определяет качество теорий и стимулирует их развитие.

Интегральный аперсептивизм, характеризующий многосторонний подход к реальности, можно наблюдать, прежде всего, в становлении сетевого мышления в психологии, наиболее продуктивно проявившегося в концепции Г. Бейтсона (Пигалева, 2004). Разраба-

тная сетевую парадигму в эпистемологии, он распространяет ее на ментальные процессы для построения когнитивной теории шизофрении, алкоголизма и концепции каталитической коммуникации «*bubble bubble*». В последние годы жизни в русле сетевого подхода Г. Бейтсон высказывает свои взгляды на проблемы экологии и природу общественного сознания.

Необходимость аперспективного видения в науке отражена в воспоминаниях классика американской когнитивной психологии Дж.А. Миллера, где приводится схема объединения шести дисциплин, образующих когнитивную науку, в единую сеть (Миллер, 2005). К сожалению, в этой модели не отражен динамический аспект формирования сети – психология, философия, лингвистика, антропология, нейробиология и информатика представлены автором лишь в виде вершин шестигульника. Тем не менее, при этом им обозначаются все 15 возможных способов связей между ними как направлений междисциплинарных исследований. Каждая такая область требует развития коммуникации между дисциплинами и объединения их методического инструментария. Соединенные вместе, эти области должны были образовывать единую когнитивную науку. И хотя Дж.А. Миллер считает, что этот замысел до конца не реализовался и в настоящее время существуют когнитивные науки «во множественном числе», тем не менее, именно в сети знаний он увидел путь их дальнейшей эволюции.

Аперспективным свойством также некоторым современным методологическим взглядам в психологии. Отчасти он характерен для методологических позиций «либерализма» и «плюрализма», на которые указывает С.Д. Смирнов (Смирнов, 2005), и ряда отечественных методологических работ, раскрывающих сетевой подход в научном мышлении (Гусельцева, 2002, 2003; Корнилова, Смирнов, 2006).

Суммарно все три характеристики постмодернистского философского мышления (конструктивизм, контекстуализм, аперспективизм) интерпретируются в понятии «холона», являющемся наиболее продуктивной для психологии и широким введением А. Костлером в работе «Дух в машине» (Костлер, 1993) в качестве основы концепции «иерархии с открытым концом и бесконечного регресса».

Холоном он называет саморегулирующиеся открытые системы, которые демонстрируют одновременно и автономные свойства целого, и зависимые свойства частей. Эта дихотомия представлена на всех уровнях открытой иерархической организации любого типа (биологической, психологической, лингвистической, социальной и проч.).

Основные положения теории открытых иерархических систем (OIS) Кестлера, включающие практически все интегративные механизмы современного научного контекста, описывают:

- синергетически возникающие в эволюции новые сложные свойства;
- роль положительных и отрицательных обратных связей в прогрессивных скачках на более высокие уровни организации, сопряженных с требованиями среды;
- саморганизацию и стабильность структуры при постоянном изменении материала;
- образование «вертикальных» иерархических структур, переплетение которых на множестве уровней формирует «горизонтальные» сети;
- бесконечность контекстов и уровней иерархии;
- дихотомию частности и целостности.

Идея Кестлера в наиболее полной мере была развита К. Уилбером в интегральной теории сознания, которая наполнила термин «холово» психологически содержанием и вместо «открытой иерархической системы» выдвинула еще более емкое и прогрессивное для психологии понятие — «холархия», включающее в себя баланс иерархии (качественно различных уровней) и *сетерхии* (взаимосвязанных иерархий одного уровня — сетей). По сути, холархии представляют собой вложенные иерархии холонов различных уровней (Уилбер, 2004).

«Интегральная психология» Уилбера является одной из наиболее обстоятельных систем постсовременности, сумевших интегрировать различные психологические школы. Уилбер сравнил и противопоставил около двухсот психологических теорий — западных и восточных, древних и современных — и каталогизировал их. Он пришел к убеждению, что большинство из этих концепций составляют важную часть общей истины, обладают подлинным, но частичным пониманием «обширного поля сознания» (*психики*).

Приблизительно сто психологических теорий послужили основой для создания Уилбером базовой сети (*master matrix*) типов и моделей сознания. Для межпарадигматических обобщений он использовал логику включения, логику вложенных сетей и максимально широкого охвата. «Логика сетей — это диалектика целого и части. Проверяется максимально возможное количество деталей, затем собирается приближенная большая картина; она проверяется дальнейшими деталями и корректируется. И так до бесконечности: все новое и новые детали постоянно изменяют большую картину — и наоборот. Ибо секрет кон-

текстуального мышления состоит в том, что целое раскрывает новые смыслы, недоступные частям, и таким образом большие картины, которые мы строим, будут придавать новый смысл составляющим их частям» (Уилбер, 2004, с. 14).

Сеть психологических теорий, исследований и практик была интегрирована Уилбером таким образом, что каждая из них приобретала способность закрывать пробелы других и разрывы между ними. Это стало возможным благодаря:

а) использованию упомянутых выше «ориентирующих обобщений» (интеграторов) — базовых положений сравниваемых теорий, рассматриваемых на минимально допустимом уровне абстракции, при котором эти положения перестают конфликтовать друг с другом (если таковой конфликт имел место на начальном этапе сравнительного анализа);

б) особой классификационной схеме, которая располагала все теории в пространстве двух факторов: «внутреннее – внешнее» и «коллективное – индивидуальное» и соответственно подразделяла концептуальные схемы на четыре основные категории (интенциональные, поведенческие, социальные, культурные). В интегральной системе целостного психологического знания они представляют собой четыре сектора, связанные в сеть на каждом уровне сложности. Эти сектора взаимосвязаны так, что каждый зависит от трех других, а эти три, в свою очередь, зависят от одного (иначе целостное понимание психики распадется). Для понимания каждого сектора его необходимо рассматривать в контексте остальных: «все четыре сектора “тетра-взаимодействуют” — они являются взаимно возникающими и взаимно определяющими» (Уилбер, 2004, с. 325).

Уилбер различает сети по сложности, направленности изучения (типу) и по уровням, выстроенная иерархия сетей. Ряд различающихся по уровням сетей образует многомерную модель всего психологического знания. Как минимум, он различает три уровня: личностный (психоанализ); личностный (гуманистическая, экзистенциальная психология) и надличностный (трансперсональная психология).

На основе созданной им картины К. Уилбер построил собственную модель — интегральную теорию сознания, в которой востановил в соответствии эволюционным ступеням развития сознания основные психологические идеи и концепции мировой науки. При этом каждый диапазон спектра сознания связан в этой модели с соответствующим уровнем психотерапевтической работы. Таким образом, он получил возможность преодоления практически всех возможных видов методологических «разрывов» в психологии.

Основной недостаток систематизации Уилбера — исключение из анализа достижений российской психологии (возможно, из-за отсутствия переводов). Однако сама эта попытка и методология интеграции психологического знания представляется многообещающей и перспективной. Основная трудность состоит в поиске интеграторов и их обобщения. Так (не претендуя на полноту примеров), ведущие концепция отечественной психологии, относящаяся к личностному уровню (по Уилберу), могли бы располагаться в обозначенном двухфакторном пространстве следующим образом.

Интенциональные — теории, изучающие пространство смыслов, переживаний, интенций и проч. — психология смысла (Д.А. Леонтьев), психология переживания (Ф.Е. Василюк), психосмыслитика (Е.Ю. Артемьева, В.Ф. Петренко).

Поведенческие — теории, основанные на объективных данных, регистрируемых приборами, органами чувств или внешним наблюдением — учение А.Р. Лурия, когнитивная психология (Б.М. Величковский).

Социальные (деятельность) — теория деятельности (А.Н. Леонтьев), школа С.Л. Рубинштейна, теория поэтапного формирования умственных действий (П.Я. Гальперин).

Культурные (язык, культура, коммуникация) — культурно-историческая концепция Л.С. Выготского, психолингвистика (А.А. Леонтьев), психология игры (Д.Б. Эльконин).

Необходимость интеграции психологии как основное условие ее дальнейшего прогресса достаточно четко осознается в постсоветских методологических концепциях (Корнелова, Смирнов, 2006; Юрвич, 2001, 2005; Гусельцева, 2002, 2003 и др.). Однако мнения о путях интеграции расходятся. С.Д. Смирнов указывает на четыре основные позиции: нигилизм, монизм, либерализм и плюрализм (Смирнов, 2005). Нигилизм — позиция, распространенная, в основном, среди практикующих психологов — отождествляет методологическую рефлексию с бесплодным и ненужным теоретизированием; монизм требует централизации вокруг «единой теории психического»; либерализм предполагает построение комплексного психологического знания на основе междисциплинарных связей; наконец, позиция плюрализма — это признание права психологии на полипарадигмальность.

Острота полемики между сторонниками различных подходов связана, возможно, с неполным представлением о тех формах и механизмах интеграции, которые в настоящему моменту уже проявили себя как прогрессивные в контексте различных наук. Если рассуждать с интегративных позиций, то, скорее всего, все точки зрения верны.

так как выражают часть одной и той же истины (необходимости интеграции), которая на разных эволюционных этапах должна принимать различные формы. Но как претендующие на единственный путь все они неправильны: нигилизм – это «болезнь детства» психологии; можно как жесткая система (пиранида) был необходимым этапом для до-современности и современности, но не соответствует требованиям постсовременности; попытка либерализма «навести мосты», в силу неконкретности путей интеграции, также недостаточно эффективна, как и пассивная позиция плюрализма «оставить все так, как есть».

Увеличение числа психологических теорий и школ, не имеющих единого фундаментального центра, несомненно, является прогрессивной тенденцией, которая будет неизбежно создавать множественность контактов рассмотрения той или иной проблемы, порождая условия, инициирующие синергетические (совместно возникающие) процессы и увеличивающие вероятность возникновения эффектов самоорганизации в психологии. Эти условия ведут к образованию сетевой структуры психологического знания, которая начинает проявляться в интеграции различных областей психологии и является более организменной для постсовременности. Например, интересны предложения по интеграции клинической психологии, психологии развития и детской педиатрии (Венгер, Морозова, 2007), психологии и педагогики (Галик, 2006). Или, в качестве практического применения механизма «бутстрапа» можно видеть в статье В.Ф. Петренко (Петренко, 2002), где он «принципиализует» теорию отражения и конструктивизма к единой цели: эволюция психологического знания, которую можно было бы продолжить как «отражение – конструктивизм – контекстуализм – интегральный аперспективизм».

Сетевой подход делает акцент, в первую очередь, на описании компонентов сложных систем через отношения между ними, постулируя отсутствие фундаментальных элементов в этих системах, и обращает внимание не на подчиненные одним элементам другим, а на их синергетическое взаимодействие и взаимозависимость.

Как показывает ряд последних публикаций, многие авторы понимают сеть научных теорий, концепций, школ, подходов как нечто однородное, плоское и элективное – как механистическую совокупность отдельных элементов, лишенных абсолютной ценности, и объединяющую психологические теории и учения (Савилова, 2006). Это совершенно не соответствует истинному положению дел, поскольку все без исключения ранее упомянутые сетевые интеграционные концепции основываются на естественных иерархиях сетей, в которых изначально присутствуют

качественные различия (простейшими примерами естественных иерархий являются клеточные и молекулярные сети). При этом критериями построения таких иерархий являются: 1) полнота охвата; 2) уровень сложности организации; 3) целостность – степень дифференцированности и интегрированности объектов. Каждый более высокий уровень включает в себя предыдущий – таким образом образуются так называемые «вложенные» («контексты контекстов») или холархии сетей. Как описывает А. Кестлер, кроме иерархии сетей внутри одного закона существуют сети, дополнительные к иерархиям структуры, объединяющие законы на различных уровнях (проявление принципа дополнительности).

Таким образом, сетевой принцип организации никак не означает механического сближения концепций в некую одноуровневую структуру. Законы синергетики, принцип аутононса и логика вложенных сетей описывают холархичность отношений между всевозможными концепциями (свойство одновременно быть и самостоятельным целым, и частью более обобщающей концепции) и образование «мультиверсума» – в противоположность универсуму (единственному миру) (Дойч, 2001). При этом каждая теория непременно будет выходить за обычные дисциплинарные рамки, используя каждый раз тот язык, который окажется наиболее подходящим для описания различных аспектов реальности. Пользуясь метафорой П. Ватцлавика, можно сказать, что роль сетевой организации для психологического знания подобна роли мнимых чисел в математике, которые позволяют решать задачи в области действительных чисел и «сводит мосты» между ними за счет своей невидимой сети (Ватцлавик, 2001).

Еще одно противоречивое понимание сетевой структуры организации знания можно увидеть в предложениях интегрировать все имеющиеся психологические теории с помощью одной, например, культурно-исторической (Гусельнова, 2002; Корнилова, Смирнов, 2006), тем самым фактически подменяя плюрализм монизмом, и не учитывая, что одна теория (даже самая глубокая и всесторонняя) не может охватить все обозначенное Уилбером двухфакторное пространство знаний. Метафора озерелья Индры, в каждой жемчужине которого одновременно отражаются все остальные, замкнется в таком случае все той же метафорой философского камня (универсального магического кристалла).

Теперь рассмотрим вопрос о приоритетах, качественных различиях и о том, каким образом можно избежать псевдознания, лжезнания и проч., переходящий в вопрос о механизмах сетевой интеграции. Наряду с уже обозначенным «естественным» процессом образования сети (через бутстрап, синергию и самоорганизацию), который само по себе препятствует

исключенно «лининых» или не связующихся знаний, можно выделить еще два механизма коммуникаций и интеграций.

Первый проявляется через диалог и формирование общего знания в печати, на конференциях, форумах, через систему ссылок. Но поскольку наиболее характерной чертой современности является стремительное усиление коммуникаций за счет Интернета и возможность эксплицитовать психологические знания любого направления и уровня, то создание профессиональных Интернет-сетей позволяет рассматривать эти знания «по гамбургскому счёту», формировать научную репутацию с помощью открытого диалога, критики, которую каждый имеет право включить в эту сеть. Тем самым ложные теории и «курсор» будут элиминироваться. Ярким примером формирования объективного знания в результате действия подобного механизма коллективного мышления является известная Интернет-энциклопедия «Википедия», качество статей которой оценивается специалистами не ниже, чем в знаменитой Британской энциклопедии.

Интегральный механизм связан с творческой свободой самого человека в коммуникативном пространстве в плане осознанного включения научного контекста (достижений других наук) и механизмов интеграции для продвижения психологии к прогрессу. Н.А. Бердяев писал: «Прогресс есть задача, а не закон», и идея прогресса упирается в «ожидание, требующее творческой активности человека» (Бердяев, 1995, с. 244). Как сказал однажды В.В. Петухов, настало «время функциональных решений» (Петухов, 1996).

К росту числа ложных исследований и «пустых» знаний приводит не увеличение количества психологических теорий, а отсутствие «интегрирующих обобщений», которые определяют: а) степень «сложности» той или иной вновь появившейся конструкции, б) ее положение в двухфакторном пространстве (по Уэллару), в) возможности и пути взаимодействия с другими теориями. Вопрос о качественных различиях снимается путем четкого отношения той или иной конструкции к ее месту (т. е. оценки возможностей охвата ею того или иного «кула» реальности) и уровня в интегрированном пространстве. Если какая-либо теория претендует на единственность, то, как правило, она начинает непропорционально распространяться на соседние области этого пространства (например, пытается все психологические явления объяснить через кофровные механизмы или культуру и проч.).

Необходимость опоры на интегрирующие обобщения интуитивно ощущалась в научной среде отечественной психологии как условие ее дальнейшего развития в стремительно меняющемся мире. Так, В.В. Петухов

пневма о «чистой», общей психологии, науке для науки», об «универсальном и абсолютном» психологическом знании, которое не сводится к какому-либо «практическому», «природным или социальным нуждам», а служит для «извлечения реального, современного психологического опыта» (там же, с. 119). Созданный им концепция «Целостного курса общей психологии» и выданная при его активном участии многотомная хрестоматия текстов является авторским воплощением этого знания.

Как бы предвосхищая появление интеграционных идей, Л.С. Выготский пытался разрешить проблему разрыва теории и практики с помощью психотехнического метода, служащего своего рода «интегратором». Он видел выход из психологического кризиса в создании психологии, основанной на психотехническом дефиците. Эта мысль Л.С. Выготского теоретически развивается в работах А.А. Шульцея (Шульцеев, 1986) и Ф.Е. Василюка (Василюк, 1996), которые связывают становление психотехнического метода с возможностью продолжения «сманса» в психологии и «радикальной перестройки» ее методологии.

Ф.Е. Василюк рассматривает триаду «сознание – социальная практика – культура» как конституирующую основу человеческой целостности и принципиальную категориальную схему психотехнического подхода. В сущности, его трактовку взаимосвязей между обозначенными категориями можно рассматривать как сетовую модель, поскольку «эти контексты взаимоотражаются друг в друга, пронизывают друг друга и существуют как узлы в одной связке. Сознание – практика – культура – такова тройная формула контекста, задающего действительность человеческой целостности» (там же, с. 28). Выделение в качестве контуров новой зарождающейся науки синтеза культурно-исторической теории сознания, практики психоанализа и гуманистической психологии не предполагает отбрасывания других подходов к сознанию, других теорий и практик, а также естественнонаучных традиций психологии. Новая психология, «не отрываясь от того, чтобы быть действительной психологией, ...станет еще и действительной психологией» (там же, с. 39).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, постмодернистская раздробленность психологического знания, свойственная и другим областям мировой науки, является одной из ключевых особенностей развития психологии в современном культурном контексте.

Прогресс психологии связан, в первую очередь, с усложнением знания и исследованием все более глубоких закономерностей функционирования психики, дифференциацией и интеграцией различных сторон этого знания. На определенном этапе роста сложности существующие и вновь возникающие психологические теории и концепции уже не могут существовать как независимые. Поэтому дальнейший прогресс и пути развития психологии возможны только посредством интеграции, тем более, что контекст современной науки (в котором так или иначе развивается психология), содержащий богатый опыт системного взаимодействия различных предметных областей, включает всевозможные интегративные механизмы, среди которых наиболее прогрессивным является принцип сетевой организации.

Интенсивное развитие междисциплинарных областей знания приводит к качественному скачку в системных исследованиях и возникновению интегративных сетевых моделей в различных сферах науки: биологии, нейрофизиологии, эвистемологии, социологии, кибернетике, физике, экономике и др. Эти модели существенно обогатились и получили мощный импульс со стороны величайшей науки, что позволило внести в исследовательский арсенал ученых представления о детерминированном хаосе, динамических неэргоновских системах, бифуркациях и проч. Дальнейшее развитие синергетики открыло уникальные возможности продуктивного использования ее понятий для описания сложной динамики, эволюции и механизмов взаимодействия систем произвольной природы. Это привело к тому, что системный подход, впервые после появления общей теории Л. фон Берталанфи (описавшего живые организмы как открытую систему) и идеи самоорганизации, претерпел существенные изменения. Анализ существующих и создание новых системных моделей с позиций синергетики позволили в общем виде выявить фундаментальные закономерности перехода от хаоса к порядку (И. Пригожин), что, в свою очередь, открыло возможность по-новому взглянуть на проблемы интеграции знания, увидеть качественно новые, более перспективные шаги исследований в специальных областях.

Современные интегративные тенденции в науке представлены концепцией аутопоэза У. Матураны и Ф. Варелы, сетевой системологией Ф. Капры, единой трансдисциплинарной теорией Э. Ласло, глобальным эволюционизмом Н.Н. Моисеева, концепцией социального аутопоэза Н. Лумана, понятием мультиверсума Д. Дойча, теорией открытых иерархических систем А. Костлера и др.

На основе перечисленного можно констатировать, что психология в настоящее время уже в значительной мере погружена в интегрированный научный контекст, и ей не нужно проходить «с нуля» те же стадии, которые прошли в своем развитии большинство наук. Для психологии действуют теперь другие, культурные законы эволюции, и «онтогенез» интеграции психологии не должен повторять «филогенез» интеграции всей науки. А взаимосвязанная сеть интегрирующих обобщений может служить, по-видимому, методологической основой объединения психологического знания на новой основе.

В современной психологии (включая отечественную) отчетливо проявляются признаки конструктивизма, контекстуализма и интегрального аперспективизма, которые являются характерными чертами постмодернистской научной мысли и признаками прогресса целого ряда научных областей, исследующих широкий спектр закономерностей – от природных до социальных. Эти признаки в наиболее общем виде «синтезированы» в понятии «холона», лежащего в основе интегральной психологии К. Уилбера, который впервые построил сетевую многомерную модель современного психологического знания (включая теорию и практику), охватывающую все наиболее известные направления и школы, получив тем самым возможность преодоления большинства методологических разрывов в психологии.

Множественность психологических теорий является, несомненно, прогрессивным признаком развития психологии, поскольку создает условия, инициирующие интегративные процессы, которые начали проявляться не только в зарубежной, но и в отечественной психологии. Эти процессы самоорганизуются по принципу сбливания в сеть теорий и концепций, формирования холархии сетей, механизмы которого (естественный, коммуникационный и интенциональный) дают возможность объединить все позитивные стороны различных учений и диверсифицировать всезнания в процессе интеграции.

Итак, в контексте интегративных тенденций современной науки наиболее существенными признаками прогресса психологии можно считать:

- повышение сложности психологического знания, связанное с походом все более глубоким и тонким областей психического;
- осознание необходимости понимающей и интерпретационной психологии и повышение внимания к терминологическим аспектам познания;
- переход от моноперспективного к полиперспективному видению психологии.

- полипарадигмальность и увеличение числа теорий и практик, что создает условия, активизирующие интегративные процессы;
- формирование методологического контекста развития психологии;
- возникновение сетевых моделей и интегрирование синергетики в систему психологии;
- проявление в психологии прогрессивных тенденций современности (конструктивизма, контекстуализма и интегрального аверсенктивизма);
- возникновение и рост числа интегративных теорий.

Начало интегративных процессов в психологии является следствием ее свойств как холона (быть одновременно автономным целым и частью общенаучного знания). Современный научный контекст создал для прогресса психологии объективные условия, которые являются необходимыми, но не достаточными. На начальном этапе интеграция знания как основной признак прогресса современной психологии по большей части проявляется спонтанно и случайно. Теперь наступает время формирования «высшей психической функции» интеграции – ее осознанного, произвольного и социального этапа.

Результат этого процесса – «осязаемая» картина (голограмма) знания о том, что сделано (и, может быть, еще важнее – того, что пока еще не сделано) в той или иной области психологии, исчерпывающее представление и понимание ее наиболее актуальных и ключевых проблем, рассматриваемых в контексте развития общего научного знания – является мощным стимулом прогресса и вызовом для любого активно работающего ученого.

ЛИТЕРАТУРА

Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности // Биомеханика и физиология движений / Под ред. В.Л. Зиниченко. М.-Воронеж, 1997. С. 342–460.

Бейтсон Г. Экология разума. М.: Смысл, 2000.

Бендаринов Е.М. Некоторые проблемы мирового внедрения онтологий в ИТ и направления их решений: Доклад на Симпозиуме «Онтологическое моделирование: состояние и направления исследований и применения». Институт проблем информатики РАН. Звенигород, 20–21 мая 2008 г.

- Бердяев Н.А.* Царство Духа и царство кесаря. М.: Республика, 1995.
- Бурменская Г.В.* Экологическая ориентация в современной американской психологии развития // Вопросы психологии. 1985. № 4. С. 155–161.
- Васильев Ф.Е.* Методологический смысл психологического знания // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25–40.
- Виноградова Н.* Конструктивизм и психотерапия // Вопросы психологии. 2001. № 5. С. 101–114.
- Винер А.Л., Морозова Е.И.* Клиническая психология развития: состояние и перспективы // Вопросы психологии. 2007. № 5. С. 3–12.
- Гильбертсвер Ю.В.* Введение в общую психологию. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.
- Гомс А.П.* Введение в педагогическую психиатрию. М.: Изд-во УРАО, 2000.
- Гуслярова М.С.* Культурно-историческая психология и «вызовы» пост-модернизма // Вопросы психологии. 2002. № 3. С. 119–131.
- Гуслярова М.С.* Культурно-историческая психология: от классической к постклассической картине мира // Вопросы психологии. 2003. № 1. С. 99–115.
- Давыдов А.В.* О некоторых социально-политических последствиях становления сетевой структуры общества // Аналитический вестник. М.: Совет Федерации, 2002а. № 17 (173). С. 35–46.
- Давыдов А.В.* Сеть как основная форма будущей экономической организации общества // Аналитический вестник. М.: Совет Федерации, 2002б. № 17 (173). С. 47–55.
- Дэви Д.* Структура реальности. Ивановск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001.
- Заде Л.* Появление лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений. М.: Мир, 1976.
- Климовский А.Б.* Феномен Ген Дарвина Лавлока // Экогософский альманах. СПб., 2000. № 2. С. 4–21.
- Климовский А.Б.* Биосфера как аутопоэтическая система: Биосферный бутстрап, биосферный импунитет и человеческое общество // Экогософский альманах. СПб., 2003. № 3. С. 5–50.
- Китро Ф.* Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем. М.: София, 2003.
- Китро Ф.* Уроки мудрости. М.: Изд-во Трансверсального института, 1996.
- Кестлер А.* Дух в машине // Вопросы философии. 1993. № 10. С. 93–122.

- Кляштан Е.Н. Одиссея научного разума. Синергетическое видение научного прогресса. М.: ИФРАН, 1995.
- Кляштан Е.Н., Курдюмов С.В. Основания синергетики. М.: URSS, 2005.
- Кормилов Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. СПб.: Питер, 2006.
- Куропат Р., Вольберг Д. Методы математической физики. М.-Л.: ОГИЗ, 1945.
- Ласло Э. Макродинам. М.: Тайдекс Ко, 2004.
- Лукин Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004.
- Матвеева У., Варела Ф. Древо познания. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
- Маллер Дж. А. Когнитивная революция с исторической точки зрения // Вопросы психологии. 2005. № 6. С. 104–109.
- Маткина О., Петренко В.Ф. Синергетическая модель динамики политического сознания // Синергетика и психология. Тексты. Вып. 1. «Методологические вопросы». М.: Изд-во МГСУ «Союз», 1997. С. 334–361.
- Минский Н.Н. Универсум. Информация. Общество. М.: Устойчивый мир, 2001.
- Нариков С.И., Яковлева Т.И. Экономика 21 века на базе Интернет-технологий // Материалы электронного семинара РВЛЭС, 1998, <http://rvles.kde.nsc.ru/NurelNews/get/forums/21century.html>
- Пенроуз Э. Хаос и порядок на рынках капитала. М.: Мир, 2000.
- Петренко В.Ф. Конструктивистская парадигма в психологической науке // Психологический журнал. Т. 23. № 3, 2002. С. 113–121.
- Петухова В.В. Природа и культура. М.: Трикола, 1996.
- Пивовар А.И. Бог и обратная связь в сетевой парадигме Претори Бейтсона // Вопросы философии. 2004. № 6. С. 148–159.
- Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986.
- Пузырей А.А. Культурно-историческая теория Л.С. Выготского и современная психология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986.
- Самел С. Великая теорема Ферма. М.: МЦНМО, 2000.
- Смирнов С.Д. Методологический плюрализм и предмет психологии // Вопросы психологии. 2005. № 4. С. 3–9.
- Солодова Е.Е. Аналогия системного монтажа // Вопросы психологии. 2006. № 4. С. 15–23.

Сви́дям В.С. Смена типов научной рациональности // Синергетика и психология. Тексты. Вып. 1. «Методологические вопросы». М.: Изд-во МГСУ «Союз», 1997. С. 108–121.

Уайлер К. Интегральная психология. М.: Изд-во АСТ и др., 2004.

Фейерабанд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Наука, 1986.

Хакен Г. Синергетика. М.: Мир, 1985.

Цыганов С.А. Философия радикального конструктивизма Эрста-фон Глазерсфельда // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2001. № 4. С. 38–59.

Чью Дж. Аналитическая теория S-матрицы. М.: Мир, 1968.

Эйкен М., Шустер П. Гиперцикл. Принципы самоорганизации макромолекул. М.: Мир, 1982.

Юрлов А.В. Интеграция психологии: утопия или реальность? // Вопросы психологии. 2005. № 3. С. 16–28.

Юрлов А.В. Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии. 2001. № 5. С. 3–19.

Лев Э. Самоорганизующаяся Вселенная // Общественные науки и современность. 1999. № 1. С. 143–158.

Barnett-Lee T., Hendler J., Laxala O. The Semantic Web // Scientific American. 2001. № 5. P. 34–43.

Capra F. The Turning Point. N.Y.: Simon & Schuster, 1982.

Kauffman S. Antichaos and Adaptation // Scientific American. 1991. № 8. P. 78–84.

Pert C. Molecules of Emotion: the Science Behind Mindbody Medicine. N.Y.: Simon & Schuster, 2007.

Politi F. Plato's vowels: How the alphabet influenced the evolution of consciousness // World Futures: The Journal of General Evolution. 2002. № 58. P. 101–116.

К ВОПРОСУ О ПРОГРЕССЕ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Т.Д. Марцишкова

Концепция прогресса в современной науке является априорно принятой, хотя, с моей точки зрения, ее значение и поле деятельности несколько преувеличено. Это понятие, появившееся в эпоху Просвещения, во многом связано именно с тем временем, с теми идеалами и тенденциями в развитии общества и науки, на которые тогда возлагалось много надежд. Однако, как показали почти три века, эти надежды оказались достаточно утопичны, и невозможно с уверенностью утверждать, что мир, человечество и плоды его деятельности — наука, искусство — движутся именно в направлении прогресса. Хотя, естественно, полностью отрицать это понятие, как и любое другое, дающее возможность пусть даже субъективной оценки движения общества, было бы непродуманно. Вопрос, на мой взгляд, состоит, во-первых, в определении границ использования этого термина в разных областях человеческой деятельности и, во-вторых, в том, насколько универсальны критерии оценки прогресса.

В отличие от общественного развития или развития искусства, в развитии науки границы применения параметров оценки тех шагов, которые она делает, и тех открытий, которые происходят в ее недрах, достаточно широки. В первом случае мы не можем говорить о прогрессивном в собственном понимании этого слова характере движения, так как человек не стал ни умнее, ни правдивее, ни добрее, а искусство не стало более эмоционально наполненным, совершенным по форме и т.д. Критерии оценки здесь достаточно произвольны и не структурированы. В отличие от них, критерии оценки научного знания достаточно разработаны, и хотя и можно поспорить, насколько устарели или не устарели некоторые параметры оценки развития науки, принятые в науковедении, речь, как мне кажется, должна идти о их модификации применительно к разным областям знаний (например, в психологии), но не о сужении границ их использования. Оценка же степени прогрессивности движения мне представляется достаточно бессмысленной в рамках научной дискуссии, так как понятие прогресса, как уже говорилось выше, достаточно архаично и имеет закрытый

смысл, который, естественно, субъективен и потому не продуктивен при разговоре о развитии научного знания. Представляется также, что не стоит отождествлять понятие развития, движения, которое, безусловно, происходит в любой науке, если она является живым знанием, каковым, несмотря на явные трудности, является современная психология, с термином «прогресс».

Непродуктивным представляется и разделение параметров анализа движения гуманитарной и естественнонаучной психологии. Так как психология не может не быть полупарадигмальной, следовательно, в ней присутствуют элементы и гуманитарного, и естественнонаучного знания. Однако это не мешает ей оставаться единой наукой и, следовательно, иметь единые критерии оценки развития.

Прежде всего, в качестве критерия развития науки большинство ученых использует стремление к рефлексии. Движение науки невозможно без осознания смысла научной деятельности, путей дальнейшего становления, методологических принципов, по которым строится исследование. Такая рефлексия является характерной чертой современной психологии. Об актуальности этой проблематики для отечественной психологии свидетельствует тот факт, неоднократно отмечавшийся многими исследователями, что за последние годы возобновились методологические семинары и дискуссии, посвященные проблемам методологии в разные периоды времени и в разных направлениях отечественной психологии, существенно увеличилось количество публикаций на эту тему.

Актуальность методологических проблем чрезвычайно высока и для зарубежной психологии. В этом плане особый интерес представляют работы как европейских, так и американских ученых (прежде всего, С. Масковичи, Д. Бергера, Х. Маркуса, Д. Тернера, Г. Брейхвелла), стремящихся ввести современные философские принципы и парадигмальный подход в методологию психологии (в частности, идеи постпозитивизма, конструктивизма, постмодернизма, современной эволюционной биологии и этологии). Еще одним значимым моментом методологических инноваций в зарубежной психологии является принцип активности субъекта в построении образа мира, его когнитивных схем, которые, собственно, и являются той основой, по которой конструируется образ окружающего. Этот подход существенно отличается от принципа активности в теории отражения, доминировавшего в отечественной психологии.

Методологические дискуссии в зарубежной психологии начались несколько раньше, чем в отечественной науке и, главное, они

до последнего времени носили более продуктивный характер, так как были связаны с изучением возможности и границ сочетания естественнонаучных и гуманитарных принципов в психологических исследованиях (работы Д. Эдельмана, Д. Арчера, Р. Стеренберга). В то же время в отечественной психологии в конце прошлого века также актуализировалась проблема методологии, но эти дискуссии носили более идеологизированный характер и касались в основном подходов к преодолению марксистской идеологии и философии как единственной методологии психологической науки.

Попытка найти смысл своей деятельности характерна и для многих прикладных исследований, в которых явно проследживается стремление встроиться в определенное направление или научную школу, продемонстрировать важность психологических исследований для определенной отрасли, для общества. Традиционные разделы в монографиях и диссертациях об актуальности исследования начинают во многих случаях наполняться реальным содержанием, соотноситься с значимыми социальными потребностями.

Таким образом, можно констатировать, что психология осознает вопрос необходимости разработки методологических принципов, объединяющих теорию и практику, которые в последнее время все больше расходятся, отрываясь друг от друга. Это наносит серьезный ущерб развитию целостного научного знания, так как, с одной стороны, не дает возможности полноценной проверки теоретических открытий в определенной методологической парадигме, а с другой стороны, лишает практику объективных критериев, без которых она также не может формировать новые подходы к диагностике и консультированию.

Не менее важным представляется стремление к осознанию истоков и принципов тех научных школ, к которым относят себя тот или иной ученый или научная группа. При этом характерны две тенденции — охранительная или расширительная. То есть одна группа ученых стремится сохранить неизменными все понятия и принципы, разработанные основоположником школы, иногда почти польская тому школа и даже больше. Эта тенденция, несмотря на ее непродуктивность для дальнейшего развития теории и высокую зористичность, не может игнорироваться и также свидетельствует о развитии научного самосознания (пусть и достаточно несложного), стремлении осознать отличия «своей» школы от других научных направлений и принципов, доминирующих в современной науке.

Более интересна, хотя зачастую и спорна, позиция, при которой последователи конкретной научной школы достаточно широко и свободно

трактуют исходные принципы ее основоположника, сопоставляя их с другими взглядами и с новыми тенденциями, доминирующими в мировой психологии. Иногда такая взаимосвязь абсолютно правомерна, иногда кажется весьма спорной и тенденциозной, но в любом случае такие работы дают пищу для дискуссии и осмысления разных парадигм, в которых развивалась и предполагается развиваться психология.

О том, что методологические проблемы психологии связаны не только с социальной ситуацией, но и с ее собственной логикой развития, свидетельствует и сопоставление современной ситуации с той, что сложилась в начале XX в. Кризис начала XX в. вытекал из требования построения позитивной психологии, перестройки классической науки на основе новой методологии и поиска нового, объективного метода исследования психики, постулируемого практически всеми учеными того времени. В похожем положении оказалась и современная психология, хотя сегодня сложилась обратная ситуация – необходимость модификации естественнонаучной, позитивной психологии, которая не в состоянии решить всех проблем, встающих перед ней.

Интересен тот факт, что сходное положение сложилось в российской науке на рубеже XIX – XX вв. Уже тогда прозвучал первый сигнал о том, что объективная психология не в состоянии ответить на многие вопросы, связанные с духовной жизнью людей, с их потребностью в творчестве, самореализации, с умением преодолеть давление среды и т.д. Именно в этот период возникает духовная философия В. Соловьева, отражающая и во многих психологических концепциях того времени (Л. Ломатина, С. Франка, Н. Лосского и других.).

Опасность ориентации только на позитивизм видели не только российские исследователи, хотя в России того времени критика позитивизма была особенно активной. Известный немецкий ученый Э. Гуссерль также писал о том, что и социология, и психология, имеют дело не только с естественной, но и искусственной средой, причем сама социальная действительность есть продукт нашего знания о ней. Поэтому традиции естественнонаучного знания неприменимы при научении психологических явлений.

Модификация принципов классической психологии и разработка новых, неклассических и постмодернистских подходов к методологии подразумевает с необходимостью включение в картину новой психологии вновь открытых феноменов психики, а также, что особенно важно, их научного объяснения.

Важным моментом является также понимание различий и точек соприкосновения в методологии разных сфер психологии, в частности,

когнитивной, клинической (наиболее объективной и ориентированной на данные естественных наук), психологии личности и социальной психологии (наиболее ориентированных на гуманитарное знание). Таким образом, можно сказать, что сама структура психологического знания доказывает важность сочетания естественнонаучных и гуманитарных подходов в исследовании и понимании психики.

Важнейшая методологическая проблема соотношения философии и естественных наук в психологии вышла не только для теории, но и для построения психологических исследований. Эта проблема встала в связи с необходимостью, во-первых, создать фундамент для экспериментальной психологии, во-вторых, сочетать эмпирические исследования с обобщением и интерпретацией полученных данных, что практически невозможно без философской рефлексии. Так как в разработке объективных методов исследования психических (точнее, психофизических) процессов именно естественные науки добились серьезных результатов, значительно опередив психологию, в поисках новых методов исследования ученые на рубеже XIX–XX вв. обратились именно к данной области знания. Недаром еще В. Вундт разработал основы своей экспериментальной психологии, дал ей название «физиологическая психология», подчеркивая ее релевантность этой дисциплине по степени объективности способов получения материала. Однако при разработке новых методов необходимо учитывать и важность целостного, системного подхода к исследованию психики, отсутствие которого было одним из серьезных недостатков тех методов, которые разрабатывались на основе биологии и физиологии. Таким образом, вопрос о сочетании естественнонаучных и философских постулатов встал во всей своей многогранности и сложности.

Необходимость полипарадигмального подхода вытекает и из специфики предмета и методов психологии. Отсутствие прямого и объективного метода исследования психики еще в середине XIX в. рассматривалось как серьезная угроза для становления экспериментальной психологии, особенно в доминировавшей тогда позитивистской парадигме. Стремление к преодолению постулата непосредственности стало причиной не только методологических кризисов, но и появления различных вариантов преодоления этого постулата, и, как следствие, возникновения все новых психологических школ и направлений, т. е. во многом послужило источником развития психологии. Однако вопрос о прямом и объективном методе, т. е. методе, результаты которого могут быть воспроизведены при повторении эксперимента, а данные — проверены и обеспечены математически, остается открытым

до настоящего времени. Интроспекция и сегодня является единственным прямым методом психологии. Мечты о телепатии пока так и остаются мечтами, способов для непосредственного «чтения в душе другого» человечество так и не изобрело, что, возможно, и к лучшему при современном уровне культуры и нравственности.

Использование математических методов обработки данных и большого количества разнообразных методов рассматривается многими современными психологами как шаг away от психологической субъективности, однако на деле это приводит к еще большему искажению фактического материала. Многие диссертации, не только кандидатские, но и докторские, вызывают недоумение выбором используемых в них методов, противоречащих друг другу по своей природе и иногда даже взаимоисключающих. Но некоторые исследователи как бы не замечают (а может, и действительно не замечают) того факта, что полученные таким образом данные касаются разных аспектов психологической реальности, а потому могут дополнять, но не подтверждать друг друга и не опровергаться.

Не меньше вопросов вызывает и применение математических методов обработки, которая, как создается впечатление, просто прикрывает отсутствие психологически достоверной связи между изучаемыми явлениями, вместо которой дается коэффициент корреляции. Так ценные изобретения Ф. Гальтона и К. Пирсона оборачиваются своей противоположностью.

Конечно, естественнонаучная психология имела и имеет много достоинств, введом в начале XX в., несмотря на опасения многих ученых, ее преимущества перетесали недостатки. Да и множество проблем, доступных объективному исследованию, еще ждали своего решения, но все они решены и сегодня. Однако время показало, что отход от философии не только не продуктивен, но и вреден для психологии. Проверимость и повторяемость — критерии метода в естественных науках — не могут в полной мере быть распространены на психологию, так как внутренние состояния всегда изменчивы, всегда являются «потоком сознания» (искинки), в который «сложно войти два раза».

В свете этих положенной большой интерес представляет монография С.В. Кравкова «Самонаблюдение», вышедшая в 1922 г. и, к сожалению, мало известная в настоящее время. В этой работе Кравков развивает идею о связи экспериментального и интроспективного методов, подчеркивая, что игнорирование (и даже исключение) самонаблюдения из набора психологических методов является грубой ошибкой, которая приводит к обеднению содержания эмпирического материала,

получаемого в эксперименте. Это связано, по мнению Кравкова, с тем, что только при самонаблюдении возможно осознание качественных отличий в различных психологических понятиях. Самонаблюдение также дает больше простора для творчества, ибо открывает для наблюдателя возможность проведения мысленного эксперимента. Это открывает путь для более точного сопоставления внешнего и внутреннего планов получаемых в экспериментах материалов, так как экспериментатор может, например, отождествив себя с испытуемым, точнее оценить его ответы или результаты деятельности.

Особенно важными, по-видимому, можно и сегодня считать данные интроспекции (фактически отождествляемой Кравковым с самонаблюдением) для анализа содержания эмоциональных состояний, имеющих четкую личную относительность. При этом, в отличие от познавательных процессов, в отношении которых возможен результативный анализ (например, количество припомненных слов или решенных задач), феноменология эмоциональных явлений не всегда однозначна.

Особенно важным такое сочетание объективных и субъективных (интроспективных) методов исследования становится при изучении внутреннего мира человека, структуры и содержания его представлений о себе. Еще в начале XX в. Г.Г. Шпет писал о том, что человека, так же как и плоды его трудов, нельзя рассматривать только внешне. Исходя из соответствия закономерностей и динамики развития внешних и внутренних форм, необходимо изучать и внутреннюю, духовную сущность личности. Поэтому нельзя анализировать науки, связанные с человеком и его творчеством, по прямой аналогии с естественными, точными науками — биологией, математикой и т.д. Методы исследования и критерии истинности, объективности полученных данных должны учитывать и субъективные состояния, установки и ценности человека или группы людей. В настоящее время становится очевидным, что даже в естественных науках, исследующих человека (например, в медицине), в диагнозе, в течение болезни, в курсе лечения зависит не только от объективного состояния организма, но и от психологического состояния больного и его близких. Тем более это относится к культуре, к исследованию человеческой личности и художественных произведений, созданных ею.

Однако психология личности, также как и психология искусства, не может быть индетерминистичной, так как, выходя из-под действия принципа детерминизма, она лишается критериев оценки, объективности, способности выявить и понять причинно-следственные

отношения — т. е., по сути, перестает быть научной. Об индетерминизме гуманистической психологии можно говорить только в том плане, что она выводит человека из области действия чисто биологических детерминирующей, раскрывая роль мотивации не только к адаптации, но и к самореализации. Но культура рассматривается в этом случае именно как важнейший методологический принцип, как новая детерминанта развития психики человека, которая преобразует и процесс познания (речевое мышление), и процесс творчества, и процесс развития волевого поведения и самосознания человека.

Подход к культуре как образующей личности потребовал разработки новых, по сравнению с физиологическими, методов экспериментального исследования психики. Для того, чтобы исследовать характер и динамику процесса формирования высших (культурных) психических функций, Л.С. Выготский был предложен новый метод исследования, который он назвал инструментальным. Он считал, что в процессе развития ребенок усваивает не только содержание культурного опыта, но и способы культурного мышления, приемы и формы культурного поведения, в основе которых лежит употребление культурных знаков. Поэтому инструментальный метод был направлен на: 1) анализ состава культурных приемов поведения, 2) анализ процесса формирования высших психических функций как целого и как функционального единства всех входящих в его состав процессов, 3) исследование психогенеза культурного поведения ребенка, т. е. изучение поведения посредством раскрытия инструментальной функции культурных знаков в организации этого поведения.

Выготский отмечал, что инструментальный метод фактически является первым экспериментально-генетическим методом, прослеживающим основные этапы исторического и онтогенетического развития целостного акта поведения. Разработанный им метод давал возможность, варьируя условия по трудности, выносить приемы овладения задачей наружу и растягивая эксперимент на ряд последовательных серий, наблюдать в лабораторной обстановке процесс развития в его основных чертах, а следовательно, прийти к анализу участвующих в нем факторов.

Особенность современного состояния психологии состоит не только в том, что она переживает очередной методологический кризис, что достаточно естественно на рубеже столетий, но и в том, что она не может и не должна игнорировать те важные изменения, которые произошли с миром и с человеком за последние десятилетия. Социальная неустойчивость, «суживание» географического пространства,

связанное с появлением новых средств передвижения и связи, расширение пространства межличностных контактов, делает невозможной изоляцию, в которой до настоящего времени пребывали отдельные страны. Это приводит к необходимости взаимодействия и взаимопонимания людей разных культур и вероисповеданий, и разработка способов, позволяющих такому взаимопониманию, является одной из важнейших задач психологии. При этом осознание определенной неопределенности и даже опасности технократического общества, которое выстроено на большей части земного шара (о чем свидетельствуют, в частности, и многочисленные экологические и техногенные катастрофы), приводит не столько к мысли об опасности вмешательства в естественный ход развития природы, но и к пониманию того, что на пути формирования «машинной» культуры человек, возможно, потерял или не успел развить многие способности, которые потенциально были в нем заложены и ждут своего часа. Осознание и развитие этих способностей — тоже задача психологии, которая может ее решить только на междисциплинарной основе.

Продуктивная деятельность человека во многих сферах должна не только учитываться в психологических исследованиях, но и анализироваться, оцениваться не только в контексте культуры, но и по законам той технической цивилизации, которой является современное общество, и по законам точных наук, к числу которых можно отнести и многие психологические законы. Особенно важно не забывать о наличии таких законов и принципа детерминации при изучении тех новых, пока еще малоизученных и малоиспользуемых способностей, о которых упоминалось выше. В противном случае психология рискует раствориться в парапсихологических измышлениях, а то и в магии, колдовстве и религии. Примером здесь могут стать клинические и психотерапевтические практики и исследования, которые базируются на данных биологии и естествознания и объясняют психику в их рамках.

Активность в присвоении окружающего, преобразовании природы привела к повсеместно распространенному сегодня экологическому подходу, который на первый взгляд кажется альтернативой технократическому. Но и экологическое понимание психики и места человека, безусловно, базируется не только на философских и гуманистических, но и на биологических посылах.

Ранние подходы к пониманию психики прослеживаются и в методах диагностики психического развития. Большинство традиционных методов направлены преимущественно на количественную

интерпретацию результатов, т. е. на выявление ошибок ребенка, оставаясь неизвестными причины, по которым эти ошибки были допущены. Большинство тестов не дает возможности выявить качественные особенности мышления данного ребенка, а следовательно, полученные с их помощью данные не дают возможности определить не только характер нарушений и отклонений в психическом развитии ребенка, но и их причину, т. е. то, что собственно и нужно понять в целях практической работы. Именно поэтому необходима качественная интерпретация материала, помогающая выявить не только уровень знаний, но и способности, обучаемость ребенка, что крайне важно при составлении его психологической характеристики.

Вопрос вариативности в понимании нормы важен как в возрастной, так и в клинической психологии, и особенно в психологии личности, где правомерность самого понятия нормы вызывает достаточно много вопросов и связывается, прежде всего, с процессом социализации и социально-психологической адаптации человека к обществу, культуре, ее нормам, ценностям и стереотипам. В то же время чрезвычайная динамичность современной социальной ситуации показывает необходимость научения не только адаптации человека к миру, но и мира к человеку.

Непродуктивность доминирующей ориентации на естественно-научную парадигму в психологии личности вытекает и из того, что психология — не только естественная наука, но и гуманитарная. К ней неприменимы и идеи прогресса, адекватная для техники, точных наук. Ведь в предмет психологии входят категории личности, мотивации, общения. Но ни человек, ни общество, которое он строит, ни взаимоотношения (и, следовательно, психологические проблемы, связанные с их решением) не демонстрируют существенного прогресса, несмотря на упования ученых и художников.

Важным фактором в формировании личностной и социокультурной идентичности является необходимость их соотношения, так как параметры, во которых осознаются и оцениваются качества личности — это нормы и ценности общества, которые задаются ребенку окружающими. При этом конечной целью при изучении факторов, влияющих на становление индивидуального просоциального стиля жизни, является анализ условий, способствующих интериоризации, т. е. присвоению социальных норм и ценностей. Это связано с выработкой нового отношения, переживания новых знаний как своих, что достигается путем развития мотивации, лежащей в основе нового поведения.

Категория переживания, соединяясь с понятиями «эмоции» и «чувства», объединяет в единое целое разные трактовки этих понятий в концепциях ученых, работающих в разных научных парадигмах. При этом переживания могут рассматриваться не только как особое состояние человека, но и как механизм, позволяющий связать различные аспекты идентичности в единое целое и, таким образом, органично соединить социокультурную идентичность с личностную. Исходя из такого подхода, можно выделить несколько функций переживаний как с точки зрения теории, так и с позиций психологической практики. При этом наиболее важным моментом, отличающим переживание от других эмоциональных состояний и делающим его основным механизмом личностного становления, является соединение в нем двух аспектов – динамического (интенционального) и когнитивного.

Особая значимость когнитивного компонента состоит в том, что переживание как идентификация познающего субъекта с познаваемым объектом дает возможность снять (или существенно снизить) барьеры, встающие на пути познания внешнего мира. Недаром именно переживание является важным параметром формирования образа мира уже в раннем детстве. Переживание выделяется в качестве одного из ведущих моментов и в процессе интуитивного познания окружающего, и в процессе творческого озарения, и, особенно, в процессе социального познания.

Когнитивный компонент переживания в процессе интуитивного постижения мира дает возможность не только более точно понять ситуацию, но и более адекватно структурировать ее образ, а также отношения, необходимые для реализации своих потребностей в данной ситуации и с данными людьми. В этом плане когнитивный компонент переживания способствует социализации и социально-психологической адаптации человека. При этом переживание и лежит в основе социализации – как процесс постижения и конструирования ситуации и отношений в ней, и является в определенной степени продуктом этого процесса – как положительное или отрицательное переживание ситуации в зависимости от успешности или неуспешности поведения. И здесь вступает в силу второй компонент переживания – его интенциональный, динамический аспект, связанный с побуждением к определенным действиям с конкретными объектами и с постижением их сути и смысла для субъекта.

В реальной деятельности переплетаются оба параметра переживания, давая человеку возможность соответствия в постижении образа мира и себя оба плана – объективный и субъективный. Объективный

план может конструировать как отрешенную действительность, предельно обобщающую реальность, так и образ конкретного бытия. Как правило, человек стремится создать образ конкретной ситуации, который всегда является социальным и объективируется в определенном контексте (социальном, этническом, культурном). Образы разного бытия связаны с разными аспектами переживания. Отрешенное бытие — с интеллигибельной интуицией, которой не нужны чувственные составляющие познания, а потому барьеры между субъектом и объектом могут быть сведены к минимуму, создавая иллюзию их полного слияния. Социальное же бытие связано с социальными переживаниями, которые отражают отношение человека к социальному окружению и своему месту в нем. Ставовление образа Я, осознание смысла индивидуального бытия человека корреспондирует с индивидуальными переживаниями, отражающими отношение к себе.

Серьезной проблемой здесь становится не столько соотношение разных принципов развития личности, сколько вопрос о детерминантах этого развития.

При этом анализ природы жизни человека, сочетания индивидуального и культурных, социально заданных черт в личности и социальной идентичности, дает возможность выделить три уровня детерминации в становлении и функционировании мотивационной сферы — биологический, социальный и духовный. Человек, как и любое живое существо, стремится к сохранению и продолжению своего рода, поэтому, естественно, факторы, определяющие биологическую адаптацию, важны и для него. Однако самые естественные потребности человека — в пище, тепле, безопасности — реализуются в обществе, имеющем определенную структуру (одну из позиций в которой занимает каждый конкретный человек) и являющем правила поведения, а потому опосредованы социальными отношениями и новым уровнем детерминации — социальным. В то же время, как показали многочисленные исследования, прежде всего в экзистенциальной психологии и философии, человеку важно не только сохранить себя, но и реализоваться. Возможно, в этом проявляется потребность типа людей *бессмертно* — если не физическому, то духовному, и поиска смысла и цели жизни связаны именно со стремлением обрести ту сферу деятельности, в которой человек может оставить после себя наиболее значимый след.

Из такого сочетания разных видов детерминации вытекает и сочетание различных подходов в психологии личности. Жесткий детерминизм, постулированный в естественнонаучной парадигме, не соотносится с философским утверждением о том, что процесс

духовного становления, самореализации человека не ограничивается причинно-следственными связями, но может быть рассмотрен через связи смысловые. В то же время выход из пространства причинно-следственных отношений неминуемо приводит психологию личности к сакральному взгляду на личность человека, проявлению духовных феноменов трансцендентными, не поддающимися научному исследованию и объяснению. Поэтому естественной именно для психологии личности представляется позиция, при которой психическая жизнь человека выводится из-под законов естественнонаучной детерминации, но вводится в русло культурной детерминации, управляющей продуктивной деятельностью людей. При этом именно в контексте определенной культуры и социальной ситуации развития можно судить и о причинах, и о смысле того или иного поступка человека, и о его значении для окружающего.

Междисциплинарный характер этого подхода не только дает возможность выхода за пределы поля одной концепции и объяснительных принципов одной науки, но и наполняет понятия избыточными смыслами, открывает возможности их сравнительного толкования, что органично связывает методологию психологии личности и индивидуальности и с естественнонаучной, и с гуманитарной парадигмами. Исходя из того, что мир многоголер и многогранен, можно говорить и о том, что образ мира – это своего рода мозаика, складывающаяся из отдельных образов, представлений, теорий. И, как и мозаика в калейдоскопе, образ мира, каким он нам предстает, зависит, прежде всего, от нашего сознания, от нашей позиции, которая и определяет «поворот» калейдоскопа и изменение картин мира. С этой точки зрения эволюция научного знания рассматривается как последовательная смена теорий, каждая из которых более точна и более применима, чем предыдущие, но ни одна не представляет собой полное и окончательное описание явлений, ни одна не несет абсолютной истины. Именно поэтому психология, в поисках ответов на кардинальные вопросы, должна выйти за пределы условных границ между дисциплинами, используя те «языки», которые оказываются подспорьем для описания различных аспектов многоуровневой, взаимосвязанной реальности.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что психология есть самоорганизующаяся и саморазвивающаяся система. Могут быть предложены и некоторые критерии анализа, заверения этого развития – нарастание научного самосознания, рефлексии наукой пройденного пути и направлений своего дальнейшего движения, появление новых методологических принципов, новых областей психологического знания,

расширение контактов психологии с другими областями знания, и, как следствие, — развитие полипарадигмальности и междисциплинарности, разработка новых методов исследования, увеличение числа психологов, количества психологических журналов и книг по психологии.

ЛИТЕРАТУРА

- Крымков С.В. Самонаблюдение. М.: Госиздат, 1922.
- Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
- Марциановская Т.Д. Русская ментальность и ее отражение в науках о человеке. М., 1994.
- Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. М., 1998.
- Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. М., 1959.
- Саломеев В.С. Соч. в 2 т. М., 1988. Т. 2.
- Теплов Б.М. Записки психолога при чтении художественной литературы // Вопросы психологии. 1971. № 6. С. 122–130.
- Челпанов Г.И. Об отношении психологии и философии // Г.И. Челпанов. Психология, Философия, Образование. М.-Воронеж: Академия педагогических и социальных наук, 1999.
- Чурчикова Н.И. Психология умственного развития: принцип дифференциации. М.: Столетие, 1997.
- Шварц Г.Г. Архивные материалы. Воспоминания. Статьи. М.: Смысл, 2000.
- Шварц Г.Г. Психология социального бытия. М., 1996.
- Ярошевский М.Г. Переживание как способность: культурно-историческая парадигма // Теплов Б.М. Набранные психологические труды. М.-Воронеж: Академия педагогических и социальных наук, 1998.
- Ярошевский М.Г. Историческая психология науки. СПб.: Наука, 1994.
- Vein O., Wheeler S. Socialization after Childhood. N.Y. 1966.
- Goike D.A. Handbook of socialization Theory and Research. Chicago, 1969.
- McNiel E. Human Socialization. Belmont, Calif., 1969.

«ПРОГРЕСС ПСИХОЛОГИИ» КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОНСТРУКТ

И.Е. Гарбер

ОТ КРИЗИСА ПСИХОЛОГИИ К ЕЕ ПРОГРЕССУ

Дискуссии о психологическом кризисе сменились обсуждением прогресса психологии. В чем причина? В психологии в последние годы совершены революционные научные открытия? Дух времени, *Zeitgeist*, потребовал отказаться от плохих известий в пользу хороших? Оптимисты победили пессимистов? Хотелось сменить вечернюю тему?

Специфика перехода связана с тем, что «кризис» является коллоквиальным термином, а «прогресс» — нет. Согласно «Психологическому словарю Американской психологической ассоциации», «кризис» — многозначное понятие (APA Dictionary of Psychology, 2007, p. 243):

1. Ситуация, вызывающая значительный стресс у вовлеченных в нее людей. Если верить учебному пособию для аспирантов, то «ученый, специалист, если он всерьез занят собственным делом, не может обойтись без рефлексии, размышления над смыслом своих научных занятий, без попыток осознать специфику той интеллектуальной деятельности, которой он посвящает жизнь» (Жохановский и др., 2004, с. 3). В истории психологии зафиксировано несколько взаимосвязанных «вечных» тем для рефлексии. Для теоретических основ психологии важно разрешение парадоксов, описывающих взаимоотношения между душой, психической реальностью и телом. Такими различиями дуализма и параллелизма, например, перный и психический, психический, физиологический и физический (Беккер, 2000). Принципиальные для архитектора здания психологии, они не существуют для рядового строителя-ученого. Характерный пример приводит Г. Олпорт (по Ярошевский, 1971, с. 14). Однажды он спросил у коллеги, изучавшего взаимодействие физиологических и психологических факторов в стрессе, как связаны полученные им результаты с психофизиологической проблемой. «Я никогда о ней не слышал», — последовал откровенный ответ. Обобщая подобные

истории, И. Лакатос любил говорить, что «большинство ученых имеют такое же представление о том, что такое наука, как рыбы – о гидродинамике» (Лакатос, 2003, с. 190).

2. Поворотный пункт к улучшению или ухудшению в течении болезни. А. Ребер подчеркнул, что «кризис – это явление, не поддающееся контролю, которое должно идти своим ходом» (Ребер, 2003, с. 390).

3. В теории научных революций Т. Куна это ситуация, которая возникает, когда некоторая теоретическая система ослаблена таким количеством аномалий, что воспринимается как недостаточная и начинается поиск лучшей теоретической системы.

Любое из этих значений предполагает, что кризис имеет временные границы и должен завершиться ожидаемым развитием или полным разрывом. Книга Р. Вилли, сторонника идей Э. Маха (идеологического творчество А. Эйнштейна), под названием «Кризис психологии» появилась в 1898 г., менее чем через двадцать лет после того, как В. Вундт основал в 1879 г. в Лейпциге первую в мире психологическую лабораторию. Наиболее часто цитируемая программная работа Л.С. Выготского «Исторический смысл психологического кризиса» датирована 1927 г. В статье А.В. Юренина «Системный кризис психологии», опубликованной в 1999 г., приводятся следующие слова У. Макгайра: «...известно, был кризис или нет, хорошо, что он кончился». Так или иначе, но временной отрезок длительностью более века не укладывается в схему кризиса, описанную выше.

Помимо философов и методологов психологии, проблема кризиса затрагивает авторов учебников, вынужденных прибегать к определению, которого стыдятся: «Психология – наука о психике» (Дружинин, 2003, с. 7), – и о котором вскоре забывают как о ненужном. Попытки дать определение предмета психологии за счет неопределенного формулирования вербальных маркеров реальности С.Д. Смирнов сравнивает с попытками изобрести вечный двигатель: «Они столь же узорны, сколь и бесплодны не только в смысле отсутствия конкретного решения задачи, но и в смысле отсутствия кумулятивного эффекта, т. е. продвижения на пути к такому решению» (Смирнов, 2005, с. 3). Проблему предмета психологии можно формально разрешить по примеру физиков и математиков, которых удовлетворяют формулировки типа «физика (математика) – это то, чем занимаются физики (математики)», однако содержательно она, по мнению С.Д. Смирнова, сведется к идиотским обывательским словам (Смирнов, 2005). Важнейшую из них сформулировал П.В. Симонов: «Очевидность и ясность представ-

лений о своем собственном внутреннем мире затрудняет постижение законов деятельности мозга в несовершенном большей степени, чем выглядит движение Солнца вокруг Земли столетиями искажала картину Солнечной системы» (Симонов, 1982, с. 6). Со времен Н. Коперника прошло много лет, но каждый день мы видим, что утром Солнце восходит на востоке, а вечером заходит на западе. Нужны ли другие доказательства геоцентрической модели Клавдия Птолемея? Применительно к психологии: «... мало кто из взрослых людей сомневается в наличии у себя субъективной реальности: переживаний, чувств, мыслей, слов» (Дружинин, 2003, с. 7).

Приним К. Левина к переходу от аристотельского способа мышления к галилеевскому и построению психологии «галилеевского» типа, промучавший в 1931 г., был услышан психологами, но по различным причинам не был принят и не реализован до сих пор. Теоретический анализ К. Левина был точен, но не полон. Действительно, физические представления Аристотеля были антропоморфными. Он приписывал свойства, которые проявляет объект, самому объекту, его природе. Согласно Галилею, *объект излучает свои свойства только во взаимодействии с другими объектами*. Поэтому свойство – это характеристика взаимодействия между объектами. Например, вес тела – это не инвариантно присущее его природе свойство, а характеристика его взаимодействия с гравитационным полем Земли (Левин, 2001, с. 6–7). Вдали от нее, в условиях невесомости тело лишается этого привычного свойства.

Соответственно, личность необходимо рассматривать во взаимодействии с другими личностями и ситуацией. Примером галилеевского подхода в психологии является «социальный атом» Я. Морено, состоящий из всех отношений между человеком и окружающими его людьми, которые в данный момент тем или иным образом с ним связаны, и далее неделимый (в противном случае Морено, вероятно, говорил бы не об атоме, а о молекуле). Для людей, лишенных межличностных отношений, Морено ввел понятие «социальная смерть», имея в виду не смерть души или тела, наступающие изнутри, но уморение извне. О степени принятия этих идей западной психологией говорит тот факт, что в переведенный с английского языка словарь под редакцией Н. Шинк и др., содержащий тщательно отобранные сведения о 500 ученых, внесших значительный вклад в развитие психологии между 1600 и 1967 гг., Я. Морено, в отличие от Н. Бора, не был включен, хотя термин «социометрия» в нем встречается (Психология: Биографический библиографический словарь, 1999).

Отпуская, в силу ограниченности объема статьи, замечания К. Левина о том, что для аристотелевского способа мышления характерны дихотомические классификации, а для галлилеевского — непрерывные, континуальные (типичный уровень современного психолога расположен где-то посредине — ранговые шкалы Лайхерта, семантический дифференциал Ч. Остуда, Дж. Сука и П. Танненбаума), его рассуждения об общезначимых законах и т.д., перейдем к самому важному: на наш взгляд, различию, проявляющемуся в решении фундаментальной проблемы движения.

Исходное положение К. Левина «динамические проблемы были принципиально чужды аристотелевскому способу построения понятий в физике» (Левин, 2001, с. 73) дополним анализом специалистов-физиков. Они цитируют «Механику» Аристотеля: «Движущееся тело останавливается, если сила, его толкающая, превращает свое действие» (Эйнштейн, Инфельд, 1966, с. 14) и отмечают, что инерция, балансирующая на непосредственном наблюдении и подкрепленная авторитетом Аристотеля, на протяжении столетий проводила к ложным идеям о движении. В идеализированном эксперименте Галилей устранил время, что позволило И. Ньютону сформулировать известный со школы закон инерции: «Велкое тело сохраняет состояние покоя или равномерного прямолинейного движения, если только оно не вынуждено изменять его под влиянием действующих сил» (Эйнштейн, Инфельд, 1966, с. 16). Следовательно, «закон инерции нельзя вывести непосредственно из эксперимента, его можно вывести лишь умозрительно — мышлением, связанным с наблюдением» (Эйнштейн, Инфельд, с. 16).

Таким образом, начальные достижения астрономии, механики, физики, да и естественных наук в целом связаны с рассмотрением явления не сферирующей идеальной объектов (материальных точек, не имеющих размеров, но обладающих массой; гладких поверхностей, по которым можно двигаться без трения и т.д.) и взаимодействием, связывающим их между собой и противоречащим здравому смыслу, житейскому опыту и интуиции (тяжелое тело в отсутствие сопротивления среды падает с такой же скоростью, как и легкое; два шара не связанные между собой тела притягиваются друг к другу и т.д.). Для современников И. Ньютона, в отличие от нас, они показывали магией, однако он некоммутично отвечал на все вопросы: «Hypotheses non fingo» (гипотез не предлагаю). Идеализированное экспериментирование сопровождалось созданием новых орудий, устройств, механизмов, приборов (телескоп, термометр и т.п.), однако расчеты, основанные

на «правильных» моделях Галилея, Коперника и Ньютона, не сразу доказали свое превосходство над старыми, «неправильными», основанными на ложных идеях Аристотеля и Птолемея.

Многими учеными подход Г. Галилея и И. Ньютона считается универсальным, общенаучным и относящимся не только к физике. Методолог М. Полани утверждал, что «из двух форм знания более объективной мы должны считать ту, которая в большей мере полагается на теорию, нежели на более непосредственное чувственное восприятие» (Полани, 1985, с. 21). Нобелевский лауреат Ф.А. фон Хайек услышал это суждение и придал ему парадоксальную форму: «Науку занимает не то, что думают люди о мире, и не то, как они в связи с этим себя ведут, а то, что им следовало бы думать» (Хайек, 2003, с. 39). *Идеальная парадоксальность заключается в том, что думают большинство и противоречием является предположением и спертотомом.*

В психологии решение проблемы движения или, более широко, активности, нередко связывается с именем Н.А. Бернштейна. В отличие от нобелевского лауреата И.П. Павлова, последовательного позитивиста, изучавшего формирование условных рефлексов у животных в лабораторных условиях, закреплявшего собак в станке, помещавшего их в «башню молчания», Бернштейн отдавал предпочтение анализу взаимодействия организма с окружением в естественных условиях. По мнению И.Е. Сироткиной, утверждения Бернштейна о том, что «рефлекс — это не элемент действия, а элементарное действие» и «первый в мире рефлекс по схеме разомкнутой дуги появился на свет там же, где возникло первое в мире «элементарное ощущение» — то и другое в обстановке лабораторного эксперимента, — аналогичны аргументам гештальт-психологов, критиковавших интроспекцию (Сироткина, 1991, с. 320). Судьба Н.А. Бернштейна, в 1947 г. награжденного сталинской (государственной) премией за монографию «О построении движений», и его идей сложилась жестоко. С одной стороны, полученные им результаты были признаны классической и включены в отечественные учебники для начинающих психологов (Гашенрейтер, 1988, с. 129–161). С другой, как и Г. Галилей, он подвергался гонениям властей, но не покаялся и не признал свои «ошибки»; так же, как и Я. Морено, не был включен в число 500 ученых, внесших значительный вклад в развитие психологии между 1600 и 1967 гг. (Психология: Биографический библиографический словарь, 1999). Для истории психологии, на наш взгляд, наиболее важным является то, что, в отличие от Г. Галилея, работы которого были творчески продолжены И. Ньютоном,

Н.А. Бернштейн до сих пор не имеет последователей, способных довести до конца начатое им дело.

К. Левин и далее неоднократно пытался использовать достижения естественных наук и внести психологию в общую научную картину мира. Он наметил переход от дискретного способа мышления Галилея–Ньютона к полному мышлению Бора–Эйнштейна, разработал теорию «психологического поля», придумал аппарат топологии для решения психологических проблем, однако подвергся обоснованной критике и, надо признать, не добился на этом пути убедительных результатов. Среди его современных последователей упомянем Я. Валснера и Л. Рудольфа (Valsiner, Rudolph, 2008, *Qualitative mathematics for the social sciences*, в печати). Даже если этот проект или какой-то другой, например, В.А. Лефевра (Лефевр, 1991; 2004), достигнет теоретического успеха, возможность принятия международным психологическим сообществом новых правил игры представляется маловероятной по причине, указанной одним из первых Т. Куном и приведшей его к концепции парадигмы (Кун, 2001). Несмотря на то, что в информативном обществе ее полнота вызывает сомнения, идея Т. Куна о смещении акцента с науки как таковой к историческим, социальным-психологическим и культурным (добавим к ним экономическим) факторам, связанным с ней, остается плодотворной. Она особенно актуальна для организаторов международных конгрессов и конференций, журналов, посвященных широкому спектру проблем. Решение проблемы разделения общих научных, в частности, психологических ценностей в современном обществе, возможно, связано с применением инструментов, привычных для бизнес-сообщества: маркетинг, рекламные и PR-компании и т.д. Физики с коллайдером и биологи со словом «старость — это болезнь, ее можно лечить» показывают пример того, как это надо делать с помощью «кванта» («кванта света») и «принципа» («вечной молодости»).

КОНТЕКСТНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИИ

До недавнего времени в отечественной психологической литературе проблема кризиса считалась «внутренней», а «контекстный» подход, разделяемый живыми западными историками психологии, отвергался на том основании, что его основные понятия: «Zeitgeist» (дух времени), «интеллектуальный климат», «этнокультурная атмосфера», «психосоциальная матрица» являются неопределенными. Признавая, что

«социальность научного творчества и его историческая природа сопряжены» (Ярошевский, 1985, с. 4), что «научное достижение коррелирует с социально-психологическими обстоятельствами», отечественные исследователи вместо экспликации нечетких терминов осуждали концепцию «контекста» за то, что она не продвигает вперед «ни в понимании движущих сил развития научной мысли, ни в понимании ее объяснительной исторической логики» (Ярошевский, 1985, с. 23). Более того, со ссылкой на ленинскую теорию отражения утверждалось, что «смена одного контекста другим не влечет за собой исчезновения научного результата» (Ярошевский, 1985, с. 23), что представляется после публикаций Т. Кука спорным. Другие оппоненты теории факторов видели в ней абсолютизацию принципа причинности и считали, что она всегда приводит к эквивалентному дрису взаимодействия (Г.В. Плеханов): явление, используемое в качестве фактора, прежде чем стать причиной, было следствием.

Последствия данной методологической установки можно отследить по отечественной учебной литературе. Например, рассказывая в лекциях для начинающих психологов драматическую историю об изменении предмета психологии, переходе от психологии сознания к бихевиоризму, Ю.Б. Гашенрейтер упоминает единственный контекстный фактор (от психологии сознания «отвернувшись все, кто не считал от своей профессией») и подчеркивает роль внутренних факторов самоорганизации и саморазвития психологии (Гашенрейтер, 1988). Об этом же говорит отсутствие статьи, посвященной контекстным факторам, во многих отечественных специализированных словарях и энциклопедиях. Однако представляется вероятным, что резкий спад интереса к вундтовской психологии обусловлен в первую очередь именно контекстными факторами: а) В. Вундт был академическим психологом и сопротивлялся превращению психологии в прикладную науку; б) В. Вундт занял националистическую позицию в ходе Первой мировой войны (обвинил Англию в ее разрывании и оправдывал германское вторжение в Бельгию необходимостью самообороны), что настроило против него и его психологии иностранных ученых, а немецкая экономика развалилась вследствие поражения. Лейпцигский университет не смог приобрести последние книги В. Вундта для своей библиотеки (Шульц Д., Шульц С., 1988); в) интеллектуальной и социальной атмосферой в Новом свете, прагматическими принципами. Д.С. Холл писал, что «хотя в настоящее время мысли Вундта успешно культивируют в академических садах, они никогда не акклиматизируются здесь, поскольку чужды американскому духу и характеру»

(Лиха, 2003, с. 127) и т.д. В противном случае не вызывает сомнений, что В. Вундт, обладавший феноменальной работоспособностью (за 68 лет научных занятий опубликовал 53735 страниц, что в среднем составляет две страницы в день [Юревич, 2003, с. 126]), ответил бы критикам, преодолел кризис психологии сознания и сохранил бы свою научную школу. Ч. Милле резюмирует: «Если бы расцвет и закат доктории и методов были целиком обусловлены чисто интеллектуальным соревнованием между ними (более адекватные и плодотворные выигрывают, менее адекватные и бесплодные сходят с дистанции), «Высокая теория» и абстрактный эмпиризм не получили бы своего нынешнего развития» (Милле, 2001, с. 92).

Для классификации контекстных факторов можно воспользоваться делением окружающего мира на три составляющие («трихотомией» К. Поппера): 1) *мимиматическую*, состоящую из рукотворных и нерукотворных вещей, материального мира, включая животных (мир вещей); 2) *мимеративную*, включающую людей, социальные общности и социальные отношения (мир людей) и 3) *рефлексивную*, представляющую теорию, образы, духовные ценности, символы (мир идей) и говорить о манипулятивных, интерактивных и рефлексивных контекстных факторах соответственно. Другую возможность предоставляет принятое в социологии условное деление общества на четыре сферы (подсистемы): экономическую, политическую, духовную и социальную. В соответствии с ним можно рассматривать экономические, политические, духовные и социальные контекстные факторы.

Научение психологии в древности было доступно лишь представителям элиты и тем, кто ее обслуживал. Известно, что Платон родился в семье, имевшей высшее аристократическое происхождение, а Аристотель был сыном придворного врача и воспитателем Александра Македонского. Их статусе предвостановляло создание теорий, оправдывающих элиты *fine*. Как иначе объяснить то, что Платон обосновывал необходимость пожизненного закрепления профессий по сословному принципу? Действие индивидуального экономического ресурса проследживается вплоть до В. Вундта, происходившего из среды интеллектуальной элиты «мандаринов». История Ф. Рингера сравнил культурных лидеров Германии с мандаринами, правившими в конфуцианском Китае. Чрезмерный интерес к отвлеченному теоретизированию в Китае, по мнению Рингера, затормозил развитие техники, а в Германии – прикладной психологии (Лиха, 2003). Однако именно личные средства позволили В. Вундту содержать созданный им в 1879 г. в Лейпциге Психологический институт вплоть до 1881 г.

(там же). Переход к государственной финансовой поддержке, перевод процесса приобретения и применения знаний на промышленную основу в университетах, их автономность в академических вопросах обуславливались, например, в бисмарковской Германии отказом ученых от вмешательства в общественные и политические вопросы (там же). Профессиональная организация позволила психологам на Западе добиться того, что знания приносит «нормальность, общественное положение и экономическую безопасность тем, кто ими обладает, и только они сами могут решать, кто может называться представителем данной профессии, а кто нет» (там же, с. 220). В результате типичный психолог по своим жизненным условиям, статусу и власти относится на Западе к среднему классу. Вместе с тем, он должен принимать как должное, что раньше тему исследования выбирал ученый, теперь – его заказчик: рост затрат на проведение исследований и необходимость привлекать целый штат сотрудников порождает корпоративный контроль над разделением труда (Милле, 2001) и т.д.

Бюрократизация науки регулируется фондами, финансирующими исследования и имеющими собственные потребности. Например, небольшое количество крупных проектов легче администрировать, чем множество мелких проектов. Контакт дополняется личными интересами и амбициями психологов, озабоченных своей карьерой. Эволюция грантовой системы распределения финансирования закономерно привела к тому, что большую часть денег на исследования «вытягивают» несколько элитных университетов, тогда как исследователи в менее престижных вузах вынуждены конкурировать за гранты, получить которые у них гораздо меньше шансов. Общественные ресурсы ограничены, поэтому не удивительно, что психология, с олимпиадом по сравнению с естественными науками вступившая в борьбу за часть грантового пирога, встретила отпор. При создании в США Национального научного фонда группа ведущих физиков обратилась к Конгрессу с возражениями против общественных наук и была услышана: 46 сенаторов против 26 проголосовали за их исключение из закона (Линн, 2003). В 1968 г. удалось изменить устав фонда и увеличить государственное финансирование общественных наук. Это, в свою очередь, привело к обострению отношений между ними. С 1966 по 1976 гг. траты фонда на социальные науки, кроме психологии, выросли на 138%, тогда как расходы за нее снизились на 12%. Более того, уровень расходов на естественные науки рос быстрее (там же).

Причину сложившейся ситуации А. Маслоу усмотрел в «квартрарности на среднемат (инструментария, техниках, процедурах, методах)

в противоположность централизованно не делал (проблемах, вопросах, функциях): «Центрирование на средствах приводит к иерархии наук, в которой физика совершенно неоправданно считается более «научной», чем биология, биология превосходит по «научности» психологию, а психология, соответственно, социологию... С точки зрения науки, централизованной на проблемах, подобная иерархия невозможна, поскольку никому не придет в голову утверждать, что проблемы безработицы, расовой дискриминации или любви менее важны, чем изучение звезд, натрия или функции почек» (Маслоу, 2003, с. 251).

Волет гуманитариев в современной России А.В. Юревич объясняет тем, что инженерные и технические науки наиболее интенсивно развиваются во время подъемов производства (пемаломаяти и фактор войны); переводы расцвета общественных наук приходится на социально-экономические кризисы, когда обостряются все противоречия в развитии социального организма; гуманитарные дисциплины, такие как история, филология, философия наиболее успешно развиваются в периоды «застоя», когда внешний социальный контекст развития науки как бы «заморожен» и на первый план выходит интерес человека к самому себе. Поэтому, по мнению А.В. Юревича, социогуманитарные науки лучше, чем естественные и инженерные, адаптировались к отечественному варианту рыночной экономики (Юревич, 2004).

В работах М. Вебера, начиная со знаменитой «Протестантская этика и дух капитализма», Р. Мертона и их последователей показано, что наука и бизнес имеют общие корни, связанные с религией (Sperry, 1988). Это рационализм, индивидуализм, культ терпения, прагматизм и утилитаризм. Общие происхождение подчеркивают употребительные и сегодня слова о «рынке идей», об ученом как «курице истины», пришедшие на смену образу ученого, читающего «книгу природы». Современных ученых и бизнесменов, как впрочем, политиков и спортсменов, объединяет высокий уровень мотивации достижения. Есть между ними, конечно, и отличия, например, по отношению к приемлемому уровню и видам допустимого риска. Истинность авторыавторизирующей простоты, с которой объясняются сложнейшие социальные феномены, однако, может быть подвергнута сомнению. Например, если действительно «капитализм» и «наука» суть уникальные явления, возникшие в результате стечения исключительных обстоятельств, то это дескриптивная теория, объясняющая то, что было, и не предсказывающая ничего нового. Другими общепризнанными разработанными концепцией *ad hoc* являются З. Фрейд (психоанализ) и упоминавшийся выше

К. Левин (топологическая психология, теория поля). Наконец, даже если анализ корректен в отношении инженерных и естественных наук, остается сомнение в его пригодности для психологии с ее специфическим ходом развития. По мнению А.В. Юренича, российский бизнес предъявляет науке отчетливый и обеспеченный финансами социальный заказ, но, вопреки практике других стран, этот заказ обращен не столько к естественной и технической, сколько к социогуманитарной науке. Он включает в себя проведение маркетинговых исследований, оптимизацию кадровой политики фирмы и корпораций, наконец, изучение (а иногда и оправдание) сложившейся модели российского бизнеса как неизбежной для переходной экономики и единственно возможной (Юренич, 2004).

Завершая краткий обзор контекстных факторов, отметим феномен коэволюции, совместного развития науки и общества. Социальным изменениям в цепочке «доиндустриальное общество – индустриальное общество – постиндустриальное общество – информационное общество» соответствует условная цепочка трансформаций статуса психологии, целей его деятельности и критериев прогресса психологии: а) прикладной читатель «книги природы», бескорыстно стремившийся познать суть вещей и явлений; б) производитель новых знаний для «рынка идей», «скупец истины», нуждавшийся, как и в промышленности, для повышения эффективности в стандартах труда, общепризнанных моделях постановки проблем и их решения (парадигмах Т. Куна); в) разработчик и поставщик специфических социальных услуг (психологическое консультирование, психотерапия и т.д.), индивидуальных и групповых. На первый план выходят проблемы обеспечения качества и экономической эффективности, этические и правовые аспекты; г) разработчик, поставщик и пользователь специфических информационных технологий, в т.ч. использующих Интернет (психологическая диагностика, набор и отбор персонала и т.д.). Применение дигитальных технологий требует стандартизации и унификации психологических технологий, «защиты от дурака», обеспечения валидности и надежности инструментария при его массовом использовании.

Появление новых статусов и целей не ведет к отказу от всех им предшествовавших. Последние два статуса формируются в настоящее время, и трудно предсказать направление их дальнейшего развития. Высказывается мнение, что на смену парадигмальному подходу идет сингаплатический. К сингаплатическим знаниям принято относить взаимосвязанные экономические, юридические,

социально-психологические, математические, естественно-научные, технологические и другие знания. При этом концептуальные синтагмы, представляющие из себя мировоззренческий комплекс идей, идущих от эпохи Просвещения, и сохраненные в метапарадигмах парадигмы модерна (включая рассматриваемую нами идею прогресса) признают современными теоретическими конструктами, задающими лишь семантическую рамку экономических и социальных практик в контексте культуры своего времени, но отнюдь не обеспечивающими положительную социокультурную динамику (Платонова, Федотова, <http://izvestia.513.com/ru/8033/www/ссон/Platonova.pdf>). Внутренний анализ психологических проблем естественно дополнить внешними критическими оценками.

КРИТИКА ПСИХОЛОГИИ НЕПСИХОЛОГАМИ

Со времен В. Вундта, превратившего, по образному выражению К. Данцигера, психологию «из судорожных усилий теоретиков-одиночек в подлинное научное сообщество» (Лихи, 2003, с. 95), многое изменилось в мире. В настоящее время психология заняла определенное место в системе наук. Некоторые эксперты, например, Б.М. Кедров и Ж. Пиаже, поместили ее в центр своих классификационных схем. З. Фрейд пошел еще дальше и рассматривал психологию и физику как две основные науки, представляющие, соответственно, внутренний и внешний мир человека. Многие психологические концепции и технологии привлекли внимание и интерес человечества и стали объектом критики, в частности, со стороны непсихологов. Умеренную позицию занимал Т. Кун, сомневающийся, что естествоиспытатели могут более уверенно и последовательно ответить на волновавшие специалистов в области социальных наук вопросы (Кун, 2001). Другие оппоненты были более категоричными.

Начнем с отношения к психологии тех, кого академические психологи называют испытуемыми, исследуемыми, более точно — участниками (Мартин, 2002, с. 118), а практики — клиентами. Хоторнские эксперименты, проведенные Э. Mayo и его командой в 1924–1933 гг., легли в основу школы человеческих отношений и описаны в учебниках по социальной психологии, психологии труда, управлению персоналом и менеджменту (см., например, обзор в *The Industrial-Organizational Psychology*, Vol. 41, № 3, 2004). Большинство авторов, однако, упускает из виду, что участвовавшие в исследовании не являлись подопытными

критиками, а имели собственную точку зрения о происходящем. Сегодня есть основания считать, что работники-борщины видели в ученых шпионов компании (Лихи, 2003). Косвенно их правоту подтверждает манипулятивный характер используемых терминов: о менеджерах говорится в категоричных «компетентный», «рациональный», «эффективный», а о рабочих — «счастливым», «удовлетворенный», «преданный» (Мидде, 2001, с. 111).

Широкое применение традиционного тестирования вызвало негативный отклик как в недемократических странах («идеологические извращения» в СССР в 1936 г.), так и в условиях демократии («промысла мозгов», «тирания тестов», «тестомания» в США в 1962 г.). С позиций сегодняшнего дня представляется, что он был обусловлен разными причинами: в первом случае — неизбежным столкновением в массовом сознании уравнительных принципов социализма, полной взаимозаменяемости советских «инженеров» («когда страна прикажет быть героем, у нас героем становится любой», «незаменимых у нас нет») с дифференциальными принципами отбора, объективными различиями людей по результатам психологических тестов — и острой конкуренцией на рынке труда во втором. Однако не будет преувеличением назвать в качестве общечеловеческой причины инстинктивно отрицательное отношение людей ко всяким попыткам научного вторжения в их духовный мир (выражаемое сторонниками философского экзистенциализма и гуманистической психологии) и представления уникальной личности в виде цифр и формул. В вышедшей в 1993 г. книге под редакцией Б. Нью и Р.С. Ягера, в частности, показано, что существует расхождение между взглядами широких кругов населения на спорные вопросы тестирования и мнением экспертов.

На втором полнее находят отражение суждения ученых других специальностей и, прежде всего, «старших братьев» — математиков и физиков. Начнем с суждений грубых и оскорбительных. И. Лаватос, считавший, что психология познания часто служит удобной ширмой, за которой скрывается невежество, с удовольствием цитировал сэра К. Поппера, который избрал психолога, изучавшего поведение группы ученых и рассказавшего ему о своем исследовании, в карикатурном виде. Знакомый Поппера кричал на семинар физиков, чтобы заниматься исследованиями по психологии науки: наблюдал «возникновение лидера», «создание крутового эффекта» в одних случаях и «запретную реакцию» в других, корреляции между возрастом, полом и агрессивностью поведения и т.п. Когда Поппер спросил его: «А такая проблема обсуждалась в исследуемой Вами группе?» — тот был шумлен таким

вопросом: «О чем Вы спрашиваете? Я не придушивался к тому, о чем они говорили! И какое это имеет значение для психологии познания?» (Лакатос, 2003, с. 205). Абсурдность обвинения демонстрирует цитата из ортодоксальной математической книги: в алгебре высказываний «допускаются любые грамматически правильные способы образования сложных высказываний и совершенно игнорируется смысловая характеристика получившихся предложений» (Гиндикин, 1972, с. 14).

Попытки психологов воспользоваться понятием «парадигмы» встретили грубый отпор со стороны П. Фейерабенда, предложившего, среди прочего, социологическую концепцию «свободного общества». Он обвинял их в том, что они отсылались «к концепции Куна как к наличию нового установившегося факта» и, «используя термины, еще нуждающийся в экспликации, ... положили начало новому и весьма прискорбному направлению болельщиков невежества» (Фейерабенд, 1986, с. 500). Вообще, по мнению некоторых фиников, психология — это злоупотребление специально разработанной терминологией (Е. Виттер).

Перейдем к более детализированным суждениям. Некоторые противники психологических теорий говорят о том, что они описывают вовсе не душу, внутренний мир, мысль человека, а корреляции, причем делают это некорректно. Психологов обвиняют в том, что они могут загрязнить культурную среду раньше, чем индустриальные отходы и автомобильные газы испортят физическую среду обитания человека. П. Лакатос, например, утверждал, что «роль статистической техники в социальных науках главным образом определяется тем, что она дает аппарат для фальшивых подкреплений и тем самым видимость «научного прогресса», тогда как в действительности за этим не стоит ничего, кроме псевдоинтеллектуального мусора» (Лакатос, 2003, с. 206). П. Мил в статье «Проверка теорий в психологии и физике: методологический парадокс» показал, что в физических науках обычным результатом улучшения экспериментальных условий, приборов или возрастания числа данных является повышение трудностей «наблюдательного барьера», который должна физическая теория должна преодолевать, а то же время в психологии и в некоторых так называемых поведенческих науках обычный результат подобного улучшения экспериментальной точности заключается в том, что снижается барьер, через который теория должна переключиться (Meehl, 1967, p. 103). Увы, опровергнуть эти суждения трудно. По-прежнему мечтой теоретиков является формулировка инвариантных законов, однако до сих пор ни одному из них не удалось установить какой-либо «закон», который был бы трансисторическим, действия которого можно было бы распро-

странить за пределы конкретной структуры в конкретно-исторический период (Миллс, 2001).

Завершим обзор представленном позиции нобелевского лауреата, физика Р. Фейнмана. В отличие от предыдущих критиков, он утолил свою потребность в разгадывании головоломок и в сфере психологии. Будучи студентом, он, например, заинтересовался вопросом «Как заканчивается поток сознания, когда мы засыпаем?», в течение четырех недель экспериментировал и пришел к выводу, что в мозге должен существовать отдел, заведующий интерпретацией, который работает и во сне. После войны Фейнман был признан дефективным армейским психиатром. В беседах он называет их «жуликами», а себя — «обычным». В речи, произнесенной в Калифорнийском технологическом институте, Фейнман утверждал, что у тихоокеанских островитян есть религия самолетовоколонников (культ карго или карго-культ, от англ. *cargo cult* — поклонение грузу, или культ даров небесных — общий термин для группы религиозных движений в Меланезии). Во время войны они видели, как приземляются самолеты, полные всяких хороших вещей, и хотят, чтобы так было и впредь. Поэтому они устроили что-то вроде вахотно-посадочных полос, по сторонам их разложили костры, построили деревянную хижину, в которой сидит человек с деревяшками в форме жуликов на голове и бамбуковыми палочками, торчащими как антенны — «диспетчер», — и ждут, когда прилетят самолеты. Они делают все правильно. Все выглядит так же, как и раньше, но самолеты не садятся. Фейнман относил психологов к самолетовоколонникам, потому что они, по его мнению, следовали всем внешним правилам и формам научного исследования, но упускали что-то главное. Он назвал отсутствующий элемент научной честностью, старанием избегать самообмана. Критический взгляд на психологию со стороны психологов заставляет задуматься и посмотреть на привычные процедуры с другой стороны. Поможет ли он «посадить самолет» — покажет время.

РЕАЛИЗАЦИЯ ИДЕИ ПРОГРЕССА ПСИХОЛОГИИ

Согласно В.И. Далин, «прогресс — умственное и нравственное движение вперед; сила образования, просвещения». Как было показано выше, кризис психологии можно рассматривать как внутренний психологический феномен и обсуждать преимущественно в рамках естественнонаучного подхода. В отличие от кризиса, прогресс психологии — социальный, исторический, культурный конструкт,

а потому он может быть оценен с помощью как внутренних, так и внешних критериев.

На уровне заголовков газет члены Американской психологической ассоциации (АРА) видят прогресс так: «Присуждена первая Нобелевская премия в области психологии», «Президент США назначил секретаря по психологии», «Психология указала путь к миру на Земле». Впервые за свою 116-летнюю историю АРА приступила к разработке первого стратегического плана, рассчитанного на срок от трех до пяти лет. Он должен учесть множество факторов, влияющих на область психологии: демографические тренды, глобализацию, изменения качества медицинской помощи, финансирование поведенческих исследований и т.д. В течение 2008 г. будут проведены электронные опросы, фокус-группы и интервью, чтобы оценить силу и слабости, возможности и угрозы, стоящие перед АРА и определять цели, ближайшие приоритеты и т.д. (Апфелзон, 2008). На смену теоретизированию о прогрессе психологии в 2009 г. идет планирование его.

ЛИТЕРАТУРА

- Беккер Л.М. Понятия и реальность: Единая теория психических процессов. М.: Смысл, ПЕР СЭ, 2000.
- Гейтингом С.Г. Алгебра логики в задачах. М.: Наука, 1972.
- Гинзбургингер Ю.Б. Введение в общую психологию: Курс лекций. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.
- Дружинин В.И. Психология как научная дисциплина // Психология XXI века: Учебник для вузов. М.: ПЕР СЭ, 2003.
- Колотовский В.П., Левашева Т.Г., Милых Т.П., Фомин Г.Б. Основы философии науки: Учебное пособие для аспирантов. Ростов н/Д: Феникс, 2004.
- Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2001.
- Лисинский И. Методология исследовательских программ. М.: АСТ: ЗАО НИИ «Ермачк», 2003.
- Лозан К. Динамическая психология: Избранные труды. М.: Смысл, 2001.
- Лозевер В.А. Формула человека: Контуры фундаментальной психологии. М.: Прогресс, 1991.
- Лозевер В.А. Ментализм и биохевоформизм: слияние? // Психологический журнал. 2004. № 2. С. 116–127.

- Лави Т. История современной психологии. СПб.: Питер, 2003.
- Маршак Д. Психологические эксперименты: Секреты механизмов мышления. СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2002.
- Маслов А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2003.
- Малас Ч.Р. Социологическое воображение. М.: NOTA BENE, 2001.
- Платонова Е.Д., Федина О.Д. Методологическая составляющая разработки экономической доктрины Российской Федерации. <http://gizand.513.com/Lit/8033/www/escn/Platonova.pdf>.
- Пиаже Ж. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985.
- Психология: Биографический библиографический словарь. СПб.: Евразия, 1999.
- Рубер А. Большой толковый психологический словарь. М.: АСТ, ВЕЧЕ, 2003. Т. 1.
- Силкина В.В. Предисловие редактора перевода // Моис. М., 1982.
- Сироткина И.Е. Н.А. Бернштейн: годы до и после «Павловской сессии» // Регрессированная наука / Под ред. М.Г. Яромовского. СПб.: Наука, 1991. С. 319–326.
- Смирнов С.Д. Методологический альтернативизм и предмет психологии // Вопросы психологии. 2005. № 4. С. 3–8.
- Фейербах Л. Набранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986.
- Хейкс Ф.А. Контрреволюция науки. Этюды о злоупотребленных разумом. М.: ОПИ, 2003.
- Шульц Д.П., Шульц С.Э. История современной психологии. СПб.: Евразия, 1998.
- Эйнштейн А., Инфельд Л. Эволюция физики: Развитие идей от первоначальных понятий до теории относительности и квантов. М.: Молодая гвардия, 1966.
- Юренич А.В. Психологи тоже шутят. М.: ПЕР СЭ, 2003.
- Юренич А.В. Социогуманитарная наука в современной России: Адаптация к социальному контексту. Препринт WP6/2004/02. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
- Яромовский М.Г. История психологии. М.: Мысль, 1985.
- Яромовский М.Г. Психология в XX столетии: Теоретические проблемы развития психологической науки. М.: Политиздат, 1971.

Anderson N.B. Toward a Strategic Plan for APA // *Monitor on Psychology*. 2008. № 6. P. 9.

APA Dictionary of Psychology. Washington, DC: APA, 2007.

Meehl P.E. Theory-Testing in Psychology and Physics: A Methodological Paradox // *Philosophy of Science*. 1967. V. 34. P. 103–115.

Sperry R.W. Psychology's Mentalist Paradigm and the Religion/Science Tension // *American Psychologist*. 1988. V. 43. P. 607–613.

Valsiner J., Rudolph L. Who shall survive? Psychology that replaces quantification with qualitative mathematics // 29th International Congress of Psychology. Berlin, 2008.

Qualitative mathematics for the social sciences / Ed. by L. Rudolph, J. Valsiner. London: Routledge (in press).

ПСИХОЛОГИЯ КАК ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА: ОТ ДИСЦИПЛИНЫ НЕОБХОДИМОГО К «ЦВЕТУЩЕЙ СЛОЖНОСТИ» ВОЗМОЖНОГО

Д.А. Леонтьев

Вопрос о прогрессе в психологической науке правомерен, как и вопрос о прогрессе в любой науке. Этим, в частности, наука отличается от искусства, к которому понятие прогресса применимо с трудом. Любой прогресс определяется целью; у искусства нет цели, к которой оно стремится. Целью науки выступает порождение, дифференциация и верификация объяснений разных аспектов действительности, и о прогрессе в науке можно говорить применительно к этим объяснениям, которые, конечно же, развиваются в истории в соответствии с определенными закономерностями. В качестве одного из критериев прогресса в науке можно рассматривать меру дифференцированности и интегрированности объяснений.

Вместе с тем, сам характер психологического знания, объяснений в психологии неоднороден. Если можно говорить о природе-физическом либо историческом знании, имея в виду *любое* физическое или историческое знание, то по отношению к психологии единый ответ невозможен: психологическое знание принципиально неоднородно. В тот момент, когда психология выделялась в самостоятельную область знания, она относилась к естественным наукам и развивалась в русле естественнонаучной парадигмы. Но гуманитарное познание, только появившись, обнаружало свое несоответствие традиционному пониманию науки, сложившемуся в этой парадигме. Преодолеть это расхождение, видимо, возможно двумя путями: либо переосмотреть само понятие науки, расширив его содержание, либо закрепить понятие науки лишь за старой, естественнонаучной, парадигмой, а гуманитарные дисциплины определить как новую форму практики и общественного сознания, подвести под новую категорию. Исторически был выбран первый из этих путей, при котором на первый план вышли моменты сходства между естественнонаучным и гуманитарным познанием; тем не менее, различия между ними становятся все более острыми, особенно в психологии.

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОЕ И ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ: ВЗАИМООТТАЛКИВАНИЕ ИЛИ ВЗАИМОВЛИЯНИЕ?

Высказанное В. Дильтейем (1924) противопоставление объяснительной (научной) и описательной (понимающей) психологии привело к расщеплению целостного психологического знания и формированию двух разных концептуальных, терминологических и методологических систем, которые до сих пор не воссоединены. Насколько непреодолимы этот раскол?

Фактом являются принципиальные различия между гуманитарным и естественным знанием. «Сегодня уже ясно для большинства исследователей в этой области, что эти науки [о человеке и обществе – Д.Л.] могут успешно развиваться тогда, когда они не имитируют успешные в прошлом методы естествознания, а развивают собственные, относящиеся прежде всего к изучению осмысленных человеческих действий и семиотических систем, воплощающихся в культурных объективациях, в социальных институтах и определяющих способы межчеловеческой коммуникации» (Лекторской, 2005, с. 7). Признание этого ведет к необходимости разработки новой методологии познания в науках о человеке и обществе, нередко описываемой, в частности, в терминах постмодернистской, неклассической или постнеклассической (Shetter, 1999; Стенна, 2000; Петренко, 2002; Гусельцева, 2004; Леонтьев, 2005).

Изменение этих базовых представлений о науке влечет за собой и переосмысление отдельных направлений и подходов. Как показано в предисловии к антологии, обобщившей итоги 25 лет серьезных экспериментальных исследований парапсихологической проблематики в США (Nagman, 1993), если несколько десятилетий тому назад парапсихологические исследования были несовместимы с консервативными установками модернистской науки, то изменение этих установок в наше время привело к тому, что эти исследования оказались вполне вписывающимися в изменившиеся, современные представления о науке и научности. Другие главы этой антологии также иллюстрируют ту идею, что между традиционными психологическими и парапсихологическими исследованиями нет принципиальных различий.

Это изменение методологии, однако, затрагивает не только науки, относимые к гуманитарным; в области естественных наук само представление о науке заметно меняется в том же направлении. Психология долгое время пыталась приблизить свои объяснительные модели и спо-

собы работы к тому идеалу, на который ориентируются естественные науки. Наиболее глубоко и последовательно эту тенденцию выражал К. Левин в своих методологических работах 1920-х – начала 1930-х годов (Левин, 2001); однако эволюция его психологических воззрений привела к постепенному откату от этого идеала и разработке принципиально неклассической «дефективной» методологии (см.: Леонтьев, Патнова, 2004). Ныне ситуация во многом повторилась: уже естественные науки в лице наиболее выдающихся их представителей начинают черпать из гуманитарных наук, в том числе и из психологии, понимание направления собственного развития. Так, по мнению И. Пригожина (1991), сегодняшняя наука несводима ни к материализму, ни к детерминизму, и признание нестабильности и непредсказуемости как сущностной характеристики природы закономерно ведет к изменению облика науки. «Следует лишь распространить с представлением, будто этот мир – наш безропотный слуга. ...Мы должны признать, что не можем полностью контролировать окружающей нас мир нестабильных феноменов, как не можем полностью контролировать социальные процессы (хотя экстраполируя классическую физику на общество долгое время заставляла нас поверить в это)» (там же, с. 51).

ПОГРАНИЧНЫЙ СТАТУС ПСИХОЛОГИИ И НЕКЛАССИЧЕСКИЙ ВЕКТОР ЕЕ РАЗВИТИЯ

Уникальность психологии проявляется, в частности, в ее положении на стыке естественнонаучных и гуманитарных дисциплин. Ее предмет входит и в поле естественных, и в поле гуманитарных наук. На сегодняшний день общепризнано, что существует если не две психологии, то, по крайней мере, две методологические альтернативы внутри нее: естественнонаучная психология и гуманитарная. Центральной на данный момент и ключевой для данной статьи является проблема их соотношения, соимещения. Соотносятся ли они по образу кентавра или тантолова?

Безусловно, в психологии многое вполне успешно изучается в рамках традиционного естественнонаучного подхода. Вариантом этой парадигмы является дифференциальная психология В. Штерна (1998) – методологическая парадигма, в рамках которой изучается индивидуальность человека, его психика, черты, проявления и т.д., согласно общей схеме естественнонаучного познания. В этой логике сформулирована и известная позиция С.Л. Рубинштейна (2001):

любая психология, которая знает, что она делает, изучает психику и только психику. Эта формула заведомо ограничивает психологию естественнонаучной парадигмой, в которую не вписывается, например, такой отдельный предмет психологии, как личность — соответствующая предметная область сформировалась только к концу 1930-х годов и дальше развивалась темпами, опережавшими темпы развития всех остальных областей психологии.

Если понятие психики или индивидуальности, которая определяется через индивидуальные отличия от других, вполне вписывается в традиционную естественнонаучную парадигму, то про понятие личности этого сказать нельзя. Как отмечал М.К. Мазардашвили (1994), понятие личности является выражением искусственности (в смысле не-природности, не-естественности) феномена человека. На первый взгляд парадоксальная мысль о том, что главное в человеке невозможно на его природного начала и во многом ему противоречит, была, пожалуй, с наибольшей отчетливостью выражена Э. Фроммом (2001). Но еще почти за столетие до Фромма Ф. Тютчев писал: «Сознание полно в природе, — / Лишь в нашей призрачной свободе / Разлад мы с нею слышим».

Главное, что обычно выдвигается на первый план при определении специфики гуманитарного подхода к человеку — это взгляд на проявления человека, его внутренний мир и продукты творчества как на знаковые, семиотические системы, приобретающие смысл в определенном социокультурном контексте. «Человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), то есть создает текст (хотя бы и потенциальный). Там, где человек изучается вне текста и независимо от него, это уже не гуманитарные науки» (Бахтин, 1979, с. 285). Применительно к психологии личности это подразумевает, что личность не является просто вещью, которую можно описать со стороны. Ее свойства раскрываются, только если вступил с ней в определенное взаимодействие и, более того, они меняются в процессе этого взаимодействия, поэтому мы не можем зафиксировать этот объект, чтобы описать его в данный момент времени. Гуманитарный подход к личности предполагает, что у каждого из нас есть внутренний мир, в котором присутствуют определенные смысловые содержания.

Известно этим, — наличием диалогически раскрываемых текстов, или содержаний, — отличается личность от индивидуальности. Индивидуальность можно измерить и протестировать, но содержания внутреннего мира не поддаются такому анализу. Человек — единственное

существо, у которого есть эти содержания: можно сказать даже, что душа – это и есть содержание. Как индивидуальности – природные объекты, обладающие определенными свойствами, – мы абсолютно обособлены жесткими границами, отделяющими нас от других объектов и от окружения. Но на уровне смыслов, представлений, текстов, ценностей, т. е. того, что относится не к свойствам, а к содержаниям, которыми люди могут обмениваться между собой, а также с культурой и межкультурными общностями, мы оказываемся принципиально разобщенными, мы все время обмениваемся этими содержаниями. В этом суть диалогичности человеческого существования. Человека можно одновременно рассматривать как природный объект, как индивидуальность, с одной стороны, и собственно как личность, с другой – как определенный внутренний мир, характеризующийся через его содержания и через те взаимодействия, в которые надо вступать с этим миром, чтобы позволить этим содержаниям раскрыться (подробнее см.: Леонтьев Д.А., 2006а). Первый способ рассмотрения – это традиционный, классический, естественнонаучный подход. Второй способ – это гуманитарный, или неклассический подход.

Классическую психологию я отождествляю с психологией, строящейся по традиционному образцу естественных наук. В психологии она занимала, занимает и всегда будет занимать достаточно существенное место. Она стремится соответствовать стандартам научности, выработанным в естественных науках, при том, что их методология тоже не стоит на месте.

Говоря о «неклассической» психологии, важно различать неклассическую психологию в широком и в узком смысле слова. Неклассическая психология в широком смысле слова – это любые способы работы и формы мышления в психологии, которые выходят за пределы классической, естественнонаучной парадигмы, не вписываются в нее. Говоря о неклассической психологии в узком смысле слова, я имею в виду методологическую позицию, эксплицитированную Д.Б. Элькониным (1989), который выводил ее из позиций работ Л.С. Выготского. Суть ее заключается в том, что психические содержания и процессы существуют не только в интраиндивидуальной форме, будучи привязаны к активности нервной системы индивида. Они существуют также в объективированной, опредмеченной форме в культурных артефактах и могут передаваться (транслироваться) от индивида к индивиду. По мере нашего развития мы усваиваем эти содержания из окружающего культурного мира через взаимодействие с этим миром, опосредованное взаимодействием со взрослыми, и затем

возвращаем уже трансформированные содержания обратно в культуру в процессе нашей продуктивной деятельности. Можно говорить о процессе циркуляции психологических содержаний из индивидуально-психологической в предметно-объективированную форму и обратно, осуществляемым посредством механизмов опредмечивания и распределения (Леонтьев А.Н., 2004).

Циркуляция содержаний наглядно иллюстрирует отсутствие четких границ между гуманитарной психологией и другими гуманитарными дисциплинами. Гуманитарная психология тесно смыкается с культурологией, философией, социологией, филологией и т.д.; правомерно говорить о единой «гуманитарной науке» или гуманитаристике.

Известно в опережающем развитии гуманитарной, неклассической составляющей эволюция научной психологии в XX в., направление которой правомерно обозначить как неклассический вектор в психологии, проявляется прежде всего (Леонтьев Д.А., 2005; 2007). Естественнонаучная психология далека от своего заката, она продолжает продуктивно развиваться. Но параллельно с ней возник и бурно развивается отличный от нее способ психологического познания. Существенные сдвиги в психологических объяснительных понятиях и концепциях, которые можно обозначить как неклассический прорыв, произошли довольно синхронно в конце 1920-х годов. Известно тогда пять выдающихся ученых параллельно и независимо друг от друга ввели пять принципиально важных конструктов, связанных с построением психологии не по образцу естественных наук, а по-иному: Людвиг Бинсвангер ввел понятие жизненного мира, Михаил Бахтин – понятия внешнего и внутреннего диалога, Альфред Адлер – идею целесообразной детерминации в противовес причинной, Лев Выготский – понятие знакового опосредования и Курт Левин – идею гальтлевского мышления в психологии (подробнее см.: Леонтьев Д.А., 2005; 2007).

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ КАК ЗНАНИЕ О ВОЗМОЖНОМ

Сформулированная К. Левиним в рамках естественнонаучной парадигмы первая методологическая программа противопоставила идею закона, детерминизма идее случайности. Традиционная естественнонаучная модель опирается на то, что есть причины и следствия, есть жесткие, определенные, предсказуемые связи между причинами

и следствиями, которые могут быть сформулированы в виде законов. Во второй половине XX в., после неклассического прорыва, появились сомнения по поводу детерминизма в психологии. Открытие явления бифуркации (Пригожин, Стенгерс, 1986), которое свидетельствовало о том, что даже в неживой природе детерминизм не абсолютен, стало мощной поддержкой гуманитарной парадигмы в психологических исследованиях.

Вместе с тем, различие между естественнонаучным и гуманитарным подходами в психологии вряд ли можно свести только к различию между «жестким», естественнонаучным детерминизмом и «культурной» детерминацией, «управляющей продуктивной деятельностью людей» (Маршицковская, 2004, с. 80). *Смысл факта организаторного подхода* состоит не в том, что он заменяет одну детерминацию другой или добавляет новую ее разновидность, а в том, что он изучает не *необходимое*, а *возможное*.

В философских и теоретико-психологических концепциях человека идея о том, что *сущность человека характеризуется в большей мере возможным, нежели фактическим, наличием или отсутствием*, встречается достаточно часто (Ф. Ницше, У. Джекман, Ж.-П. Сартр, М. Босс, В. Франкл, С. Мадди, М. Чинесентмихайл, М.К. Мамардонидзе, А.А. Брудный, М.Н. Эшштейн, А.М. Лобок и др.). Четко развел эти две модальности реальности М.Н. Эшштейн (2001; 2004), показав, в частности, что для гуманистичен характерен расходящийся дискурс, направленный не на связывание разных идей в одну логическую конструкцию, а на выстраивание *всеразходящихся* путей-возможностей (Эшштейн, 2004, с. 19, 68). Действительно, естественные науки изучают *необходимое* – «то, что не может не быть» (Эшштейн, 2001, с. 291), поскольку оно причинно обусловлено. Законы, установление которых является задачей естественных наук, предполагают однозначность и предсказуемость. По отношению к психологии аналогичную позицию занимал на первом этапе своей деятельности Курт Левин, стремившийся строить психологию по образцу естественных наук, прежде всего физики, и подчеркивавший абсолютную законосообразность всего психического (см.: Левин, 2001).

Возможное М.Н. Эшштейн определяет как то, что *нет*, но что *может быть*, оговариваясь при этом, что применительно к этой категории «противоположность бытия и небытия в значительной степени нейтрализуется» (2001, с. 290), поэтому оно смыкается со случайным – тем, что *есть*, но *может не быть*. То, что оно может

быть (а может и не быть), характеризует возможное-случайное более существенным образом, чем то, что оно есть или не есть. Взгляд под этим углом зрения на все продукты человеческого духа позволяет убедиться, что не приходится аргументированно говорить о том, что они детерминированы, т. е. необходимо должны были быть созданы и быть именно такими, какими они оказались. Можно в качестве примера рассмотреть исторические деяния выдающихся людей, которые отличает как раз их непредопределенность, или произведение искусства, особой ценностью среди которых отмечены те, которые нарушают ожидания аудитории. М.К. Мамардашвили (1995; 1997) отмечал отсутствие причинной обусловленности целого ряда специфически человеческих проявлений, таких как добро, мысль, любовь, свобода: «Это невозможно, но случается».

М.Н. Эйнштейн отмечает, что многие науки настоящего и будущего, прежде всего гуманитарные, имеют дело с реальностью возможного. И задача не в том, чтобы свести концы с концами; напротив, — отмечает он, — концы должны расходиться как можно дальше, очерчивая таковые границы теоретического поля, несводимого в один план, или концепцию в виде невра будущегостей. Отсюда вытекает, в частности, принципиально иная, чем в классической науке, постановка в гуманитарных науках вопроса об истинности познания (хотя, как известно, и в естественных науках этот вопрос давно утратил ту однозначность, которой он обладал сто лет назад). По отношению же к гуманитарным наукам его вообще ставить, строго говоря, некорректно — именно потому, что предметом гуманитарных наук является не необходимое, а возможное. «Размышления могут иметь ценность не потому, что они верны, а потому, что они верны» (Эйнштейн, 2004, с. 68). И если критерии прогресса естественных наук связаны с тем, что по мере развития науки объяснение должно становиться все более однозначным и сфокусированным, то в гуманитарной науке, наоборот, критерием прогресса становится умножение дискурсов.

Сформулированное здесь положение является центральным тезисом данной статьи: *если естественные науки изучают сущее и необходимое, то есть то, что существует и подчиняется причинно-следственным закономерностям, то гуманитарные науки изучают возможное, то, что может быть, но существенные цели не являются необходимыми, критично обусловленными и односторонними, не будучи обусловлены никакими: оно может возникнуть при наличии определенных предпосылок, но может и не возникнуть. По сути,*

все продукты человеческого творчества относятся к реальности именно этого рода. Если принять взгляд на человека как на единство необходимого и возможного, можно равнестественнонаучную и гуманитарную психологию по их «отношениям»: естественнонаучная психология изучает необходимое, детерминированное в человеке, а гуманитарная – возможное, потенциальное.

ОТ ВОЗМОЖНОСТИ К ДЕЙСТВИЮ

Когда мы не просто функционируем как носители свойств, состояний, импульсов, влечений, черт, но открываемся миру содержаний и возможностей и опираемся на него в построении собственной жизни, у нас меняется режим функционирования. Мы выходим из режима детерминизма, строим свою жизнь-часть по другим законам, и здесь требуется другая психология. Вот ряд иллюстраций.

Когда печаталось первое издание моей книги «Психология смысла» (Леонтьев Д.А., 1999), я зашел в типографию узнать, как дела. Работники типографии встретили меня вопросом: «А что вообще говорит современная наука: есть смысл или его нет?» Преодолев первоначальную растерянность, ответил: «Современная наука считает так: если считать, что смысл есть, то он будет, а если считать, что его нет, то его и не будет, потому что в этом случае искать ему неоткуда». Этот ответ, несоответствующий с классической наукой, но хорошо выражающий специфику исключительной, описывался вложенный в упомянутую книгу механизм волагания смысла, иллюстрированный в ней историческими примерами из книги Р. Май «Искусство психологического консультирования» (Май, 1994). Уильям Джеймс, в молодости обучавшийся физиологии, внял в студенческие годы в автобиографическую депрессию, потому что он хотел познать свободу человека, а из того, что он изучал, следовало, что никакой свободы нет, один рефлексом гиллового мыла и тому подобное. Он даже подумывал о самоубийстве. Наконец, он нашел решение – решил сделать ставку на свободу, без гарантий, рискованную, как любая ставка в азартной игре. Он выиграл эту ставку и выиграл свободу. Но если бы он сделал другую ставку, ставку на то, что свободы нет, он бы получил подтверждение и этой ставки, только в этом случае он выиграл бы свою ставку, проиграв свободу. Другой пример, который приводит Май: Блез Паскаль в похожей ситуации ставок поставил на то, что во вселивой есть смысл, и смысл возник. Эти примеры напоминают про хорошо экспериментально изученный феномен самоосуществляющегося

прогноза, высказанный прогноз становится фактором, повышающим вероятность его осуществления. В известных экспериментах случайно отобранные ученики, про которых учителя «по секрету» говорили, что у них большой еще не проявившийся интеллектуальный и творческий потенциал, через год действительно обнаруживали по объективным тестам гораздо больший прогресс, чем их соученики.

С классической, детерминистической точки зрения, это абсолютно не объяснимо: получается, что идея, образ становится материальной силой, порождает осязаемую реальность. Точнее, конструируется или усматривается некоторая возможность, которая затем становится реальностью; сознание определяет бытие. Вспомним фразу А.Н. Леонтьева про подвиг, психологическую суть которого нужно искать в воображении (Леонтьев А.Н., 2004, с. 59). Причины, детерминанты, которые могли бы породить действие, впоследствии оцениваемое окружающими как подвиг, не могут быть заложены в самой ситуации, потому что подвиг — это всегда действие наперекор логике ситуации «здесь и теперь». Ситуация требует спрятаться, или бежать, а я нахожусь где-то вне ее ресурсы для того, чтобы повести себя совершенно не по логике ситуации. Когда я думаю о потемках, думаю о пределах, о Боге, о чести, о чем-то нематериальном, возникает новая реальность и мое поведение меняется, выходишь из «зоны» ситуации. Здесь, по сути, речь идет о поступке, определяемом в первом приближении как «действие, судьба которого определяется не на наличной ситуации» (там же, с. 202; подробнее см.: Леонтьев Д.А., 2006б).

Итак, содержание сознания становится некой материальной силой, возможность воплощается в действительность. Как можно представить себе этот процесс? Первым и необходимым этапом является, безусловно, усмотрение, раскрытие соответствующей возможности, которое, однако, необходимо, но не достаточно. Перед любым субъектом в данный момент времени может раскрыться много разных возможностей, и не все из них воплощаются в действительность. Возможности никогда не воплощаются в действительность сами, это происходит только через деятельность субъекта, который воспринимает их как возможности для себя, что-то из них выбирает и делает свою «ставку», вкладывая себя и свои ресурсы в реализацию некоторой выбранной возможности. Он принимает на себя ответственность за реализацию данной возможности, берет на себя внутреннее обязательство предпринимать усилия для этого. Тем самым он становится силой, воплощающей возможность в действительность.

Здесь гуманитарная психология смыкается с психологией экзистенциальной: если предметом гуманитарного познания являются сами миры смыслов, веры, возможностей, то экзистенциальная психология изучает процесс и механизмы перехода, превращения возможностей в материальную силу. Анализ процессов перехода от возможности к действию представляется мне наиболее важной, ключевой проблемой, прогресс в решении которой мог бы сыграть решающую роль в демонстрации объяснительного и практического потенциала гуманитарной психологии. Пока можно лишь схематически наметить путь понимания этого перехода.

При этом переходе происходит следующая трансформация: возможное – ценное (осмысленное) – должное – цель – действие.

Спектр возможных для субъекта в данный момент вариантов действия может быть очень широк. Далеко не все из того, что может в принципе быть осуществлено, имеет какой-то смысл или приведет к положительным или хотя бы нейтральным для субъекта последствиям. Существуют и бессмысленные, внеконтекстные, и саморазрушительные возможности (например, возможность суицида). Первый переход в процессе воплощения возможности в действие связан поэтому с сужением спектра принимаемых во внимание вариантов, исключение из их числа тех, которые субъект не воспринимает как привлекательные, осмысленные, ценные альтернативы. Житейское, обыденное понятие возможности подразумевает обычно только осмысленную возможность. В. Франкл (1990) определял смысл как возможность на фоне действительности. Если некоторые из возможностей представляются субъекту ценными, хорошими, привлекательными или иным образом осмысленными, они обретают, наряду с осуществимостью, атрибут осмысленности.

Следующий шаг рассматриваемого перехода связан с самоопределением субъекта по отношению к ряду осмысленных возможностей, которые не могут быть реализованы все и требуют определения приоритетов. Когда субъект решает признать какие-либо из возможностей не только привлекательными и осмысленными, но требующими реализации в его жизни, оно обретает статус должного. Субъект занимает определенную внутреннюю позицию по отношению к тому, что он принимает как должное, формируя готовность и беря на себя ответственность за ее реализацию. Эта ответственность предполагает внутреннее согласие затратить определенные ресурсы и усилия и заплатить определенную цену за ее реализацию, например, отказавшись от других привлекательных возможностей.

Возможность, по отношению к которой субъект определяется подобным образом, становится для него должным. Важно подчеркнуть, что, как убедительно показал М.Н. Эпштейн (2001), должное является разновидностью возможного, а не формой необходимости. Любое должное предполагает возможность соблюдения нормы и возможность ее нарушения; выбор зависит от нашего ответственного решения, пусть даже соблюдение нормы поощряется, а нарушение наказывается. Поэтому мораль — это форма, в которой в регуляцию поведения вовлекается личная ответственность и выбор самих субъектов.

Но и обретение возможностью статуса должного не является конечным звеном рассматриваемого перехода. Существует некоторый неустранимый зазор между формированием цели и принятием решения «в принципе» реализовывать данную осмысленную возможность, с одной стороны, и началом действия по ее фактической реализации, с другой. Его преодоление требует внутреннего шага, который описывается в психологии через известные метафоры «*finis*» (да будет!) (Джамс, 2003) и «перехода Рубикона» (Хеккаузен, 2003). Можно вспомнить также знаменитое татарское «*Покалти!*». В нашем контексте принципиально важно, что момент фактического начала действия ничем не детерминирован — он может оттягиваться, а может ускориться, но всегда определяется самим субъектом. Этот шаг, наконец, завершает цепь перехода: возможное — осмысленное — должное — цель — действие.

Во всех звеньях упомянутого перехода решающую роль играет рефлексивное сознание субъекта. Если оно неразвито или просто дремлет, субъект не в состоянии проделать работу по открытию и селекции возможностей и переходу к осмысленному целеполаганию. В таком случае, однако, эту работу может манипулятивно проделать за него другой, предлагая уже готовую цель в качестве заведомо ценного и должного; субъекту остается только «идти под козырек». Именно этот механизм искусственного «спрямления» пути от многообразия возможностей к единственной принимаемой здесь и теперь цели активно используется в рекламе, политической и религиозной пропаганде, межличностных манипуляциях. Принцип минимизации энергозатрат объясняет ту поразительную готовность, с которой многие люди склонны принимать заданные чужие цели, не рассматривая альтернатив. Бытие полностью определяет неразвитое сознание; только развитое сознание имеет шанс начать определять бытие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Естественнонаучную и гуманитарную парадигмы в психологии неверно рассматривать как альтернативные; гуманитарная парадигма не смежает естественнонаучную и не сжимает ее, она скорее открывает новое измерение человека, в принципе недоступное для исследования естественнонаучного типа. Естественнонаучный и гуманитарный подходы дополняют друг друга как две разные проекции одного многомерного целого. Каждый из них ценен, полезен и обладает мощным познавательным потенциалом до тех пор, пока не начинает утверждать, что исчерпывает всю личность, всю вселенную, всего человека. Это же, впрочем, относится и к более частным, конкретным теоретическим конструкциям (психоанализ, теория деятельности, экзистенциальная психология, когнитивная психология и т.д.), и к методам: разные методы полезны при условии, что метод не претендует на исчерпывающий охват изучаемого объекта. Сама же психологическая реальность человека не покрывается ни одной теорией, даже самой сложной и глубокой, не раскрывается ни одним сколь угодно изощренным методом; все конкретные теории и все методы представляют собой лишь проекции меньшей мерности. При этом, чем больше у нас будет разных проекций, тем больше у нас будет материала, чтобы настраивать сложное стереометрическое целое, при условии, что мы осознаем относительность любой из проекций.

В данной статье была предпринята попытка разработать конкретную версию соотношения этих двух подходов в психологии, соотнести их с двумя сторонами феномена человека: необходимым и возможным. Естественнонаучная психология направлена на изучение сферы необходимого, законов вселенной, подчиняющихся причинно-следственной логике, и стремится к максимально точной и строгой формулировке выявляемых закономерностей. Гуманитарная психология направлена на сферу возможного, на бесконечное пространство содержания, на которое мы можем опереться, делая выбор и приняв ответственность. Опираясь на эти содержания, мы можем по-иному строить свое поведение, преодолевая те механизмы детерминации, которые управляют нами, когда мы действуем «на автомате», не включая рефлексивное сознание. В этом неприродном и неклассическом измерении жизнедеятельность человека обретает бесконечное многообразие возможностей и демонстрирует «шестую сложность» (К. Леонтьев) распадающихся дискурсов. Видение мира через призму возможностей, а не только необходимости, составляет основу того, что можно назвать

терминем «гуманитарное сознание», неизбежность которого вытекает из сказанного выше. Гуманитарному сознанию соответствуют появившиеся в последнее время стратегии общего образования, ориентированные на «расходящиеся дискурсы»: вариативное образование (А.Г. Асмолов), вероятностное образование (А.М. Лобок).

В заключение в статье была предложена рабочая схема, описывающая некоторые характеристики перехода от возможности к действию, не вписывающегося в рамки традиционного детерминизма. Эта схема может служить ориентиром для эмпирических исследований, которые с некоторой оговоркой можно назвать экспериментальными. Можно, впрочем, говорить про определенную категорию методических процедур, специфичных для гуманитарной парадигмы, а именно про качественно-феноменологические методы исследования, и про определенный тип столь же специфической для нее экспериментальной методологии, а именно конструирующую, формирующую, психотехническую методологию, когда определенная сконструированная возможность первична по отношению к экспериментально формируемому свойству или функции. Интересно, что как качественные, так и формирующие методические подходы развиваются в последние десятилетия в психологии опережающими темпами, несмотря на их сложность, что задает новые — гуманитарные — ориентиры для эмпирических исследований в неклассической психологии.

ЛИТЕРАТУРА

- Белкин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
- Бусыгина М.С. Методологические предпосылки и принципы развития культурной психологии // Методологические проблемы современной психологии / Под ред. Т.Д. Марцинковской. М.: Смысл, 2004. С. 82–101.
- Джеймс У. Научные основы психологии. Минск: Харвест, 2003.
- Дильтей В. Описательная психология. М.: Русский книжник, 1924.
- Ломы К. Динамическая психология: избранные труды. М.: Смысл, 2001.
- Лекторский В.А. Предисловие // Наука глазами гуманитария / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: Прогресс-традиция, 2005. С. 5–10.
- Лозовый А.В. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл: Академия, 2004.

- Леонтьев Д.А.* Психология смысла. М.: Смысл, 1999.
- Леонтьев Д.А.* Неклассический вектор в современной психологии // Постнеклассическая психология. 2005. № 1(2). С. 51–71.
- Леонтьев Д.А.* Личность как преодоление индивидуальности: основы неклассической психологии личности // Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра / Под ред. А.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2006а. С. 134–147.
- Леонтьев Д.А.* К психологии поступка // Экзистенциальная традиция в философии, психологии, психотерапии. 2006б. № 2(9). С. 153–158.
- Леонтьев Д.А.* Неклассический вектор в современной психологии // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юренич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 74–94.
- Леонтьев Д.А., Павлова Е.Ю.* Курт Левин – методолог научной психологии // *Левин К.* Динамическая психология: избранные труды / Под ред. Д.А. Леонтьева, Е.Ю. Патяевой. М.: Смысл, 2001. С. 3–20.
- Мамардашвили М.К.* Философия и личность // Человек. 1994. № 5. С. 5–19.
- Мамардашвили М.К.* Лекции о Прусте (психологическая топология пути). М.: Ad Marginem, 1995.
- Мамардашвили М.К.* Психологическая топология пути. М.: РХГИ, 1997.
- Маршакоская Т.Д.* Междисциплинарность как системообразующий фактор современной психологии // Метапарадигматические проблемы современной психологии / Под ред. Т.Д. Маршакоской. М.: Смысл, 2004. С. 61–81.
- Май Р.* Искусство психологического консультирования. М.: ИФ «Класс», 1994.
- Павлова Е.Ю.* Конструктивистская парадигма в психологической науке // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Вып. 1 / Под ред. Б.С. Братуся, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 19–36.
- Пригожин И.* Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46–52.
- Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. М.: Прогресс, 1986.

- Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2001.
- Славин В.С.* Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Фромм В.* Человек и поиски смысла. М.: Прогресс, 1990.
- Фромм Э.* Искусство любить. СПб.: Азбука-Классика, 2001.
- Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность. 2-е, перераб. изд. М.: Смысл. СПб.: Питер, 2003.
- Штерн В.* Дифференциальная психология и ее методические основы. М.: Наука, 1998.
- Эльконин Д.В.* Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989.
- Экштейн М.И.* Философия возможного. СПб.: Алетейя, 2001.
- Экштейн М.И.* Знак_пробела: о будущем гуманитарных наук. М.: ИЛО, 2004.
- Hartman W.* Foreword: Shifting assumptions // *Silver Threads: 25 Years of Parapsychology Research* / Ed. by B. Kane, J. Millay, D. Brown. Westport: Praeger, 1993. P. XIX–XXX.
- Shuster J.* Getting in touch: the metamethodology of a postmodern science of mental life // *The Humanistic Psychologist*. № 1. Spring 1990. V. 18. P. 7–22.

ОЗНАЧАЕТ ЛИ СВОБОДНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ ИДЕЙ ОТКАЗ ОТ КРИТЕРИЕВ НАУЧНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ?

Т.В. Кермилова

СВЯЗЬ КРИТЕРИЕВ ПРОГРЕССА ПСИХОЛОГИИ С ПРЕДСТАВЛЕНИЕМ О НЕЙ КАК НАУЧНОЙ

В современном использовании термина «психология» смешиваются как житейские представления об этой области знания и практиках помощи человеку, так и представления профессиональные, предполагающие выделение научным сообществом своего предмета изучения и своей исследовательской (или иной) практики. Не будем обращать внимания на передефиниции в самом понятии «практика». В научной психологии, в том числе и в отечественной, со времен Л.С. Выготского, под практикой психологии имелась в виду и научно-исследовательская деятельность, и использование психологических знаний для решения практических задач (диагностики, развивающего обучения и пр.). После яркой (и своевременной для конца 1970-х годов) статьи Ф. Васильева, в которой было введено представление о сдвиге в психологии, сложилась, на наш взгляд, парадоксальная традиция использования словосочетания *исследовательская практика* как противопоставления *научно-исследовательской практике* (Васильев, 2003). Различные психотерапевтические практики еще более сузило для ряда психологов объем этого понятия. О психотехнических системах стали говорить как о единстве психотехнической практики и разрабатываемой для ее обеспечения психотехнической теории.

«Опыты о человеке» терминологически подчеркивали специфику этого вида практической деятельности психологов. Она связывалась с целостностью понимания человека, которое стало противопоставляться научному (как «естественнонаучному») и – в силу во многом сознательного отказа от исследовательских парадигм – шло вполне параллельно развитию философских и профессионально-исследовательских (общеметодологических и частнонаучных) проблем понимания (Зинков, 2005; Труды..., 2006).

Это несомненный прогресс в методологии психологии — экспликация и дифференциация связей между разными по типу психологического объяснения теориями и разными видами психологических «практик» (исследовательской, консультативной и т.д.). Идея практико-ориентированной теории, восходящая к работам Л.С. Выготского, не должна, однако, делать менее значимой другую. В работе об историческом смысле кризиса в психологии (Выготский, 1982) именно в исследовательскую практику полагаются основы построения научной психологии — как исследовательски-ориентированной и решающей практические задачи (не только психотехнические). Подстановка же под понятие практики значения, суженного до практики психотерапевтической, выглядит скорее феноменом партиципации, чем свидетельством прогресса. Действительно совершающееся в России прогрессивное развитие консультационной и психотерапевтической практики не означает автоматически прогресса в построении психологических теорий. Для каждого случая теоретических обобщений это должно выступать предметом специального обсуждения. Отсутствие же мета-аналитических работ по эффектам психотерапевтических воздействий в российской психотерапевтической практике не позволяет оценить характеристики этой «сферы практической психологии».

Мешать развитию науки начинают не нарождающиеся новые схемы соотношения теоретического и практического знания в психологии, а агрессивные претензии авторов, представляющих одну из тенденций, выступать от имени всех (всех психологов, всех гуманистов и т.д.). Разнообразие новых интерпретационных подходов — как в академической, так и в практической психологии — должно, казалось бы, приветствоваться как показатель развития. Но подняты в связи с этим проблематичные моменты-вопросы в психологии (Юренич, 2006; Смирнов, 2005) вызывают в ответ и негативные тенденции — запретить, как это было совсем еще недавно, то, что отклоняется от «единого ствола» психологического знания. Особенно удручает, когда это наложение запрета мотивируется не содержательными обоснованиями (тогда можно было бы говорить о конкурирующих идеях), а «методологическими эмоциями» (Соколова, 2006). И «помехой» прогрессу психологической науки здесь видится отказ от основного заповедия научного мышления — конкуренции и сопоставления различных взглядов и теорий (Корнильова, 2006а).

Вопрос о критериях развития психологической науки включает предположение о том, что речь идет именно о научной сфере психоло-

ля, и в первую очередь – о той части профессиональной практики, которая направлена на эмпирическую оценку истинности теорий. Другой вопрос – о том, какими могут быть эти критерии для психологической науки, если в философии и методологии науки критерии истинности менялись (концепция В. Стешняка, М. Мамарданшвили и др. подробно знакомят с проблемой стабильности исторического развития критериев рациональности в науке, а в работах психологов освещается их роль в разных профессиональных подходах¹) (Асмолов, 2002; Брунер, 2001; Гусельцева, 2003; Корнилова, Сырнов, 2006 и др.).

Критерий оценки истинности той или иной психологической теории путем эмпирической проверки гипотез, следующих из ее положений, не является единственным. Теории могут конкурировать между собой и по другим основаниям, помимо полноты охвата «эмпирией» (глубина объяснения, строгость или красота построений и проч.). Но главное, что речь должна идти именно о конкуренции идей, что предполагает определенный уровень обобщений психологического знания. С этой точки зрения не может всерьез восприниматься постулирование основы некоей эмпирической психологии. Таковой не может существовать вне систем теоретических подходов и методов проверки психологических гипотез.

Не отменяет требований к построению теоретических обобщений и то положение дел, что на неклассической стадии развития науки обсуждается и принимается зависимость «фактологии» от инструментария исследователя, идеи непрозрачности наблюдателя, а на постнеклассической – приоритета ценностных предпочтений автора. Но это все имеется в виду применительно к научной сфере, а не мировоззренческой. С одной стороны, научная картина мира вносит свой вклад в мировоззренческие взгляды (и даже конструктивно изменяет сам мир), но с другой – системы мировоззренческой, раскрывающие понимание бытия человека в мире (в первую очередь, в мире идей и в мире людей) базируются и на других основах и ни в коем случае не являются прерогативой психологического знания.

Современное внимание отечественной психологии к проблемам методологии свидетельствует о живом стремлении к рефлексии

1. Здесь можно два уточнения: 1) профессиональные подходы в целом противопоставляются различным: о социальных и других основаниях предпочтений профессионализма в психологии подробно писал А.В. Курочкин (2000), и здесь они не являются в виду; 2) рациональность как критерий научности не следует путать с одним из ее вариантов, выражаемым в качестве идеала научности в естественнонаучной картине мира.

основ психологии «связку» (от запросов дальнейшего развития как исследовательской практики, так и практики психологической помощи). Это является прогрессом, поскольку любая опущенная сверху методология плохо приживается в частнонаучной сфере, если для нее исторически естественно не сложились необходимые предпосылки. Обращение к психологии познания естественно связано сегодня с развитием психотерапевтической практики. Для научно-исследовательской практики остается важной другая проблема – построение понимания как теоретического, *объективистского* (в значении, придаваемом этому термину Л.С. Выготским). И такое построение не может идти по пути отбрасывания столетнего развития психологии как науки (не важно, классической или неклассической). Поэтому не вызывает ощущения прогресса «открытие», представленные в психологии, в частности, призывами вроде «назад, к Дильтею».

Другой стороной развития научной теории выступает развитие методологического (включая методический) арсенала психологии, что влечет за собой, в частности, заведомую *борьбу* с позитивистскими установками в академических исследованиях. Однако они могут начинаться только в рамках организации конкретного психологического исследования и реализации задачных в нем теоретических оснований понимания изучаемой психологической реальности, а не «методологическими окриками» со стороны. Желание помочь начинающим психологам в том, чтобы они не забывали недавнее методологическое прошлое психологии, побуждает писать учебные пособия на эту тему и участвовать в дискуссиях на темы методологических пристрастий (Корнилова, 2006б).

Психология, сравнительно поздно ставшая претендовать на статус науки, благополучно прошла мимо ряда призывов позитивизма и неопозитивизма к упорядочиванию критериев научного познания. Одним из таковых стало предложение Л. Витгенштейна убрать из перечня трех предлагавшихся функций науки – описание, объяснение и предсказание – именно объяснение. Развитие психологических школшло именно по линии формулирования новых содержательных объяснений, базирующихся на выделении разных аспектов в предмете психологии, принципов психологического анализа, а также не в последнюю очередь и на развитии методических средств, используемых для демонстрации объяснительных возможностей различных базовых понятий.

Другое дело, что в самой психологии к концу XIX в. функции объяснения и понимания были разведены. Первая осталась за объяснительной психологией (связываемой в то время с изучением элементарных, или «низших» психических функций), в то время как вторая странном образом отнималась от научной психологии (Дильтей, 2001). Вклад В. Дильтея в возникновение этого недоразумения, связанного с разрывом объяснения и понимания в психологии, на наш взгляд, несколько преувеличен. Более важным представляется то основание кризиса, которое было рассмотрено Л.С. Выготским: казавшийся непреодолимым разрыв между объяснением, анализирующим и метафизике и в возможностями построения научной психологии. Им была проделана не упоминающаяся сторонниками дильтеянской позиции основанная работа по демаркации в психологии проблем вторичных и основной, заключающейся в разрыве между объяснением, анализирующим и метафизике, и объяснением, построенным на основе научного метода (Выготский, 1982).

Аналитичность, противопоставленная в этой основополагающей работе о кризисе метафизическому целостному пониманию, уже не представлена сегодня в качестве основного отличительного критерия научного подхода в психологии. И дело не только в развитии идей холизма или системной детерминации. Дело скорее в том, что сама психология – в самых разных ее направлениях и исследованиях – пришла к необходимости сочетания научного анализа с пониманием, за которым стоит принятие необходимого уровня неопределенности. Не метафизическое схватывание сущности является основой понимания в психологии. «Дельта понимания» – лишь один из аспектов, связанный с развитием интеллектуального идеала рациональности научного познания (Мамардашвили, 1984). Другой аспект – представление о том, что «новое мышление», мышление современного человека, представляет собой *интеллектуальную деятельность в условиях неопределенности*, – было сформулировано в научно-исследовательской психологической практике. Термин нового мышления появился в работах О.К. Тихомирова (1992) и Д. Дервера (1997). Сегодня с ним может связываться следующий критерий прогресса, анализирующий к уровню современной методологии принятие множественности методологических позиций в психологии, что оказывается делом трудным, требующим уже не только «методологических амбиций», но и методологических усилий. Без соответствующих усилий по преодолению разрывов между мировоззренческими, общеметодологическими

и конкретно-научными предположениями «новые» психологические теории не могут развиваться.

Каким образом можно реализовать это условие, например, в практике преодоления сложившихся возможностей экспериментального метода, соотносимого со следованием классическим идеалам рациональности, не оговаривая. Но это не значит, что следует отказаться от критерия научности в контексте осмысления границ исследовательской практики в психологии². Новый уровень в понимании проблемы множественности объяснений в психологии выглядит, на мой взгляд, вполне прогрессивным.

ПРОГРЕСС КАК ОСВОЕНИЕ ПОЛИПАРАДИГМАЛЬНОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ

Понятие методологического плюрализма практически синонимично понятию «полипарадигмальности» психологии, по крайней мере, на современной стадии ее развития. Иногда эту стадию развития называют «допарадигмальной», что почти совпадает с понятием «доначушной» стадии. Философия постпозитивизма, предполагающая полипарадигмальность, или мультипарадигмальность науки, может рассматриваться как естественным образом совпадающая с методологическими поисками современной психологии, но сами эти поиски могут совсем не вписываться в ряд позитивистских теорий (Свяриной, 2005). «Естественным образом» означает здесь только то, что психология не ставила перед собой специальной задачи соответствовать той философии науки, которую разрабатывали представители постпозитивизма. Напротив, советской психологической наукой сознательно была принята цель освоения и соответствия методологии марксизма.

В то же время именно психология изначально столкнулась в научном познании с теми ситуациями, которые осмысливались в качестве требующих смены классических идеалов рациональности (в классической науке) и которые привели к формулированию идей неклассической (и постклассической) психологии (Завершнева, 2001). И здесь не проходит идея методологически многозначной, столь часто используемой авторами, противопоставляющими якобы новую гумани-

2 Правда не конструировать и не жить ребенку, выросшему во взрослой одежде, такой в итоге не станет надевать прогрессивным. Но ребенок, выросший во взрослой академической одежде, академичности не даст больше академической практики, но все же откажется от научных теорий, которые открыто обсуждаются в ряде работ в качестве будущего психологии.

стическую парадигму якобы устаревшей академической. Неинтересно также раскрывать вопрос о том, в чем состоит необоснованность отождествления академической психологии с естественнонаучной, поскольку это уже было представлено в методологической литературе (Корнилова, 2007; Марциниловская, 2004; Смирнов, Корнилова, 2005 и др.).

В психологии действуют критерии оценок содержательного приращения знания как сформулированные в ее историко-методологическом контексте, так и разработанные в общифлософской методологии науки. Идея Т. Куна о том, что исследовательская парадигма включает взаимосвязи теоретических представлений, используемых исследовательских приемов и разделяемых заблуждений, была представлена в историко-психологических работах задолго до автора концепции парадигмального развития науки. В психологии основна и попперовская концепция критического рационализма. В отличие от позитивизма, она рассматривает в качестве ведущего звена теоретических реконструкций на основе выдвижения и проверки гипотез. И при том, что работа Поппера о логике эмпирической парадигмы на русском языке вышла только в 1983 г., сама эта парадигма уже давно реализовывалась в психологии (как соответствие заявленному в ней способу сопоставления теоретических и эмпирических знаний, а также в качестве противовеса дилетантскому отказу от звена *опыта* как самому важному из того, что может быть положено в основу психологического знания).

Политероидность в отношении теоретического знания не может смешиваться с проблемой множественности критериев, аксиоматизируемых мышлением. Прогресс в психологии предполагает сознательный анализ методологических основ организации психологического исследования. Он включает новые этапы обращения к выделению предмета и метода исследования. Обсуждаемые возможности феноменологического метода, конструктивистских установок, нарративного пути познания в психологии свидетельствуют о новом витке ее методологических поисков. На этом фоне становится необходимым переосмысление целей и способов организации исследования и других форм психологической практики.

Один из аспектов сформулированной Выготским в работе о кризисе дихотомии научного и метафизического методов ставил ту позицию, согласно которой сущностное познание основывается на интуиции, а аналитическое – на индукции. Именно этот аспект был в последующем переосмыслен применительно к научному методу

в исследованиях К. Поппера (о теоретическом обобщении на основе гипотетико-дедуктивного метода), который видел место интуиции именно в звене выдвижения гипотез (то, что он отдавал на откуп психологам), а не пути их проверки научным методом (что было полем методологических оценок).

Другая дихотомия сегодня соотносится с разграниченным аналитического и целостного рассуждения: это дихотомия естественнонаучного и гуманитарного мышления. И в этом звене можно видеть скорее откат назад в методологии психологии. Я имею в виду исключение из рамок обсуждения проблемы критичности как неотъемлемого свойства научного мышления (будь то область естественнонаучного, гуманитарного или психологического знания). Свойство критичности — в том самом широком понятии рациональности как разумности — является важным критерием научности в теоретической или практической работе психолога (при указанной неоднозначности того, какая практика имеется в виду).

Вопрос о том, является ли психология гуманитарной или естественной наукой, не может быть сведен к проблеме специфики гуманитарного мышления именно в звене гипотез — ничто не указало пока на отличия в их выдвижении при порождении знания гуманитарного и естественнонаучного. Разграничение видов наук на естественные и гуманитарные выступает самостоятельной проблемой; и настойчивость противопоставления в психологии строгого естественнонаучного мышления и мышления гуманитарного не может подменять содержательных аргументов в вездущих спорах о путях развития научной психологии. Видимо, и к гуманитарному мышлению следует отнести привычки гипотетичности и критичности.

Критичность мышления, ориентированность на то, каковы вопросы, а не только ответы, получаемые в исследовании — это свойства, в равной степени присущие как экспериментальным наукам (с которыми ассоциируется экспериментальный метод, а не собственно естественнонаучная парадигма), так и гуманитарным. Но в гуманитарных науках разработаны иные средства эмпирической апробации при проверке научных гипотез³. Требование же к критичности мышления, например, при соотношении возможных вопросов и допустимых ответов, которые связываются с той или иной изучаемой фактологией, не означает только аналитичности. Как показывает книга английского

³ Так, метод критического анализа документов — аналог экспериментальному в исторических науках, также предполагает высказывание фактов путем соотношения гипотез и собираемых исследовательскими данными.

философа истории Дж. Коллинзуда (1980), основателя в том числе и так называемой кембриджской школы мышления, для научного мышления характерны целостность видения проблемы (во множестве ее контекстов) и прогностичность, отражающая умение (за которым стоит накопленная система знаний) задавать правильные вопросы, только в ориентировке на которые и можно получать правдивые ответы историка.

ПАРЦИАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС И КРИТЕРИИ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА В НАУЧНОМ СООБЩЕСТВЕ

Наряду с прогрессом в области методологии психологии, ознаменовавшей разные подходы и взаимодействующей с философией науки, можно говорить также о критерии развития отдельных направлений в психологии, прорывы в которых неизбежно оказались связанными с изменением общей или частной методологии.

Я бы говорила здесь о парциальном прогрессе, т. е. о явном прогрессе в отдельных направлениях исследований и отсутствии такового в других. Здесь была бы неуместна метафора аэробы, выпягивающей в ту или иную сторону свои ложноножки, поскольку успехи одного из направлений подчас видоизменяют направленность и целей и средств в других. Это касается, во-первых, состояния теоретико-эмпирических исследований в областях психогенетики и когнитивной психологии. Несомненным является скачок и в области видоизменения содержательных гипотез о единстве интеллекта и аффекта в современных исследованиях личностной регуляции интеллектуальной деятельности; но здесь я не стала бы выпягивать ту область, с которой связаны мои собственные научные предпочтения. В названных областях «естественным образом» (на основе поступательного развития научных средств) изменились представления о критериях и основах того, что до сих пор называлось интеллектом. Междисциплинарные ориентации двух названных дисциплин привели к более тесной их связи с исследованиями в области геноетики, психологии образования, искусственного интеллекта. В результате уровень разработки гипотез достиг таких представлений об опосредствующих звеньях в реализации тех или иных процессов и структур, что это потребовало и изменения статистического аппарата, и изменения более широких стратегий соотношения теории и опытных данных, unequivocalность которых продолжается, в частности, средствами структурного моделирования.

Во-вторых, в других странах явно выражен прогресс как в профессионализации научного сообщества, так и во взаимном движении психологов и непрофессиональных пользователей психологического знания навстречу друг другу. Здесь, на мой субъективный взгляд, мы видим тенденцию, противоположную по направлению изменениям в зарубежной психологии. Реализуя идею «психология — практика», наше научное сообщество иногда подменяет междисциплинарные подходы согласием на включение в область научного явно не выдерживающего никакой критики исследования. В научном сообществе уровень обсуждения многих психологических проблем явно снижается из-за претensions на якобы особую логику их понимания, за которой часто проглядывается готовность на любую логическую неконсистентность, лишь бы «продолжить» влох апробированные исследовательские проекты.

Подушевание содержательных критериев оценки научной работы такого рода аргументам, по отношению к которым о логической компетентности говорить не приходится, явно не способствует прогрессу знания (неважно, психологического или иного). Даже в знаменитой научное сообщество идее методологического анархизма П. Фейерабенда говорится о том, что хороши все методологии исследования (при разных платформах и средствах), а не ставится знак равенства между исследованиями научными и таковыми не являющимися. Действительная проблема состоит в невозможности функционирования критериев научности вне субъекта, названье которому — «научное сообщество». Когда у Т. Куна спрашивали, что бы он переписал в своей книге о структуре научных революций спустя десятилетия после ее появления в философии науки, он ответил, что ничего, но расширил бы специальный раздел о научном сообществе. Не наука сама по себе выдвигает те или иные критерии, а люди, которые их рефлексируют и следует или не следует им — от них зависит, какими будет ее прогресс. И он не станет даже парциальным при такой — принимаемой частью сообщества — «шпуре в науку», когда игра идет не всерьез, когда вместо экспликации и содержательного обсуждения психологических гипотез предлагается критерий единомыслия (со всем подразумеваемым багажом «принятия авторитетов», что характерно отнюдь не для научных сообществ).

На вопрос о том, возможна ли универсальная система надпарадигмальных критериев прогресса в психологии, я бы ответила: да, поскольку здравый смысл пока еще никто не отменял.

Другой критерий — рефлексия опыта исследований в рамках тех или иных психологических направлений. Такая работа явно требует некоторой метаяскости анализа. Выработываемый исследователем в рамках одной парадигмы, такой критерий может оказаться мало применим к другой. Кроме того, опыт и культура критического мышления в разных парадигмах пока мало сопоставимы. Специального обсуждения заслуживает проблема подмены акселерацией и гуманитарным идеалам собственно психологических содержательных гипотез (Корнилова, Смирнов, 2006).

ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ: ПРИЗНАК ПРОГРЕССА ИЛИ ОПРЕДЕЛЕННОЙ СТАДИИ НАУКИ?

Психология как часть (модус) человекования может оцениваться и по такому признаку прогресса, как следование *эвристическим идеалам*. Остается, однако, вопрос о том, как они понимаются применительно к исследовательской или иной психологической практике. Возвращение указания человеку мыслителю (ответствующему за «додумывание мыслей») — вот высшая ценность, следующая, например, из работ М. Мамардановичи (1985). Ценность интеллектуального анализа — позиция Дильтея в сто реальной (описательной) психологии (2001).

Можно сказать, что в современном психологическом познании произошло оттождествление гуманитарного идеала с реализацией психотехнических практик и с одним из теоретических направлений — гуманистической психологией (Корнилова, Смирнов, 2006). Вместе с тем принятие тех или иных ценностей в качестве методологических результатов характеризует не столько гуманитарную направленность в психологии, сколько определенную — постнеклассическую — стадию развития научного знания вообще. И принятие такой позиции предполагает включимость не только к содержательным основаниям разных теорий, но и их оценочным контекстам. И принятие ценности психологической помощи не означает, что нельзя обсуждать (или не видеть) научной обоснованности или, напротив, необоснованности предлагаемых ее форм.

Если ценностное предосмысление воссоздаваемой ситуации позитивно трактуется применительно к психотехническим практикам, то остается непонятным, почему это должно трактоваться негативно (как антигуманным) применительно к исследовательской процедуре в научной психологии. К. Роджерс писал о практических успехах

психологии, выражая опасения по поводу ее возможного могущества, поскольку при чрезвычайных возможностях манипулирования сознанием достигаются цели не только создания, но и разрушения. Совсем не случайно в последнее десятилетие возникли представления о том, что психологическая практика также может оцениваться по-разному: так, возникли оценки разных практик как конструктивной и деструктивной психотерапии.

В обсуждении методологии академической психологии также звучат разные оценки одних и тех же методов. В.П. Зинченко позитивно оценил такую особенность эксперимента, как создание условий для развития человека *возможного* (2003), т. е. не по критерию ценностного опосредствования проходит линия разграничения психологического эксперимента и психотехнического действия как разных психологических методов, связанных с реализацией разных парадигм. Цели экспериментирования могут быть самыми гуманными, а главное, практическая помощь наиболее очевидна там, где речь идет о человеке (а значит экспериментально) апробированной теории. «Хорошо» означает здесь максимальную кратичность исследователя в способах достижения познавательной цели.

Обсуждение такого методологического аспекта психологических теорий, как включенность в них *ценностных предположений*, предполагает последующий анализ того, как она связана со структурой теории и установками в отношении получения и использования научного знания. Можно сопоставить две сложившиеся в методологической литературе позиции, по-разному ориентирующие на взаимосвязи целей «внутренних» и «внешних» по отношению к нему целей, включая основные ценности добра, красоты, святости, пользы и др. Согласно Ф. Васслюку без определения в этой группе ценностей психологические взаимодействия невозможно (2003). Согласно Роджерсу, «субъективный выбор ценности, рождающей научное исследование, всегда находится вне этого исследования и не может стать составляющим элементом этой науки» (1994, с. 455). Но у Роджерса речь идет о смысле использования получаемого знания — обогатить, манипулировать, разрушить и т.д.

О другом аспекте — недопустимости включения любых других ориентиров в принятие решения, кроме мыслительных (разумных) оснований, — писал К. Поппер (1992). Согласно этому автору, ранее других предложившему оппозицию позитивизму в науке (критический рационализм как основа теоретических реконструкций в научном познании), любые апелляции к ценностям — дело аморальное, если

речь идет об интеллектуальных решениях; а именно таковые являются результатом интеллектуальной научной деятельности. «Аморальное» означает здесь как раз приоритет какой-то «другой» ценности, помимо «познания» — веры, классового интереса, пользы момента и т.д. Но этот автор вышел в виду структуру именно научного исследования.

Связь метода психологического исследования с той или иной трактовкой ценностных отношений также включена в дискуссии о нарождающихся новых психологических парадигмах. И здесь также встает проблема использования психологического знания в тех или иных целях — внешних по отношению к цели познания (до же по отношению к человеку). Ответим пока только следующее. Активность экспериментатора как осуществляющего вмешательство в научаемые процессы является куда менее значительной, чем активность психотехника, создающего ситуацию межличностного взаимодействия с клиентом с заведомой ценностной направленностью на цель «помощи». Однако психологические тренинги или развивающее обучение не рассматриваются как разумные методические средства. Значит, дело в ином: в системе ценностей, в которых психолог подходит к экспериментальной или иной ситуации взаимодействия.

Таким образом, обсуждение такого методологического аспекта психологических теорий, как включенность в них ценностных отношений, предполагает последующий анализ того, как это связано со структурой теории и установками в отношении получения и использования научного знания. Ценностью являются не сами по себе апелляции к ценностям, и тот или иной аксиологический аспект не обеспечивает возможных оценок качества проводимой психологом работы, будь то практика исследовательская или иная. Сами ценности также могут оцениваться, что задает разные ареалы их освоения частнонаучной методологией.

ЛИТЕРАТУРА

- Аскольце А.Г. По ту сторону сознания: Методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002.
- Бример Дж. Творчество разнообразия: Пиаже и Выготский // Вопросы психологии. 2001. № 4. С. 3–13.
- Васильев Ф.Е. Методологический аспект в психологии. М.: МПГУ, Смысл, 2003.

- Высокский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч. М., 1982. Т. 1. С. 291–436.
- Гуслярова М.С.* Культурно-историческая психология: от неклассической к постклассической картине мира // Вопросы психологии. 2003. № 1. С. 99–115.
- Дернер Д.* Логика неумд. М.: Смысл, 1997.
- Долматов В.* Описательная психология. М., 2001.
- Захарьина Е.Ю.* Принципы неопределенности и дополнителности в квантовой механике и психологии: проблема методологических заимствований // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2001. № 4. С. 67–77. 2002. № 1. С. 75–80.
- Зиничев В.И.* Теоретический мир психологии // Вопросы психологии. 2003. № 5. С. 3–17.
- Зинков В.В.* Психология понимания: Проблемы и перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Казимиров Дж. Р.* Идеи истории. М., 1980.
- Кармылова Т.В.* К проблеме полипарадигмальности психологических объяснений (или о сомнительной роли редукционизма и эмодий в методологии психологии) // Психологический журнал. 2006а. № 5. С. 92–100.
- Кармылова Т.В.* Экспериментальный метод как путь к причастному объяснению в психологии // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2006б. Т. 3, № 2. С. 3–22.
- Кармылова Т.В.* Экспериментальные парадигмы, или ложные дихотомии в психологии // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юрвич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 95–118.
- Кармылова Т.В., Смирнов С.Д.* Методологические основы психологии. М., СПб.: Питер, 2006.
- Мамардэшиани М.К.* Классической и неклассической идеалы рациональности. Тбилиси: Мецниереба, 1984.
- Мамардэшиани М.К.* «Дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно...» / Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1985. С. 126–142.
- Марциановская Т.Д.* Междисциплинарность как системообразующий фактор современной психологии / Методологические проблемы

Т.В. Корнилова. Означает ли свободная конкуренция идей отказ от критериев

современной психологии / Под ред. Т.Д. Марциановской. М.: Смысл, 2004. С. 61–81.

Пайпер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983.

Пайпер К. Открытое общество и его враги. М.: Культурная миссионерка, 1992. Т. 1.

Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М., 1994.

Смирнов С.Д. Методологический плюрализм и предмет психологии // Вопросы психологии. 2005. № 4. С. 3–8.

Смирнов С.Д., Корнилова Т.В. Психология в поиске новых методов и подходов // Труды Ярославского методологического семинара / Метод психологии. Ярославль, 2005. Т. 3. С. 201–222.

Совкина Е.Е. К проблеме соотношения значений и смыслов в научной деятельности (опыт неравнодушного прочтения книги А.А. Леонтьева «Деятельный ум») // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 1. С. 107–113.

Светин В.С. Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Труды Ярославского методологического семинара // Предмет психологии. Ярославль: МАПН, 2004. Т. 2. Ярославль: МАПН, 2006. Т. 4.

Юренин А.В. Психология и методология // Психологический журнал. 2000. № 5. С. 35–47.

ОБ ИСТОЧНИКАХ СОМНЕНИЙ В ПРОГРЕССЕ ПСИХОЛОГИИ

И.А. Мироненко

В современных дискуссиях о прогрессе психологии, на мой взгляд, самым интересным является то, что прогресс этот вызывает сомнения, несмотря на множество убедительных доказательств и очевидных свидетельств его наличия.

Оценивая состояние и успехи нашей науки, психологи нередко обращаются к сравнению ее с естественными науками как с неким эталоном. Замечательным примером является статья А.В. Юренича «Методологический либерализм в психологии» (Юренич, 2001). «Одна из главных особенностей методологического самосознания психологов, сопровождающая их науку с момента ее официального рождения, состоит в перманентном ощущении кризиса» (там же, с. 3). — пишет А.В. Юренич, и далее: «В основе кризисного самосознания психологии... лежит сравнение с "благополучными"... естественными науками, как правило, имеющее результатом "комплекс" психологов на них и прочие методологические "комплексы"» (там же, с. 6). А.В. Юренич последовательно анализирует «методологические комплексы» психологии, корни которых он видит в том, что психологи усматривают различия между психологией и естественными науками, «во-первых, в качественном состоянии психологического знания — его неупорядоченности, некумулятивности и т.д., во-вторых, в различии систем объяснения, в-третьих, в дефиците практических возможностей психологии, в-четвертых, в недостатке ее прогностических возможностей» (там же, с. 7). — и приходит к выводу, что рациональных оснований для того, чтобы констатировать существенные отличия психологии от естественных наук, нет ни по одному из названных параметров. Психология «не имеет сколь-либо принципиальных отличий от естественных наук, и ключевые основания для вынесения ей тяжелого диагноза — о том, что она находится в глубоком кризисе, — отсутствуют. Основания же для этого — преимущественно психологические: психология, не имея принципиальных методологических отличий от других наук, обладает специфическим и inadequateм

«словоспринятием» (там же, с. 12). А.В. Юренич рекомендует психологии «рационально методологическую позицию, в основе которой должна лежать коррекция, во-первых, ее Я-образа, во-вторых, образа естественных наук» (там же, с. 13). В контексте «рациональной методологической позиции» А.В. Юренич обращается к образу прошлого и будущего психологии, и приходит к выводу, что «...общая траектория развития психологической науки – это не бесконечное топтание на месте, а постоянный прогресс» (там же, с. 14).

Классифицируя анализ, проведенный А.В. Юреничем, на мой взгляд, делает излишним поиск новых аргументов в пользу искренне разделяемой мною точки зрения: *использовать нечто не даже естественным путем, а прогресс в ней не менее очевиден, но оставляет открытым вопрос: почему же именно психология переживает такие болезненные сложности по поводу наличия либо отсутствия прогресса в ее развитии? Каковы источники и причины ее «методологических комплексов»? Почему уязвимо ее «методологическое самосознание»?*

Ответ на этот вопрос, как мне кажется, лежит не в плоскости сравнения психологии с другими науками, но в контексте проблемы более общего порядка, порожденных современностью. Психология является частью науки в целом, наука – часть человеческой культуры, культура, в свою очередь, представляет собой один из аспектов бытия человечества. Сомнения в прогрессе психологии возникают не тогда, когда мы оцениваем прогресс психологии относительно других наук. Эти сомнения являются закономерным проявлением затруднений, возникающих сегодня при попытках дать оценку прогрессу науки в комплексе различных человеческой культуры и оценить прогресс современной культуры в комплексе жизни человечества.

Здесь обнаруживается ряд острых противоречий, актуальных и болезненных проблем, возникших в результате радикальных изменений, которым подверглась и подвергается на протяжении последних десятилетий жизнь людей. Эти актуальные проблемы современности самым непосредственным образом затрагивают психологию как в части ее предметной области, так и в части практического приложения и «методологического самосознания». Это и порождает те самые «методологические комплексы», то самое «перманентное ощущение критика», атрибутом которого являются сомнения в прогрессе нашей науки, проявляющиеся: *а) как ощущение самительности происходящего в ней «прогресса» и б) в форме сомнений в реальности и перспективах подлинного прогресса психологии.*

СОМНИТЕЛЬНОСТЬ ПРОГРЕССА?

Во-первых, в мысли о сомнительности прогресса психологии приводит дивергенция представлений о ценностях в контексте развития современной культуры. Как писал еще Н.К. Михайловский (1842–1904 гг.), наука, которая обращается к анализу человека как личности, к анализу социальных явлений, неизбежно не просто вскрывает причины и необходимость последующего процесса, но и оценивает его с точки зрения «жестокости», «идеала». Он так пояснял эту мысль: «Коренная и ничем невозладная разница между отношением человека к человеку и к остальной природе состоит прежде всего в том, что в первом случае мы имеем дело не просто с явлениями, а с явлениями, тяготеющими к известной цели, тогда как во втором — цель эта не существует. Различие это до того важно и существенно, что само по себе намекает на необходимость применения различных методов к двум великим областям человеческого ведения» (цит. по: Голосенко, Колосовский, 1995, с. 28). И далее: «Мы не можем общественные явления оценивать иначе, как субъективно» (там же), т. е. через идеал справедливости. Поэтому в качестве первой из причин, вызывающих сомнения в отношении прогресса психологии, следует назвать то смещение в отношении идеалов и ценностей («целей» у Н.К. Михайловского), свидетелями которому мы являемся в современном мире, осознающем себя в своей мультикультуральности, множественности цивилизаций, основанных на различных системах ценностных ориентаций. Сказки об общечеловеческих ценностях уже мало кого убеждают, в то же время налицо отсутствие психологической готовности людей адекватно понимать друг друга и взаимодействовать в ситуации множественности и неопределенности ценностных ориентиров. Психологическая наука как никакая иная прямо поставлена самой жизнью перед лицом факта *открытой общечеловеческой ценности, но одновременно к которой можно было бы оценивать прогресс, в том числе прогресс психологии.*

Сама психологическая наука, как становится все очевиднее, весьма разнородна в отношении ценностных ориентаций, как терминальных, так и инструментальных. В концепциях разных школ существенно различаются представления о том, что является основной функцией психики, для чего и почему психика возникла в процессе эволюции (свидетельством чему является, в частности, ведущаяся на страницах отечественных журналов дискуссия о предмете психологии). Различаются представления о сущности и идеале человеческой личности в различных психологических теориях. В процессе интеграции мировой науки обнажаются аксиоматические основания различных тео-

рий — по сути своей ценностные, соотносимые с идеалами культуры, в контексте которой та или иная теория создавалась. Не менее остро стоит проблема дивергенции ценностей в психологической практике. Так, на съезде психологов России в 2003 г. обсуждалась необходимость декларирования психологом-консультантом целей, чтобы клиент мог осознанно осуществить выбор вида предлагаемой психологической помощи. Таким образом, можно ответить, что сама разработка психологией актуальных вопросов дивергенции ценностных ориентаций в современной культуре становится источником болезненных субъективных переживаний в области профессионального самосознания психолога и служит основой соответствующего «методологического комплекса».

Во-вторых, важным источником сомнений в прогрессе психологии являются остро обозначившиеся в современном мире противоречия между культурой и цивилизацией, между материальным и духовным прогрессом.

Все более отчетливо звучит в трудах современных культурологов мысль о том, что современное развитие цивилизации, понимаемой сейчас прежде всего как материальная сторона жизни общества, научно-технический прогресс, уровень жизни общества и потребляемые блага, в определенных случаях и аспектах разрушает культуру, влечет за собой снижение ее уровня. Так, стало уже стереотипом общественного сознания, что «приобщение к цивилизации» общества, которые вели достаточно примитивный в смысле материальной стороны образ жизни, нередко приводит к духовному опустошению и снижению до уровня подлинного варварства духовного облика их членов.

Становится также очевидным, что в сложившемся противостоянии культуры «массовой» и культуры «высшей», элитарной, т. е. подлинной, «цивилизация» перетягивает канат на сторону массовой культуры. Само понятие массовой культуры как чего-то качественно отличного от культуры подлинной порождено цивилизацией. Массовая культура в этом смысле — совсем не то, что культура парадная, которой цивилизация традиционная противопоставлялась¹. Можно утверждать, что именно современная цивилизация препарирует нелепо неся в каждом обществе взоформившиеся ростки культурных традиций, в чем-то архаичных, — в мощного и опасного монстра, подобно тому,

1 См. определение из «Международной энциклопедии социальных наук»: «Цивилизация — категория, используемая историческими и этносоциологическими науками применительно к неварварской культуре» (там же: Сравнительное изучение цивилизаций, 1999, С. 13).

как в «Парке Юрского периода» С. Спилберга человеческим гением на ДНК лагуны и древних окаменелостей были созданы динозавры.

Возможным примером разрушающего влияния научно-технического прогресса на культуру является наблюдаемая у существенной части молодого поколения утрата привычки и навыка серьезного чтения как следствие распространения новых информационных технологий. Можно с уверенностью говорить, что достаточно большой процент образованных молодых людей испытывает серьезные затруднения в восприятии и понимании традиционной письменной речи с ее усложненными языковыми правилами и оборотами как в сфере научной литературы, особенно в гуманитарных науках, так и применительно к литературе художественной. Вопрос преобладающей в области культуры, носителем которой традиционно являлась именно письменная речь, становится неоспоримым, что вызывает существенную тревогу.

Болезненные проблемы столкновения и противоречия тенденций развития цивилизации и культуры в современном обществе как никакую другую науку поражают и буквально разрывают на части психологию, область которой, как известно, лежит на перекрестке естественнонаучного знания, в большей степени реализуемого в сфере «цивилизации», и гуманитарного, непосредственно относящегося к «культуре». Это также становится основой соответствующего «метадогматического комплекса» и порождает сомнения в прогрессе нашей науки.

Обратимся теперь к еще одному, вероятно в нашем анализе, источнику сомнений в прогрессе психологии – к еще одной актуальной проблеме, занимающей умы современников, – противоречиям в оценке места и роли культуры в обеспечении будущего человечества и в целом к утрате веры в благотворность развития науки для человечества. Эти противоречия непосредственным образом затрагивают психологию, как в отношении ее предметного поля, так и в отношении метадогматического самосознания.

Следует отметить, что в истории философия существует три взгляда на направленность и качество развития общества. Это теории прогресса, регресса и циклического развития. Однако с древности до последнего времени представления о будущем человечества всегда основывались на вере во всемогущество рационального мышления, перспективы человеческого общества связывались с развитием разума, науки и культуры. Даже такой мыслитель, как З. Фрейд, убежденный в том, что «человеческий интеллект бессилён в сравнении с человеческими

всечеловеческим», надежды на прогресс человечества связывал все же именно с интеллектом, с развитием науки. В одной из поздних своих работ «Будущее одной планеты» он утверждает, что хотя человеческий интеллект слаб, но «...есть что-то необычное в этой слабости: голос интеллекта тих, но он не услаживается, пока не добьется, чтобы его услышали. В конечном счете, ничто не может противостоять разуму и опыту...» (Фрейд, 1989, с. 140). Фрейд приходит к оптимистичному заключению: «мы верим в то, что наука в труде и неканонична способна узнать многое о реальности мира, благодаря чему мы станем сильнее и сможем устроить свою жизнь» (там же, с. 141).

На протяжении жизни ныне живущего поколения² впервые в истории *вера в благополучность цивилизации и культуры, обряды адепта на веру как на опору и основу прогресса человечества были поколеблены*. На фоне возрастающего влияния науки на жизнь людей возникло и распространялось представление о том, что рациональное познание несет в себе угрозу человечеству. Потенциальная сила воздействия отдельных решений, принимаемых людьми, непосредственно связанными с «рычагами» научно-технического прогресса, на ход событий в масштабах планеты растет по мере ускорения хода истории. В середине XX в. Курт Воннегут в романе «Космачеловек для конки-понкала ученого, который совершил открытие, приведшее к гибели мира, буквально не ведал, что он творит. Сознание творца «льда-Ф» включало лишь академическую сторону его исследований и детали его собственной частной жизни. Это был роман-предостережение, которым писатель хотел привлечь внимание современников к проблеме. К концу XX в. переворот в общественном сознании совершился. Человечество достигло понимания того, что наука и технический прогресс не являются абсолютным благом не только для отдельного человека или сообщества, которые могут пострадать так или иначе в процессе приближения к «цивилизации», но и для человечества в целом. Тема зла, которое несет наука, — одна из наиболее популярных сегодня на рынке стереотипов массовой культуры: в сказочных фильмах и т.д.

Миф о безотносительной пользе науки развеян, и ему на смену уже пришел новый миф — о сверхопасности «природных», отчасти

2 Известный американский футуролог А. Тэффер предсказал, что к концу 50 лет существования человечества измерить число выживших, каждое продолжившее свою жизнь в среднем 62 года. Получилось около 800 тысяч поколений, из которых 658 жили в северном Ледяном доке, последние поколения людей выжили в Австралии, а люди-шаманы-большинство всех материальных ценностей и технологий, которыми мы пользуемся, были созданы на протяжении жизни лишь последнего поколения.

утраченных с развитием цивилизации, признаков и способов выживания. О том, в какой мере мифологична идеализация «природных» способностей человека к выживанию и насколько человечество своим положением доминирующего вида на Земле действительно обязано науке как особой форме детерминистского, рационального, эмпирически проверяемого познания, можно судить, например, по следующим фактам: «Ускоренный рост численности населения начался примерно 8000 лет назад с развитием земледелия, благодаря которому стала возможной жизнь в городах. В нынешнюю фазу, характеризующуюся колоссальным ростом численности населения и освоением все новых районов человечество вступило лишь в самое последнее время, с развитием индустриализации... Общее число людей в эпоху неолита определяло примерно в 5 млн., а в период появления первых крупных городов – в 20–40 млн. Современному виду *Homo sapiens* потребовалось около 20 000 лет, чтобы достичь численности 200 млн. (по времени Римской империи). В последующие 1500 лет (к 1600 г. н.э.) население земного шара возросло до 500 млн., спустя еще 200 лет – более чем удвоилось (около 1 млрд. в 1800 г.). В наши дни на Земле проживает около 3 млрд. человек» (Харрисон и др., 1979, с. 582). Не стоит забывать и о колоссальном увеличении продолжительности жизни человека за последние несколько поколений.

Авторы изданной Оксфордским университетом в 1977 г. монографии «Биология человека» (Харрисон и др., 1979) отмечают: «Человек как биологическое существо добился решающего успеха лишь недавно, лишь в самое последнее время. Люди обычно забывают или недостаточно ясно представляют себе, насколько непрочно было их положение на Земле в первые тысячелетия их существования» (там же, с. 8).

Таким образом, в современном мире вопрос о месте и значении научного познания, культуры в целом, в контексте проблемы выживания и адаптации человечества стал не просто дискуссионным – это вопрос веры и суеверия, область функционирования эмоционально насыщенных стереотипов массового сознания. Это вопрос, борьба идей в отношении которого стала идеологической. И снова именно психология в наибольшей степени пострадала в результате прошедшего в общественном сознании разлома. В силу своего статуса науки одновременно и о природе человека, и о человеческом познании, о видах и формах человеческой деятельности и жизнедеятельности, она оказывается единственной наукой, прямо и непосредственно содержащей внутри своего предметного поля проблему потемнелъ-

ного противоречия прогресса человеческой культуры и выживания человечества. Психология самой жизнью поставлена перед вызовом этой проблемы, актуальность и сложность которой служат фактором колоссального методологического напряжения в нашей науке и сопутствующих ему «методологических комплексов» и сомнений в ее прогрессе.

Еще один, *теперешний* источник сомнений в прогрессе психологии — это *противоречивость взаимосвязи прогресса человеческого индивидуума и человеческого общества в современной культуре*. Практически неизменным на протяжении веков в истории философии остается представление о прямой связи прогресса общества и блага отдельного индивидуума. Вредное влияние общества на человека трактуется как результат несправедливого, требующего исправления, общественного строя. Типичным примером является теория К. Маркса. К. Маркс исходит из взгляда на человека как на существо цельное, «неотчужденное», доброе, рациональное. Для того чтобы изначальные положительные качества человека проявились, необходимо преобразовать общество. В будущем коммунистическом обществе, как верил Маркс, человек, преодолевая отчуждение, вернется на новую, более высокую ступень к своему исходному и подлинному составу. Отличие этого нового «золотого века» от первобытного общества заключается, по Марксу, в том, что здесь «неотчужденность» базируется на безграничном росте производительных сил, всемогуществе человека и невиданном богатии. Высшая цель общественного развития, по Марксу — развитие личности.

В XX в. вера в то, что прогресс общества является благом для индивидуума, была поколеблена, а в современный период ее можно считать утраченной. Причиной коренных изменений представлений о взаимосвязи блага индивидуума и общества стало то, что к началу XX в. отношения между ними приобретают совершенно новый, доселе невиданный характер. Общая тенденция ускорения исторического процесса привела к тому, что связь поколений уже не успевала за радикальными изменениями в культуре. Впервые в своей истории человек оказался перед необходимостью жить в ситуации, когда на его глазах коренным образом меняется привытое в обществе понятие о добре и зле, представления о том, как следует поступать в той или иной ситуации. Приспособление к опережающим изменениям в культуре становится сверхзадачей, для решения которой индивид должен употребить все силы, часто подорвать душевное здоровье и нарушить внутреннюю гармонию.

В XX в. в психологической науке закономерно возникли и укрепились сомнения в благотворности общественного прогресса для индивидуального развития человека. К.Г. Юнг еще в первой половине XX в. пришел к заключению, что прогресс общества покупается ценой своего рода культурных увечий человеку, нарушения природного равновесия различных его способностей. Общество, по его мнению, добиваясь своего прогресса, невольничит человека в его профессиональной деятельности всегда односторонне, лишь определяемая группа психических функций при этом оказывается задействованной – и развиваемой. К тому же, обычно востребованы как раз те функции, которые и от природы более слабы. Юнг считает, что такое одностороннее развитие нарушает природную сбалансированность личности, порождает дисгармонию и страдания. «Как порабощение массы было открытой раной античного мира, так развитие неполноценных функций является неизлечимой кровавой раной в психическом современном человека» (Юнг, 1995, с. 108), – заключает он. К.Г. Юнг цитирует Ф. Шиллера: «Я ясно вижу преимущества, которые нынешнее поколение, рассматриваемое как единое целое, имеет на весах рассудка перед лучшими мужами прошлого. Однако составление должно начинаться сокрушительными речами и целое должно быть сравнимо с целым. Кто же из новых выступит вперед, дабы сравниться один-на-одним на прилежание с каким-либо афинянином?» (Ф. Шиллер. Письма об эстетическом воспитании человека, цит. по: Юнг, 1995, с. 105).

В конце XX в. тот факт, что прогресс человечества не обязательно предполагает прогресс человеческого индивидуума, стал очевидным и перешел в область стереотипов общественного сознания. Популярным сюжетом «ужасистиков» стало превращение людей в монстров-мутантов и т.д. безумными учеными, стремящимися к прогрессу.

Вопрос о возможной расплате человеческого индивидуума за прогресс человечества, порождающий неразрешимые и мучительные противоречия в общественном сознании, непосредственно относится к предметной области психологии, зона практического приложения которой находится на пересечении потенциально противоречивых интересов индивидуума и общества. Рефлексия имеющая здесь место противоречий порождает «методологические комплексы» и ощущения сомнительности прогресса психологической науки.

Кажется необходимым затронуть и еще один, пятый источник сомнений в прогрессе психологии, еще один раскол общественного сознания. Данная проблема среди уже названных сюжетов наиболее новой, порожденной последними событиями в развитии мировой ин-

влиянии. Она также непосредственно относится к вопросу о месте и роли культуры в обеспечении перспектив человечества. В 1984 г. М.К. Мамардашвили писал: «...среди множества катастроф, которыми славен и угрожает нам XX в., одной из главных и часто скрытой от глаз является антропологическая катастрофа, проявляющаяся совсем не в таких экзотических событиях, как столкновение Земли с астероидом, и не в истощении ее естественных ресурсов или чрезмерном росте населения, и даже не в экологической или ядерной трагедии. Я имею в виду событие, происходящее с самим человеком и связанное с цивилизацией в том смысле, что нечто жизненно важное может необратимо в нем сломаться в связи с разрушением или просто отсутствием цивилизованных основ процесса жизни» (Мамардашвили, 1992, с. 107). В чем же заключается та антропологическая катастрофа, которой опасается М.К. Мамардашвили?

На мой взгляд, в психологическом аспекте речь в его статье идет о совершающемся отрыве «пола значений» от «пола смыслов» в процессе того, что сейчас называют виртуализацией современной цивилизации (Иванов, 2002). Виртуализация общества, в 1980-е годы лишь намечавшаяся как тенденция, а теперь ставшая очевидной реальностью — это радикальная трансформация способа существования нашей цивилизации, порожденная развитием компьютерных технологий (прежде всего, технологий виртуальной реальности) и их проникновением во все сферы жизни общества. Процессы производства и потребления приобретают характер «дискурса» — знаковой манипуляции. В условиях массового производства и массового потребления товар — это прежде всего знак. Стоимость вещи определяется социальным значением товарного знака, а не ее реальными свойствами и ее затратами труда на ее изготовление. «Знаки» не обмениваются больше на «смысловое», они замкнуты сами на себя, человек имеет дело уже не с вещью, а с симуляцией (изображаемым). Общение в виртуальном мире происходит не между реальными личностями, с их реальными статусами в общей разделяемой реальности, а между выдуманными, изображаемыми героями, становится знаком реального в ситуации утраты самой реальности.

В процессе виртуализации традиционно понимаемая основа человеческого сознания как единство общественного, общеразделяемого, реального слова и дела, оказывается под угрозой. Человеческое сознание в психологии традиционно рассматривалось как феномен, возникший из общей, коллективной деятельности, в которую каждый внесл свой вклад, выполняя свою специфическую задачу, и в процессе которой

совместными усилиями достигался реальный результат, позволявший всем удовлетворить свои реальные потребности. Индивидуальные смыслы, замкнутые на реальность, прямым и непосредственным образом имеют очевидную зону пересечения в реальности же – коллективное потребление плодов коллективной деятельности. Общине для всех значения также коренятся в этой зоне пересечения смыслов, обеспеченная связь с реальностью и адекватность человеческим смыслам человеческой культуры, языка, – единство и неразрывность общественного и индивидуального сознания. В этом смысле Мамардашвили говорит о «фундаментальной двоячности сознания». Это неразрывная диалектическая связь реальности коллективного бытия и его отражения в человеческом сознании. Мамардашвили говорит о коллективном характере (образ «агоры»³) человеческого поиска истины, человеческой культуры, человеческой жизни. В разрушении единой ткани общественного бытия и сознания, замещении «агоры» одиночеством в виртуальном мире он видит угрозу человечеству: «...сознание фундаментально двоячно. В материальном же, где меняются местами левое и правое, все смыслы переворачиваются и начинается разрушение человеческого сознания. Аксиомальное знаковое пространство затягивает в себя все, что с ним соприкасается. Человеческое сознание аннулирует и, попадая в ситуацию неопределенности, где все перемешиваются не то что двусмысленно, но многосмысленно, аннулирует и человек: ни мужества, ни чести, ни достоинства, ни трусости, ни бесчестия. Эти “сознательные” акты и знания перестают участвовать в мировых событиях, в истории. Не имеют значения, что у тебя в “сознании”, лишь бы знак подвигал. В пределе при этом исчезает необходимость и в том, чтобы у людей вообще были какие-то убеждения. Вернись в совершающееся или не вернись – не имеют значения, потому что именно подаваемым знаком ты включаешься в действие и вращение колес общественного механизма» (Мамардашвили, 1992, с. 119). Виртуализация стала фактом. И фактом стал порожденный ею «комплекс» общественного сознания – чувство утраты реальности жизни, утраты контроля над реальностью⁴.

Рушатся традиционные представления о человеческой общности и общении, о человеческом сознании, построенные на пред-

3 «...для меня эта внутренняя, углубленная в себя жизнь без агоры то же самое, что искание истины в уборной. Если бы у меня был талант Кофки, я бы сказал сегодня эти душевные мушкетеры познания как фантасмагогическое, странное явление потому тем, где ее во историческом знаком человеческой жизни быть просто не может» (Мамардашвили, 1992, с. 119).

4 Отражением этого комплекса стал факт «Матрицы» и ему подобные.

ставлении об общей реальности, которая отражается в сознании, реальности, в контексте которой происходит общение, формируется общность и осуществляется взаимопонимание людей, взаимодействующих в общем для них пространстве и времени единого материального мира. В VI в. до н.э. Гераклит писал: «Для бодрствующих существует единый и всеобщий космос, из спящих же каждый отворачивается в свой собственный». Для современного человека то, что все мы, бодрствующие, чувствуем, действуем и мыслим в едином и общем мире, уже не является очевидным. Взаимодействие между людьми, опосредованное виртуальной реальностью, при отсутствии очевидной опоры на объективную реальность совместного бытия и коррекций образа мира на основе постоянно включенного механизма обратной связи, уже не обеспечивает переживания полноты и адекватности взаимного понимания в процессе взаимодействия, переживания целостности личности партнера по общению, и, как следствие, собственной личности. Границы личности в виртуальном мире размыты, а структура утрачивает определенность и обнаруживает тенденцию к своего рода «мерцанию формы», что порождает болезненный комплекс проблем личности и общения у современного человека.

Комплекс острый и на сегодняшний день не разрешенных проблем человеческой культуры, порожденных виртуализацией современного общества, также оказывается частью предметного поля психологии, ложится бременем на «методологическое самосознание» нашей науки, порождая ощущение сомнительности ее прогресса.

Таким образом, мы приходим к заключению, что «методологические комплексы», сопутствующие нашему профессиональному самосознанию, есть не что иное, как следствие и отражение актуальных проблем развития человеческого общества, которым сопутствует переживание неразрешимых и мучительных противоречий в сознании современного человека. Эти проблемы порождены особенностями современного этапа человеческой истории. И самым непосредственным образом неразрешенность этих проблем рефлексивируется в области «методологического самосознания» психологии, порождая ощущение сомнительности прогресса в нашей науке.

Среди этих проблем нами были названы следующие:

1. Дивергенция ценностей в современном мире, утрата веры в общечеловеческие, единые для всех, идеалы.
2. Противоречия во взаимодействии культуры и цивилизации, научно-технического и духовного прогресса.

3. Утрата веры в благотворность науки и культуры. Противоречия в оценке места и роли культуры в обеспечении будущего человечества.
4. Противоречия во взаимосвязи блага человеческого индивидуума и прогресса человеческого общества.
5. Разрушение традиционных форм человеческого общения, человеческой общности и сознания человека в процессе виртуализации общества.

СОМНЕНИЯ В ПРОГРЕССЕ?

Список перечисленных проблем не претендует на полноту. Но названные позволяют ясно видеть, что комплекс важнейших и болезненных противоречий современной культуры, порожденных объективным ускорением хода человеческой истории, прямо относится к предметному полю психологической науки и ее «методологическому самосознанию». Общий вектор развития психологии в XX в. был определен тем фактом, что к его началу смена поколений уже не успевала за радикальными изменениями в культуре. Проблема соотношения наследственного и приобретенного, пределов изменчивости человеческой психики, потенциальных возможностей развития и определяющих его факторов объективно стала главной для бурно развивавшейся психологической практики XX в. и заняла центральное место в психологических теориях, которые не только составили существенную часть культуры XX в., но оказались и важнейшим фактором развития этой культуры в целом. И на современном этапе развития общества значимость психологии в системе наук и в культуре в целом лишь возрастает. Именно психология призвана дать ответ на наиболее острые поставленные временем вопросы — в силу своего статуса науки одновременно и естественной, и гуманитарной, науки о человеке во всей полноте и противоречивом единстве сторон и форм его бытия. Ни одна другая наука не может сделать этого в силу ограниченности своего предметного поля. *Поэтому прогресс психологии объективно неизбежен и неизбежен в контексте современного развития человеческой культуры. Именно психология сейчас востребована как никакая другая наука, и ее «методологические комплексы» — не что иное, как болезни роста, сопутствующие неизбежному и ускоряющемуся, уже происходящему прогрессу.*

Однако этот прогресс не может быть, не был и не будет неособ- щим, не равномерным. И здесь лежит еще один, интересный, порожде- ный особенностями структуры самой эмпирической науки, источник сомнения в том, что она прогрессирует.

Психологическая наука сегодня переживает период бурных и раз- ноплановых изменений. После достаточно длительного периода так называемого кризиса психологии⁵, в ходе которого мировая психоло- гическая наука фактически распалась на независимые «нишеры», сегодня в ней доминирует тенденция к интеграции. Важнейшим фактором интеграции мировой науки стало становление психологии в качестве профессии, что повлекло за собой необходимость создания единых стандартов психологической практики и образования, которые включили бы достижения различных школ. На наших глазах сегодня рождается целостная структура единой мировой психологической науки, укрепляется взаимопонимание между школами и обмен ин- формацией. Наряду с этим имеет место и обострение противоречий между направлениями, область психологии становится ареной борьбы различных течений. Так, в отечественной науке развернулись острые методологические дискуссии: об отношениях науки и внеучебных форм психологического познания (Юренич, 2005б), о предмете пси- хологии (Методология и история психологии, 2006), о взаимоотно- шениях естественнонаучного и гуманитарного направлений (Юренич, 2005а), о парадигмальном статусе психологической науки (Корнилова, Смирнов, 2006).

В контексте последней дискуссии я разделяю точку зрения, что психология является наукой мультипарадигмальной. Сложная оте- чественная организация психологической науки как мультипарадигмальной адекватна многоплановости ее предметного поля. Соответственно, прогресс психологии мне видится как весьма дифференцированный. Оценка достигнутого в XX в. прогресса для разных школ представля- ется очень разной, как и их место в науке XXI в.

Особенно спорным и в то же время актуальным для отечественного профессионального сообщества является вопрос об оценке прогресса, достигнутого отечественной наукой, и о перспективах ее развития в ближайшем будущем.

⁵ Крайнею, в соответствии со сложившейся в литературе традицией (С.Дав, Юре- нич и др.), здесь указывается период в развитии мировой психологической науки, начинающийся в 70-е годы XIX в., на протяжении которого мировая психология существовала в состоянии раздробленности, развивалась в контексте отдельных относительно независимых школ, и отсутствовала единой теория и единых критерии ее валидации научного знания.

Для отечественной психологии вхождение в формирующийся единый контекст мировой науки осложняется особенностями предшествующего периода ее развития, когда общая тенденция раскола и относительной изоляции школ углублялась политическими и идеологическими особенностями нашей страны, а также языковым барьером⁶. Зарубежные коллеги не имеют представления о том, как развивалась российская наука на протяжении большей части XX в., что приводит сегодня к восприятию нами нашей психологии как «развивавшейся» провинции мировой науки, лишенной собственных теоретико-методологических корней, миссионерскому к ней отношению. На фоне имеющего место несимметричного сращения отечественной и зарубежной науки и радикальных изменений, происшедших в российской психологии в постсоветский период, среди российских коллег также достаточно широко распространено как весьма критическое отношение к достижениям российской психологии советского периода, так и мнение о недостаточной перспективности продолжения ее теоретико-методологических традиций.

В то же время представляется, что потенциал этого направления далеко не исчерпан, что в психологии XXI в. весьма достойное место может принадлежать отечественной школе, в теории и методологии которой, в отличие от большинства ведущих школ западной науки XX в., делается упор на культурной формируемости «лица» человеческой психики, на отсутствии природной заданности свойств и самой структуры личности, что создает благоприятные предпосылки для конструктивного подхода к пониманию радикально новых явлений в развитии культуры, в том числе и названных в настоящей статье актуальных проблем и болезненных противоречий, порожденных объективным ускорением хода человеческой истории.

Заложенное в основу отечественной теории восходящее к работам И.М. Сеченова и И.П. Павлова представление о потенциальной противоречивости биологических и социальных программ и о возможности оказания ими взаимно отменяющих воздействий позволяет утверждать, что развитие и становление индивидуальности

⁶ А.В. Петровский пишет об этом так: «Если до начала 30-х гг. все еще сохранялись контакты российских психологов с их зарубежными коллегами, то сразу же после войд "великого перелома" эти связи стали очень быстро разрываться. "Железный занавес" опустился в середине 30-х гг., полностью закрыл возможность дальнейшего труда психологов... в контекст развития мировой науки... Только со второй половины 80-х гг. началось возможное кардинальное изменение, сломанной идеологической табу, ставшая лет переориентировавшая путь к исследованию отечественной психологии в общий поток мировой психологической науки» (Петровский, 2006, с. 43–44).

не предопределено ни биологической, ни социальной программой. С точки зрения отечественной психологии, не существует «типового варианта» гармоничного человеческого развития – ни заложенного природой, ни социально обусловленного. Парадоксальность сущности человека заключается именно в том, что он творит себя сам, всегда и каждый раз по-новому. С точки зрения отечественной теории, социум не просто влияет на реализацию природной программы развития. Развитие личности предстает как сложное взаимодействие природной и индивидуальной программы с интервентируемой в процессе воспитания программой социального развития. Такой подход существенно углубляет представления о природе личности, пределах и возможностях ее становления, развиваемые в зарубежных теориях, позволяет рассматривать обнаружившиеся в культуре начала XXI в. противоречия как диалектические и открывает перспективы развития конструктивных подходов к пониманию новых явлений культуры и цивилизации.

Так, дивергенция ценностных ориентаций в современной культуре противоречит основным постулатам западных теорий, несоответствия с представляемым о должном, рассматриваются как аномалия, требующая исправления, в пределе – наследственного. С точки зрения отечественной школы, расхождение базовых ценностей получает объяснение как нормальный и естественный феномен. Здесь возможен поиск диалога и возможности взаимопонимания между разными культурными общностями.

В контексте противоречий во взаимосвязи прогресса индивидуума и прогресса общества заслуживает внимания диаметрально противоположный изложенному выше подходу К.Г. Юнга взгляд классиков отечественной школы на проблему функциональной специализации человека и развитие индивидуальных свойств в структуре субъекта деятельности, особенно ярко представленный в концепции индивидуальности Б.Г. Ананьева. Функциональная специализация, специализированное развитие функций рассматривается здесь как единственно возможный путь к общей стабилизации и гармонизации развития человека, к формированию целостной структуры личности, всегда индивидуально неповторимой.

Представляется, что именно отечественная психология в силу специфики своего подхода к природе человека как к сущности, подвергающейся радикальным изменениям в процессе исторического развития, обеспечивает, что немаловажно, и возможность формирования оптимистической картины мира у современного человека.

Таким образом, в контексте *неизбежного*, на мой взгляд, хотя и *не равномерного, не всеобщего и не повсеместного* прогресса психологии в XXI в. отечественные теория и методология представляются остро актуальными и обладают существенным потенциалом развития. Для того чтобы российская психология была воспринята мировым профессиональным сообществом как *самобытная школа*, необходима многоплановая и настойчивая работа российских психологов. В русле решения этой задачи особое значение имеет проявление профессионального самосознания: переход от аморфных и внутренне противоречивых общих представлений о том, что есть российская психология и какое место она занимает в контексте мировой науки, к образу четкому и дифференцированному, от понятия, по сути, географического к понятию концептуальному. Очевидно, что не все российские психологи придут в результате к единому мнению. Однако я полагаю, что экспликация и прояснение имеющего место «сосуществования и сложного взаимодействия различных взглядов и позиций» (Юревич, 2006, с. 12) являются необходимым условием обеспечения развития традиций отечественных теории и методологии в мировой науке современного постаринавского периода.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов Н.А., Козловский В.В. История русской социологии XIX–XX вв. М.: Омега, 1995.
- Иванов Д.В. Императив виртуализации: Современные теории общественных изменений. СПб., 2002.
- Кармылова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. СПб.: Питер, 2006.
- Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М., 1992. С. 107–121.
- Методология и история психологии. 2006. № 1.
- Мирошник И.А. Биосоциальная проблема в современной психологии и перспективы развития отечественной теории // Психологический журнал, 2005. № 1. С. 88–94.
- Мирошник И.А. О классификации концепций личности и имплицитных основаниях психологических теорий // Вопросы психологии, 2006. № 4. С. 95–105.

- Маслоуловский И.К. Что такое прогресс? / Сочинения. СПб., 1913. Т. 1. С. 97–98.
- Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия / Под ред. Б.С. Ерасова. М., 1999.
- Тэйлор А.Дж. Цивилизация перед судом истории. М., 1996.
- Фрейд З. Будущее одной палкони // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 94–142.
- Харрисон Дж., Уэйвер Дж., Таннер Дж., Барнаком В., Рейнольд В. Биология человека. М.: Мир, 1979.
- Юнг К.Г. Психологические типы. СПб.: Ювента, 1995.
- Юренин А.В. Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии. 2001. № 3. С. 3–17.
- Юренин А.В. Естественнонаучная и гуманитарная парадигмы в психологии, или расквашенный мартини // Вопросы психологии. 2005а. № 2. С. 147–151.
- Юренин А.В. Наука и псевдонаука: столкновение на «территории» психологии // Психологический журнал. 2005б. № 1. С. 79–94.
- Юренин А.В. Психология и методология. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005в.
- Юренин А.В. Предисловие. Социальные и когнитивные источники парадокса // Образ российской психологии в регионах страны и в мире. Материалы Форума. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 11–12; 45–49.

КРИТИКА ПОНЯТИЯ ПРОГРЕССА

А.Н. Ждан

Формальным предлогом для обсуждения сегодня вопроса о прогрессе психологической науки является окончившееся двадцатое столетие — факт, который дает повод для подведения итогов и оценки ее состояния.

Повсеместно отмечается рост научного психологического знания, его влияние в обществе. Бесспорно: научное психологическое знание развивается. Оно развивается с постоянным ускорением, наблюдается накопление знаний, происходит совершенствование методов исследования, укрепляются организационные основы психологической науки. Приобретает популярность понятие о постнеклассической психологии как качественно новом этапе развития психологической науки, являющемся результатом радикальной переосмысления методологических установок, начал и принципов, от которых отталкивалась неклассическая психология. Стремительно расширяются связи психологической науки с практикой, с другими формами духовного творчества, в частности, с религией. Опыт повседневной жизни рассматривается как существенный источник психологического знания. Психология обогащается за счет междисциплинарных связей, плодотворность которых так блестяще подтверждал всем своим творчеством Жан Пиаже. Выдающийся современный ученый, классик американской когнитивной психологии Д.А. Миллер пишет о когнитивной науке, которая объединяет шесть отраслей — психофизиологию, это философия, компьютерная наука, нейронаука, антропология, лингвистика. Все это, казалось бы, свидетельствует о прогрессе психологии.

Одновременно с этими выразительными свидетельствами обновления психологии не прекращаются дискуссии о кризисе нашей науки.

Возникает вопрос: как эти столь различные явления соотносятся с понятием прогресса психологической науки? Что такое прогресс?

Философ и тонкий аналитик душевной жизни, психолог У. Дрейфус, известный необычайным мастерством в описании психической действительности во всей ее живучности и непосредственности, считал, что основы психологической науки меняются медленно. Говоря о новой психологии (так он называл психологию Э. Вунд-

та и другие программы психологии как самостоятельной науки в период ее выделения из философии во второй половине XIX в.), он замечал: «...по моему скромному мнению, "новой" психологии, т.е. науки, которая действительно заслуживала бы этого имени, вовсе не существует. Существует только старая психология, которая возникла во времена Локка и лишь немного дополнилась некоторыми данными физиологии мозга и физиологии органов чувств, а также некоторыми приложениями эволюционной теории... основные элементы психологии... далеко не новы» (Джемс, 1919, с. 7).

На непреходящее значение классических теорий указывал Л.С. Выготский.

М.Г. Ярошевский выдвинул представление, согласно которому развитие науки – изменение состава знания и его форм – целесообразно рассматривать в системе категорий. Сетка категорий при преобразованиях, которые испытывает познание в процессе роста знания, остается наиболее устойчивым его компонентом. Рассмотрение познавательной ситуации в науке под углом зрения разработки категориального аппарата позволяет выявить сдвиги в ее развитии, оценить их в единую шкалу.

В контексте этих представлений о развитии психологического знания следует, что не всякое новое явление в науке можно оценивать через понятие прогресса.

Кроме того, нельзя не учитывать, что развитие науки – это не только приобретение, но и потеря. А.А. Потебня на материале истории языка показал, что по мере того, как мысль освобождается от влияния непосредственных чувственных восприятий, слово лишается своей образности, образный компонент отступает вперед понятию. Миф уступает место научному взгляду на мир. Однако эти изменения в истории языка, как показал Потебня, неправомерно рассматривать в терминах прогресса и оценивать как переход от заблуждения к объективной мысли. Можно было бы привести многочисленные иллюстрации из истории психологии, когда новый и в целом прогрессивный шаг в развитии нашей науки сопровождался утратой ценных идей предшествующих периодов. Приведем только один пример. Переход в психологии сопровождался недооценкой аналитических элементов и роли прошлого опыта, тщательно разрабатываемых в классической интроспективной ассоциативной психологии. В настоящее время пересматривается значимость естественнонаучного подхода, и вся его методология переориентируется в целом в пользу гуманитарного подхода. Этот процесс сопровождается уменьшением роли экспериментального

метода как источника приращения психологических знаний. Все эти изменения как-то не вписываются в понятие прогресса, хотя они очень важны и их последствия существенны.

Известно, что психология как наука началась с идеи души. Она оставалась таковой вплоть до XVII в. На протяжении двадцати пяти столетий психические процессы трактовались как явления жизни, определяемые некой силой – душой. Под влиянием всеуклонно накапливавшихся научных знаний о природе живого организма и механизмах его работы в XVII в. Декарт и Локк дали новое определение психологии как науки о внутреннем опыте, а исторически первое ее определение как науки о душе «окончательно отошло в прошлое», как отмечал В. Вундт. Таким образом в развитии психологии произошел отказ от души как предмета исследования. Но Вундт воспешил с заключением об окончательном отказе от этого конструкта. Уже в конце XIX в. раздались призывы вернуться к пониманию психологии как учению о природе души (Франк, 1995). В силу исторических условий идея души не получила развития в период своего провозглашения (книга Франка писалась в 1916 г., была опубликована в 1917 г.), в настоящее время переживают свой ренессанс. К размышлениям о душе приглашают В.П. Зинченко (Зинченко, 2002 и другие его публикации) и В.К. Шабельников (Шабельников, 2003). В психологическом сообществе развернулись острые дискуссии по проблеме души (Психология и философия..., 2003). Являются ли прогрессом подобные возвраты к старым идеям? Ответ на этот вопрос зависит от трактовки понятия прогресса. Бесспорно одно: возвращение к проблеме души есть черта, присущая психологическим суждениям нашего времени, которая указывает на определенный вектор их развития.

Приведенные факты свидетельствуют о действительных затруднениях, которые возникают, если понятие прогресса ограничить только переходом к новым подходам и принимать их за конец прежних учений. При таком понимании не удастся охватить многих, причем важных, аспектов и сторон в развитии науки, учесть работу предшественников, взгляды которых продолжают существовать одновременно с новыми и в связи с ними.

XX в. открыл для психологии новые перспективы. Вначале века они воплотились в новых теориях периода открытого кризиса (бихевиоризм, психоанализ, гештальтпсихология и др.), во второй его половине – в новейших направлениях гуманистической, экзистенциальной, когнитивной психологии и др. В отечественной науке возникли неклассические концепции Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, пси-

экологическая теория деятельности А.Н. Леонтьева, теория установки Д.Н. Узнадзе, объективная концепция В.М. Бехтерева, комплексная теория человекознания Б.Г. Ананьева, психофизиология индивидуальных различий Б.М. Теплова и др.

На наших глазах в развитии психологической науки произошел стремительный рост научно-практической сферы. Если в начале прошлого столетия практика в основном сводилась к психотехнике, тестированию в педагогике, армии, в приложении к медицине, то в настоящее время на первое место выступили новые области практики, а в них — новые формы психологического воздействия на человека: психологическое консультирование и психотерапия, управление персоналом, тренинги общения и др. В невиданных масштабах возросла роль психологии в обществе: психологические представления стали частью повседневной жизни современного человека. Возник и получил распространение термин «психологическое общество», которое указывает на важную роль психологии в современном западном мире (Спиркина, 2006).

В области теории в современной психологии наметилось движение, провозглашающее задачу перенести акценты с негативных и проблемных аспектов человеческого существования на позитивные; выдвигаются идеи нарративного подхода и шире — социального конструкционизма. Обсуждается вопрос смены типов рациональности от классической и неклассической к постнеклассической и соответственно делается вывод о переходе к постнеклассической психологии. Утверждается, что «неклассический период развития психологии уходит вместе с XX в. Настает эра для постнеклассической науки» (Русельцева, 2005, с. 8). При этом, правда, автором делается сноска, в которой отмечается, что «постнеклассическая “парадигма” не вытесняет классическую, а находит ей достойное место в сети знания» (там же).

Приведет ли это нашу науку к прогрессу? Однозначно на этот вопрос ответить нельзя, это покажет время.

Несколько не укладывая значимости новых движений в современной науке, одновременно не будем отказываться от исторического наследия, освоение которого никогда не может считаться завершенным. Можно сказать более определенное его развитие остается важным источником прогресса. В контексте этого замечания прислушаемся к голосу А.С. Арсеньева, который упрекнул А.В. Брушлинского и К.А. Абульханову-Славскую, ближайших учеников и последовательниц С.Л. Рубинштейна, в непонимании ими его концепции. Что же

говорить о других? Действительно, разве получили какое-либо развитие (воплощение) идеи С.Л. Рубинштейна о переходе субъект-объектной парадигмы на парадигму «человек и мир»? Этот упрек в неполном или не всегда адекватном понимании относится и к другим неклассическим концепциям, потенциал которых далеко не исчерпан.

Но только в смене неклассических концепций постнеклассическими, но в возвращении к неклассическим концепциям, в развитии неклассических психологических концепций, в которых заложены большие, не реализованные до настоящего времени возможности и перспективы для действительного прогресса нашей (не только отечественной) науки, скрываются большие возможности ее прогрессивного развития. Во всяком случае, это один из путей движения научной психологии. Об этом говорил Д.Б. Эльконин в своих статьях о значении идей Л.С. Выготского для современной психологии. А.Г. Асмолов, раскрывая роль рефлексии Д.Б. Элькониним культурно-исторической психологии как неклассической методологии современного познания, выразил мысль о непреходящем значении ее идей в самом названии своей статьи на эту тему: «Вперед к Даниилу Эльконину: неклассическая психология будущего» (Асмолов, 2004, с. 4).

Важно также подчеркнуть, что даже при том переходе в области методологии психологии, который предполагается вместе с переходом к постнеклассической рациональности, роль преемственности и традиции также и в этой области нашей науки не утрачивается полностью. Заложенное в неклассических концепциях понимание принципов методологии психологических исследований не должно полностью уступить свое место принципам постнеклассической методологии. Важность методологии, ее необходимость не только для исследования, но и для практики подчеркивал Л.С. Выготский. При этом он использовал такое образное выражение: «...методология всегда подобна костяку скелета в организме животного» (Выготский, 1982, с. 352), это внутренняя опора, зребет научной системы. От исходных методологических посылов зависят результаты конкретных исследований. Методологическую основу психологии он назвал общей наукой или общей психологией, имея в виду не одну из отраслей нашей науки, а ее как конкретную научную методологию (в отличие от философии как высшего уровня методологии). По мнению Выготского, она должна быть единой для всех отраслей. Он определял ее как «философию практики», «диалектику психологии», «теорию психологического материализма» (там же, с. 420–423). Таким образом, Выготский считал, что методология должна быть монистической. На монистической

методологической основе создавались и разрабатывались различные теоретические направления в советской психологии, которые продолжают развиваться и сегодня и получили признание в мировой психологии. Ее общие принципы восходили к диалектическому материализму К. Маркса, к марксову учению об обществе, о законах познания. Итоговым напряженной работы теоретиков советской психологии — С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, Б.М. Теплова, А.А. Смирнова, Б.Г. Ананьева, А.Р. Лурия в их содружестве с философами Э.В. Ильенковым, Б.М. Кедровым, М.К. Мазардашвили, В.А. Лекторским, Ф.Т. Михайловым в психологию были введены такие принципы, как принцип единства сознания и деятельности, детерминизма, системности, развития, отражения. На основе этих принципов выполнялись конкретные исследования, в которых было получено много новых фактов, показаны многосторонние связи психики с действительностью. Главные итоги этих работ содержатся в теперь широко известных трудах этих авторов, ставших классическими. С опорой на эти принципы решались важные жизненные задачи, поставленные перед психологией в годы Второй мировой войны: практические проблемы восстановления психических функций, нарушенных после локальных поражений мозга (классическая нейропсихология А.Р. Лурия), организовывались трудотерапия, позволявшая вернуть раненых к участию в военных действиях или трудовой деятельности (С.Г. Беллерштейн), создавалась новая нейрофизиология активности И.А. Бернштейна и др. В русле культурно-исторической и деятельностной психологии создавались психолого-педагогические основы обучения, получившие реализацию в концепции развивающего обучения Эльконина–Давыдова (Давыдов, 1986). Идея этой психологии могут быть полезными также в других областях социальной практики — в политике, экономике и производстве, профилактической медицине и др. — для их совершенствования и развития.

Общий вывод из этих белых заметок по поводу прогресса в развитии психологии таков. Опыт истории учит, что говорить о прогрессе в сфере идей нужно с большой осторожностью. Развитие науки предстает перед нами как единство деятельности ученых различных эпох, как таковой процесс, в рамках которого новые теоретические движения выдвигаются в сложном взаимоотношении с решениями предшественников. Потребуется большая и напряженная работа по такому основному вызванному новым процессам в науке современным противоречию системного и методологического плюрализма (Юревич, 2003, 2005), сетевого подхода, призывающих устанавливать взаимосвязь всего со всем, которое не сопровождалось бы отступлением от классических

идеалов методологии и, прежде всего, от свойственного ей монизма и идеалов, творческое следование которым привело нашу науку к большим достижениям.

ЛИТЕРАТУРА

- Асмолов А.Г. Вперед к Д.Б. Эльконину: неклассическая психология будущего // Вопросы психологии. 2004. № 1. С. 4–9.
- Джеймс У. Беседы с учителями о психологии. Петроград, 1919.
- Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Выготский Л.С. Собр. соч. В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1.
- Гуслямова М.С. Претекстклассическая рациональность в культурной психологии // Психологический журнал. 2005. № 6. С. 5–15.
- Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения. М.: Педагогика, 1986.
- Зымына В.И. Размышления о природе души и ее воспитании (чае души) // Вопросы философии. 2002. № 2. С. 119–136.
- Психология и философия: возвращение души: Сб. статей. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2003.
- Сироматкина И.Е., Смирн Р. «Психологическое общество»: к характеристике феномена // Психологический журнал. 2006. № 1. С. 114–121.
- Фромм С.Л. Душа человека // Фромм С.Л. Предмет знания. Душа человека. СПб.: Наука, 1995.
- Шабельников В.К. Психология души: Учеб. пособие для студ. Психол. фак. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2003.
- Кремень А.В. «Методологический либерализм» и парадигмальный статус психологии // Труды Ярославского методологического семинара (методология психологии). / Под ред. В.В. Новикова (гл. ред.) и др. Ярославль: МАПН, 2003. Т. 1. С. 349–357.
- Кремень А.В. Методы интеграции психологического знания // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3. Метод психологии / Под ред. В.В. Новикова (гл. ред.) и др. Ярославль: МАПН, 2005. С. 377–397.

Часть II

СЛАГАЕМЫЕ ПРОГРЕССА
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

ИНТЕРПРЕТАТИВНЫЕ ТРАДИЦИИ И ПАРАМЕТРЫ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

А.В. Юренич

ЭВОЛЮЦИЯ ПРОБЛЕМ

С тех пор как В. Дальней разделил все научные дисциплины на науки о природе и науки о духе, первые из которых нацелены на объяснение своего предмета, а вторые — на его понимание, локализация психологии в данной системе координат стала одной из главных «слабых» ее методологического самоопределения, в котором «духовное» начало все более явно вытесняет «природное». Тем не менее — и это трудно не квалифицировать как парадокс — все происходящее в психологической науке и ее истории рассматривается в основном сквозь призму философо-методологических представлений, сформировавшихся при изучении истории наук о природе и именно к ним относящихся.

Так, например, одна из главных категорий, на основе которых анализируются и история этой науки, и ее нынешнее состояние — категория парадигмы, предложенная Т. Куном на основе анализа опыта развития естествознания, главным образом, физики. Причем сам автор этого понятия настаивал на том, что социогуманитарные дисциплины, такие как психология, являются «допарадигмальными», следовательно, соответствующее видение истории науки на них не распространяемо, а системообразующие категории, в том числе и такие, как сама «парадигма», к ним не применимы. Куновская точка зрения получила отображение и в методологическом самосознании психологии — в представлении о ней как о допарадигмальной дисциплине, в которой единая парадигма еще не сложилась, чем и объясняются ее главные методологические пороки — отсутствие единой системы знания, калейдоскопичность «несоизмеримых» друг с другом школ и концепций, дефицит взаимодействия между ними, аккумулятивность знания, в условиях которой каждая новая школа не аккумулирует наработанные ее предшественниками, а отмечает его как скопление ошибок и заблуждений, и т. п. Вместе с тем, сформировались и другие

позиции относительно парадигмального статуса психологии. Согласно одной из них, психология — мультипарадигмальная дисциплина, обремененная на параллельное существование различными, соперничающих друг с другом, парадигм. Согласно другой, психология — метапарадигмальная дисциплина, развивающаяся своим собственным путем и не вписывающаяся в парадигмальную модель, построенную Куном и в результате изучения опыта естествознания. И, в общем, хотя это едва ли возможно количественно продемонстрировать, пока методология науки не вооружилась количественными методами, сейчас доминирует последняя позиция, хотя с термином «парадигма» психологическая наука явно не желает расставаться, при этом употребляя его в самых разнообразных смыслах, сильно отличающихся от исходного — куновского¹.

Но в этом случае возникает еще одна методологическая — тоже в терминах Куна — «головоломка»: если тот порядок, который характерен для естественных наук, описанный в категориях парадигм или других подобных понятий, не распространяем на социогуманитарные дисциплины, в том числе и на психологию, то происходит ли их развитие беспорядочно или вписывается в какой-либо другой, свойственный именно им, порядок. Разумеется, подальшая часть психологов предпочитает второй вариант решения этой «головоломки» — хотя бы потому, что они приучены к строгому детерминизму и привыкли к тому, что развитие любой социальной системы, в том числе и науки, подчиняется определенным закономерностям, и беспорядочно развивающуюся науку просто не могут себе представить.

Здесь можно зафиксировать еще один парадокс, относящийся уже не к психологии, а к философско-методологическому осмыслению развития науки, и состоящий в том, что, хотя социогуманитарные дисциплины нуждаются в таком упорядочивании куда больше естественнонаучных, практически все философско-методологические концепции развития науки обращены именно к последним. Вместе с тем в качестве своего рода побочного эффекта философско-методологического анализа главных траекторий развития естествознания накоплено немало представлений, по которым можно «выделить» контуры общей концепции развития социогуманитарной науки, в том числе и психологии.

Одна из основных составляющих такого «побочного накопленного» знания — представление о большей зависимости социогуманитарных наук, вообще естественных, от изучаемых ими объектов. Это, как

¹ Справедливости ради надо отметить, что вообще многозначность этого понятия — одна из его главных родовых свойств (см.: Миллерман, 1970 и др.).

и все прочие различия между социогуманитарными и естественнонаучными дисциплинами, сугубо относительно: последние тоже изучают не константный, а постоянно изменяющийся мир. Трудно не согласиться с тем, что «для науки наших дней просто не существует той реальности, которая изучалась, скажем, в XVIII в., когда не было ни электрического телеграфа, ни динамомашин, ни линий электропередач, ни радио, ни электрического освещения» (Зотов, 1982, с. 83), в результате чего, как подчеркивает Г. Башляр, «эпистемология должна быть столь же подвижна, как и наука» (цит. по: Зотов, 1982, с. 84). Но все же социальный мир изменяется быстрее и радикальнее физическое. Как пишет Р. Солсо, «мир изменяется непредсказуемым образом – и не потому, что природа непредсказуема (в нашем мире она более или менее постоянна, насколько мы можем судить по своему восприятию/ощущанию), а в силу бесконечного разнообразия человеческих взаимодействий, которые определяют направление развития общества» (Солсо, 1996, с. 7). И потому эпистемология социогуманитарных наук на порядок «подвижнее» эпистемологии наук естественных.

В результате история социогуманитарных дисциплин выглядит не столько как история накопления знания о неизменных или мало изменяющихся объектах, сколько как эволюция самих объектов и история осмысления их смысла, т. е. не столько как траектории накопления знания, сколько как траектории накопления научных проблем². Разумеется, жестко противопоставить одно другому было бы абсурдным. Тем не менее, если развитие естественной науки можно метафорически охарактеризовать как построение пирамиды знания³ (регулярная реконструкция основания этой пирамиды – научные революции и т. п. – принципиально не меняет сути дела), то эволюцию социогуманитарных дисциплин – как «обесценивание» знания постоянно возникающих новых когнитивных конструкций. Ярким примером может служить социологическая наука: современная

2 В данном контексте мы имеем в виду не все социальные параметры развития науки – возрастание количества исследователей, исследовательских центров, профессиональных организаций и т. п., сосредоточиваясь только на когнитивных параметрах. Вообще о параметрах развития науки см.: Сорокин, 1980 и др.

3 Подобный образ естественных наук, впрочем, страдает сильным упрощением. Воспользуемся Д.С. Милло, Е. Сегенору, В. Дитому и др. критическим взглядом на развитие данной традиции в трудах Блассара А. Каппе, Т. Куту и других исследователей науки, проводящих сравнительную историю естественных наук. Вместе с тем нет оснований – за исключением разве что одаренности работы П. Фейерабенда – утверждать в ее абсолютную несущиваемость. При этом можно говорить о большей или меньшей курьезности в развитии той или иной науки и констатировать, что социогуманитарным дисциплинам она свойственна в меньшей степени.

социологии – это наука совершенно о другом, нежели социология сто или пятидесятилетней давности, и ее историю куда проще описать как историю научаемых проблем, нежели как историю накопления знаний. То же самое в принципе можно сказать и о любой другой социогуманитарной науке, в том числе и о психологии, а тематическая карта психологии столетней давности сильно отличается от ее современного тематического профиля. В целом же наименование научаемой проблематики можно зафиксировать как один из главных параметров эволюции социогуманитарных дисциплин. И именно к ним в наибольшей степени применим тезис о том, что «всехми история науки оказывается проблемы» (Зотов, 1982, с. 115).

Это, естественно, не означает, что все развитие социогуманитарных дисциплин сосредоточено на полусе их объектов, что вырабатываемое ими знание вообще не развивается или накапливается в виде не соединенных друг с другом локусов, которыми «облепачиваются» эти объекты. А представление К. Поппера о том, что «прогресс науки состоит не в накоплении знания, а только в возрастании глубины и сложности решаемых нами проблем» (Нихифоров, 1982, с. 223), выглядит сильным преувеличением в отношении не только естественных, но и социогуманитарных наук.

ИНТЕРПРЕТАТИВНЫЕ ТРАДИЦИИ

Вопрос о предметности, кумулятивности и т. п. – существует она или нет, а если существует, то в чем заключается – психологического знания принадлежит к числу самых сложных и наиболее болезненных для психологической науки и, как и все прочие сложные вопросы, до сих пор не получил сколь-либо однозначного решения. Так, скажем, М.Г. Ярошевский видит ее в обогащении психологических категорий – в том смысле, что мы знаем сейчас, например, об образах или эмоциях больше, чем знали о них несколько десятков лет назад (Ярошевский, 1985). Можно вычленить и другие параметры эволюции психологического знания, например, «уложки» его в исследовательские традиции, описанные Л. Ландауном (Landau, 1977)⁴ и складывающиеся вокруг каждой из изучаемых социогуманитарной наукой проблем.

4 В.П. Меркулов пишет: «Различные логико-методологические и социальнопсихологические традиции существуют в науке свидетельствуют прежде всего о том, что любые попытки реконструировать эти процессы так или иначе должны опираться на выделение в совокупном научном знании некоторых относительно устойчивых комплексов, будь то теории и парадигмы или же просто слова, парадигмы или научные

Наиболее глобальные исследовательские традиции в психологии уместно назвать интерпретативными традициями — ввиду того, что они задают не только методологические принципы изучения своих объектов, но и общие контуры их постижения, включающие характерный для каждой из них образ психического (психика — это деятельность, психика — это поведение, психика — это трансформация образов, психика — это механизм взаимодействия сознания и бессознательного и др.). Введение этого термина позволяет разрешить те проблемы, которые возникают при квалификации происходящего в психологии в терминых парадигм.

В качестве основных структурных элементов интерпретативных традиций можно выделить: 1) общий образ психического; 2) заданную этим образом «координатную систему», в терминах Дж. Хинтикиа (Hilittikka, 1974) — способ интерпретации психических феноменов как видов поведения, системы деятельностей, трансформации образов и т. д.; 3) соответствующую нормативную исследовательскую методологию, предписывающую, как следует изучать психическое; 4) набор, а иногда и систему, базовых категорий, на основе которых описывается психологическая реальность, в терминах В.С. Степина — «сетка категорий» (Степин, 2000); 5) *теоремы или блок теорий*⁵, образующий «ядро» интерпретативных традиций; 6) *эмпирию*, т. е. результаты эмпирических исследований, выполняемых в рамках данной интерпретативной традиции; 7) *интерпретативное поле* — интерпретации этих результатов, их соотношение с соответствующими теориями и другими общими представлениями о психическом, а также интерпретации самых различных феноменов, в том числе выявленных в рамках других интерпретативных традиций; 8) *прикладные приложения*, т. е.

исследовательские программы. Это в частности, поскольку задачи реконструкции теоретического воспроизведения реальности в принципе невозможно, если в реальном процессе развития нельзя выделить какие-либо сохраняющиеся моменты (Мераулов, 1982, с. 183). Отсюда — вытекающий вывод «единства» развития психического анализ как аналитическая проблема общей методологии науки. А одно из главных различий между концепциями Т. Куна, К. Поппера, Н. Лакатоша, Л. Лардана и др. заключается в том, какую именно «единицу» они выделяют. Впрочем, и здесь возможно, если не необходимо «идеализирующее приращение»: развитие науки может быть адекватно описано в терминах развития «единства», которые во и той мере не альтернативны друг другу.

- 5 Сказано, если теория действительности можно трактовать как единую теорию, то безспорно или категорически исключают достаточно обширные возможности объединительных общими методологическими основаниями теорий, в результате чего теория, например, о теории биологической, культурологической и психологической организации (Андреев, Богомолова, Петрушина, 1978).

психологические практики, порожденные той или иной традицией, например, психоанализ как метод или бихевиоральная терапия; 9) *важное знание*, которое явно или неявно входит в состав любых формализованных систем научного знания, имплементировано в структуру соответствующей практики и т. д.

При наличии столь разветвленной внутренней структуры (при желании ее можно «ветвить» и далее — выделяя ее более частные компоненты, расчленив их на составляющие) интерпретативные традиции, естественно, не могут развиваться как гомогенное целое. В их рамках тоже существуют «методологические круги», о которых пишет К. Давидгер (Davidger, 1985)⁶, тем не менее, их элементы эволюционируют неравномерно. Например, развитие или появление новых теорий может происходить на фоне относительной неизменности общего образа психического и «замороженности» нормативной исследовательской методологии, психологическая практика может развиваться без сколь-либо существенных изменений лежащих в ее основе теорий и т. д. По-видимому можно говорить о более подвижных, находящихся в постоянном развитии элементах этой структуры, например, таких, как эмпирия и интерпретативное поле, и более стабильных, таких как общий образ психического и «концептуальная установка». Вместе с тем развитие различных элементов в значительной степени синхронизировано, поскольку накопление эмпирии сопровождается обогащением теории и рано или поздно порождает теоретические «сдвиги», развитие теорий воздействует на соответствующую исследовательскую методологию, порождает новые схемы для интерпретации эмпирических данных, оказывает влияние на практику, а та, в свою очередь, воздействует на теорию, «общий способ испловоания исследовательских техник создает что-то вроде Невидимой руки, которая направляет исследовательский процесс как целое в определенном направлении» (Davidger, 1985, p. 3). Т. е. при большей или меньшей подверженности структурным компонентам интерпретативных традиций изменению и их относительной независимости друг от друга, все же эти традиции представляют собой системы взаимосвязанных элементов, развивающихся относительно — как и все в социогуманитарных науках — синхронно, и их можно рассматривать как достаточно целостные когнитивные системы.

⁶ Суть этого противопоставления в философии науки является он видел в том, что «методами, базирующимися на общих представлениях об изучаемом объекте, лишь предугадывают возможности, подтверждающие эти представления», «любое развитие теории в рамках такого круга ограничено системной утратой, воплощенными в соответствующих методологических традициях» (Davidger, 1985, p. 1) и др.

В таком случае ключевыми параметрами развития психологии — помимо изменения ее предмета — выступают: а) эволюция интерпретативных традиций, б) изменение соотношения между ними, в) развитие представлений о том, каким оно должно быть, т. е. методологического самоопределения психологии.

РАЗВИТИЕ ИНТЕРПРЕТАТИВНЫХ ТРАДИЦИЙ

Эволюция интерпретативных традиций выражается в том, что при сохранении их базовых оснований видение изучаемой реальности обогащается и отчасти видоизменяется. Скажем, при сохранении базовой модели человека, характерной для психоанализа или бихевиоризма, они претерпели существенные изменения в результате работ исследователей Э. Фрейда, формирования психоанализа и другой, в терминах К. Данziger, «методологической алхимии» (Danziger, 1985), в ходе которой подверглись исходные версии соответствующих теорий. Во всех подобных случаях можно отчетливо наблюдать развитие и обогащение соответствующих интерпретативных традиций при сохранении их основополагающих принципов, не размываемых этим развитием. Здесь наблюдается и процесс, «предписанный» традиционной моделью развития науки: получение новых фактов, при накоплении их некоторой критической массы, приводит к частичной перестройке общих представлений о психике — примером может служить введение в число основных представления классического бихевиоризма понятия «внутренние переменные». Можно ли в подобных случаях говорить о развитии этих традиций и, соответственно, о прогрессе психологии в целом? Да, безусловно, поскольку каждый новый «ступень» представлений о психическом, характерный для того или иного этапа развития соответствующей интерпретативной традиции, богаче, дифференцированнее и точнее предыдущего и ближе к той заветной «истине», последовательное приближение к которой принято считать основной целью науки. При этом «несоизмеримость» каждой из традиций с другими не мешает сути дела: происходит развитие и обогащение определенного видения психического, ни в какой мере не дезавуируемое возможностью других видений.

Правда, при таком понимании эволюции психологической науки неизбежно традиционный контраргумент сторонников количественных программ ее развития: если исходное, например, бихевиористское,

видение психического неверно, то как эволюцию и обогащение неверного видения, являющиеся лишь накоплением и углублением заблуждений, можно считать прогрессом?⁷ Его можно парировать лишь вытекающим из работ К. Поппера, П. Фейерабенда и др. и очень раздражающим многих психологов тезисом о том, что интерпретации изучаемой реальности, в отличие от утверждений фактуального характера, неверными быть не могут: психическое многогранно, его можно интерпретировать и как деятельность, и как поведение, и как трансформацию образов, и другими способами, а объявить тот или иной способ интерпретации «неправильным» означает зачеркнуть соответствующую сторону психического как несуществующую или, как минимум, несущественную (интересно, найдется ли психолог, который решится на подобные утверждения?). Многогранность психического и сама по себе служит весьма тривиальным аргументом в пользу неизбежности различных способов его видения и, соответственно, подходов к его изучению, а решивший ее отрицать будет сильно похож на слепого на известной притче, который, взяв слона за хвост, заявил, что слон — это его хвост.

В общем-то, все подобные соображения настолько тривиальны, что остается только удивляться той настойчивости, с которой психологи уже не одно столетие навскипывают «единственно правильный» способ понимания и изучения психического, стремясь утвердить тот или иной подход в качестве единственно возможного пути приближения к истине. Причем существенно, что «детализация» множественности образов психического⁸ и способов его изучения не зависит от образа этой заветной истины, который присутствует в методологическом сознании каждого исследователя — как правило, формирующемся стихийно⁹. Если истина, как ее привыкли воспринимать сторонники

7. Подобный вариант видения эволюции психолингвистической науки — трактовка ее прогресса в рамках когнитивистской схемы: не как накопления истин, а как непрерывного процесса «отбрасывания дряни», т. е. постоянного опровержения неверных представлений, в результате которого наука «стремит кустоватому своим сандалом» (Порус, Никифоров, 1992, с. 168). «Это тут же кустоватинка, только в "обратной" форме — кустоватая дрянь, а не истина», — пишет В.Н. Порус и А.А. Никифоров (там же, с. 168).

8. Множественность образов можно констатировать и в отношении самой науки. Она является изучаемым и как система знания, и как деятельность по его производству, и был бы совсем логичным вопрос о том, какой из этих образов больше соответствует истине. Поскольку «рядовые» ученые наблюдают и в отношении научного знания, равно как и знания вообще, которое, по образному выражению Дж. Серена, «вырастает в природе и выражает ум человека» (Хатин, 1996, р. 297).

9. Углубленность методологических представлений отдельных психологов о науке и истине, которую они привыкли открывать, может быть по разным причинам

упрощенных представлений, «едина и неделима», а приближение к ней напоминает восхождение на гору (истина — ее вершина), то все равно подниматься на нее, т. е. приближаться к истине, можно с разных сторон: те или иные способы восхождения могут быть более удобны, но не могут быть более «правильны», так как все пути ведут к вершине. (Конечно, можно идти в обратную сторону, думая или изображая, будто лезешь на гору, но подобные траектории «познания», например, свойственные паранорме и всевозможным видам шарлатанства, говоря о верде, нет смысла рассматривать). Если же мы, в духе постмодернизма, считаем, что «истин много», то двигаться надо в разных направлениях, и научное познание должно выглядеть как звезда, лучи которой направлены в разные стороны. В итоге миф о том, что возможна только одна, единственно правильная, траектория научного познания и, соответственно, может существовать только одна, единственно верный способ видения и изучения неизменного, с любых позиций выглядит как онтологическая и гносеологическая нелепость.

Вместе с тем интерпретативные традиции не только не немаловажны, но и не вечны, можно наблюдать и их вырождение — подобно исследовательским программам И. Лакатоса, и растворение в других традициях. Так, скажем, среди современных психологов едва ли возможно найти «чистого» бихевиориста, да и роды сторонников теории деятельности заметно поредели. Однако и «смерть» интерпретативных традиций возможна лишь в абстракции, ибо поставить им такой диагноз означало бы перечеркнуть накопленные в их рамках данные, интерпретативные схемы и т. д. как абсолютно незначимые для психологии. Опять же любопытно, найдется ли исколес, решившийся на такое «мортальное» заявление?

Эволюция интерпретативных традиций включает и собственно формируемые элементы, например, накопление выявленных в их рамках фактов и закономерностей. Разумеется, факты «зависимы» от неких базисно-методологических оснований их установления и интерпретации, поэтому то, что считается фактами в рамках одной традиции, может не признаваться в качестве таковых в рамках другой. Но эту реальность не следует и абсолютизировать: все же существуют факты,

недоступные ни методологическому образованию. Соответствующего внимания они долгое время не получали вообще, демонстрируя его маркс-ленинск-сталинизм, вместо работ классиков методологии науки — Т. Куна, К. Поппера, И. Лакатоса, П. Фейерабэнда и др. — научные труды классиков марксизма. Хотелось бы отметить, что в ряде вузов ведущих кандидатского минимума по философии в историко-научной ситуации выносятся к лучшему, хотя было бы неплохо выделить соответствующие курсы не только будущим кандидатам наук, но и студентам.

инвариантные относительно методологических ориентаций, в рамках которых они выявлены. Существует широкое поле достаточно универсальных фактов, независимых от исходных концептуальных оснований их установления: скажем, формула, выражающая объем кратковременной памяти. Существуют и психологические законы, например, законы Хинк, Персиа-Додсона и др., которые признают все психологи, хотя эти законы и в плане выражающих их формулировок, и в плане вероятности предсказываемых ими событий (она никогда не равна 1) отличаются от законов, ассоциирующихся с естественными науками (эти различия, впрочем, тоже не следует абсолютизировать). Подобные факты и законы, во-первых, достаточно универсальны и независимы от методологического контекста их выявления, во-вторых, не оспариваются, как утверждает К. Поппер, другими, мысленными поддлее фактами и законами, а принадлежат в числе кумулятивно накапливаемых элементов психологического знания.

В целом же можно говорить о «внутренней» и «внешней» кумулятивности психологического знания, т. е. о законе фактов, законов и других видов знания, независимых или независимых от концептуальных оснований их выявления. Первой обладают факты, законы и др., накапливаемые «внутри» интерпретативных традиций и не признаваемые за их пределами, второй — знание, которое считается таковым представителями всех традиций и инвариантно относительно их базовых методологических принципов. На когнитивной карте психологии доминирует знание первого типа, что и порождает миф о ее некумулятивности, однако и знание второго типа занимает на ней немало места, что позволяет квалифицировать соответствующее представление как миф.

ИЗМЕНЕНИЕ ИЕРАРХИИ ТРАДИЦИЙ

Следующий параметр развития психологии — изменение соотношения между интерпретативными традициями, эволюция их иерархии — сопряжен с тем, что среди них даже при формально декларированном (постмодернизмом и др.) равенстве одна всегда «равнее» других, т. е. выделяются доминирующие интерпретативные традиции, среди которых то одна, то другая выходит в лидеры. В.В. Коэлов, например, выделяет семь «волн» в развитии психологии, виды их и: 1) физиологической, 2) психоаналитической, 3) бихевиористической, 4) экзистенциально-гуманистической, 5) трансперсональной,

6) коммуникативной, 7) интегративной парадигмах (автор вводит данное этому термину), которые последовательно сменяли друг друга на «гребне» психологической науки (Козлов, 2004). Наверное, в ее «штурмовой» истории можно разглядеть и другие «волны», по сути в том, что эта история, в числе прочего, выглядит и как смена доминирующих измерительных традиций. Причем доминирование той или иной традиции можно как объяснить некоторой выходящей логикой развития психологического знания, так и связать с эволюцией общества и выходом на первый план тех или иных социальных проблем (Козлов, 2004). И здесь тоже можно разглядеть признаки эволюции: если даже сами интерпретативные традиции, как парадигмы Т. Куна, «несоизмеримы» друг с другом (эту «несоизмеримость», как отмечалось выше, не следует переоценивать), то смена одних доминирующих традиций другими выглядит как эволюция доминирующих представлений о психическом.

Здесь тоже, как и в других случаях, уместно поставить вопрос о *аккумуляции* психологии: если каждая новая доминирующая традиция не кумулятивна по отношению к предыдущим, а, скажем, отмечает их как коллекцию научительных ошибок или использует как «кладбище» феноменологии (Юревич, 2005), то можно ли говорить о развитии науки, не сводя его лишь к выходу на первый план тех или иных изучаемых ею проблем? На этот вопрос тоже можно дать вполне утешительный для психологии ответ. Во-первых, новая «абсолютная некумулятивность» в истории науки вообще невозможна: каждое новое течение научной мысли так или иначе вбирает в себя что-либо из накопленного предыдущими, даже если, как в случае бихевиоризма и психоанализа, они заимствуют друг у друга феномены для их переинтерпретации на собственных идейно-методологических основаниях. Во-вторых, они нередко порождают представления, которые последующие течения не могут не аккумулировать. Скажем, после появления теории З. Фрейда при создании общей модели психического едва ли возможно не считаться с существованием бессознательного — вне зависимости от отношения к этой теории и соответствующему образу психического¹⁰. Вообще, как отмечает К. Дашингер, «работы

10 В этом плане очень яркий пример — советская психология, которая не так была вынуждена принять представление о бессознательном несмотря на то, что это было очень неудобно для ее официальных, выросших во марксистских теорий, датчиков, представляющих стратегию рациональности, а значит, и контролируемости, человека. И вполне можно утверждать, что советская психология, применяющая это представление, стала более развитой, «ближней к истине» и т. д. Потому она была на своем «аутофрейдистском» поле.

таких людей, как Вундт, Фрейд, Келер, Вертеймер, Ланги и Пиаже, несмотря на то, что они избегали статистических процедур, оказали большое влияние на прогресс современной психологии» (Davidson, 1985, p. 6). В-третьих, в общеметодологические принципы изучения психического не замкнуты в рамках соответствующих интерпретативных традиций, а взаимодействуют ими друг у друга – происходит нечто подобное «парадигмальным принципам», о которых пишет В.С. Стенни (Стенни, 2000), но на уровне не парадигм, а интерпретативных традиций. Примером опять же может служить теория деятельности, которой в период ее «пассионарности» – наиболее активного развития – что только не «принимали». В-четвертых, все основные течения психологической мысли оставляют после себя соответствующий комплекс осмысления психического, образуемый не только выявленными в его рамках фактами и соответствующими интерпретативными схемами, но и всегда сопутствующим им желаемым знанием. Каждое новое течение формируется и развивается в этом все более обогащаемом контексте, поэтому богаче предыдущих и «ближе к истине», чем они¹¹. Естественно, его преимущество перед предыдущими нельзя выразить количественно, а значит, и удовлетворить требования любителей количественных доказательств, которых так много среди психологов, но как доказать количественно, например, тот тривиальный факт, что представления о мире современного человека богаче и точнее, чем представления о нем наших далеких предков?

ЭВОЛЮЦИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИИ

Важный параметр развития любой науки – эволюция представлений о самом ее развитии, т. е. динамика базового слоя ее методологического самоопределения. В истории психологии это самоопределение традиционно сводилось к поиску «единственно правильных» оснований психологического знания и систематическому пересмотру его *эмпирической* модели. Данный параметр развития психологии тесно связан с предыдущим (но не сводим к нему), ибо доказывание той или иной традиции имело в своей

¹¹ Правда, даже сформулированная теория «не просто отбрасывается как законченная платка, а передает некоторые элементы своего содержания новым теориям» (Нисенформ, 1982, с. 236).

основе появления большого количества ее сторонников, считавших, что она и есть единственно правильная. Относительно новым этапом этого вечного спора стало разделение его участников на две «партии», наивысшим преобразованием многопартийной системы в двухпартийную. В результате основная линия демаркации теперь пролегает не между сторонниками самих интерпретативных традиций, таких как бихевиоризм, когнитивизм, психоанализ и др., а между их объединенными на основе идентификации с естественнонаучной либо гуманитарной парадигмами (в данном случае этот термин, как минимум, более уместен, чем во всех прочих ситуациях его употребления в психологии).

На первом этапе эволюции психологической науки естественнонаучная парадигма явно доминировала, что выражалось в господстве в ней количественных стандартов получения и верификации знания, а гуманитарная парадигма если и не вела полуподпольное существование, то, во всяком случае, находилась на периферии магистральной линии развития этой науки. С появлением психоанализа началась экспансия последней, выражавшаяся в неуклонном расширении ее влияния и расширении ее ареала. В последние годы, особенно в отечественной психологии, наблюдаются явления, свидетельствующие о доминировании гуманитарной парадигмы, на фоне которого естественнонаучная парадигма попала чуть ли не в осадное положение¹². Однако на уровне общеметодологических представлений психологической науки – о том, какой ей надлежит быть – наблюдается и новое явление: распространение плюралистической методологии, признающей всем сестрам во всеоружии и утверждающей принципиальную необходимость развития в разных направлениях – и в предписываемой естественнонаучной парадигмой, и в «летальном» парадигмой гуманитарной.

В основе «примирительных» методологий лежит не только тенденция современной науки к плюрализму, общая либерализация современного общества, отображающаяся и в методологии науки, а также тот факт, что, как было отмечено выше, в познании истины, как бы ее не понимать, можно двигаться разными путями, но и принципиальная возможность детерминации психических законов. Если гуманитарная парадигма делает акцент на их «внутренней», феноменальной детерминации, т. е. на детерминации наших действий,

¹² Примером может служить «судный день» «Развитие психологии в естественнонаучной и гуманитарной парадигмах», состоявшийся в рамках учебной сессии Московского отделения РПО (см.: Юрчик, 2005).

ощущений, когнитивной и т. п. тем, что представляло в нашем феноменальном поле — самими такими ощущениями, когнитивными и др., то естественнонаучная парадигма — на их «внешней» детерминации, например, нейроморальными процессами, которые в этом поле не представляемы¹³. Можно успешно работать в рамках любой из соответствующих парадигм, что и делает основная часть психологов, но трудно их сочетать, как трудно сочетать интерес, например, к душе, и к нейронам. Однако отрицать легитимность другой парадигмы в качестве равно возможного пути к познанию истины означает перечеркнуть соответствующую область детерминации психического, т. е. детерминацию психических процессов либо другими психическими процессами, либо нейроморальными и прочими «материальными» факторами. Оба варианта были бы абсурдными, и распространение плюралистической методологии, безусловно, можно считать *аргументом* в развитии общеметодологических ориентаций психологии. А в эволюции данных ориентаций можно усмотреть еще один ключевой параметр ее развития.

В процессе этой эволюции снимается также оппозиция понимающей и объяснительной психологии, со времен Дильтея считавшаяся одной из главных трудностей психологической науки¹⁴. Понимание поступков, состояний и т. п. другого человека имплицитно включает в себя их объяснение¹⁵, но на уровне их «внутренней» детерминации — теми внутренними состояниями другого человека, в которые субъект понимания/объяснения пытается «вчувствоваться», смоделировав их в себе. Такое понимание не слишком принципиально отличается от объяснения, которое психолог дает поведению испытуемых, задавая им вопросы о том, чем обусловлены их поступки. Различие в данном случае состоит не в наличии или отсутствии объяснения, а именно во внутренней моделировании объясняемого, которое, впрочем, как правило, сопровождает и «абсолютно объективные» объяснения, предполагающие «вынесение исследователем себя самого» за пределы изучаемой ситуации. Что же касается другой иллюзорной грани

13. Например, например, Д. М. Вебер рассматривает как одну из главных слабостей человеческой природы (Вебер, 1998).

14. Она характерна не только для психоэволюционной науки, однако в других социологических дисциплинах решается более успешно. Так, например, М. Вебер настаивал на том, что рациональность социального действия достигается не снот единства понимания и объяснения (Вебер, 1990).

15. В эмпирических работах, посвященных социологическому объяснению и пониманию (Путц, Трельшманн, 1985) и др., демонстрируется, что они не в какой мере не противопоставлены друг другу.

между объяснением и пониманием — каузального характера первых и телеологического характера вторых, то многие характеристики для социогуманитарных наук объяснения тоже носят телеологический характер¹⁶, и к тому же, как показано исследователями структуры объяснений (Вригдт, 1986; и др.), телеологические объяснения, как правило, переводятся в каузальную форму.

Обрисованное выше представление об основных параметрах развития психологии можно представить в виде схемы (таблица 1).

Таблица 1. Параметры развития психологической науки

Параметр развития психологии	Эволюция проблемного поля	Развитие интерпретативных традиций	Развитие методологических (парадигм) традиций	Эволюция общепсихологических традиций
Критерий прогресса	Появление новых проблем, дифференциация и расширение проблемного поля и др.	Развитие всех их в рамках элементов «культурной» и «языковой» аккумуляции психологического знания	Смена доминирующей традиции; их взаимодействие	«Психологизация» традиций парадигм; переход от коммуникативных моделей к интерпретативным и др.

Разумеется, эти параметры не автономны. Эволюция проблемного поля влечет за собой введение новых категорий, появление новых интерпретативных слов, выявление новых фактов, стимулирует развитие интерпретативных традиций. Неравномерность этого развития вызывает наклония из иерархии. Все это отображается на уровне методологических представлений, в свою очередь, стимулирует их развитие. Существуют и другие векторы влияния параметров друг на друга, вследствие чего история психологии выглядит как эволюция «сети» взаимосогласованных параметров, а не как параллельное развитие автономных характеристик. Главное же состоит в том, что в эволюции конгломерата фактов, теорий, методологических ориентаций и т. п., которая выглядит как неупорядоченное движение в самых разных направлениях и чем-то напоминает игру без правил, описанную в романе Л. Корролла «Алиса в стране чудес», все же можно разглядеть и основные векторы развития психологической науки, и признаки ее зрелости, отсутствие явных признаков которого утешает мыслящих психологов с момента ее выделения в самостоятельную дисциплину. Важно лишь не сводить этот прогресс лишь к одному из его

¹⁶ В этом часто видится и общая особенность объяснений в социогуманитарных науках, что тоже не является новинкой.

параметров – только к накоплению знания, формированию новых методологических принципов или чему-то еще. Прогресс психологии – это и развитие психологического знания, и появление новых теорий, и формирование новых методологических представлений, и многое другое. В частности, как подчеркивает К. Данцигер, «важное значение методологических императивов состоит в том, что они создают условия для прогресса дисциплины» (Danziger, 1985, p. 10). К этому можно добавить, что и сами они являются проявлением данного прогресса. А для любителей упрощенных формулировок можно констатировать, что на каждом последующем этапе своего развития психологическая наука все-таки «лучше» и ближе к заветной истине, чем на предыдущем.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреева Г.М., Басалова И.Н., Петровская Л.А.* Современная социальная психология на Западе. Теоретические ориентации. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978.
- Дебер М.* Избранные произведения. М., 1990.
- Веккер Л.М.* Познание и реальность: Единая теория когнитивных процессов. М.: Смысл, 1996.
- В вонских теории развития науки. М.: Наука, 1982.
- Вронди фон Г.К.* Логико-философские исследования. Избранные труды. М.: Прогресс, 1986.
- Гусев С.С., Турчанинский Г.Л.* Проблема понимания в философии. М.: Наука, 1985.
- Зинев А.Ф.* Концепция науки и ее развитие в философии Г. Башляра // В вонских теории развития науки. М., 1982. С. 78–118.
- Калоев В.В.* Седьмая волна в развитии психологии // Труды ярославского методологического семинара. Предмет психологии. Ярославль: МАПН, 2004. С. 185–206.
- Меркулов И.И.* Методология исследовательских программы и проблемы логико-методологического анализа развития знания // В вонских теории развития науки. М., 1982. С. 181–210.
- Никифоров А.Л.* Фальсификационизм и эпистемологический аппарат // В вонских теории развития науки. М., 1982. С. 210–240.

- Варус В.И., Никифоров А.Л.* Эволюция образа науки во второй половине XX в. // В поисках теории развития науки. М., 1982. С. 150–181.
- Смирнов С.Д.* Методологический плюрализм и предмет психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Предмет психологии. Ярославль: МАПН, 2004. С. 276–291.
- Солсо Р.* Психология в XXI веке: к новым пределам точности // Психологический журнал. 1996. № 4. С. 3–11.
- Старосткин Б.А.* Параметры развития науки. М.: Наука, 1980.
- Степан В.С.* Теоретическое знание. М.: Наука, 2000.
- Юренин А.В.* Психология и методология // Психологический журнал. 2000. № 5. С. 35–47.
- Юренин А.В.* Психология и методология. М., 2005.
- Кроутовский М.Г.* Наука о поведении: русская путь. М., 1996.
- Кроутовский М.Г.* История психологии. М.: Смысл, 1985.
- Wen D.* Self-perception theory // *Advances in experimental social psychology*. N.Y.: AP, 1965. V. 2. P. 112–165.
- Danziger K.* The methodological imperative in psychology // *Philosophy of the social sciences*. 1985. № 15. P. 1–13.
- Harré R. J.* Knowledge and the known: Historical perspectives in epistemology. Dordrecht, 1974.
- Laudan L.* Progress and its problems: Toward a theory of scientific growth. Berkley: Berkley Univ. press, 1977.
- Masterman M.* The nature of a paradigm // *Criticism and the growth of knowledge*. Cambridge: Cambridge Univ. press, 1970.
- Sarton G.* The history of science and the new humanism. N.Y.: AP, 1956.
- The social psychology of knowledge*. Cambridge: Cambridge Univ. press, 1988.

ПРОГРЕСС ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ

Н.И. Чурикова

Обсуждение проблем прогресса психологической науки рационально провести в рамках предложенного Б.М. Тепловым (1985) разграничения психологии как науки и психологии как области знания о психике и психических явлениях.

Психология как наука оформилась сравнительно недавно, во второй половине XIX в. Но хорошо известно, что и много раньше, на протяжении столетий происходило накопление и теоретическое осмысление психологических знаний, которые, однако, еще не обладали статусом научных. Психология, как писал Б.М. Теплов, — очень молодая наука, но очень древняя область знания. Источниками психологического знания являлись философия, религия, литература и искусство, медицина, педагогика, юриспруденция и другие виды практик, включая жизненный опыт многих поколений. Б.М. Теплов подчеркивал, что весьма полностью отделить друг от друга историю строго научного, методически выверенного исследования психологических проблем и историю развития психологических знаний. Содержание психологии настоящего времени, писал он, почерпнуто из обоих источников, но удельный вес того и другого различен в разных ее разделах. Эта мысль Б.М. Теплова верна и поныне.

Вопрос о критериях разграничения научных и ненаучных (до-научных) знаний (во именно знаний, а не суеверий, предрассудков, заблуждений и просто невежества как познания) требует серьезного методологического анализа. Применительно к психологии он стоит весьма остро и неоднократно обсуждался в книге Г. Айзенка (2003). В самой общей форме отметим лишь, что ненаучное знание оперирует нечеткими, расплыватыми, плохо определенными и размытыми по содержанию и объему категориями и понятиями, их определение в большой мере метафоричны. Поэтому одно и то же явление может быть достаточно произвольно подведено под разные понятия, а разные — к одному и тому же. Ненаучное знание не раскрывает глубинной сущности явлений, так как не располагает необходимым

для этого инструментarium либо предлагает малоопределенные, туманно метафорические и мифологические способы их объяснения. Внутренняя структура ненаучного знания плохо дифференцирована и диффузна: в ней факты четко не отделены от их интерпретации (которых может быть несколько) и гипотез, способы доказательства плохо отрефлексированы. Выбор более или менее упорядоченной системы ненаучного знания по преимуществу субъективен, диктуется личным опытом, особенностями ума, темперамента, пристрастиями и окружением их творцов и последователей. У adeptов разных взглядов, по-видимому, мало стремления к сближению своих позиций. У них нет для этого ни общей единой фактической основы (которая может быть только результатом планомерного критического сбора и накопления фактов), ни общей методологии.

В противоположность этому научное знание (которое также можно назвать теоретическим) идет по пути выработки четких определений, понятий и категорий, четкого отделения фактов от их интерпретации и гипотез, рефлексии способов доказательства, выработки общепризнанных обобщений и теорий. Научное знание характеризуется предметностью («Я стою на плечах гигантов» — Ньютон), оно кумулятивно, так как концентрируется вокруг каких-то немногих скарпелирующих его теоретических основ.

Когда-то все современные науки были определенными областями знания. Все они — и математика, и физика, и химия, и биология с медициной — вначале составляли лишь области донаучного знания, внутри которых постепенно, в течение длительного времени, складывались, оформлялись и развивались соответствующие науки. В настоящее время в сферах, которые изучаются развитыми науками, практически уже не осталось знания, которое не было бы научным¹. А в психологии это пока не так. Но объем научных знаний в психологии, несомненно, растет, фрагментов научного знания становится больше и их объем расширяется. Особенно заметным это стало в последние несколько десятилетий. Рассмотрим несколько

1 В данной связи речь не идет о внутренне психологических механизмах верификации научного знания его творцами и в роли в этих процессах, наряду с логикой, интуиции, интуиционизма, окружающей социальной и научной среды и т.д. и т.д. Речь идет о том знании, которое объективировано в понятиях, категориях, законах, теориях, научных методах. Признавая, характеризующие научное знание, — это вопрос теории познания, логики и методологии науки. А внутренне психологические процессы его порождения — это вопрос психологии научной деятельности. Д.И. Менделеев увидел свою периодическую систему элементов во сне, что, однако, не делает ее научной.

подтверждающих эту мысль примеров, имея в виду ту психологию, которая во второй половине XIX в. отделилась от философии и провозгласила себя самостоятельной наукой.

ОЩУЩЕНИЯ. ОСНОВНОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЗАКОН

В современной психофизике в результате многочисленных экспериментальных исследований в разных странах мира достигнуто согласие, что в качестве математического выражения основного психофизического закона следует принимать степенную функцию Стевенса, а не логарифмическую – Фехнера. Вместе с тем выяснено, при каких условиях последняя также может иметь место. Установлено все семейство степенных функций для стимулов разных сенсорных модальностей, начиная с наиболее круто нарастающих болевых ощущений (показатели степени $n=3,5$) и кончая самыми пологими функциями для тональных звуков ($n=0,67$), яркости точечных источников ($n=0,5$) и световых пятен ($n=0,33$). Выяснено, какие вариации процедуры эксперимента и как именно влияют на параметры степенной функции (эффекты диапазона, потолка, пороговый и вторичный эффекты).

В свое время правомерность и научная значимость приняты Стевенсоном и его последователями методов прямого шкалирования силы ощущений, вызываемых стимулами разной интенсивности, была подвергнута серьезному теоретическому сомнению А. Пьероном из-за большой индивидуальной вариабельности получаемых психофизических шкал. Детальное изучение этого вопроса показало, что, например, показатели степенной функции для силы сжатия руки варьируются от 1,3 до 3,46, для поднятия веса – от 1,26 до 1,75, для громкости звуков – от 0,40 до 1,10 и т.д. Таким образом, напрашивалась мысль о малой надежности результатов психофизического шкалирования, что ставило под сомнение правомерность самих методов Стевенса. Но затем оказалось, что, по данным ряда исследований, между индивидуальными показателями степенных функций в разных модальностях (от 2–3 до 5) имеют место значимые, иногда достаточно большие, коэффициенты корреляции (от 0,270 до 0,756). Это значит, что индивидуальная вариабельность крутизны/пологости психофизических шкал отнюдь не является простым артефактом метода прямого шкалирования силы ощущений, но что за ней скрываются некоторые определенные устойчивые личностные характеристики. Многочисленные эксперименты Т.А. Ритановой (2008) в этом направлении привели к выводу, что

одной из таких устойчивых характеристик должно быть свойство силы нервной системы как большая или меньшая ее способность усиливать возбуждение при усилении внешней стимуляции.

Что касается пороговой проблемы, то здесь несомненным научным достижением стала разработка нового метода измерения чувствительности, позволяющего надежно, математически разделять оценить собственно чувствительность сенсорных систем и критерий наблюдателя, служащий для отнесения одних впечатлений к области сигнала, а других — к области шума.

ЗРИТЕЛЬНЫЙ МИР МЛАДЕНЦА И КОГНИТИВНАЯ СФЕРА ДЕТЕЙ РАННЕГО ВОЗРАСТА

Результаты исследований в этой области за последние 30–40 лет Е.А. Серпигово (2006) справедливо охарактеризовала как революцию в когнитивной психологии познания. Многими исследователями было доказано, что новорожденные дети вовсе не погружены в хаотический мир светлых и темных пятен, фрагментарных, не связанных между собой ощущений, как это предполагалось раньше. Было доказано, что мир их восприятия, хотя и в высшей степени примитивен, но осмыслен и структурирован объективной действительностью, что младенцы воспринимают формы, величину и удаленность предметов, их взаимное расположение, явно выделяют лица людей и их изображения, координируют зрительные и слуховые впечатления, проявляют способность к простейшим антиципам. В свете этих данных навсегда ушел в прошлое бесплодный спор между инстинктами и эмпиристами, была решена конкуренция, что восприятие простых пережитых в процессе развития предшествует восприятию сложных, отвергнуты все остаточные представления о психике новорожденного как о «чистой доске», на которой опыт чертит свои письмена. Было доказано, что уже дети в возрасте 9–12 месяцев владеют простыми, примитивными формами обобщений, разделяя, например, объекты на живые и неживые, на животных, растения и средства передвижения, что совершенно по-новому ставит проблему концептуального развития, соотношения восприятия и мышления.

Приблизительное житейское и узкозрительное знание о познавательной сфере детей и ее развитии, начиная с первых дней и недель жизни, уступило место планомерному, методологически и методически четкому сбору научно обоснованных фактов и формулированию научных теоретических обобщений.

ПСИХОСЕМАНТИКА. ПЕРЦЕПТИВНЫЕ, СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ ПРОСТРАНСТВА

Методы многомерного шкалирования позволили сделать буквально «картиной» внутреннюю картину представлений в психике отраженных в ней содержаний объективного мира. Сформулировано теоретически и фактически обоснованное представление о внутренних психологических перцептивных и семантических пространствах; для пространства представительства цветов и вкусов описана их топология и метрика. Интенсивно изучаются семантические пространства вербально-понятийной организации когнитивной сферы. Метод репертуарных решеток Келли позволял объективировать и представить в «картиной» форме иерархическую систему когнитивно-личностных признаков, которые используются человеком при познании самого себя и других людей и в большой мере определяют возможности его адаптивного поведения в социуме.

Основной результат всего этого обширного направления исследований — это вывод о высокой упорядоченности и системной структурированности содержаний психики, о чем раньше могли существовать только догадки и предположения.

ЭМОЦИИ

Несомненным научным достижением в области психологии эмоций является сложившееся представление, что все многообразие эмоциональных состояний может быть более-менее удовлетворительно уложено в рамки нескольких основных фундаментальных эмоций, получивших название базовых, число которых не превышает десяти. В кросскультурных исследованиях получено немало доказательств достаточно высокой универсальности базовых эмоций как родовой особенности человека. Это проявляется в том, что различные культуры и языки имеют много общего в классификации эмоций, в том, что в разных культурах выражение эмоций в мимике и их распознавание по мимике лица в большой мере одинаковы. А множество выражений эмоций в мимике при их шкалировании образует упорядоченное пространство, аналогичное пространству восприятия цветов (Соколов, 2003).

* * *

Если окинуть взором исследования в рассмотренных четырех областях, то видно, что их результаты говорят об одном и том же — о поразительно закономерной системно-структурной упорядоченности представлений внешнего и внутреннего мира в психике человека. И это, конечно, безусловное открытие психологической науки. В этой связи хочется привести выразительные слова Б.М. Теплова: «Никогда приходится слышать от психологов, не говоря уже о представителях других специальностей, мнение, что в психологии не бывает открытий. Если это так, то психологии как науки не существует. Правильнее было бы сказать иначе: в психологии еще недостаточно умеют различать подлинные научные открытия, а психология почти совсем не поставлен учет сделанных открытий. Мы еще не умеем отличить научное открытие от описания новыми словами хорошо известных фактов и закономерностей или от оригинальных мыслей и теоретических построений, не содержащих в себе, однако, никакого научного открытия» (Теплов, 1985, с. 192). Установление закономерной упорядоченности содержащий психического мира человека, безусловно, является крупным научным открытием. Сначала она была обнаружена применительно к представлению в психике континуумов сенсорных воздействий разной интенсивности (основной психофизический закон), а теперь — уже в ряду других сфер психики. Если к этому добавить, что развитие внутренних упорядоченных психологических пространств подчиняется всеобщим универсальным законам развития всех органических систем природы и общества и идет по принципу системной дифференциации от общего к частному, от целого к частям (Чурикова, 1997, 2007; Сергеево, 2006), то картина прогресса психологической науки становится еще более выразительной.

ПСИХОГЕНЕТИКА

Результаты исследований в этой области впечатляют. В многочисленных исследованиях, проведенных во многих странах мира на многих больших представительных выборках моно- и диготных близнецов, сиблингов и близких родственников, доказан очень значительный вклад генотипа (до 70–80%) в индивидуальную популяционную изменчивость показателей интеллекта. При этом получены парадоксальные на первый взгляд результаты о большем вкладе генотипа в показатели высших когнитивных функций, связанных с вербальным интеллектом.

Эти результаты не подтверждают следствий культурно-исторической теории развития высших психических функций Л.С. Выготского и ставят ее перед серьезным вызовом. Доказан также, хотя и косвенный, чем в случае интеллекта, вылад гевотина в изменчивость личностных черт, включая вкус, религиозные предпочтения и профессиональные интересы. В определенной мере установлена разная сила вылада общей и индивидуальной среды в популярную изменчивость разных психических функций. Словом, в психогенетике сделан ряд безусловных научных открытий, а этап донаучных рассуждений и умозрительных заключений о роли врожденного и приобретенного, биологического и социального в психике человека, базирующихся на частных наблюдениях отдельных случаев и житейском опыте, сменился этапом планомерных научных исследований, базирующихся на общей теоретической методологической и методической основе.

* * *

Все сказанное не означает, что в перечисленных областях исследования все уже ясно и понятно. Отсюда нет. Здесь постоянно возникают новые и трудные вопросы, в определенной мере переосмысливаются сложившиеся обобщения. Но это нормальное для каждой науки положение вещей. Можно указать несколько признаков, по которым исследования в рассмотренных областях отвечают выработанным общим критериям научного знания.

1. Достаточно устойчивый единый концептивно-терминологический аппарат.
2. Достаточно устойчивое единое методическое обеспечение исследований, использование объективных методов самой тщательной и скрупулезной регистрации поведенческих и вербальных показателей психических процессов и явлений и стандартизированных способов их математической обработки.
3. Кумулятивный характер накапливаемых знаний и формулируемых обобщений. Развитие идет по линии постоянного формулирования четких гипотез, доступных объективной проверке.
4. Объективное наличие крупных единых исследовательских программ, в рамках которых работают ученые разных стран.

В рассмотренных областях все психологи, где бы они ни жили и на каком бы языке ни говорили, достаточно хорошо понимают друг друга, ищут книги и учебники с примерно одинаковым общим содержанием. Здесь уже практически нет локальных, изолированных друг от друга национальных или индивидуальных психологий, как это было в начале XX в. в эпоху открытого психологического кризиса,

а разные школы не борются друг с другом, но конкурируют за лучшее понимание изучаемых явлений и процессов.

Фрагменты научных знаний, имеющие более или менее общепризнанный интернациональный характер, имеются также в области изучения внимания, памяти, мотиваций, личностных черт, гендерных различий, а также в психодиагностике. Так, в области памяти важным открытием является то, что память — это не унитарная функция психики, а имеет, по меньшей мере, две формы, названные эксплицитной и имплицитной памятью. Они различаются своим содержанием (память о том, что представляет собой предметы и явления, и память о том, как сделать что-либо), равной степенью осознанности и реализуются разными мозговыми структурами. В области гендерной психологии приближительные житейские представления о различиях между мужчинами и женщинами сменились достаточно большим набором хорошо фактически обоснованных статистических закономерностей. Фрагментов более или менее общепризнанных научных знаний, по-видимому, пока меньше в областях психологии потребностей, мышления, воли.

Но современная психология мало продвинулась на пути построения системы своей науки. Не выработаны и должным образом не обсуждаются объективные и логически ясные основания классификации основных психических процессов и явлений. Эти основания продолжают оставаться не отрафлексированными, субъективными и произвольными. Поэтому нет более или менее обоснованной и более или менее общепризнанной системы, связывающей возможно и соответствующей, хотя бы в первом приближении, на основе каких-то общих принципов отдельные области психологии, ее разделы, понятия, факты и закономерности. Бросается в глаза почти полное отсутствие концептуальной связи между двумя разделами психологии, изучающими психические процессы и изучающими личность. Психология еще не стала парадигмальной наукой. Это дело будущего, и здесь очень важна мысль Б. М. Теплова, что «система науки не выдвигается отдельными учеными. Также надуманные системы обычно и принимаются только самими авторами и их ближайшими учениками. Подлинная система науки органически вырастает из хода развития науки и является теоретическим осмыслением всей совокупности достигнутых знаний в этой области. Не изучив хода развития науки, нельзя строить систему этой науки» (Теплов, 1985, с. 193–194).

Чтобы строить систему психологической науки, надо хорошо знать, что в ней уже сделано, как накапливались, систематизировались

и становились признанными психологическим сообществом получаемые в ней факты и обобщения, в чем конкретно они состоят, какие системы образуют уже сегодня. Без этого теоретический прогресс психологии невозможен. Эта мысль Б.М. Теплова представляется не только фундаментальной по своей глубине и значимости, но и в высшей степени актуальной применительно к современному состоянию психологии, когда некоторые контуры фактического научного психологического знания стали пруступать перед взором исследователей более ясно, чем это было 50 лет назад во времена Б.М. Теплова. В высшей степени актуально также цитированное выше положение о необходимости работы по учету научных открытий в психологии.

Сделаем теперь еще об одном серьезном достижении науки, касающемся понимания природы психики, которое можно считать фундаментальным.

Психологическая наука всегда, с самого начала развивалась в неразрывной связи с исследованиями функций и механизмов нервной системы, как центральной, так и периферической (стремление рецепторов и процессы, приводящие к их возбуждению, проведение нервных импульсов по афферентным и эфферентным нервам). В настоящее время изощренные методы нейронаук (магнитоэнцефалография, позитронно-эмиссионная томография и т.д.) все больше внедряются в разработку самых разных психологических проблем. В их числе альтруизм и решение моральных проблем, интеллект, креативность и воображение, память и эмоции и многие другие (Александров, 2005). В результате сегодня можно говорить о кардинальном изменении взглядов на природу психики по сравнению с тем временем, когда психология объявляла себя самостоятельной наукой.

В середине 60-х годов прошлого века один из основоположников современной нейрофизиологии Е. Эдриан отмечал, что в начале XX в. не было вещей более незабываемых в популярной философии и в сознании огромного большинства образованных людей, чем принципиальное различие, пропасть между духом и телом. Но с тех пор, говорил он, экспериментальная психология и физиология поэта настолько продвинулись каждая в своей области, что «сблизили дух и материю», так что теперь между ними почти не осталось никакой пропасти. Сегодня можно утверждать, что эта пропасть уже вела за собой.

Где-то на рубеже 20–30-х годов XX в. И.П. Павлов пророчески писал, что приближается важный этап развития человеческой мысли, когда физиологическое и психологическое, объективное и субъек-

тивное действительно сольются, когда фактически разрешится или опадает естественным путем мучительное противоречие — противопоставление сознания телу.

Сегодня можно сказать, что это время настало, что дуализм мозга и психики по большому счету уже ушел в прошлое. Сегодня никому не придет в голову говорить не только о какой-либо духовной, нематериальной субстанции, но и о параллельном психических и физиологических процессов мозга, хотя еще в начале XX в. принцип параллелизма считался хотя и не конитным с логической точки зрения, но наиболее respectableм. Прав философ И.П. Меркулов, когда пишет, что «собие дуализм по сути дела превратился в мировоззренческий стереотип, и опирающийся исключительно на традиционную оппозицию души и тела, так как никому не удалось обнаружить никаких нематериальных сил, приводящих в движение мускулы человека и управляющих его поведением» (Меркулов, 1999, с. 42).

По словам лауреата Нобелевской премии Э. Кендела, новая современная концептуальная база научной психологии и психиатрии заключается в том, что всяческая деятельность представляет собой ряд функций, выполняемых головным мозгом, что деятельность мозга лежит в основе не только таких простых двигательных актов, как ходьба или прием пищи, но также таких сложных видов деятельности, как мышление, речь, создание литературных, музыкальных и научных сочинений (Kandel, 1998). В традициях отечественной психологии, в которой всесторонне разрабатывалась теория психического как отражения действительности, психика может быть определена как особый специфический уникальный класс мозговых процессов (у высших животных и человека), несущих функцию отражения объективной действительности, состоящий собственно организма живого существа, его взаимодействий с миром и организации на этой основе приспособительного адекватного поведения в среде и деятельности (Чурикова, 1985, 2004, 2005). Эти процессы, будучи от начала до конца материальными протяженными процессами мозга, по своему содержанию концидируют, воссоздают в себе, моделируют действительность, существующую вне их. В этом их неповторимая уникальность, качественное отличие от всех других процессов, протекающих в теле и в мозге. Поэтому за ними должно быть сохранено название психики. А изучение этого содержания, его формы, структуры, динамики и закономерностей составляет предмет психологической науки.

В свое время Л.С. Выготский провидительно увидел глубинную причину психологического кризиса, скрытую за множеством

поверхностных проявлений, в существовании двух психологий — естественнонаучной, материалистической, и спиритуалистической. Он писал, что этот тезис вернее выражает смысл кризиса, чем тезис о существовании многих разных психологий. Все остальное есть только различия в искоренных, школах, гипотезах, но борьба действительно происходит только между этими двумя глубинными тенденциями, действующими за спиной всех борющихся течений (Выготский, 1982). Он писал далее, что не может быть никакой третьей психологии, а будущее — за одной из них. Сегодня можно утверждать, что вся современная научная психология — это, безусловно, психология естественнонаучная и материалистическая, и это свидетельствует о несомненном прогрессе психологической науки, о кардинальном изменении ее основ. Но каким-то парадоксальным образом это кардинальное изменение как бы даже не замечается. В науке фактически преодолена вековой декартовский дуализм, ушли в прошлое жаркие дебаты по психофизиологической проблеме, делавшие спорящих на непримиримые лагеря идеалистов, материалистов и параллелистов, а в теоретической психологии, по крайней мере, отечественной, — по этому поводу полное молчание, как будто бы ничего и не произошло или произошедшее не имеет никакого отношения к психологической науке. Это тем более удивительно, что только в данный контекст кардинального изменения взглядов на природу психики, только в контекст естественнонаучной материалистической психологии могут быть внесены достижения психогенетики, которые невозможно не замечать, как и генетики поведения и обучения. Приведем несколько положений из работы Е. Кендалл (1998).

1. Подобно тому, как комбинации генов вносят свой вклад в поведение, включая его социальные формы, так и само поведение и социальные факторы могут оказывать различное действие на головной мозг путем обратной связи с ним, модифицируя экспрессию генов и таким образом — функцию нервных клеток. Научение, включая такое, которое приводит к нарушению поведения, вызывает изменения в экспрессии генов. Таким образом, все «приобретенное» («*acquired*») в конце концов проявляется как «врожденное» («*inherited*»).

2. Поскольку психотерапия и психологическое консультирование являются эффективными методами помощи и вызывают долговременные изменения в поведении, по-видимому, это происходит через научение, вызывая изменения в экспрессии генов, которые приводят к изменению прочности синаптических связей и вызывают структурные изменения, что, в свою очередь, меняет систему анатомических

взаимосвязей между клетками головного мозга. По мере повышения разрешающей способности методов построения изображений головного мозга неизбежно появится возможность количественной оценки результатов психотерапии.

Таковы перспективы естественнонаучной психологии.

Здесь необходимо дать одно важное разъяснение. Из сказанного ни в коей мере не следует, что психология должна утратить со временем свою самостоятельность и быть поглощенной нейронауками. Как это ни парадоксально звучит, дело обстоит как раз наоборот. Именно признание единого общего объекта психологии и нейронаук (отражающая и регулирующая поведение деятельность мозга), т. е. только до конца монистическое материалистическое решение психофизиологической проблемы позволяет ясно и рационально определить собственный предмет психологии и ее собственный метод исследования (Чурикова, 2004, 2005). Вытекают отсюда и возможные перспективы построения в первом приближении системы общей психологии.

Возвратимся теперь вновь к мысли Б.М. Теплова о необходимости различать психологию как науку и психологию как область знания о психике и психических процессах, сфера которой шире сферы научного психологического знания.

Имея в виду это разделение, можно увидеть, что в то же самое время, когда развивалась психология как наука, продолжалось накопление и расширение психологического знания. Все источники, которые питали психологическое знание в течение веков, продолжают питать его и поныне. Из философских эссе и размышлений людей о самих себе, из опубликованных личных дневников и писем, из психолого-ориентированных мемуаров и произведений искусства, из опыта работы психотерапевтов, из опыта вызова измененных состояний сознания современный человек может узнать о людях и о себе несомненно больше, чем это было в XIX и в начале XX в. Но многое в этом знании остается еще субъективным, допускающим разные толкования, настроения и распыляемым. Словом, вместе с прогрессом психологии как науки расширялась также и область знания, которое, по Б.М. Теплову, следует считать психологическим, но еще не научным. И в этом знании нет ничего плохого. Это вполне нормальный вид знания, предшествующий знанию научному. Это знание уважительно, необходимо для работы практических психологов и в определенной мере, как это было и раньше, питает своим содержанием научную психологию, выдвигая перед ней возникающие в его недрах вопросы

и проблемы. Но плохо, когда происходит теоретическое смешение и иерархичение ненаучного и научного психологического знания. Тогда появляются разного рода противопоставления академической и неакадемической психологии, естественнонаучной и гуманитарной парадигмы, не имеющие ясного логического основания, возникают попытки втиснуть ненаучное психологическое и даже обыденное житейское знание вместе с научным в рамки единой науки, что связано с очень пагубным для науки размытием критериев научности. Одним из очень тревожных следствий такого положения вещей является снижение качества научной профессиональной подготовки психологов в отечественных вузах. Между тем разделение научного и ненаучного знания вовсе не означает пренебрежительного отношения к последнему. Это знание обладает многими достоинствами, которых нет у психологического научного знания, оно шире того, что уже известно науке, и, как справедливо писал Б.М. Теплов, входит и еще долго будет входить в книги по психологии и преподаваться. Но нельзя путать и свертывать соединять психологическую науку и ненаучное психологическое знание. Их надо различать. Без этого теоретический прогресс психологии как науки сильно затруднен, если не невозможен. Не различая научного и ненаучного психологического знания, трудно вести учет психологических открытий, выработать методологически обоснованные крупные исследовательские программы, строить систему психологической науки.

Поскольку одной из значительных составляющих современного психологического знания является психоанализ, имеет смысл привести точку зрения Г. Айзенка, который посвятил ему немало страниц в своей книге. В одном месте у него можно прочитать следующее: «...при рассмотрении доказательств, на которых основываются теории Фрейда, можно обнаружить, что это не тот тип доказательств, который можно порекомендовать ученому. Вместо экспериментально проверенных выводов на четко сформулированных гипотез мы обнаруживаем всего лишь анекдотичные свидетельства, собранные довольно случайным образом из индивидуальных историй болезни. Этот недостаток достоверных доказательств часто скрывается от читателя превосходными писательскими способностями Фрейда, за что в Германии ему заслуженно была присуждена премия Гете за достижения в области литературы. Однако в науке убеждение не должно подменять доказательства, и нам следует более тщательно исследовать доказательные попытки Фрейда, прежде чем сделать вывод о достоверности его гипотез» (Айзенк, 2003, с. 729).

А вот другая цитата: «Мне бы не хотелось, чтобы читатель подумал, будто я являюсь ярым противником психоанализа во всех его проявлениях. Как и многие другие психологи, я всего тот свежий глоток воздуха, который Фрейд административно втянул в затхлую, сухую атмосферу академической психологии XIX века. Гениальность его ума открыла нам двери в новый мир, а его необычная оригинальность подарила множество интересных теорий и гипотез, над которыми еще долго будут размышлять исследователи. Безусловно, многие идеи Фрейда являются каковыми, но это вовсе не значит, что мы должны соглашаться с ним во всем и воспринимать его теорию как некое откровение свыше. Фрейд привнес в психологию много полезного и много вредного одновременно. Научно-ориентированная психология должна поставить себе задачу устранить последнее, сохранив при этом первое. Ответ на вопрос, который является названием этой главы: "В чем недостатки психоанализа?" – очень прост. "Психоанализ ненаучен". Только строгое следование традиционным научным методам аргументации и экспериментального обоснования поможет нам воспользоваться всеми благами, которые нам предлагает гений его создателя» (Айзенк, 2003, с. 230–231).

В завершающей части статьи Э. Кендела (1998) есть знаменательный параграф, который носит название «Биология и возможность ренессанса психоаналитической мысли», содержание которого непосредственно связано с обсужденной проблемой прогресса психологической науки.

Было бы печально, даже трагично, пишет Э. Кендел, если бы достижения психоанализа были утрачены при сближении психологии, психиатрии и биологических наук, что уже происходит сегодня и неизбежно продолжится в будущем. Откалдываясь назад, мы уже можем понять, что именно препятствовало интеллектуальному развитию психоанализа в течение последнего столетия. Прежде всего, у психоанализа не было даже видимость научного фундамента. Более того, ему недоставало научной традиции, основанной не только на воображаемых предположениях, но и на творческих и критических экспериментах, предназначенных для исследования, подтверждения или, как это часто бывает, опровержения этих инсайтов.

Но время отшло не должно тяготеть над следующими поколениями.

Современная психология все еще развивается. Недавно произошло объединение когнитивной психологии с нейронаукой в дисциплину, которую мы называем когнитивной нейронаукой, являющуюся одной из наиболее захватывающих областей во всей биологии. Какими же

тогда могут быть устремления совершенными? Будущее психоанализа, если он хочет его иметь, находится в контексте эмпирической психологии, стимулируемой техниками построения изображений работы мозга, нейроанатомическими методами, а также генетикой человека. Встречающиеся в науке о познании человека идеи психоанализа можно проверить, и именно здесь его идеи могут оказать самое огромное влияние.

Если развитие всех наук происходило по пути неуклонного роста научного знания внутри знания ненаучного, по пути смены непроверяемых умозрительных и метафоро-мифологических теорий теориями проверяемыми, то надо думать, что так же должно обстоять дело и с развитием психологической науки. Именно об этом говорят применительно к психоанализу Г. Айзенк и Э. Кендал.

ЛИТЕРАТУРА

- Айзенк Г.Ю. Психология: Полва в вред. Смысл и бессмыслица. Факты и вымысел. Минск: Харвест, 2003.
- Александров Ю.М. О заходящих парадигмах, телеологии, «каузализме» и особенностях отечественной науки // Вопросы психологии. 2005. № 3. С. 153–158.
- Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1. С. 291–436.
- Меркулов Н.В. Когнитивная эволюция. М.: РОССПЭН, 1999.
- Раманова Г.А. Психосоматическое инкарирование: сила ощущений, сила нервной системы, чувствительность. М.; Воронеж: НИО «МОДЭК», 2008.
- Сергеева Е.А. Раннее когнитивное развитие. Новый взгляд. М.: Из-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Самойлов Е.Н. Восприятие и условный рефлекс. Новый взгляд. М.: УМК «Психология», 2003.
- Теллов Б.М. О некоторых общих вопросах разработки истории психологии // Избр. труды: В 2 т. М.: Педагогика, 1985. Т. 2. С. 191–198.
- Чурикова Н.И. Психика и сознание как функция мозга. М.: Наука, 1985.
- Чурикова Н.И. Психология умственного развития: принцип дифференциации. М.: Столетие, 1997.

Чурякова И.И. Психика и предмет психологии в свете достижений современной нейронауки // Вопросы психологии. 2004. № 2. С. 104–118.

Чурякова И.И. Объект, предмет и метод психологической науки // Труды Ярославского методологического семинара. Метод психологии. Ярославль, 21–23 апреля 2005 г. Т. 3. С. 359–369.

Чурякова И.И. Умственное развитие: принцип дифференциации. СПб.: Питер, 2007.

Kandel E.R. A new intellectual framework for psychiatry // *Am. J. Psychiatry*. 1998. V. 55. P. 457–469.

К КАКОМУ ИДЕАЛУ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ ДВИЖЕТСЯ ПСИХОЛОГИЯ?

С.Д. Смирнов

КРИТЕРИИ ПРОГРЕССИВНОГО РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Зарождение научного знания, его выделение из знания житейского и последующее прогрессивное развитие находят свое выражение в поступательном изменении целого ряда его характеристик, которые могут одновременно рассматриваться как критерии развития любой науки, в том числе и психологии. К таким общим критериям развития можно отнести следующие.

1. Рефлексивный характер знания.

Данный пункт рассмотрим более развернуто, поскольку именно форма рефлексии научного знания, прежде всего, определяет стадию развития, на которой находится данная наука. **Рефлексия** — один из видов и даже методов познания, главной особенностью которого является направленность на само знание, на процесс его получения. В рефлексии реализуется единство отражения и преобразования объекта; применение ее в исследовании приводит к творческой перестройке самого изучаемого предмета. «В результате рефлексии ее объект — система знаний — не только ставится в новые отношения, но достраивается и перестраивается, т. е. становится иным, чем он был до процесса рефлексии... Столь необычное отношение между познавшим и познаемым объекта объясняется тем, что мы имеем в данном случае дело не с таким предметом, который существует независимо от познания и сознания, а с познавательным воспроизведением самого познания и сознания, т. е. с обращением познания на самого себя» (Лекторский, 1980, с. 266). В последнем случае происходит не только выход за пределы существующей системы знания, но и преобразование ее за счет включения рефлексивного знания в другой контекст, в новую систему отношений с другими элементами знания. При этом важнейшим механизмом приращения знания является превращение некоторого внешнего знания (совокупности предпосылок и допущений, стоящих

«на спиною» тех или иных формулировок) в знание явное, прямо формулируемое. Такой переход, разумеется, не остается без последствий для самого знания, он ведет к его уточнению, часто к отказу от некоторых неясно принимавшихся предпосылок. То, что раньше представлялось ясным, интуитивно понятным и простым, в результате рефлексии оказывается достаточно сложным и нередко проблематичным, а иной раз просто ошибочным.

Исключительно важно понять, что всякий раз, когда рамки неявного, неререфлексируемого знания отодвигаются за счет рефлексии, неизбежно возникают новые неявные допущения, имплицитно присутствующие предпосылки. Следовательно, всякая рефлексия одновременно порождает новое неявное знание, что служит хорошей иллюстрацией диалектического характера любого акта познания. Это новое неявное знание, в свою очередь, может быть отрелексировано и т.д. Но при этом всегда необходима некоторая «смысловая рамка», которая выполняет роль средства рефлексирования, а сама при этом не рефлексируется. Осмыслить ее можно лишь с помощью иной смысловой рамки, которая в новом контексте будет оставаться неререфлексируемой. Предел такого движения определяется теми познавательными или практическими задачами, которые необходимо решить с помощью нового знания.

Рефлексия является одной из наиболее существенных имманентных черт науки, как, впрочем, и всякого разумного действия индивида. Она предполагает не просто отображение в знании реальности, но и сознательный контроль за ходом и условиями процесса познания.

Само зарождение науки связано с переходом от дорефлективных представлений обыденного сознания к научным понятиям с помощью рефлексивных процедур. Выделение эмпирической и теоретической стадий развития науки также включает в себя в качестве одного из критериев степень отрелексированности, осознания познавательных средств. Дальнейший прогресс научного познания заключается во все большем преодолении этой вершины обыденного нерелективного сознания по отношению к концептуальным средствам.

Рост саморефлексивности научно-теоретического мышления связан с усложнением средств познавательной деятельности, ростом количества звеньев-посредников между верхними этапами теории и ее эмпирическим базисом, что приводит к появлению

принципиально новых компонентов в самой системе научного знания: теоретической рефлексии над логической структурой и познавательным смыслом тех концептуальных систем, которые отображают объективную реальность. Именно эти компоненты в своей развитой форме и составляют «тело» методологии как особой отрасли человеческого знания.

С начала XX в. началось резкое расширение сферы рефлексии над наукой. Возникла принципиально новая ее форма – внешняя, «неспецифическая» рефлексия, направленная на изучение социальных условий и результатов процесса познания, в частности, вопросов о роли науки в обществе и ответственности ученых за результаты своей деятельности. Что касается тенденций в развитии специфической, внутринаучной рефлексии, то, используя терминологию П.П. Гайденко (1969), ее можно обозначить как движение от *эпистемологии* через *гносеологию* к *методологии*.

Онтология характеризуется сосредоточением на отношении объекта и знания, в последнем выделяется только его объективное содержание. Познание рассматривается как поступательное движение на пути к объективной истине, и цель рефлексии заключается в контроле за правильностью этого движения, в выделении в объекте предельных оснований, открытие которых и дает ту самую единственную, всеобщую истину.

Под влиянием немецкой классической философии, и в связи с усложнением объектов конкретных наук, с середины XIX в. центром самосознания науки становится отношение субъект–объект познания. Философы начинают искать предпосылки и предельные основания научного знания в формах организации познавательной деятельности, влияющей на содержание и логическую организацию знания. Этот тип рефлексии, условно названный **гносеологием**, предполагает множественность оснований познания и относительный характер истины. Об истинности знания предлагается судить по его адекватности задаче, конкретному способу овладения объектом, а не по его близости к некоторой абсолютной и единственной истине, постулируемой онтологической рефлексией. Этот вид научной рефлексии характерен для неклассической стадии развития науки.

Для **методологии** как наиболее «продвинутого» типа рефлексии современной науки (на ее постнеклассической стадии) характерна направленность на средства познания в самом широком смысле этого слова. При этом развитие методологии в прикладных

и экспериментальных исследованиях приводит к тому, что анализ средств познания постепенно перерастает в их систематическое производство, а в некоторых случаях – даже в своего рода индустрию, поскольку индустриальными становятся формы организации и характер научной деятельности. Следствием этого является изменение, вернее, повышение требований к самому научному результату: он должен иметь стандартизованную «инженерную» форму, т. е. быть пригодным для «стыковки», «увязывания» и использования вместе с другими результатами в ходе коллективной научной деятельности.

Конструктивный характер приобретает рефлексия на уровне методологизма и в фундаментальных науках, где идет построение идеального объекта науки, модели изучаемой реальности. Важным следствием качественного развития самосознания науки является возникновение общенаучных концепций и дисциплин, выполняющих функцию рефлексирования определенных сторон процесса познания в частных науках. Степень завершенности перехода от первых форм рефлексии, характерных для классической науки, к онтологизму и методологизму (присущих соответственно стадиям неклассической и постнеклассической науки) является главным критерием прогресса в той или иной отрасли научного знания.

2. Развитие средств формального описания ядов и методов их решения.

К ним относятся аппарат математики, логики, другие знаковые системы и язык формализованного описания.

3. Расширение научного сообщества и интеллектуальности информационного потока внутри него (между членами научного сообщества).

4. Дифференциация подгрупп внутри научного сообщества по признакам доминирующих подходов (научных школ), форм научных практик и решаемых прикладных задач и т. п.

5. Рост востребованности общественно-референтными научной деятельностью и их влияния на общественное сознание.

6. Реальный вклад данной науки в развитие материальной и духовной сфер жизни общества и др.

7. Отказ отныне от обслуживания чужих-то интересов, корпоративных, классовых, конфессиональных и других групповых интересов при планировании и интерпретации результатов научной деятельности в пользу интересов поиска истины при условии признания неабсолютности (безусловной относительности) любой истины и ее ограниченности условиями получения и применения полученных данных.

8. Стремление к максимальному полному и развернутому открытию той системы открытий/знаний, в границах которой только и возможны не кто имеет карьерные утверждения.

Эти и другие критерии можно разделить на:

- Показатели **экстернального развития** (чаще это внешне по отношению к «телу» научного знания критерии): рост числа вовлеченных в науку людей, расходовемых средств и материальных ресурсов, количества журналов и публикаций на разных носителях, эффективность затрат (в смысле их материальной и социальной «отдачи») и т.д.
- Показатели **интернального развития** (чаще это внутренне по отношению к самому научному знанию критерии): повышение достоверности добываемых знаний, выраженность кумулятивного эффекта при решении теоретических и прикладных проблем, движение в сторону большей формализации языка описания предметов и методов научных исследований, четкость размежевания с «псевдонаучными» подходами и др.

Одновковы ли эти критерии для естественных и гуманитарных наук? Есть все основания ответить на этот вопрос положительно, с той только оговоркой, что значения (весомость) каждого из критериев могут быть различимы не только в гуманитарных, естественных и точных науках, но и в отдельных науках внутри каждого из блоков.

Соотношение естественнонаучной и гуманитарной парадигмы в психологической науке является предметом обширных дискуссий (обзор см.: Корнилова, Смирнов, 2006). С точки зрения автора данной статьи, разделение психологии на естественнонаучную и гуманитарную может быть последовательно проведено только по объекту исследования. Естественнонаучная психология – это наука о психике животных и человеческой психике на уровне индивида (например, изучение чувствительности, зависящей от устройства органа чувств и т.д.). Ведь естественные науки – это по определению науки о природе, а не о человеке (по любой классификации наук). Специфически человеческая психика (на уровнях сознания, личности, деятельности, которые отсутствуют у животных) не может быть изучена исключительно теми методами, которые используются в естественных науках, хотя бы в силу специфики объекта и исследовательских задач. Это не значит, что методы естественных наук не должны применяться. Просто не ими едиными может быть жива психология человека – гуманитарная психология. Например, специфическим критерием прогресса психологии человека можно считать степень полноты реа-

значити в любом исследовании принципа «не навреди» или принципа отношения к человеку как высшей ценности, отказа от использования человека в качестве лишь средства достижения других (якобы более значимых) целей.

СТРОИТЕЛЬНО-АРХИТЕКТУРНАЯ И СЕТЕВАЯ МЕТАФОРЫ КАК ЯЗЫКИ ОПИСАНИЯ ИДЕАЛОВ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Всякая оценка прогресса в науке с необходимостью должна опираться на представления о некотором идеале научного знания, близость или удаленность от которого и может служить мерой научного прогресса в той или иной области. Этот же идеал играет важную роль при размежевании с околонаучными или принципиально ненаучными формами общественного сознания. Строится этот идеал с помощью различных форм и уровней методологической рефлексии (философской, общенаучной, конкретно-научной). Сейчас в качестве такого идеала психологи чаще всего используют сложившиеся в естественных науках (прежде всего в физике) представления о наличии некоторых «**фундаментальных свойств**» материи, знание которых (раскрытие которых) позволяет вывести свойства «**прищичков**», на которых строится Вселенная (ср. с понятием «**мирообразование**») или, по крайней мере, ее **каркас**. Эти представления, сложившиеся еще в рамках классической науки, часто носят название «**строительно-архитектурной метафоры**». И если исходить из такого идеала научного знания, то психология явно не демонстрирует никакого прогресса.

Но становится все более очевидным, что подобный идеал научного знания исторически ограничен, и уже в рамках самих естественных наук, в том числе в физике, начинают складываться конкурирующие представления об идеале научного знания. И здесь обращает на себя внимание тенденция к замене строительно-архитектурной метафоры на «сетевую». Становится все более очевидным, что сам мир не построен на «твердых» основаниях, а представляет собой динамическую сеть взаимосвязанных событий (сеть динамических отношений), и более или менее адекватно, хотя и всегда приближительно, описать его может только сеть взаимосвязанных, но гибких и постоянно перетекающих друг в друга понятий и теорий, ни одна из которых не является более фундаментальной, чем другие.

Природа не может быть сведена к фундаментальным сущностям вроде «прищичков» материи, но должна пониматься исключительно

на основе внутренней связности, «пронизованности» отдельных компонентов, «логически связанных друг с другом и в самих себе». Новый подход, названный «бутстрэпной» гипотезой и даже «бутстрэпной» философией, провозгласил отказ от строительной-архитектурной метафоры в науке. Лидер этого направления Джефри Чу, создавая новую единую теорию субатомных частиц, «не только отказывается от идеи фундаментальных «кирпичиков» материи, но вообще не принимает фундаментальных сущностей — констант, законов или уравнений. Материальная Вселенная рассматривается как динамическая сеть взаимосвязанных событий. Ни одно из свойств какой-либо части этой сети не является более фундаментальным: все свойства одной части вытекают из свойств других частей и общая связность взаимоотношений определяет структуру всей сети» (Капра, 1986, с. 43–44).

Именно отрицание абсолютно «твердых» (неизменных) оснований любого научного знания (в том числе естественногонаучного) вызывает неприятие зарождающейся новой парадигмы многими учеными — считает Д. Чу: «Все идеи науки в некотором смысле противоречат «бутстрэпному» подходу, потому что ученый хочет, чтобы вопросы были ясно сформулированы и могли получить независимую экспериментальную проверку. «Бутстрэпной» же схеме свойственно не считать абсолютными никакие понятия; мы всегда готовы обнаружить слабость в старых понятиях. Мы постоянно равнодушны к понятиям, которые считались фундаментальными и использовались для постановки вопросов» (там же).

В такой сети отношений без твердых оснований описание предмета может вестись во множестве различных мест. Здесь нет ясной начальной точки. Невозможно предсказать свойства какого-то объекта и вывести результаты определенного взаимодействия, исходя из свойств «кирпичиков» и некоторых фундаментальных законов. Появление новых объектов в сети приводит к перестройке всех отношений внутри нее, поскольку у всех остальных объектов появляются новые свойства (которые невозможно предсказать заранее). Научные теории никогда не могут дать полного и определенного описания реальности. Мы имеем дело только с последовательной аппроксимацией, приближением к истине. Чу (и не он первый) справедливо утверждает, что «при тщательном анализе “факты” в действительности оказываются приблизительными представлениями. <...> Грубо говоря, ученые никогда не имеют дело с истиной; они имеют дело с ограниченными и приблизительными описаниями реальности» (там же, с. 59). Описывая избранные группы явлений, мы всегда вынуждены отбрасывать

другие группы явлений как менее значимые в данном (интересующем нас) отношении. В принципе невозможно познать «Все сразу», поскольку Вселенная *бесгранична во многих смыслах*.

Если теория работает хоть в каком-то отношении, то она уже истинна в определенной аппроксимации. Рассмотрение ее ограничений — первый шаг к ее продвижению. Нет ни одного *бесспорного факта* (есть аппроксимация с большим или меньшим ограничением)! Теории, описывающие такую реальность, не могут быть ничем иным, как сетью взаимосвязанных понятий, ни одно из которых не является более фундаментальным, чем другие. По мере развития теории взаимосвязи в этой сети становятся все более определенными, а вся сеть — более сфокусированной (лучше «пропитурованной»).

Возможно, наука будущего будет представлять собой мозаику перескакивающих между собой теорий и моделей «бустроного типа». Ни одна из них не будет более фундаментальной, чем другие (не будет нуждаться в «твердых основаниях»), и все они будут взаимосогласованными. Наука такого рода выйдет за пределы условных границ между дисциплинами, используя те языки, которые оказываются более подходящими для описания различных аспектов взаимосвязанной структурной ткани реальности. Перспектива превращения «бустроной» теории в новую парадигму философского мышления открывает пути для понимания любой науки как в принципе мультипарадигмальной. «Физиc, который способен рассматривать любое количество частично удовлетворительных моделей без каких-либо предпочтений, уже является поистине *бустроиником*» (там же, с. 43–44). Разве не так обстоят дела в психологии фактически на протяжении всего периода ее развития? Многие современные ученые называют это состояние кризисным и молится о чуде явления нам новой («подлинно научной») психологии, построенной на твердом фундаменте четко сформулированных законов из прочих «карманных» достоверных фактов, армированных жестким концептуальным каркасом.

Но если в других науках произойдет замена строительного-архитектурной метафоры идеала научного знания на стативную, то вполне может оказаться, что психология, научное знание которой имеет мультипарадигмальный характер, движется к тому же идеалу с противоположной стороны. И призывать надо не к построению красивого и прочного, но статичного здания, а к созданию изначально динамичной, но гораздо более взаимосвязанной сети психологических теорий, ни одна из которых не является более фундаментальной, чем другие. Особый путь психологии к такому идеалу научного

знания (минуя более или менее удовлетворительные статичные конструкции начальных стадий развития естественных наук) был предопределен большей сложностью и динамичностью ее объекта. Ведь именно переход к изучению более сложных и динамичных объектов в физике вызвал в жизни самую постановку вопроса об отходе от такой привлекательной строительно-архитектурной метафоры и замене ее на сетевую – такую «лябкую» и неопределенную, где властвуют не твердые факты, но аппроксимации; где невозможно говорить об истинности, а только лишь об удовлетворительности теории в том или ином отношении с теми или иными ограниченными; где нет непрерывного «пространства–времени» и т.д.

Из сказанного вовсе не следует, что психология идет вперед всех других наук и может послужить для них моделью. Вряд ли кто-то будет спорить с тем, что психология находится на ранней стадии своего развития. Она действительно вносит вклад в становления нового идеала науки, но подходит к нему как бы с другой стороны, перед ней стоят задачи совсем иные, чем перед современной физикой. Наши понятия и концепции недостаточно взаимосвязаны, не «проштурованы» ни внутри себя, ни с другими теориями и подходами; практически не уделяется внимания проблеме изначальных ограничений применимости того или иного психологического знания. Именно этим, прежде всего, должна заняться психология (скрупулезно и терпеливо, не рассчитывая на быстрый прогресс) вместо того, чтобы мечтать о единственном решающем открытии, которое раз и навсегда дало бы основание единой психологической теории.

Многие физики уже поняли несбыточность этой мечты и ищут на другой путь – путь построения сети взаимосвязанных понятий и теорий, ни одна из которых не является более фундаментальной, чем другие. Из развитие теории должно заключаться в том, что взаимосвязи в этой сети будут становиться все более и более определенными (любая возможность возрастания связности указывает на возникающую где-то неполноту), а сама сеть – все более и более сфокусированной. Согласно Д. Чу, бутстрепная идея, доведенная до своего логического конца, предполагает, что существование сознания, наряду с другими аспектами природы, необходимо в общей связи целого.

Намечающийся в современной психологии отказ от идеала научности, описываемого языком строительно-архитектурной метафоры, является важнейшим показателем (и одновременно условием) прогрессивного развития психологической науки. Тесно связан с этим процессом и вопрос о возможности построения «единой теории

вещического», поскольку ею может служить только «фундаментальная» теория, над которой должны надстраиваться все другие (более частные).

На фоне сказанного выше часто звучат призывы к построению «единственно правильной» психологической теории и непрекращающиеся попытки сведения всей психологической реальности к какой-либо одной категории воспринимаются как вполне архаичные. А.В. Юренич назвал их «форсированным монизмом» (2006, с. 105). Справедливо критикуя этот подход, А.В. Юренич, тем не менее, своим определенным образом оставил его сторонникам некоторую надежду. Можно подумать, что «нефорсированный» монизм имеет шансы на успех, что со временем (если не форсировать события) храм на твердом фундаменте будет построен.

Единственной альтернативой такому подходу выступает методологический плюрализм – система взглядов, согласно которой адекватность тех или иных методологических средств психологического анализа (включая и собственно психологические теории на уровне конкретно-научной методологии) может быть оценена только в ходе «методологического эксперимента», и не может существовать теория даже самого высокого (или глубокого) уровня, которая бы априори была пригодной для предельно вновь возникающей познавательной трудности. А именно на такую роль претендовала бы «единая теория вещического».

Понятие методологического плюрализма практически синонимично понятию «мультипарадигмальности» психологии, по крайней мере, на современной стадии ее развития. При таком понимании методологический плюрализм заслуживает не сожаления как неизбежное зло, а одобрения как важнейшее условие прогрессивного развития науки. Попытка найти какое-то одно (единственно правильное) определение ляжется на убежденности в возможности построения единой теории вещического, своеобразной метатеории, которая выполняла бы роль методологического ориентира для любого частного психологического исследования или психологической практики. Переживания появления такой теории в ближайшем будущем – нулевые, скорее всего, она вообще невозможна, поскольку аналогичных теорий нет даже в гораздо более развитых науках.

Оценивая прогресс психологической науки в целом, это можно констатировать практически по всем сформулированным выше критериям. И лишь степень приближения к идеалу научности, описанному на языке «строительно-архитектурной метафоры», может быть

однозначно оценена негативно. Но, может быть, именно это говорит о движении психологического знания совсем в другом направлении – к методологическому плюрализму и мультипарадигмальности, конгруэнтной сетевой модели мира, реализующей принципиально новые идеалы научности и рациональности.

ЛИТЕРАТУРА

- Войдыко П.В.* Категория времени в буржуазной философии и истории XX века // *Философские проблемы исторической науки*. М.: Наука, 1969.
- Кармылова Т.В., Смирнов С.Д.* Методологические основы психологии. СПб.: Питер, 2006.
- Лакерсмай А.В.* Субъект. Объект. Познание. М.: Наука, 1980.
- Копре Ф.* Уроки мудрости. М.–Киев: Изд-во Трансперсонального института, 1996.
- Юрков А.В.* Объяснение в психологии // *Психологический журнал*. 2006. Т. 27. № 1. С. 97–106.

СИСТЕМЫ ОБЪЯСНЕНИЯ И ПРОГРЕСС ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

В.Н. Порус

А.В. Юренич прав, замечая, что вопрос о том, каким должно быть психологическое объяснение, эквивалентен ключевому методологическому выбору психолога, а решение этого вопроса является одним из главных условий ее прогресса (Юренич, 2006). Заметим, это верно не только по отношению к психологии: представитель любой другой науки, не включая математики, мог бы сказать то же самое. Но проблема методологического выбора не всегда одинаково остра бывает, что она считается окончательно решенной (В. Гейзенберг полагал, что это характеризует «зрелую» или «замкнутую» научную теорию [Гейзенберг, 1987], а философы «Штаркбергерской группы» даже говорили о «финализации», т. е. о пределе внутреннего развития научной дисциплины, преступить который она способна, лишь получив некий импульс «извне», проблематизирующий ее основания и всю систему принятых в ней норм и стандартов исследования [Voelke et al., 1983]); бывает и так, что именно методологический выбор становится пропуском в ту или иную систему понятий. Это, действительно, особенно заметно в психологии. Что такое, например, психоанализ, бихевиоризм или функционализм, если не определенные типы объяснения психологических феноменов? Отношения между этими направлениями во многом определяются методологическими спорами, в которых у каждого из них есть свои аргументы¹.

Но вот сами психологи видят особенность своей науки в том, что она не определяет соотношение «психологического объяснения» с объяснениями, удовлетворяющими другие науки, а значит, и не сделала своего окончательного методологического выбора.

¹ Теоретические и методологические компоненты этих направлений составляют взаимосвязанные единства, в которых В.А. Мизинков различает предтеорему (структурной теореме), включающей виды метода, базисную категорию, схему организации исследования и модельные представления), собственно теорию, включающую как результаты исследования, собственно метод, включающий многоуровневую структуру, отношения между предтеоремой, теорией и методом могут быть представлены в рамках общей модели, охватывающей любые психологические концепции и направления (Мизинков, 2003).

В этом есть что-то удивительное. Как? Психология — фундаментальная наука, одна из самых быстро развивавшихся и продуктивных, — а ее представители, как и встарь, волнует неопределенность ее метаэпистемы? Не преувеличение ли это? Почему объяснения, которые психологи дают исследуемым ими явлениям, должны быть по форме и структуре сходными с объяснениями, принятыми, скажем, для механики или физической химии?

Здесь спланились две противоположности «наук о природе» и «наук о культуре» (если в число последних включить все социально-научное и гуманитарное знание). В своей классической форме (Г. Рихтер) оно основывалось на различии генерализирующего (номологического) и индивидуализирующего (идиографического) методов: первый работает в естествознании, стремящемся объяснить явления природы действием всеобщих законов, второй — в науках о человеке в его культурно-историческом измерении, с их вниманием к уникальному и зависящему от неповторимых умственных и душевных движений, а следовательно, к совершенно иному, нежели в науках о природе, типу объяснения. В XX в. обсуждение этого различия прошло ряд стадий. Поначалу усилия методологов, находившихся под гипнотическим влиянием успехов естествознания, были направлены на устранение «несовершенств» наук о человеке, что бы это ни стоило (это и мечты позитивистов о «единой науке», стоящей на общем эмпирическом базисе и общих принципах метода, по отношению к которой вынесенное знание о человеке и обществе является чем-то вроде прото-науки, это и стремление Э. Кассирера и М. Вобера найти между «законами природы» как объективным основанием научных объяснений в культурных ценностях или «идеальных типах»). Но впоследствии, с учетом опыта современной науки в целом, а не только ее отдельных частей, они стали осознавать, что в именованном «несовершенстве» гуманитарного и социально-научного знания кроется преимущество, позволяющее отыскать новые перспективы и перед естествознанием, что «водгонкой» под шаблоны естественнонаучного объяснения можно только «испортить» науки о человеке в его культурной истории, что «единство» науки — не в надстройке этажей над общим эмпирическим фундаментом, а в сложной топологии связей и отношений между различными эмпириями и теориями, что это скорее единство живого организма, чем механической структуры¹.

¹ А это означает, что методологические размышления (и сомнения) о психологии нельзя правильно оценить, если просто сопоставить их с логикой парадигматика, применительно к качеству базовых и нулевых наук культуры и наук о человеке.

Если так, то следовало бы не просто примириться с сосуществованием различных типов научного объяснения (скрыть сердце, признав этот факт *non est mirabile*), но приветствовать его как свидетельство жизнеспособности науки.

Однако что-то мешает этому. Это «что-то», кажется, проникает на самую глубину самосознания психологии, где шевелится сомнение: могут ли признанные в ней способы объяснения считаться научными? «Настоящая» ли наука психология? или она является лишь претендентом на это звание?

Конечно, такой вопрос вообще имеет смысл только в том случае, если известно, что такое «настоящая наука». Но ведь границы «настоящей науки» — не заповеди на скрижалях, их устанавливают люди, работающие в науке и размышляющие о ней. Почему же люди, работающие в психологии и размышляющие о психологии, относятся к ее границам с недоверием?

По-видимому, и сегодня, как несколько десятилетий назад, они все еще находятся под гнетомым императива, редко сформулированного К. Гемпелем и П. Оппенгеймом: «Решающим требованием для любого правильного объяснения остается то, что его эквивалентум должен подводиться под общие законы» (Гемпель, Оппенгейм, 1998, с. 105). Принять «правильными» только «дедуктивно-гомологические» объяснения — это и означает, с этой точки зрения, провести границу «настоящей» науки, т. е. выполнить задачу, которую и позитивисты, и К. Поппер считали центральной проблемой эпистемологии, источником всех прочих ее проблем (Поппер, 1983, с. 55). И хотя гемпельская «логика объяснения» позволяет подойти к этой задаче иначе, чем позитивнистская методология эмпирического обоснования или попперовская «логика исследования», она встречается с трудностями, во многом родственными тем, из-за которых «проблема демаркации» не нашла удовлетворительного решения (иначе ее больше интересуют историки философии науки или философы культуры — из тех, кому важно установить влияние социального контекста на ход дискуссий по этому вопросу [Лорус, 2002]). Если в «настоящей» и «правильной» науке объяснить явление — значит вывести его из закона, то в ней же необходимо обосновать сам закон (например, вывести его как индуктивное обобщение), а это

и означает, методы исследования данной дисциплины — пусть самые специализированные — необходимо уметь их вывести, вывести убедительно и ясно со всей логической строгостью теоретической, которая одновременно производится в других группах науки (Блок, 1973, с. 15).

предполагает, что явление в конечном счете объясняется другими явлениями, и от «номологичности» остается слишком мало, чтобы «гипнотизировать» со кого бы то ни было. Конечно, можно считать объясненным все то, что выводится дедуктивно из основоположений какой-либо научной теории, но тогда сам смысл «научного объяснения» растворяется в логическом выводе.

Например, можно «спасать явления», т. е. с помощью специально подобранных «экспланантов» (постулатов, аксиом, гипотез) охватывать дедукцией как можно большее количество наблюдений, измерений и других результатов познавательной деятельности; «спасенные» же явления считать «объясненными». Это и есть методологический принцип инструментализма: научные теории суть средства (инструменты), благодаря которым область эмпирии становится (якобы) «когнитивной» тому, кто их использует; выбор же «инструментов» обусловлен только их работоспособностью и иным иным (вроде так называемых «онтологических предпосылок» или «метафизических» гипотез о реальности). Позиция инструментализма прозрачна и, может быть, именно поэтому многократно подвергалась критике. Не будем воспроизводить эту критику, но согласимся, что приравнивание объяснения к «спасению явления» вызывает интуитивное отторжение: ведь при помощи чисто-формальных трюков (если не вовсе бессмысленных предположений) можно препрратить некое множество высказываний, описывающих явления, в логически связанную систему. Но при чем здесь «научное объяснение»?

Вообще, если сравнивать «объяснительную силу» дедуктивных и индуктивных научных умозаключений, то придется, в итоге, признать, что она примерно одинакова и те, и другие обладают определенным экспланативным потенциалом, но его реализация зависит от различных обстоятельств, в том числе и от предрасположенности ученого считать ясным тот или иной факт либо способ рассуждения (например, она может быть следствием принадлежности ученого к определенному «научному сообществу», в смысле Т. Куна); достоинства и недостатки обоих видов объяснений не могут сравниваться по абсолютной шкале.

Наука знает не одно (качественно-методологическое), а несколько принципиальных измерений (социальное, социально-психологическое, историко-научное и др.). В этих измерениях определяется «стиль научного мышления» (я думаю, это одна из ключевых эпистемологических категорий [Порус, 1993]), составной частью которого и является «стиль научного объяснения».

Поэтому методологический выбор, о котором идет речь в статье А.В. Юренича, скорее свидетельствует о приверженности тех, кто такой выбор совершает, определенному стилю научного мышления, и спор между различными стилями не имеет однозначных решений.

То, как формируются, укрепляются или ослабевают подобишие приверженности – это интересный вопрос философии науки. Вообще говоря, современная философия науки стоит перед альтернативой: стать полем междисциплинарных исследований науки (ее языка, методов, логической структуры, институтов и форм организации и т.д.), утратив при этом признаки своей принадлежности к философии, либо вспомнить о последней и рассматривать данные методологов, логиков, социологов и психологов, историков и прочих науковедов как материал для собственно философского исследования особой формы свободного самоопределения субъекта в сфере научного познания (Лорус, 2005). От этого выбора зависит будущее философии науки. По моему убеждению, превращение в амальгаму различных науковедческих дисциплин означало бы ее деградацию как раздела философии и вело бы к дискредитации философии в целом. Напротив, направить ее движение в сторону собственно философских целей, используя при этом все, что могут дать специальные дисциплины, так или иначе изучающие науку как особый объект, – значило бы открыть перед философией науки новые перспективы.

Все это сказано, чтобы подчеркнуть: задача философии науки состоит не в том, чтобы разложить ориентиры методологического выбора (например, в психологии), не в том, чтобы, как в старые добрые времена, вкапывать столбы и расставлять контрольно-пропускные посты на границах между «правильной» и «неправильной» науками (в частности, между наукой и «метафизикой»), а в том, чтобы исследовать процессы, в которых научная дисциплина обретает свой статус, без оглядки на шаблоны и стандарты, заимствованные не столько из лидирующих в тот или иной исторический период наук, сколько из методологических рефлексий, точность и практическая применимость которых почти всегда оказывается проблематичной – перед лицом развивающейся научно-исследовательской практики. Это означает, что философия науки, как и пристало философии, рассматривает формы, в которых выражается свобода познающего субъекта и которые в то же время ограничивают эту свободу, тем самым создавая предпосылки для снятия этих ограничений и возникновения

те новых формальных выражений. В этом и состоит «парадокс» научной рациональности: она выражается в системе формальных критериев, но всегда стремится к ревизии, даже слову этой системы, чтобы создать новую систему, которую рано или поздно ждет та же участь. Научная рациональность подобна свету — она не имеет «массы покоя» (Поруэ, 1999).

Что касается психологии, то, если я могу судить об этом, не будучи психологом, она действительно далека от «окончательного» методологического выбора. Как свидетельствует А.В. Юренич, «какого-либо стандартного, типового, а тем более нормативного объяснения в психологии не существует, используется большое разнообразие типов объяснения, выбор которых определяется особенностями изучаемых объектов, базовыми методологическими ориентациями самих психологов и другими подобными факторами» (Юренич, 2006). Эти типы могут быть учтены в классификации, например, в такой, какая предложена в работе Р. Брауна (Brown, 1963). Верно и то, что эта классификация не является ни жесткой, ни исчерпывающей, что указанные в ней типы объяснений могут преобразовываться так, что становясь в чем-то похожими друг на друга, а могут использоваться и объяснения, получающиеся через «переплетение» различных типов (объяснения-миксты). Специалисты-психологи легко найдут тому примеры. Но и неспециалисту понятно, что смешение типов объяснения происходит не из-за методологической небрежности, а поскольку к этому подталкивает многообразие объясняемых ситуаций, специфика методов и объектов исследования, плюрализм объяснительных теорий и т. д. Это очевидно.

Другое дело, как относиться к этой очевидности. Множественность типов психологического объяснения (а также их «смешений») может оцениваться по-разному. Например, как печальнает А.В. Юренич, в этом многообразии обнаруживаются объяснения психологических феноменов на уровне «кашеварской» или «бытовой» психологии, что неутрачивает, ибо в «настоящей» науке такого быть не должно. В своем деле, зорона была бы теоретическая механика, в которой использовались бы «диспозиции», вроде «абломом свойственно падать на землю». А между тем, поведение некто Альберта, который предпочитает искать высокооплачиваемую работу, а не довольствоваться средним уровнем заработка, психолог может объяснить следующим образом: психологическая структура личности Альберта такова, что в ней стремление к материальному успеху является доминирующим; вот почему этот субъект рывает по рынку труда в поисках более вы-

годных условий, а не заполняет драгоценное время жизни, скажем, чтением Кьеркегора или поиском успеха у женщин. Но на такое объяснение, хотя и в других, «житейских», терминах, способен любой человек, вовсе не будучи психологом? В чем же преимущество научной психологии?

Наука, в отличие от обиденного опыта и житейской мудрости, стремится не к «окончательным» объяснениям, а к раскрытым новым перспективным исследованиям. Это в свое время подчеркивал Ч.С. Парс. Научное исследование, считал он, проходит в ритме чередования двух основных процессов: выдвижения гипотез и их отбора по определенным критериям (абдукция) и опытной проверки, в ходе которой устраняются ошибочные гипотезы (ретродукция). Этот процесс устремлен к идеальному пределу — к утверждению, с которым согласилось бы рациональное научное сообщество, *если бы ему удалось «завершить» бесконечное исследование*. Этот предел и есть то, что Парс называл «научной истиной» (Peirce, 1965, p. 394, ff. 565). Значит, «последнее» или «истинное» объяснение в науке — не что иное, как «регулятивная идея» — идеальный ориентир познания, но не его конечный пункт. Как может ученый знать, находится ли он на верном пути, не утратил ли он этот ориентир? Парс отвечал: истинным в науке следует признавать то, относительно чего в настоящий момент нет веских сомнений (чем измеряется «вес» сомнения — это отдельный вопрос, требующий уточнений и разъяснений). Таким образом, удовлетворительные объяснения (такие, относительно которых у большинства экспертов нет решительных возражений) — это все же на пути науки. Пройдя значительный отрезок этого пути и оглядываясь назад, исследователи могут по-разному судить о том, как расставлены вехи: одни остаются надолго, другие вскоре снимаются и признаются ошибочными (в этом состоит принцип «фаллибилизма»: науке свойственно ошибаться, но она умеет учиться на своих ошибках и исправлять их). Главное же — в том, чтобы путь нигде не упирался в тупик, чтобы каждая новая веха (т. е. научное объяснение) помогала увидеть перспективу дальнейшего исследования.

Я напомнил эти положения Ч. Парса, чтобы применить их к проблеме методологического плюрализма в психологии. Если рассматривать

3 Не является ли подобная объективная претензия к спорному кругу: понятие Альберта объясняется психологической структурой его личности, а сама структура, скорее всего, выявляется на основе изучения его поведения? Если это так, то перед нами рассуждение, сходное со знаменитым объяснением: «он ум рассказывает историю, что обладает уникальной силой, в наличии которой можно легко убедиться, ведь стоит только дать пациенту задание, как тот улетит».

методы психологического исследования как основания или средства объяснений, то главным reason для признания этих методов и этих объяснений научными должно быть следующее: открывают ли они перспективу дальнейшего научного исследования? Если да, то какие могут быть сомнения в их научности?

Например, функционалисты (от Д. Дьюи до наших дней) полагают, что именно их метод является тем, что отделяет психологию как эмпирическую научную дисциплину от различных «субстанционалистских» или метафизических трактовок психики. С этим можно спорить (различия в концепции функционализма методологическую и философскую стороны [Порус, 2006]), но согласимся, что для методолога главное — не это, во многом надуманное, противопоставление, а реальная проблема: считать ли функциональное объяснение «самодостаточным» или же видеть в нем только результат исследования, не затворяющий, а, напротив, открывающий путь дальнейшим объяснениям. Призраки «метафизики» и «субстанционализма» (в их примитивной трактовке) могут появиться только в том случае, если кто-то скажет, что этот путь ведет к «последнему», «настоящему», «абсолютно истинному» объяснению. Но эти призраки не страшны, их легко отогнать даже с помощью простых ирреверсивных рекомендаций, не говоря уже о более тонких средствах, которыми располагает современная философия науки.

Есть старый предрассудок, под влиянием которого дедуктивно-номологические объяснения принимают за каузальные, nämlich полагая, что если удастся вывести некоторое явление (точнее, суждение, описывающее его) как логическое следствие из суждения, имеющего форму логического закона, то тем самым уже найдена причинно-следственная связь. Что это действительно предрассудок, поймет каждый, кто попытается объяснить наличие у себя левой руки уже своим принадлежанием к человечеству (если из всех млекопитающих только человек имеет этот «отличительный признак», что, кажется, еще не опровергнуто эмпирическими исследованиями). Конечно, объяснить явление, указав на его причину, — задача важная, но ее решение не сводится к формальным выводам, хотя и не обходится без них. Предрассудки, ирреверсивные, όμως живучи, и та, что философия науки вкупе с методологией могут навсегда избавиться от них мышление человечества, — тоже предрассудок.

Я согласен с тем, что «подлинно научное объяснение предполагает поэтапную редукцию — последовательную трансформацию объясняемых явлений по все более широкие системы координат, спрово-

зависающего абстрагированием от их исходных свойств» (Юренич, 2006, с. 103). Это относится ко всякой науке, не исключая физики или химии, а не только к психологии. Но я не называл бы это «редукционизмом». С этим термином связаны определенные философские ассоциации, и если не уточнять его смысл (а придется это делать всякий раз, как он будет появляться в методологических спорах психологов), они могут привести «не туда», т. е. к нетривиальным следствиям из вполне разумных и даже очевидных положений.

Например, В.И. Аршинов отмечает, что редукционизм – это «методологическая установка, ориентированная на решение проблемы единства научного знания на основе выработки общего для всех научных дисциплин унифицированного языка» (Аршинов, 2001, с. 430). Такое определение, конечно, отсылает к неопозитивистским программам обоснования научного знания, которые, как известно, плохо соответствуют реальной практике научного исследования. Но вместе с тем, автор энциклопедической статьи отмечает, что «процесс редукции как методологический прием преобразования данных, связанных с решением той или иной научной задачи с целью ее упрощения и представления средствами некоторого более точного языка, является неотъемлемой частью практики научного познания наряду с идеализацией, абстракцией, моделированием и т. д.» (там же, с. 430). Оцениваю, что «редукционизм в психологии», в том смысле, в каком о нем говорит А.В. Юренич, не имеет отношения к утопическим замыслам неопозитивистов. Но и без утопий проблема, связанная с «редукцией объяснений» в психологии, более сложна и интересна, чем ее сведение к разработке упрощающих и уточняющих методологических приемов. Дело, действительно, в преобразовании объясняемых явлений, которое сопровождается абстрагированием от их исходных свойств. Но означает ли это, что психологические явления можно объяснить, сводя их к явлениям, подлежащим комбинированию, скажем, нейрофизиологии? А те, в свою очередь, к явлениям еще более «фундаментальными» (например, «субатомными») уровня? И так далее... *ad infinitum*?

Думаю, такой редукционизм методологически случаен, а философски, по меньшей мере, спорен. Так, Д. Чалмерс считает, что «сознание» – это многозначный термин, относящийся к различным психическим явлениям. Некоторые из них объяснить *легче*, чем другие: такими, например, явления, которые можно объяснить в терминах компьютерных наук или нейрофизиологии (сюда относятся феномены, связанные со способностями различать, обобщать, реагировать на внешние раздражители, понимать собственные ментальные состояния,

концентрировать внимание, контролировать свое поведение, отличать бодрствование от сна и пр.). Другие объяснять *является*, поскольку такая «редукция» уже невозможна: это чувственные и душевные переживания (*experiences*), эмоции. «Распространено мнение, что переживания возникают на физической основе, но у нас нет удовлетворительного объяснения, как и почему это происходит. Почему физические процессы вообще приводят к многообразию внутренней жизни? Этого, кажется, нельзя понять с объективной точки зрения, однако это так» (Chalmers, 1995, p. 201). Возможно, «хорошие» объяснения все же могут быть получены, но к какой именно «настоящей» науке следует обращаться за ними? Во всяком случае, когнитивные науки, сосредоточенные на исследовании функций сознания, оказываются здесь беспомощными: «Мы знаем, что сознательное переживание возникает, когда выполняются эти функции, но главная тайна заключается в самом этом возникновении. Есть некий *провал* объяснения между функциями и переживанием, и требуется мост, чтобы его преодолеть. Простое описание функций остается по одну сторону этого провала, поэтому строительный материал для моста надо искать где-то в другом месте» (*Ibid.*, p. 204).

По мнению Чалмерса, если путь редукции найти не удастся, надо прибегнуть к «нередуктивным объяснениям». Для этого надо поступать по примеру физиков, полагающих некоторые понятия (масса, заряд, пространственно-временной интервал и др.) «фундаментальными», т. е. не подлежащими сведению к какому-то «более глубоким» сущностям. В науке о сознании, считает он, такими «фундаментальными» должны быть признаны переживания. Такое расширение онтологии позволило бы построить научную теорию переживаний. Правда, это были бы «дуалистическая» онтология, включающая «не-физические фундаменталны», но что из того? Чем, в конце концов, натуралистический монизм лучше натуралистического же дуализма? Если у кого-то есть возражения, то они ведь имеют метафизический характер, а к метафизике можно предъявлять столько претензий! Что же до методологической стороны дела, то вот вам и строительный материал для моста через «провал объяснения»: в дело пойдет те «испытанные», какие есть под рукой у теоретика, сделавшего этот методологический выбор.

Как строит этот мост сам Чалмерс, сейчас не важно. Отметим его методологический рецепт: если экспланативная редукция выглядит бесперспективной, ее можно прервать, прибегая к соответствующим онтологическим «изобретениям», разумеется, не преминув сослаться

на критерии простоты, изящества, даже красоты полученных объяснений. И пусть кто-то заявит, что построенная таким образом наука о сознании какой-то не такая, не «настоящая»! А чем вы аргументируете такое заявление?

Но это все же самый бесхитростный способ сойти с трассы редукционистского слуха. Есть более сложный (зато и более замысловатый) путь: при последовательной трансформации объясняемых психологических явлений во все более широкую систему координат выстраивать не лестницу «уровней объяснения», по которой можно взобраться (или спуститься) к таким «фундаментальным», которые уже выводят объяснение за рамки психологии, а тождественную систему, в которой «уровни» или «типы» объяснений связаны между собой иначе: они выступают как различные «транскрипции», способы прочтения своих смыслов в иных языках. Эта проблема выглядит увлекательной: могут ли объяснения психологов-аналитиков быть транскрибированы, например, в объяснениях психологов-функционалистов? Или это невозможно, но зато есть надежда найти «каналы связи» между этими объяснительными?

Если бы удалось выстроить такую топологию объяснений, то можно было бы говорить не о методологической редукции, а скорее о *методологической абдукции* (по аналогии с соответствующим понятием Пирса), т. е. выдвижении гипотез о смысловой связи различных типов объяснений в психологии с их последующей проверкой. Так, возникла бы экспланивативная стратегия этой науки. Она стремилась бы не к переходу на «более простые» или «фундаментальные» уровни (что в конечном счете связано с редукцией самой психологии к каким-то иным наукам), а к органическому единству (возможно, «приращенного» вида) ее собственных объяснительных возможностей.

Эта стратегия, на мой взгляд, привлекательна. Она привела бы к более точному пониманию соотношения теоретического и эмпирического в психологии; например, экспериментальное опровержение какой-то объясняющей гипотезы затрагивало бы не только эту гипотезу (шире: не только систему теоретических взглядов, в рамках которой эта гипотеза выдвинута), но весь или почти весь комплекс различных научно-психологических объяснений, который не мог бы оставаться индифферентным к такому опровержению. Разумеется, с новой остротой встали бы вопросы о характере опровержений, об эмпирическом базисе, о том, что означает в психологии «увеличение эмпирического содержания ее теорий» (И. Лакатос) или «конкуренция между различными экспланациями».

Следствием этой стратегии стало бы изменение идеологического контекста и даже социологических отношений внутри психологического сообщества. Сейчас, как отмечает А.В. Юревич, эти отношения во многом определяются «арматурой систем психологического знания», на которой большинство психологов выступают как постоянные клиенты, выбирая «товар-одной и той же фирмы» (Юревич, 2006). На этой арматуре еще возможна «горизонтальная мобильность» — смена одной базовой объяснительной парадигмы на другую, но почти невозможна «вертикальная мобильность» — переход от одного уровня объяснения к другому. Это напоминает «экстраординарную науку», по Т. Куну, но есть явное отличие: при конкуренции парадигм не ожидается победы какой-либо из них, хотя бы просто потому, что существующее положение вещей, вероятно, устраняет всех. Это и констатирует: «алиты» многочисленных направлений, школ и течений вовсе не собираются ради каких-то общих «идеалов» научного объяснения расставаться со своими привилегиями, особенно если учесть, что эти привилегии часто имеют вполне осязаемое материальное выражение. Разумеется, никакое «методологическое принуждение» (если вспомнить этот термин П. Фейерабенда) эту арматуру не изменит, и «форсированный монтаж» объяснений можно было бы обеспечить лишь полицейскими мерами, да и то ненадолго, чему следует только радоваться. Но вот существует ли потребность в едином объяснительном критерии у всех участников арматуры? В этом я не уверен. Если бы такая осознанная потребность была, нашлись бы и способы ее удовлетворения.

Зато беспрерывное продолжение поиска различных объяснений, нахождение «транскрибирующих» процедур, связывающих эти объяснения в топологическую систему, кажется, можно представить как общую потребность современной психологии. И главное — эту-то потребность можно удовлетворить, не прибегая к принудительным мерам в каком бы то ни было смысле. Мечта психологов станет иной, но почему же не увидеть в этом знаменитый признак ее жизненной силы и способности к прогрессу?

ЛИТЕРАТУРА

- Аристов В.М. Редукционизм // Новая философская энциклопедия. М., 2001. Т. III.
 Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1973.

- Гейзенберг В.* Понятие замкнутой теории в современной естественной науке // Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М., 1987.
- Гемпель К., Ойгенгейм Н.* Логика объяснения // Гемпель К. Логика объяснения. М., 1998.
- Мельник В.А.* Научная психология: проблема метода // Труды Ярославского методологического семинара Т. 3. Метод психологии. Ярославль, 2005.
- Поппер К.* Логика научного исследования // Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные работы / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1983.
- Варус В.Н.* «Парадоксальная рациональность» (эскизы теории научной рациональности). М., 1999.
- Варус В.Н.* «Проблема демаркации» в культурном контексте эпохи // Варус В.Н. Рациональность, наука, культура. М., 2002. С. 277–294.
- Варус В.Н.* К вопросу о междисциплинарности философии науки // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. 4. № 2. С. 54–76.
- Варус В.Н.* Стиль научного мышления // Теория познания Т. 3. Познание как исторический процесс. М., 1993. С. 225–262.
- Варус В.Н.* Функциональные методологические программы или философская парадигма? // Эпистемология и философия науки. 2006. Т. VIII. № 2. С. 5–15.
- Юренич А.В.* Объяснение в психологии // Психологический журнал. 2006. № 1. С. 97–106.
- Bohoss G., Daele W. van der, Hahfeld R., Krohn W., Schaefer W.* Finalization in Science. The Social orientation of Scientific Progress / Ed. by W. Schaefer. Dordrecht etc., 1983.
- Brown R.* Explanation in social science. Chicago, 1963.
- Chalmers D.* Facing Up to the Problem of Consciousness // Journal of Consciousness Studies. 1995. 2 (3). P. 200–219.
- Levine J.* Materialism and qualia: The explanatory gap // Pacific Philosophical Quarterly. 1983. V. 64. P. 354–361.
- Price Ch.S.* The Collected Papers. V. 5. Camb. (Mass.), 1965.

СИСТЕМНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ И ИСТОРИКО-НАУЧНАЯ РЕФЛЕКСИЯ КАК СРЕДСТВА ПРОГРЕССА ПСИХОЛОГИИ

И.И. Селемов

ТВОРЧЕСТВО В НАУКЕ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ЕЕ ИСТОРИЕЙ И МЕТОДОЛОГИЕЙ

Рефлексивная психология творчества, являясь инновационной областью современной психологической науки, органично вписывается в ее прогрессивное развитие. Анализ проблематики прогресса психологической науки по своему науковедческому статусу является прежде всего историко-методологической мета-областью ее рефлексивно-творческого самоопознания. Прогресс науки выражается в новизнах по отношению к традициям, изучаемым ее историей и рефлекслируемым методологией, ибо лишь на фоне вымерших временем традиций и прецедентов успешных исследований определяются степень новизны тех или иных достижений в науку. Самые эти достижения являются результатом творческой научной деятельности (учебных и коллективов – научных школ, лабораторий, кафедр) инновационного характера в межшкольных взаимодействиях, междисциплинарных подходах и в социально значимых контекстах, определяющих финансирование перспективных, потенциально инновационных исследований. Об этом свидетельствует, например, опыт школы Я.А. Попова (1983). (Ее анализ см.: Журавлев и др., 2006; Селемов, 2006.)

Нашло в процессе познания новых граней психологической реальности в ходе исследовательских поисков выдвигаются проблемы и возникают перспективные подходы, строятся оригинальные теории и передовые методы, открываются новые факты и фундаментальные закономерности, разрабатываются обобщения-знания и инновационные технологии-рекомендации по их использованию в прогрессивных прикладных разработках и в социальной практике.

Все это является результатом познавательного творчества личности ученого и усилий коллективов и школ, работающих в сфере психологической науки, организованной в соответствии с социально-

стратовыми нормами научно-профессиональной деятельности, исследовательские средства которой эксплицируются и проектируются методологией. Поскольку эти выражающие продуктивные достижения научной деятельности нормы-средства рефлексированы и порождены методологией на фоне того, как они селективируются и транслируются историей науки, то проблематика прогресса в ней обретает свое единство во взаимодействии ее истории и методологии. Отсюда, в частности, следует, что ученый-инноватор является изначально — по своей научно-профессиональной позиции — не только исследователем-предметником (изучающим те или иные грани реальности), но также историком и методологом, рефлексирющим и разрабатывающим исследовательские средства собственной научно-творческой деятельности. Причем полученные результаты ученый должен информационно презентировать в стратово-конкурентной среде (о ее перипетиях см.: Юренин, 2005) в виде публикаций (в т.ч. трактатов, патентов, сайтов и т.п.) и обобщить в монографиях и учебниках. Все они служат как «видимой» предпосылкой для использования этих результатов в социальной практике, так и материалом для последующей методологической квалификации и историко-научной рефлексии, которая селективирует и включает представленные в них знания-новации в культурное достояние истории науки (например, психологии — см.: Марцишковская, 2002).

Согласно экспериментально верифицированной фундаментальной теории творчества Я.А. Пономарева (1983), оно является побочным продуктом взаимодействий, происходящих, например, в ходе исследовательского поиска, или целенаправленной деятельности, в частности, научной. В экзистенциальной правоте этой теории (ее историко-методологический анализ см.: Семенов, 2006) мы смогли убедиться на многолетнем опыте собственных высказаний в таких частных областях психологической науки, как традиционная психология продуктивного мышления и инновационная рефлексивная психология. Ибо, изучая — на фоне ассимиляции достижений классической логико-психологической традиции продуктивного мышления (вирбургская школа, гештальтизм, эристикка) — с системно-деятельностных позиций (Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, Г.П. Щедровицкий, Н.Г. Алексеев) организацию мыслительной деятельности, мы открыли смысловую (рефлексивно-личностную) обусловленность интеллектуального (предметно-операционального) плана мыслительного процесса решения творческих задач (Семенов, 1973).

Открытие фундаментальных фактов – доминирования рефлексивного уровня в структуре мышления, интенсификации рефлексии перед поиском и ее определяющей роли в продуктивном мышлении (Семенов, 1976, 1983) – поставило нас перед онтологической проблемой необходимости теоретического выделения и экспериментального изучения рефлексии как специфической психологической реальности. Если эмпирической предосмылкой этому послужили результаты наших опытов с рефлексивностью продуктивного мышления (в отличие от школ В.В. Давыдова (1995) и моего учителя Н.Г. Алексеева (2003), где рефлексия изучалась на материале репродуктивного мышления), то историко-научной – научение логики развития рефлексивной проблематики в философии и психологии (Семенов, 1978, 2007), а методологической – разработка средств научно-исследовательской деятельности по изучению коммуникативно-личностной обусловленности мышления общением.

Прогресс психологической науки выражается не только в увеличении объема знаний и создании психотехнологий их практического применения, но также и в возникновении и развитии новых областей познания. В этом контексте интерес представляет инновационный переход от исчерпавшего себя индуктивного интеллектуализма как объяснительного принципа классической психологии продуктивного мышления (в ее вершинной концепции гештальтиста К. Дункера) к введенному нами (Семенов, 1976, 1982) полисистемному принципу его смысловой, личностно-рефлексивной обусловленности. Теоретико-экспериментальная реализация этого принципа в исследовании организации творческого мышления и продуктивного общения позволила омертветь рефлексно в качестве предмета изучения, а разработка его методов в дальнейшем привела к выделению такой инновационной области психологического познания, как рефлексивная психология творчества (Семенов, 1990, 2005, 2007), на фоне таких традиционно интелектуалистских областей психологии рефлексии, как рефлексивность игрового противоборства (Лефевр, 2003), исследовательности (Щедровицкий, 1974; Алексеев, 2003), теоретического мышления (Давыдов, Рубцов, 1995), рефлексивного игромоделирования (О.С. Анисимова).

В связи с этим рассмотрим способы и уровни научно-творческой деятельности по разработке системной стратегии и исследовательских средств ее реализации на основе традиционной психологии продуктивного мышления и творчества.

АКТУАЛЬНОСТЬ И СТРАТЕГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕФЛЕКСИИ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ МЫШЛЕНИЯ И ОБЩЕНИЯ

Инновационное социально-экономическое развитие общества неразрывно связано с развитием человеческого капитала. Важным резервом здесь служит раскрытие творческого мышления человека, его инновационных возможностей и способностей, повышение культуры, дисциплины и организации умственного труда, как индивидуального, так и совместного, осуществляемого в условиях делового общения и группового взаимодействия в ходе коллективно-распределенной деятельности. Данным социальным заказом определяется значительный рост в современной психологии числа исследований взаимодействия мышления и общения, в частности, на основе системного и деятельностного подходов (Алексеев, 2003; Давыдов, Рубцов, 1995; Мышление: процесс, деятельность, общение, 1982; Пономарев и др., 1983; Семенов, 1976; Щедровицкий, 1974 и др.). Одна из методологических проблем, возникающих в связи с переходом от изучения индивидуального мышления к групповому, связана с конструктивной реализацией принципов системного подхода к психологическому исследованию мышления и общения, а также с необходимостью учета достижений классической психологии продуктивного мышления (лучавшей его на материале индивидуального решения задач) при разработке методов исследования группового мыслительного поиска.

Если в теоретическом плане возникает проблема раскрытия коммуникативно-личностной обусловленности интеллектуально-познавательного процесса в условиях совместного поиска решения и тем самым – его анализа как сложноорганизованной системы, то в методическом – проблема построения единых средств анализа для описания взаимодействия мышления и общения как компонентов целостной системы процесса группового решения задач. Таким образом, если удастся связать одну и ту же концептуально-методическую схему рассмотреть процессы как индивидуальными, так и совместного поиска решения, то окажется возможным не только описать взаимодействие мышления и общения, но и опереться на достижения традиционной психологии мышления при изучении его осуществления в условиях общения.

Необходимость конструктивного преодоления указанных фундаментальных проблем потребовала разработки специальной системной стратегии их решения (Семенов, 1977, 1982). замысел состоял в том,

чтобы, отталкиваясь от достижений классической психологии продуктивного мышления и их современной системной реинтерпретации, выбрать общий для сравнительного анализа проявлений мышления и общения эмпирический материал и разработать адекватный для описания их взаимодействия метод системно-психологического анализа, базирующийся на определенной концептуальной основе и реализующийся в соответствующей эксперименталтике.

Конструктивным воплощением этой стратегии являлись:

1) историко-методологическая реконструкция (Семенов, 1972, 1983, 2000) логики развития психологии продуктивного мышления (Психология..., 1965) и выбор дискурсивного решения творческих задач в качестве эмпирического материала для изучения взаимодействия мышления и общения (Семенов, 1973);

2) определение в качестве единицы их анализа содержательной и смысловой функции высказываний испытуемого и построение для их выделения ряда концептуальных моделей дискурсивного решения задач при индивидуальном и групповом поиске (Семенов, 1976);

3) разработка реализующих эти модели процедур содержательно-смыслового анализа дискурсивных проявлений мышления и общения и построение системы их показателей (Семенов, 1977, 1983; Советов и др., 1988);

4) экспериментальное изучение закономерностей индивидуального и группового процессов решения задач и его рефлексивных механизмов (Семенов, 1973, 1983) в мышлении и общении (Апшанин и др., 2002; Палагина и др., 1988);

5) теоретическое обобщение полученных результатов в виде концепции содержательно-смысловой организации и рефлексивной регуляции мышления и общения (Семенов, 1983, 1990, 2007);

6) построение приемов диагностики (Зарецкий и др., 1980а), коррекции (Семенов, 1982) и активизации (Семенов, 1983) процессов индивидуального и группового решения (Семенов, 1992) для разработки и формулирования соответствующих практических рекомендаций (Войтке и др., 2001; Зарецкий и др., 1980б; Семенов, 1992).

В настоящем разделе остановимся на вопросах, связанных с построением процедур содержательно-смыслового анализа, а остальные указанные аспекты затронем лишь частично для выяснения концептуальных оснований и экспериментального апробирования данного метода изучения рефлексивной организации мышления.

Составляющие метод процедуры должны обеспечить феноменологическое описание мыслительного процесса, эмпирическое выделение

составляющих его элементов, методическое расчленение эмпирии на единицы анализа, структурно-функциональный анализ взаимосвязи элементов в целях системно-психологической характеристики организации мышления и общения. Процедуры оперирования указанными методическими средствами должны обеспечивать возможность эффективного проведения экспериментальных исследований в различных варьируемых и контролируемых условиях с целью изучения естественно наблюдаемой регуляции мыслительного процесса и его искусственно управляемой организацией (Семенов, 1976, 1982, 1990, 1992).

Исходя при разработке этого метода из теоретического понимания мышления как сложноорганизованного, коммуникативно-опосредствованного и личностно обусловленного интеллектуального процесса решения задач (Семенов, 1972), необходимо было прежде всего выделить такую форму эмпирического проявления мышления в условиях общения, которая являлась бы адекватным объектом для экспериментального исследования как его интеллектуально-воображательных, так и коммуникативно-личностных компонентов структурной организации.

Согласно классической традиции психологии продуктивного мышления (юробургская школа, гештальтизм, когнитивизм, эристикка), его интеллектуальный характер задавался нами — как и в экспериментах этих научных школ — тем, что испытуемым предлагались задачи для решения вслух. Коммуникативно-личностная обусловленность мышления обеспечивалась тем, что в наших опытах, во-первых, представлялись задачи на воображение, поиск решения которых требовал проявления творческих возможностей человека, возводя его в мыслительный процесс как целостную личность (а не просто лишь как познающего субъекта), творчески самореализующую себя в нем. И также, во-вторых, тем, что благодаря инструкции на вербализацию поиска решения создавались естественные условия для протекания мышления в контексте возможности общения испытуемого с экспериментатором или партнерами, что существенно активизировало коммуникативно-личностные проявления мышления за счет самой ситуации его опосредованности общением (Семенов, 1973).

Изучение мыслительного процесса именно в условиях непосредственного общения при групповом решении творческих задач открывало возможность для конструктивного исследования взаимодействия интеллектуального и личностного аспектов мышления. В самом деле, если в процессе индивидуального поиска человек проявляет себя прежде всего как мыслящий индивид и познающий субъект, занятый

интеллектуальной работой, то в условиях совместного поиска он, помимо этого, выступает еще и как уникальная творческая индивидуальность (см.: Семенов, 1972), и как обладающая с партнерами личность, рефлексивно самосознающая и анализирующая себя во взаимодействии с ними как с другими конкретными личностями и индивидуальностями. Поскольку наиболее естественным проявлением человека как индивидуальности в диалоге с самим собой и как личности в общении с другими людьми является обращенная к ним личностям (и отчасти к самому себе) устная – внешняя или внутренняя – речь, то дискурсивное, словесно выраженное мышление в экспериментах выступило объектом (эмпирически регистрируемым на магнитофоне) нашего специального изучения на предмет исследования интеллектуально-познавательных и коммуникативно-личностных аспектов организации мышления в условиях общения.

Еще более ярко личностные моменты мышления проявляются в ситуации решения творческих задач, в особенности, у лидера группы. Поэтому и целью вычисления вклада лидера в групповое решение необходимо было, наряду с характеристикой доли участия в нем других партнеров, также конструктивно решить проблему методической дифференциации общегруппового, синкретичного речевого потока на индивидуальные «голоса» взаимодействующих партнеров, общающихся в процессе совместного поиска и обсуждающих перипетии решения. Если удастся эту дифференцированную речевую продукцию спроецировать с помощью особых специально конструируемых методических средств на метрику построения идеального пространства, отображающего, с одной стороны, личностные взаимоотношения партнеров и смысловые поля их сознания, а с другой – совместную деятельность по групповому решению задач и протекающие при этом мыслительные процессы, то тем самым откроется возможность конструктивно решить проблему описания совместного поиска как взаимодействия его интеллектуального, личностного и коммуникативного аспектов в условиях как пассивного (испытываемого с экспериментатором при индивидуальном решении), так и активного общения партнеров (при групповом решении).

Главная проблема системно-методологического построения такого метода содержательно-смыслового анализа дискурсивного решения задач состояла в конструктивной разработке процедур анализа, которые позволили бы дифференцировать в эмпирическом материале указанные аспекты таким образом, чтобы через описание взаимосвязей составляющих их элементов «характеризовать организацию

коммуникативно-мыслительного процесса через функционирование взаимодействующих и развивающихся во времени компонентов его структуры. Эту весьма сложную в концептуально-методическом отношении проблему невозможно было решить сразу «с лоба», т. е. сначала описать мыслительный процесс традиционной парадигме, а затем проанализировать полученное описание в парадигме системных понятий. Ведь это невозможно по той простой причине, что традиционная парадигма принципиально интеллектуалистична, одномерна и не системна или, в лучшем случае, соотносима лишь с некоторыми системными категориями, но отнюдь не с парадигмой системного подхода в целом (Семенов, 1982, 1983).

Поэтому конструктивным является иной, альтернативный путь: исходя из системной методологии построить также модели (в виде концептуальных схем, теоретически моделирующих изучаемый процесс), методическая реализация которых (в виде процедур, расчленяющих эмпирию дискурсивного поиска решения на единицы анализа, релевантные элементам концептуальной модели) обеспечила бы действительно системно-психологическую характеристику интеллектуального, личностного и коммуникативного аспектов организации мышления в условиях общения. Однако при разработке такого метода, помимо указанной системно-методологической трудности, возникла еще одна принципиальная сложность психолого-теоретического порядка. Она была связана с тем, что в психологии мышление традиционно трактуется интеллектуалистически – как сугубо познавательный процесс, изучаемый при абстрагировании от всего личностного (не говоря уже о коммуникативном) как «атемниющее» интеллектуальную сущность мышления и, более того – как дезориентирующего его нормальное и эффективное протекание.

ИСТОРИКО-НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ СИСТЕМНОЙ СТРАТЕГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ МЫШЛЕНИЯ И ОБЩЕНИЯ

Эта интеллектуалистическая традиция восходит в тому периоду, когда психология, отпочковываясь от философии, унаследовала присущую последней онтологическую традицию разделения состояний душевной жизни человека (см.: Семенов, 1972) на такие психические процессы, как ум, чувство, воление. Согласно этой предложенной И. Тетеном и узаконенной И. Кантом рационалистической схеме анализа души или психики, эффект может лишь возмущать интеллект, хотя вода,

обуславливая в некоторой степени эмоции, иногда все-таки помогает произвольно палатить работу ума, подчиняющуюся в целом правилам и законам логики. Следуя этой интеллектуалистической традиции, изучение мышления на заре экспериментальной психологии на рубеже XIX–XX в. свелось к исследованию ассоциативных процессов на материале умозаключений (Линдборский, Штерринг, Цеген и др.).

Именно эта логическая традиция послужила фоном для возникновения (благодаря исследованиям А. Бине, Д. Дьюи, О. Кюльпе, О. Зельца) собственно экспериментальной психологии продуктивного мышления в вюрцбургской школе (см. анализ см.: Семенов, 1972). Объектом изучения в ней стало не оперирование понятиями по фигурам силлогистического вывода, а процесс поиска решения задач, плодотворно изучавшийся гештальтистами М. Вертайммером, К. Дункером, Л. Сексом и др. В отечественной психологии эта традиция нашла свое развитие в исследованиях К.А. Абульхановой, Н.Г. Алексеева, Д.Б. Боговильевской, А.В. Брушлинского, П.Я. Гальперина, Ю.Б. Гиннперейтер, Л.Л. Гуровой, Д.Н. Завалишиной, Ю.К. Корнилова, А.Н. Леонтьева, А.М. Матюшкина, Я.А. Пономарева, В.Н. Пушквина, С.Л. Рубинштейна, О.К. Тихомирова и др.

Системно-методологический анализ проблематики этих исследований продуктивного мышления в сложных ситуациях и их результатов позволял нам на фоне основательно проработанного интеллектуально-познавательного аспекта мышления поставить вопрос изучения также и роли его личностного аспекта в процессе решения задач (Семенов, 1973). В целях ассимиляции достижений интеллектуалистической традиции (исчерпание которой собственно и позволило поставить проблему изучения личностной обусловленности мышления как существенного фактора его продуктивности) в качестве конструктивной предпосылки исследования коммуникативно-личностного аспекта мышления, прежде всего нужно было попытаться использовать принципы системной методологии (Алексеев, Юдин, 1971; Пономарев, 1983; Щедровицкий, 1974) применительно к логико-психологическому анализу решения задач как специфическому методу, выражающему саму суть интеллектуальную в психологии мышления, в особенности, в таком ее направлении, как эвристика.

Это необходимо для того, чтобы, определив конструктивность такого анализа для логической характеристики интеллектуального вывода решения из посылок (содержащихся в условии задачи), установить границы его применимости для логико-психологического анализа мышления и показать методическую недостаточность этого

классического подхода для свитывания собственно психологической специфики мыслительного процесса, состоящей, на наш взгляд, в его коммуникативно-личностной и рефлексивно-познавательной обусловленности. Выяснив таким образом эту специфику (Семенов, 1973), далее можно было ее сделать предметом специального рассмотрения в целях создания собственно психологических средств анализа интеллектуального аспекта решения задач с тем, чтобы на фоне его фундированного описания попытаться выделить личностно-коммуникативный аспект мышления. И лишь после определения границ применимости этих психологических средств анализа интеллектуального плана мышления и выявления их методической недостаточности (для характеристики его коммуникативно-личностного плана) можно переходить к конструктивной разработке средств системно-психологического изучения организации мыслительного процесса в условиях общения в целом.

Таким образом, системно-психологическая стратегия построения метода анализа взаимодействия мышления и общения заключается (Семенов, 1977) в очерчивании логико-психологических возможностей описания интеллектуально-познавательного плана мышления и постепенном наращивании средств концептуально-методического свитывания его коммуникативно-личностного плана для того, чтобы в итоге обеспечить конструктивность системно-психологической характеристики мышления в условиях общения через содержательно-смысловой анализ органичного взаимодействия обоих планов дискурсивного решения задач.

СИСТЕМНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД К РЕАЛИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ СТРАТЕГИИ

При реализации этой стратегии мы исходили из онтологического положения о том, что эффективность решения творческой задачи во многом зависит от динамики смыслового отношения человека к преобразованию предметного содержания во время мыслительного поиска. Следовательно, необходимо было создать конструктивные средства описания и анализа эмпирических проявлений возникающего в процессе поиска взаимодействия: во-первых, в смысловом поведении субъекта (т. е. в его коммуникативных взаимодействиях с партнерами по общению и в личностно-рефлексивном отношении к самому себе и осуществляемому им мыслительному

новску), а во-вторых, в содержательном движении субъекта в процессе решения задачи (т. е. в предметном преобразовании проблемности условий и его операциональном воплощении для получения ответа). Таким образом выкристаллизовалась основная для нашего системно-психологического подхода категориальная оппозиция таких рабочих понятий, как «смысл – содержание» (Семенов, 1976), в отличие от традиционной логико-психологической парадигмы «форма – содержание» и семиотико-лингвистической – «смысл – значение».

Отправным пунктом становления указанного системно-психологического подхода послужил концептуально-методологический анализ фундаментального факта, обнаруженного нами (в экспериментах со студентами МГУ) при повторении классических опытов гештальтиста К. Дункера с решением вслух известной творческой задачи «Х-лучи» (Психология..., 1965). В результате сравнения его протоколов с нашими (переписанными с магнитофона) оказалось, что Дункер не анализировал добрую половину речевой продукции, поскольку его интересовали не различия в мышлении людей, характеризующие их индивидуальность, а динамика гештальтов в виде пред-решений, функционально развивающихся в процессе поиска решения психологически субъектом. Таким образом, выяснилось, что Дункер вообще теоретически не учитывал смысловой план мышления, который интересовал нас в связи с проблемой его коммуникативно-личностной обусловленности. В результате этих поисковых опытов оказалось, что ситуация дискурсивного решения творческих задач позволяет регистрировать эмпирически интервал, который действительно адекватен для экспериментального исследования как содержательных образований мышления (например, в виде предметных пред-решений и операций их реализации), так и собственно смысловых (в виде рефлексивного, личностного или коммуникативного отношения к их развитию в процессе мыслительного поиска).

Конструктивным решением проблемы выделения и дифференциации всех этих образований мышления как элементов коммуникативно-личностной и интеллектуально-познавательной системы мысли предложил нами способ визуализированного (изображения мыслительного процесса как протекающего по различным уровням в виде так называемой «вербальной траектории» движения мысли партнеров (или одного объекта [Семенов, 1973]) по системно организованному пространству вербализовывающихся в течение совместного поиска речевых высказываний соответственно тому или иному их функциональному значению для достижения успешного решения. Таким образом, была введена прин-

принципиально новая единица системно-психологического анализа мыслительного процесса, а именно содержательная или смысловая функция высказывания как элемент мыслительно-коммуникативной системы, производимый от конкретной ситуации поиска и контекстуально квалифицируемый на основе отожествления текстуальной морфологии высказывания с его функциональным аналогом или нормативным прототипом в той или иной концептуальной модели мышления логико-выводной, нормативно-содержательной, содержательно-смысловой, рефлексивно-циклической, мыслительно-диалогической, когнитивно-коммуникативной (Семенов, 1976, 1982, 1990).

Указанная визуализация позволяет осуществить «вербально-голосовую» развертку на графической модели феноменологического протекания мыслительно-коммуникативного процесса в реальном масштабе времени с сохранением всех содержательных и смысловых проявлений, характеризующих поиск решения, причем в той мере, в какой они были вербализованы испытуемым при решении задачи вслух. Важно отметить, что тем самым удалось представить совместно решение целостно – как «голосовое» единство взаимодействующих в процессе группового общения партнеров при всей их полифонической «разногласности» в каждый момент поиска. Одновременно это позволило по-новому подойти и к характеристике индивидуального решения, представив мыслительный процесс как диалогическое взаимодействие вербально-голосовых траекторий испытуемого и экспериментатора. Таким образом, были созданы экспериментально-методические предвосмысли для системно-психологического исследования мышления в условиях реального общения при дискурсивном поиске решения творческих задач.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ УРОВНИ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СИСТЕМНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Системная стратегия позволяет вести разноплановое и многоуровневое исследование сложноорганизованных, саморазвивающихся системных объектов (какковыми, несомненно, является процесс мышления и общения) через описание составляющих их функциональных элементов и структурных компонентов (типов связей между ними, уровней и типов функционирования и развития и т.п.) действительно системно-психологическими средствами структурного, уровневого, функционального и типологического анализа.

Теоретическая разработка этой стратегии и реализующих ее методов, а также их экспериментальная верификация и прикладная апробация осуществлялись на различных уровнях проектно-последовательской деятельности по изучению продуктивности творческого мышления. Это достигалось нами посредством проектной реализации стратегии проведения фундаментального системно-психологического исследования рефлексивной организации творческого мышления на эмпирическом материале дискурсивного решения творческих задач.

Методологически анализируя и концептуально обобщая разработанные нами теоретико-методологические средства и полученные экспериментальные результаты проведенных нами циклов различных фундаментально-прикладных исследований рефлексивности мышления, необходимо выделить следующие функциональные уровни и реализующие их принципы проектно-исследовательской деятельности по фундаментальному, системно-психологическому изучению творческого мышления: историко-научный, онтологический, эмпирический, методологический, теоретический, методический, экспериментальный, концептуальный, прикладной.

Рассмотрим подробнее каждый из выделенных нами уровней проектно-исследовательской деятельности по изучению организации творческого мышления в его рефлексивно-личностной обусловленности.

Необходимой предпосылкой любого инновационного исследования является выход на социально актуальную и познавательные недостаточно изученную проблематику. В качестве таковой в середине 1960-х годов (когда начинались наши исследования) выступала проблематика творческого мышления.

На исходном историко-научном уровне профессионально-психологической деятельности под научным руководством П.Я. Гальперина (руководителя моих курсовых и дипломной работы в МГУ) мы приступили к изучению источников по классической зарубежной психологии продуктивного мышления: Вюрцбургская школа, гештальтизм, когнитивизм, эвристика, а также отечественные научные школы С.Л. Рубинштейна, Л.С. Выготского, И.Я. Гальперина, А.Н. Леонтьева и труды О.К. Тихомирова (в лаборатории инженерной психологии которого я начал работать как психолог), В.Н. Пущкина, Я.А. Пономарева, К.А. Мбульдиной, А.В. Брушлинского и др. В результате было установлено доминирование в них интеллектуалистической трактовки творческого мышления как

сугубо познавательной деятельности гностастроированного, гносеологического субъекта.

Понимая на онтологическом уровне проектно-исследовательской деятельности, что субъект творческого процесса должен трактоваться гораздо шире, а именно как целостная личность, самореализующаяся в нем посредством инновационно-продуктивной деятельности, мы подошли к постановке проблемы личностной обусловленности творческого мышления. Эта проблема позднее была решена нами через выведение рефлексии в психологической механизмы этой личностной обусловленности мыслительной деятельности по решению творческих задач.

Пока же на когнитивном уровне проектно-исследовательской деятельности возникла необходимость поиска той сферы, на материале которой предстояло экспериментально изучить профессионально заинтересовавшую нас проблематику личностной обусловленности творческого мышления. В русле традиции продуктивного мышления и ее высших достижений – в трудах О. Зельца, М. Вертгеймера, К. Духера, Я.А. Пономарева, П.Я. Гальперина – адекватным экспериментальным материалом считается процесс поиска решения модельных творческих задач на смекалку или, по словам академика Л.Я. Хинчина – «на соображение». Их специально изучал академик Б.М. Кедров в контексте психологии научного творчества.

В связи с этим по заданию П.Я. Гальперина мною был составлен набор этих задач (на книгу по математической смекалке Б. Кордемского, Игнатъева, Перельмана и др.), который затем использовался его учениками – Н.П. Василько, В.Л. Даниловой, И.И. Ильясовым, Р.М. Котик, И.И. Степановым, Д.Б. Эльмановым и др. – при разработке приемов поэтапного формирования творческого решения. Поскольку, на наш взгляд, такое формирование принципиально невозможно (ибо в случае организации ориентировочной основы для решения задач на соображение они теряли для человека творческий характер), то нужно было искать иные пути для обеспечения продуктивности мышления в психолого-педагогическом контексте.

В дальнейшем под руководством П.Я. Гальперина его ученики В.Л. Данилова, Р.М. Котик и др. искали возможности адекватной организации ориентировки в условиях решения задач на соображение. Так, Д.Б. Эльмановым для этого использовалось знаковое опосредование, И.И. Ильясовым – эвристические приемы мышления, а И.И. Семеновым (1977) – рефлексия для перестройки личностной позиции решателя с репродуктивной на продуктивную и реализации последней путем самоорганизации. Но все это – много позже, а пока не ясны

были личностные механизмы, обеспечивающие продуктивность творческого мышления, помимо интеллектуальных, которые были установлены еще гештальтпсихистами (инсайт, пред-решения, функциональное решение и т.п.). Эмпирической предпосылкой этому должно было стать исследование структуры самих творческих задач.

Для этого мы попытались применить методы нормативного анализа процесса решения типовых задач, разработанные Г.П. Щедровицким и С.Г. Якобсон (1965) для арифметических задач, Н.Г. Алексеевым (1968) — для алгебраических и физических, а также творческих (Алексеев, Юдин, 1971). Логико-психологическое построение нормы правильного рассуждения, обеспечивающего верное решение творческих задач, поставило проблему их упорядочивания — первоначально хотя бы эмпирического, с тем чтобы в дальнейшем перейти к методологической разработке соответствующего теоретического основания. (Позднее в качестве такового мы выбрали системно-психологическую структуру познавательной деятельности по решению творческих задач, но в то время до ее построения еще было далеко.)

В соответствии с разработанной нами по предложению Н.Г. Алексеева формально-эмпирической типологией задач на соображение, в поисковых опытах были отобраны те из них («Стрелочки», «Части», «Цель»), дискурсивное решение которых позволяло экспериментально моделировать инновационный процесс поиска решения творческих проблем (Селезнев, 1998). Таким образом, на эмпирическом уровне нашей проектно-исследовательской деятельности в качестве эмпирии научения творческого мышления определялась дискурсивность его процессов как психологически феноменологический континуум вербального проявления мыслительного поиска решения задач на соображение. Ввиду феноменологической сложности этого континуума, для его теоретико-экспериментального научения необходима была методология системного восхода, успешно применявшаяся на рубеже 1960-1970-х годов для научения познавательной и трудовой деятельности в исследованиях Н.Г. Алексеева, Л.М. Веккера, Д.Н. Завалинской, В.П. Зинченко, В.Е. Липского, В.А. Лефевра, Б.Ф. Лозова, Я.А. Пономарева, В.Н. Пушкина, В.Д. Шадрюкова, Г.П. Щедровицкого, Э.Г. Юдина и др.

Основным на методологическом уровне исследования является принцип системности в научении организации мышления, рефлексии и общения. Привнесительно к нашему исследованию процесса группового и индивидуального решения творческих задач этот принцип позволяет методологически трактовать организацию системного

объекта, с одной стороны, как инвариантность его строения, описываемого в виде взаимосвязанных элементов и структурных уровней их функционирования, а с другой – как поступательность его развития в виде развертывающейся во времени периодической и циклической динамики мыслительного процесса и обеспечивающей его оптимизацию направленной активности. Проработанный на методологическом уровне принцип системности изучения организации мышления (Семенов, 1982) послужил конструктивным базисом для разработки метода содержательно-смыслового анализа (1983, 1990) на соответствующей теоретической основе.

Функции теоретического уровня исследования заключаются в следующем: 1) разработать концептуальные модели изучаемого явления, позволяющие, с одной стороны, 2) ассимилировать традиционно выделенную его феноменологию, а с другой – 3) вести обобщение вновь открываемой фактологии. Общим принципом реализации этих функций является принцип моделирования, согласно которому разработка на теоретическом уровне исследования его исходных концептуальных представлений должна вестись вплоть до их схематической кристаллизации в соответствующие идеальные объекты, моделирующие в абстрактно-теоретическом виде существенные механизмы реального процесса и обеспечивающие все многообразие их эмпирического проявления.

Применительно к проблеме изучения организации мышления в условиях общения эта модельность конкретизировалась через принцип регулятивности, согласно которому изучаемое явление как целостная система дифференцируется на управляющие, регулирующие уровни и на подчиненные им регулируемые уровни. Если последние – как собственно интеллектуальные уровни – традиционно и обстоятельно изучаются в психологии продуктивного мышления и характеризуют его содержательные (предметный и операциональный) аспекты, то первые, малозученные метакогнитивные уровни, характеризуют смысловые (личностно-рефлексивные и коммуникативно-кооперативные) аспекты организации мышления (Семенов, 1976, 1990).

Необходимой предпосылкой экспериментального выделения и изучения всех этих аспектов мышления (при индивидуальном и групповом решении творческих задач) в качестве уровнейых компонентов его структурной организации являлась предпринятая нами разработка метода содержательно-смыслового анализа и исследования мышления и рефлексии в условиях общения (на материале дискурсивного решения творческих задач) в виде системы процедур описания и интерпретации эмпирического материала и получаемых в опытах экспериментальных

данных. Функции методического уровня исследования связаны с построением процедур, направленных на: 1) выделение модельной ситуации экспериментального исследования изучаемой проблематики; 2) определение единицы анализа эмпирического материала, задаваемого предъявляемыми испытуемому экспериментальными заданиями и инструкциями по их выполнению; 3) формулирование критериев выделения эмпирических референтов, репрезентирующих в них элементы концептуальных моделей; 4) выведение в виде формул системы показателей, характеризующих закономерные зависимости между эмпирическими референтами; 5) описание контрольных примеров анализа эмпирического материала и типичных способов их концептуальной интерпретации через соответствие с выстраиваемой теорией рефлексивно-личностной регуляции творческого мышления.

Общим принципом, на базе которого реализовывались все эти функции методического уровня, являлся принцип нормативности. Согласно ему, психическое явление экспериментально исследуется путем реконструкции исследуемого процесса через соответствие с концептуальной моделью его механизмов, выступающей нормативным эталоном, сопоставление с которым позволяет градуировать реально наблюдаемое многообразие эмпирических проявлений этого процесса. Применительно к проблеме организации мышления в условиях общения эта нормативность конкретизируется нами через принцип дискурсивности, согласно которому процесс решения экспериментально исследуется по его речным проявлениям путем концептуальной реконструкции вербализованных следов (в виде высказываний испытуемых) с помощью предложенного нами метода содержательно-смыслового анализа процесса дискурсивного поиска решения творческих задач.

В качестве модельной нами была выделена проблемно-конфликтная (Семенов, 1976) ситуация решения испытуемым влудх творческой задачи. Проблемность ситуации связана с противоречивостью условий творческой задачи и неоднозначностью получаемых вариантов ее решения, на которых предостан выбрать или выстроить правильный ответ. Конфликтность же связана со смысловым отношением, рефлексией и переживанием личностью первичной поиска решения. При этом единицей анализа является определенная содержательная или смысловая функция высказываний, вербализуемых в процессе разрешения проблемно-конфликтной ситуации.

На этом методическом уровне нами были: 1) выделены типы высказываний, являющихся эмпирическими референтами смыс-

ловой и содержательной сфер коммуниктивно-мыслительного процесса; 2) проведен категорально-нормативный анализ текста условия и типов решения задач на соображение; 3) построены эталоны проблемного рассуждения по выделению ответа на эти задачи; 4) выделены показатели и построены соответствующие формулы их вычисления, характеризующие продуктивность, структурность, макродинамику и микродинамику мыслительного процесса, а также функциональную взаимосвязанность его элементов; 5) определены принципы сведения значений показателей в таблицы; 6) предложены способы анализа и интерпретации экспериментальных данных (Семенов, 1973, 1976, 1990). Совместно с С.Ю. Степановым, Ю.А. Скорпиным, Е.Р. Новиковой, И.А. Палагиной, и др. нами были разработаны алгоритмы (зарегистрированные в Государственном фонде алгоритмов и программ СССР за 1985–1988 гг.), позволяющие построить систему пакетов программы расчета показателей индивидуального, диалогического, коллективного решения творческих задач, а также задач проектно-творческих (Советов и др., 1988). Указанные методические средства в своей совокупности служат точным инструментарием для проведения различных экспериментальных исследований (Семенов, 1992).

Функции экспериментального уровня развертывания исследования весьма разнообразны и заключаются в: 1) повторении классических и современных принципиальных опытов для проверки их традиционной интерпретации, современной реинтерпретации и овладения профессиональными исследовательскими навыками психолога-экспериментатора, необходимыми для изучения дискурсивных проявлений мышления, общения и рефлексии; 2) наблюдении и описании проявлений интересующей исследователя эмпирии для выявления феноменологии изучаемого явления; 3) поисковом освоении исследуемой реальности для ее качественного анализа и концептуальной категоризации; 4) апробировании и сциализации воедино разрабатываемых теоретических моделей и реализующих их методических процедур; 5) систематическом проведении различных серий опытов для равностороннего экспериментирования с исследуемой реальностью для ее поступательного изучения.

В соответствии с нашей системно-психологической стратегией и построением для ее реализации проектно-исследовательской программой, экспериментальное изучение мышления в условиях группового поиска целесообразно вести путем его сравнения с индивидуальным мышлением, экспериментально изучаемым сначала,

а потом и с диалогическим поиском и лишь затем, обогатившись этим, необходимо опять обратиться к исследованию мышления в условиях диалогического и группового общения.

Обобщая кратко результаты проведенных циклов фундаментальных исследований рефлексивной организации мышления, необходимо отметить, что в них были экспериментально:

1) дифференцированы содержательные и смысловые элементы мышления и уровневые компоненты его структуры: коммуникативный, личностный, рефлексивный, предметный, операциональный, рефлексивный;

2) установлены различия в функционировании каждого уровня;

3) выявлена инвариантная структура взаимодействия этих уровней в мыслительном процессе, характеризующаяся доминированием рефлексии над остальными компонентами структуры мышления;

4) построены различные системы показателей дискурсивного решения задач;

5) описаны различные фазы поиска решения творческих задач;

6) выявлен характер взаимосвязи уровней – как их свободное и определенным образом сбалансированное взаимодействие при успешном решении в отличие от неуспешного;

7) выделены основные этапы мыслительного процесса, различающиеся доминированием содержательного или смыслового плана мышления, причем как в норме, так и при патологии;

8) установлены профессиональные различия в решении творческих и проектных задач между конструкторами, дизайнерами и архитекторами по сравнению с гуманитариями;

9) выделены различные типы рефлексии, регулирующие мыслительный поиск при диалогическом и групповом решении творческих задач, а именно интеллектуальная, личностная, коммуникативная и кооперативная рефлексия;

10) разработаны приемы активации мышления в условиях индивидуального поиска решения и диалогического общения.

Все эти результаты показали релевантность метода содержательно-смыслового анализа экспериментальному исследованию структурно-динамической организации мышления и регулирующей роли рефлексии в мыслительном процессе – как индивидуальном, так и осуществляющемся в условиях общения.

КРИТЕРИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ РЕФЛЕКСИВНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ СРЕДСТВ СИСТЕМНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДЛЯ ПРОГРЕССА ПСИХОЛОГИИ

По результатам проведенного анализа методологических проблем и принципов системно-психологической разработки инновационных методов фундаментального научения личностной обусловленности процесса творческого мышления и теоретико-экспериментального исследования роли в нем рефлексии сформулируем ряд выводов в контексте проблематики выделения признаков и определения критериев прогресса психологии.

Разработка методов теоретико-экспериментального исследования мышления в условиях общения имеет важное значение для системно-методологического обеспечения прогресса психологической науки в области фундаментальных и прикладных исследований, в частности, рефлексивной организации мышления и общения (Семенов, 1973, 1982). Реализуя методологическую установку современной науки на схемно-технологическую организацию знания, мы проводили системно-психологическое изучение проблемы организации мышления в общении путем:

1) построения системно-психологической стратегии исследования мышления;

2) схематизации развития классических и современных исследований продуктивного мышления;

3) построения концептуальных моделей, имитирующих это развитие и отображающих механизмы коммуникативно-личностной обусловленности и рефлексивной регуляции мышления в условиях общения;

4) разработки методических процедур содержательно-смыслового анализа и системы показателей, характеризующих структуру, динамику, развитие и продуктивность дискурсивного решения творческих задач;

5) экспериментального исследования организации, нарушений, дезорганизации и оптимизации мышления у школьников, студентов и профессионалов при индивидуальном и групповом решении творческих задач;

6) разработки приемов активизации решения творческих задач через культивирование механизмов интеллектуальной, личностной, коммуникативной и кооперативной рефлексии;

7) построения процедур критериально-ориентированной диагностики с использованием программ их расчета на компьютере, а также принципов их прикладного применения в педагогической, медицинской и эргономической практике.

В результате методологического проектирования (Семенов, 1977, 1982) и конструктивного осуществления всех этих этапов в различных циклах теоретико-экспериментальных и практико-прикладных исследований (проводившихся нами совместно с Н.Г. Алексеевым, Л.В. Григоровской, В.К. Зарваки, М.И. и Л.А. Найденовыми, И.В. Палагиной, Н.Б. Сазонтьевой-Ковалевой, А.В. Советовым, С.Ю. Степановым, А.Б. Холмогоровой и др.) и обобщения их результатов были получены психологические знания о структурно-динамических закономерностях содержательно-смысловой организации мышления и его рефлексивно-личностной регуляции в условиях общения. Это позволило использовать полученные знания при проведении прикладных разработок (Анпкина и др., 2002; Войтик, Семенов, 2001; Советов, Семенов и др., 1988), что подтвердило эффективность метода содержательно-смыслового анализа дискурсивного решения творческих задач для изучения рефлексивной организации творческого мышления и продуктивного общения. Отметим, что с использованием рассмотренных здесь методологических средств и психологических методов в русле нашей научной школы (Семенов, 1992) рефлексивно-гуманитарной психологии успешно защищены свыше 30 кандидатских и докторских диссертаций в России, Украине и Беларуси.

В итоге всех этих исследований возникает вопрос о том, в какой мере их результаты можно квалифицировать в качестве признаков прогресса в такой частной области психологического познания, как психология мышления и рефлексия. Фоном для этих исследований послужили вершинные достижения классической психологии продуктивного мышления, в особенности работы К. Дункера, с повторения которых в целях ассимиляции началось наше изыскание. Как уже отмечалось, в результате сравнения его протоколов решения творческих задач с нашими обнаружилось, что Дункер анализирует лишь высказывания испытуемых интеллектуального содержания, а от остальных (т. е. половины всего объема речевой продукции), видимо, абстрагируется, не придавая им значения, что вполне понятно с учетом его приверженности кантианству.

Наш же системно-психологический анализ (Семенов, 1973) показал, что в этих неученных высказываниях выражается личностно-

смысловая обусловленность мышления. Проведенное теоретико-экспериментальное изучение этого открытого нами факта привело (Семенов, 1976) к построению метода содержательно-смыслового анализа дискурсивного мышления и системно-уровневой концепции его рефлексивно-личностной регуляции, экспериментально верифицированной в ряде исследований (см.: Поломарев, Семенов, Алексеев, 1983; Семенов, 1977, 1990, 2007).

Приведем выдержку из автореферата докторской диссертации одного из основателей (вместе с Г.В. Щедровицким) системодетельностного подхода – крупного методолога, психолога и педагога, члена-корреспондента РАН И.Г. Алексеева, содержащую историко-методологическую квалификацию этой концепции в контексте прогресса психологического познания мышления и рефлексии: «Переход к рассмотрению мышления, как деятельности, предполагал выделение структуры мышления... поворотным моментом было включение в структуру мышления рефлексии, как одного из “словес”, являющегося носителем специфических средств.

Системное представление о мышлении как сложноорганизованном процессе, протекающем одновременно в нескольких пространствах, получило дальнейшее развитие. Так, И.Н. Семенов предложил рассматривать строение мышления как состоящее из четырех уровней: личностного, рефлексивного, предметного и операционального... Познание процесса, как закономерно изменяющейся состояний структуры мышления, позволило выделить поворотные точки в протекании процесса, в котором происходит качественное изменение структуры мышления: “блокаду” и “олавление” (В.К. Зарецкий, И.Н. Семенов, 1980), что привело к новому представлению об этапах мышления при решении творческой задачи...

Основанием для введения нового представления об этапах мышления стал полученный в исследовании факт “интенсификации рефлексии перед висайтом”... Получалось, что качественное изменение в структуре мышления, отраженное в характере распределения речевых высказываний по уровням, совпадает по времени с переходом к качественно иному видению задачи (“олавление”). Таким образом, феномен “олавления”, или “висайта”, получил новое теоретическое и экспериментальное объяснение.

Иными словами, были установлены механизмы мышления, определяющие его продуктивность. Экспериментально зафиксировано и теоретически обосновано, что мышление, приводящее к успеху при решении задачи, и мышление, не приводящее к положительному

результату организованы по-разному. При этом было установлено, что основным механизмом, определяющим продуктивность мышления при решении творческих задач, является рефлексия. Это позволило сформулировать общее представление о мышлении как сбалансированном движении по четырем уровням... Отметим, что в названной в 1988 году книге этой и другим концептуальным схемам по рефлексивному мышлению посвящено свыше 50 страниц (Mathias, 1988, p. 342–387)» (цит. по: Алексеев, 2003, с. 59–62).

Таким образом, выделенные нами выше и функционально охарактеризованные уровни научного поиска (обеспечивающие создание указанной четырехуровневой модели рефлексивной организации творческого мышления) являются методологическими средствами построения и реализации системно-психологической стратегии исследования, которые в качестве способов и критериев полноценности научной деятельности обеспечивают прогресс психологической науки в такой ее частной, но интенсивно развивающейся области, как рефлексивная психология творчества.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В.Г. Проектный подход к формированию рефлексивного мышления в образовании и управлении // Рефлексивно-организационные проблемы формирования мышления и личности в образовании и управлении. М.: ИРИПТиГО, 2003. С. 59–64.
- Алексеев В.Г., Юдин Э.Г. О методах психологического изучения творчества // Проблемы научного творчества в современной психологии. М.: Наука, 1971.
- Алексеев В.Г., Козлов Н.А., Семенов Н.Н. Исследование экзистенциальной рефлексии в проблемно-конфликтных ситуациях. Тамбов: ТГУ, 2000.
- Войтович И.М., Семенов Н.Н. Оценка и развитие рефлексивного мышления. Новосибирск: СибАГС, 2001.
- Бильгерман В.Е. Психология как объективная наука. М.-Воронеж: МО-ДЭК, 1998. С. 272–317.
- Давыдов В.В., Рубцов В.В. и др. Развитие основ рефлексивного мышления школьников в процессе учебной деятельности. Новосибирск: ИИ РАО, 1995.
- Журалов А.А., Ушаков Д.В., Семенов и др. Психология творчества: школа Я.А. Пономарева. М.: Из-во «Институт психологии РАН», 2006.

- Зарский В.К., Семенов И.И. Методика определения стиля мышления руководителя // Практические занятия по социальной психологии для специалистов и руководителей народного хозяйства. Рига: НИК СНХ ЛССР, 1980а. С. 48–68.
- Зарский В.К., Семенов И.И., Степанов С.Ю. Рефлексивно-личностный аспект формирования решения творческих задач // Вопросы психологии. 1980б. № 5. С. 112–117.
- Карпов А.В., Скиталева И.М. Психология рефлексии. М.-Ярославль: Аверс Пресс, 2002.
- Кратченко Р.Л., Семенов И.И., Крутецкий С.В., Лосев А.В. и др. Проблемы эксперимента в психологии / Под ред. А.А. Дерягина. М.: РАГС, 1998.
- Лефевр В.А. Рефлексия. М., 2003.
- Мордановская Т.Д. История психологии. М., 2002.
- Мышление: процесс, деятельность, общение / Под ред. А.В. Брушиловского. М.: Наука, 1982.
- Полякова И.В., Семенов И.И., Степанов С.Ю. Роль общения в рефлексивной регуляции мышления // Процессы познания и деятельности личности. Ульяновск: УГПИ, 1988. С. 34–45.
- Павловская Я.А., Семенов И.И., Алексеев И.Г. и др. Исследования проблем психологии творчества. М.: Наука, 1983.
- Психология мышления / Пер. с англ., вст. под ред. А.М. Матюшкина. М.: Прогресс, 1965.
- Семенов И.И. Выготский Лев Семёнович. Виробуртская школа. Дуна. Индивидуальность. Кольцо Освальда // БСЭ, 3-е изд. М.: СЭ, 1972.
- Семенов И.И. Методика исследования поведения личности в группе при коллективном решении творческих задач // Личность в психологическом эксперименте / Под ред. А.В. Петровского. М.: МПН, 1973. С. 94–115.
- Семенов И.И. Опыт деятельностного подхода в экспериментально-психологическому исследованию мышления на материале решения творческих задач // Методологические проблемы исследования деятельности. Эргономика. Вып. 10. М.: ВНИИТЭ, 1976. С. 148–188.
- Семенов И.И. Методологическая роль концептуальных схем в стратегии логико-психологического исследования мыслительной деятельности // Логика научного поиска. Свердловск, 1977. Ч. 2. С. 118–120.
- Семенов И.И. Методологические проблемы системного исследования организации мыслительной деятельности // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник-1982. М.: Наука, 1982. С. 301–319.

- Селезнев И.И.* Методологические проблемы построения показателей личностного и интеллектуального аспектов организации когнитивной деятельности // Весенняя конференция по проблемам эргономического и психологического проектирования, Тбилиси: ИФ ВНИИГЭ, 1983. С. 53–56.
- Селезнев И.И.* Современная советская психология мышления: панорама фундаментальных достижений // Психологический журнал. 1989. Т. 10. № 6. С. 160–162.
- Селезнев И.И.* Проблемы рефлексивной психологии решения творческих задач. М.: НИИ ОПП АН СССР, 1990.
- Селезнев И.И.* Методологические основы московской школы рефлексивно-гуманитарной психологии и педагогики творчества // Методологические концепции и школы в СССР. Вып. 1. Новосибирск: НГУ, 1992. С. 35–56.
- Селезнев И.И.* Тенденции развития психологии мышления, рефлексии и познавательной активности. М.-Воронеж: МПСИ, 2000.
- Селезнев И.И.* Этапы развития философии в общей психологии творчества Я.А. Пономарева // Мир психологии, 2006. № 1.
- Селезнев И.И.* Развитие проблематики рефлексии и ее изучение на факультете психологии Высшей школы экономики // Психология. Журнал ВШЭ, 2007.
- Селезнев И.И.* Человеческий и социальный капитал: междисциплинарные и рефлексивно-психологические аспекты взаимодействия // Модернизация экономики и глобализация / Под ред. Е.Г. Янина. М.: ГУ ВШЭ, 2009. Т. 2. С. 434–441.
- Селезнев А.В., Селезнев И.И., Сохрин Ю.А., Степанов С.Ю.* Пакет программы расчета характеристик дискурсивного мышления в индивидуальном решении проектно-творческих задач. М.: Государственный фонд алгоритмов и программы, 1988.
- Шадриков В.Д.* Проблемы системности профессиональной деятельности. М.: Наука, 1982.
- Шедровицкий Г.Н.* Коммуникация, деятельность, рефлексия // Исследования рече-мыслительной деятельности. Алма-Ата: КГПИ, 1974. С. 12–28.
- Кремль А.В.* Психологи тоже думают. М.: Пер СЭ, 2005.
- Matthäus W.* Sowjetische denkpsychology. Toronto-Zürich, 1988.

Часть III

ПРОГРЕСС КОНКРЕТНЫХ
ОБЛАСТЕЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО
ЗНАНИЯ

ИТОГИ СТОЛЕТИЯ (К ВОПРОСУ О ПРОГРЕССЕ В СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ)

Г.М. Андреева

Вопрос о прогрессе в социальной психологии, как, впрочем, и в любой науке, относится, несомненно, к компетенции науковедения: там обсуждаются общие критерии прогрессивного развития научного знания, выявляются его этапы, обозначаются переломные моменты и пр. Т. Кун предложил наиболее известную модель развития науки, показав, что оно не может быть истолковано как простое «накопление» фактов, теорий и методов, а в большей степени является результатом периодической переорientsации накопленного, воплощенной в построении новой парадигмы (Кун, 1975, с. 17). Соответствие реального процесса развития науки предложенной модели неоднократно обсуждалось применительно к различным дисциплинам, в том числе к психологии (Яршевский, 1974). Каждая из этих попыток упиралась в необходимость выявления некоторых специфических критериев, свойственных именно данной области знания. При этом в центре внимания, начиная с позиций неокантианской философии, всегда вставала проблема соотношения двух видов дисциплин: относящихся к естественно-научному и к гуманитарному знанию, и эта традиция еще более стара, чем попытки разработки общих критериев прогресса в науке. Если в психологии в целом имеется определенный опыт дискуссий по этому поводу, демонстрирующий, однако, достаточно умеренный накал страстей, то в социальной психологии обсуждение этих проблем приобрело особую остроту.

Это можно объяснить, как минимум, двумя причинами. С одной стороны, относительно «молодой» дисциплина (во крайней мере, как самостоятельной), с другой стороны, ее пограничным характером — происхождением от двух различных «родителей»: психологии и социологии. Последнее характерно для всех наук, возникших «на стыке», что также зафиксировано в науковедении. Так или иначе, но обсуждение вопроса о прогрессе (или его отсутствии?) в социальной психологии происходит постоянно на протяжении всей

ее истории с неслабевающим интересом и напряжением¹. Возможно, именно сегодня такое обсуждение особенно уместно, поскольку 1908 г. более или менее официально считается годом возникновения социальной психологии как «самостоятельной» дисциплины, которая, следовательно, недавно отметила свой столетний юбилей². В поисках специфических критериев прогресса в данном случае можно выделить несколько граний дискуссии: анализа проблематики; анализа теоретических и методологических подходов, составляющих парадигму науки, а также формы и способов их практического приложения.

Относительно каждой из этих граний можно ставить вопрос о том, имеет ли право ее характеристика претендовать на показатель прогресса в развитии науки. Поэтому необходимо подробно исследовать каждую из них с этой точки зрения.

ПРОБЛЕМАТИКА

Что вообще означает выражение «проблематика» науки? Очевидно, прежде всего — охват некоторой сферы реальности, «подведомственной» данной области знания. Но это неразрывно связано с пониманием *предмета* науки, поэтому, выходя за спектр изучаемых проблем, обязательно приходится обращаться к тому, как сама дисциплина трактует свой собственный предмет. Только в соотношении с заявленным определением можно судить о том, соответствует ли прогрессу, например, расширение проблематики или, напротив, что такое расширение означает размывание границ науки, и самое главное — как эти изменения складываются на практических возможностях дисциплины. Характерно, что, в отличие от ситуации в естественных науках, в гуманитарных дисциплинах всегда гораздо

1. Известный оптимизм относительно прогресса в социальной психологии был выражен Е. Олпортом: «Социальная психология — это специфическая наука, и ее история не так уж велика, если взять для сравнения историю физики, биологии или медицины. Кроме того, темп нашего прогресса и в методах, и в проблематике возрастает. Несмотря на сдвигаются время от времени отклонения на объективно-исчерпываемые пределы» (Олпорт, 1998, с. 43). Систематическая попытка оценить уровень социальной психологии предпринималась также в работе Л. Расса и Р.Е. Нисбета (Расс, Нисбет, 1999).

2. 1908-ой год весьма условно можно считать моментом «рождения» социальной психологии, поскольку значительно раньше были и опубликованы программы развития данного области дисциплины (Олпорт в Америке и Мид в Европе), и осуществлены широко известные исследования Ломова и «классик» стиля (например, исследования Триппета), но тем не менее определенной строгости — считать 1908-ой год точкой отсчета — оправдано.

более подробно и остро обсуждается вопрос о предмете, возможно, потому что его определение слишком плотно зависит от трактовки самого объекта исследования.

В случае социальной психологии трудности возникают с самого начала. Хорошо известно многообразие определений ее предмета. Сводка этих дефиниций неоднократно предлагалась в различных обзорных изданиях, начиная с фундаментального руководства Г. Линдсея и Э. Аронсона, неоднократно переиздаваемого (Lindsay, Aronson, 1968–1969), и заканчивая последними работами, в которых излагается «европейский подход», например, «Введение в социальную психологию» под редакцией М. Хьюстона и В. Штребе (2004). При всем многообразии определений центральным их «спинтом» оставалась мысль о том, что социальная психология в той или иной степени рассматривает в качестве своего предмета положение человека в обществе, его связь с обществом, характер их взаимоотношений. Такие определения подразумевали, что в значительной мере фокусом исследований оставалась социальная группа как непосредственная среда существования индивида, и его положение в такой группе. Что касается акцентов, в том числе определяющих взаимодействие индивида и группы, то они на протяжении истории науки, а также в рамках различных теоретических ориентаций, претерпевали существенные изменения.

В первые годы после конституирования центр тяжести социальной психологии был обозначен по-разному в рамках европейской и американской традиций. (Напомним, что в 1968 г. одновременно вышли два первых руководства – в США книга Э. Росса «Социальная психология» и в Европе – учебник В. Макдугалла «Введение в социальную психологию».) Если для американского автора характерен упор на проблемы *группы*, то в европейском учебнике основное внимание уделялось механизмам социального поведения *индивида*. Однако такое разделение не носило абсолютного характера: напротив, одновременно с обозначенными фокусами внимания существовали и прямо противоположные тенденции, причем каждая из них опять-таки обладала спецификой. Так, в американской социальной психологии акцент на группу приобрел своеобразные черты. Во-первых, в центре внимания («фокусом») оказались лишь малые группы, тогда как проблематика больших социальных групп была отодвинута на обочину и существовала преимущественно как проблематика «коллективного поведения», т. е. в контексте лишь стихийных, массовых процессов. Во-вторых, и судьба малой

группы складывалась неоднозначно — она попеременно то привлекала к себе повышенный интерес, то утрачивала его. Последнее впоследствии послужило причиной появления специального исследования Н. Штайнера «Что случилось с группой в социальной психологии?» и вызвало целую дискуссию вокруг этой публикации. В ней была выдвинута гипотеза о том, что интерес к проблеме группы характерен для периодов бурных событий в жизни общества, тогда как относительно стабильные этапы, напротив, стимулируют интерес к проблемам личности (см.: Андреева, Шенклова, 1998). Хотя эта гипотеза и не подтвердилась полностью, известная зависимость активности исследований группы от ситуации в социуме была установлена. С другой стороны, существовавшая в Европе традиция апеллировать как раз преимущественно к большим группам (прежде всего, в «психологии народов» В. Вундта) не могла не оказать своего влияния на дальнейшее развитие науки, когда не просто «группа» становилась основным объектом исследований, а центр тяжести был перенесен не только на психологию больших социальных групп, но подход вообще переместился на общий «социальный контекст». Это впоследствии стало специфическим делом европейского подхода (The Context of Social Psychology, 1972; Введение в социальную психологию. Европейский подход, 2004). При всех обстоятельствах психологические характеристики группы сохраняли за собой право на существование в структуре социально-психологического знания.

Другой блок проблем, сохранявших свою важность на протяжении всей истории социальной психологии, — это проблемы общения. Здесь также легко обнаружить достаточно большой разброс подходов — от исследования отдельных сторон общения (коммуникация, интеракция, социальная перцепция) до системного представления о процессе общения, рассматриваемом в его полном объеме. Последнее характерно, в частности, для отечественной социальной психологии, где общение изучается в контексте теории деятельности, а сам принцип общения положен в основу построения системы всей дисциплины. Последнее не исключает того, что в рамках всего пространства исследования общения и в разных традициях, и на разных исторических этапах выявили о себе, по существу, сходные, «инвариантные» частные проблемы, на которых делался определенный акцент. К ним можно отнести исследование коммуникативных сетей, транзактный анализ, атрибутивные процессы и др., а также еще более дробную проблематику (роль и значение обратной связи, способы разрешения конфликтов, формы и степени влияния в процессе общения и др.). Богатство

исследований в этом блоке с «особенной убедительностью доказывает, что, при всех расхождении в подходах, проблематика общения, как бы ни трактовался сам термин – наиболее очевидная и безусловная составная часть предмета социальной психологии».

Третий блок традиционных проблем социальной психологии всегда был связан с исследованием личности, «зволь бы, опять-таки, различно не трактовалась сама эта задача. Противопоставление проблем личности и проблем группы как приоритетных направлений исследований зачастую выступало своего рода водоразделом при характеристике разных подходов и традиций. В частности, уже упоминавшиеся различия между американским и европейским подходами в значительной степени опирались на традиционную для европейских авторов критику «американского индивидуализма» (Грауманн, 2004; Furr, 1996), апелляции американских коллег к «изолированной личности» (Moscovici, 1972), «десоциализированному индивиду» (Tajfel, 1972) и т.д. При этом вопрос о том, личность или группа составляют предмет науки, естественно, не ставился таким образом, но в действительности само педалирование той или другой проблематики было достаточно явной «признающей» формированию совершенно различных образов науки. Подобная полемика, как известно, имела место и в отечественной социальной психологии, когда в дискуссиях 1920-х годов при обозначении предмета складывающейся социальной психологии высказывались противоположные точки зрения на основное его содержание: должно ли это быть изучение «личности в группе» (мнение преимущественно психологов) или «массовых явлений всякого» (позиция в основном социологов, но и не только их) (Парыгин, 1999; Андреева, 2003). В конечном счете вопрос был разрешен в духе свойственного мировой социальной психологии обозначения двух ее ветвей – «психологической» и «социологической», в которых названные акценты были разделены.

Краткий обзор исходных позиций относительно предмета социальной психологии и соответствующий перечень проблем, предложенных для исследования на самых первых этапах существования этой дисциплины, позволяет рассмотреть сегодняшнюю ситуацию в контексте решения вопроса о наличии или отсутствии прогресса в ней. Итак, можно ли сегодня констатировать расширение проблематики социальной психологии, и если да, то является ли такое расширение – «лакошестие» по Куну – следствием прогресса?

Расширение проблематики – безусловный факт. В работе Г. Олпорта 1968 г. присутствует специальная глава «Шесть десятилетий

социальной психологии», где, начиная с 1908 г., округленно, по каждому десятилетию, перечисляется набор изучавшихся проблем и «фавориты» среди них, что демонстрирует несомненное расширение проблематики³ (Оллпорт, 1968). Оно отражено также в периодически издаваемых в США обзорах об основных направлениях исследований за каждые наступающие десять лет. Если сравнить, например, содержание обзоров за 1970-е и за 1990-е годы, то легко обнаружить в последнем такие новые разделы, как «Межличностная коммуникация», «Поведение в группах», «Межгрупповое поведение», «Социальное поведение в физическом окружении» (Deaux, Dine, 1993). Ни одного из этих разделов не было в обзоре за 1970-е годы (Wrightman, 1973). Невозвооруженным взглядом видна все более глубокая разработка традиционных проблем в каждом из упомянутых блоков: в блоке «общение» в качестве центральных в разное время выступали проблемы атрибутивных процессов (Г. Келли), социального влияния (Зимбардо, Лайне, 2000), психологии конфликтов (М. Дойч); в блоке «группа» – проблемы группового решения; феномен «сдвига риска» (Дж. Стоунер), подвиде – «сдвига выбора» (групповой поляризации); в блоке «личность» – соотношение личностной и социальной идентичности (А. Тэшфел), произошедший восторженный сдвиг от преимущественно ролевого рассмотрения личности к анализу ее индивидуального самосознания и т.д. К семидесятым годам относится выделение специального раздела «психология социального познания», впоследствии претендовавшего на статус самостоятельной дисциплины (Fiske, Taylor, 1984; см. также: Андреева, 2005).

Вряд ли необходимо вновь повторять полный «блиц-обзор» тем, разрабатываемых сегодня в каждом из трех обозначенных блоков – в рамках одной статьи это невозможно. Гораздо важнее привести иллюстрации, демонстрирующие критичальные нововведения и позволяющие судить о существенном повороте в проблематике социальной психологии, вызванном как объективными изменениями предмета исследования, так и внутренней логикой развития знания.

3 Так, если для первого десятилетия характерен резкий разброс тем соответственно двум ветвям социальной психологии (близности для Грэнвилла Мэддингтола, интеллектуальной власти и под субтилем «социальная солидарность» в традиции Ринста), то далее, во втором десятилетии, на первой или второй преобладающей проблеме «фрустрированного разумного» и близкородственных с ним понятием, в третьем – углублены, впервые появились элементы социальной когнитивности исследований в связи с Великой Депрессией, в четвертом – групповая динамика К. Левина, в пятом – сфера культуры, в шестом – конфликтология, предсудрды и т.д.

Важным завоеванием явилось, например, проведение под влиянием европейского подхода, требовавшего в свое время «социологизации» социальной психологии (Moscovici, 1972), расширившее сугубо «социальной» проблематики, т. е. включение в обиход исследований таких проблем, как межгрупповые отношения в их полном объеме (в том числе межэтнические), межкультурная коммуникация, социальная справедливость, конфликты, модели социальной идентичности в условиях неопределенности, психология среды, адаптация к социальным изменениям, специфика познания социального мира, и совсем уж «современных» — вроде психологии терроризма. Сpecially этот вопрос необходимо обсудить и по отношению к сугубо прикладным аспектам социально-психологического знания, о которых речь пойдет ниже.

Стимулом такого выхода за пределы традиции, сложившейся в начале XX в., послужили прежде всего события, происходившие в самом социуме. Непосредственной пехой явилась «студенческая революция» 1968 г., когда неудовлетворенность традиционной проблематикой социальной психологии прозвучала особенно отчетливо критические замечания со стороны «новых левых» были высланы в адрес официальной системы социальных наук за игнорирование ими актуальных проблем общества, таких как социальное неравенство, политическое насилие, экономическая отсталость, расовые конфликты. Этот факт показывает, насколько тесно исследовательская стратегия в социальных науках связана с выдвигаемыми историей общественными проблемами. Был поставлен вопрос о необходимости отхода от исследования отдельных, локальных, частных социальных проблем (что наблюдалось с самого начала существования социальной психологии, в том числе и в ее американском варианте⁴) и более смелого вторжения в область широких, значимых социальных явлений и анализа поведения индивидов и групп в контексте этих явлений. С. Московичи полагал, что

4. Еще в 1935 г. в США было создано «Общество психологического изучения социальных проблем», которое привнесло много примеров и более ранних исследований, проводивших не только в лабораториях, но и в «естественных» группах, т. е. так или иначе ориентированных на социальную практику (например, исследования У. Томаса и Ф. Зимбардо о социальных установках польских крестьян, иммигрировавших в США, Хоторнский эксперимент Э. Майо, эксперимент К. Левина, посвященный роли групповой дискуссии при принятии демократическим групповым решением о покупке субарматурного во время войны, а также обшире разработаны им принципы «облава-техники» — исследования дебошеров). Правда, по мнению Прамкина, который раз также исследован был продолженными дальнейшим социальным и политическим проблем и явилось, отклонением от традиционной методологической линии (Прамкин, 2004, с. 35).

главный вопрос, стоящий перед учеными, заключается в том, должна ли социальная наука поддерживать, консолидировать социальный порядок или способствовать его преобразованию. Для социальной психологии это, в частности, означает необходимость определить, «кто задает вопросы науке и кто дает на них ответы» (Moscovici, 1972, p. 24). Иными словами, была высказана критика такой проблематики социальной психологии, когда фундаментальные характеристики социальной системы, внутри которой действуют личности, в частности, социальная природа самого субъекта, игнорируются, и исследуется не система отношений людей, а в лучшем случае – подсистема межличностных отношений. Социальная психология при этом остается «частной». Она не анализирует того, что является существенным для поведения человека: «Социальную психологию нужно обновлять, чтобы она стала действительно наукой о тех социальных феноменах, которые являются основой функционирования общества, о существенных процессах деятельности в нем» (ibid., p. 55)⁵.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что расширение проблематики социальной психологии на протяжении XX в. – неоспоримый факт. Но столь же неоспоримо наличие в ней и принципиальных прерывов, что только и позволяет рассматривать этот факт как элемент прогресса. Вместе с тем объяснение этому факту следует искать прежде всего в требованиях объективного исторического процесса, ибо он обусловил изменение самого объекта науки. В значительной мере также изменение объекта повлияло на весь спектр общественных наук, и одним из следствий этого явились потребность во все большей консолидации различных смежных дисциплин. Расширение проблемного поля каждой из них не могло не привести к увеличению роли междисциплинарных исследований, а это, в свою очередь, означало также обогащение в каждой отдельной дисциплине. В связи с этим расширение проблематики социальной психологии нельзя трактовать как простое «умножение» количества исследуемых тем или даже более тщательную проработку каждой из них. Оно связано с глубинными процессами, происходящими в «теле» науки, прежде всего, с потребностью более

⁵ Данное расширение проблематики от конкретных проблемной «социальной идентичности» четко может быть прослежено и в развитии отечественной социальной психологии. Вскоре после ее исторического рождения в 1960-е годы приоритетной темой становится исследование коллектива, что нашло свое отражение в разработке теории коллектива А. В. Петровским, а в последующие годы – исследованием социальности социального поведения, противопоставленного индивиду и т.д. Столкнувшись в связи с новой ситуацией в Ростовском обществе директ деятельности психологических проблематик, управление персоналом, организационной психологии (Журавлева, 2004), методический семинарий (Стефаненко, 2006) и др.

радикальных изменений ее методологических и теоретических основ, с необходимостью обеспечить новый уровень проникновения в суть исследуемой реальности. Следовательно, такой показатель, как широта охвата исследуемого объекта, выражаемая проблематикой, является лишь одним из критериев прогресса научного знания, и для получения полной картины он неизбежно должен быть сопряжен с другими.

ПАРАДИГМЫ

Ответ на поставленный вопрос целесообразно искать теперь в области самого арсенала науки, разрабатываемых ею собственных средств познания реальности, включая теоретические основания и методологические принципы. Поэтому уместно, воспользовавшись идеей Т. Куна о смене парадигм в развитии науки, проанализировать столетнюю историю социальной психологии в этом контексте.

Особое значение при этом приобретает развернувшееся со второй половины XX в. движение за создание «новой парадигмы» в социальной психологии. Своеобразием идей, ее характеризующих, полностью соответствует общей тенденции движения гуманитарного знания в конце XX – начале XXI вв., обозначенной термином «постнеклассическая наука» (Степин, 1999), понимаемая как современная стадия в развитии знания, добавляющая к нормам неклассической науки требования ценностно-целевых установок ученого и его личности в целом (Корнилова, Сырцов, 2006, с. 66). Специфическая расшифровка предлагаемых инноваций включает в себя такие принципы, как усиление роли междисциплинарных исследований, проблемно-ориентированные формы исследовательской деятельности, дополнение познавательных целей последования экономическими и социально-политическими факторами (там же, с. 65). В психологии это движение получило, соответственно, название «постнеклассическая психология», возникновение которой рассматривается как новый этап в развитии этой науки, последующий за так называемым «неклассическим» этапом, границы которого очерчиваются по-разному разными авторами⁶. Не полемизируя с введением этого термина, поскольку в социальной

⁶ Так, А.С. Леоньев считает, что представителями ее следует считать Э. Фрейда, Д.Н. Узнадзе, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева и С.Л. Рубинштейна; Д.А. Леоньев приписывает ей К. Левина, Л.С. Выготского, М.М. Бахтина, А. Адлера, Л. Векслера (там же: Леоньев, 2006, с. 56).

психологии он укоренился, можно согласиться и с трактовкой его смысла, который обозначает так же, как в общей психологии, акцент на «гуманитарное содержание» дисциплины. Более конкретно этот акцент проявляется в усилении роли интерпретативных процедур, встречаемых в процессе научного наблюдения, что способствует повышению информативности последнего, его обогащению (Юренич, 2004, с. 25–26).

Проблема поисков новой парадигмы в социальной психологии на рубеже веков – предмет отдельной дискуссии. В ее ходе выдвинуто немало различных предложений относительно характера не только новой, но и всех вообще парадигм, существовавших в социальной психологии.

При этом вновь не избежать вопроса о «двух» социальных психологиях, возникших с самого начала самостоятельного существования дисциплины. В данном случае это различие еще более определено можно связать с наличием двух разных традиций, сложившихся в Америке и в Европе⁷. Общепринятым является утверждение о том, что «начало» современной, профессиональной социальной психологии было положено в Соединенных Штатах (в первые годы XX в.). Именно там сложился «американский образ» социально-психологического знания. Как неоднократно отмечалось, специфика этого образа была обусловлена как особенностями американской культуры, так и характером задач, возникших в первые годы существования социальной психологии именно в американском контексте общественного развития. Это и отсутствие обременительного «груза» европейских традиций с их апеллацией к исходным философским принципам, и собственная философская ориентация на прагматизм и позитивизм, и общая культурная предрасположенность к индивидуалистическому подходу (см.: Андреева, Богомолова, Петровская, 2002; Шихирев, 1999). Это позволило одному из критиков квалифицировать данный вариант социальной психологии скорее как «красное экспериментальное манипулирование теоретическими игрушками, чем серьезное построение достойного здания» (см.: Argonstinos, Walker, 1995, p. 1).

⁷ В отечественной литературе наиболее глубоко вопрос о парадигмах в социальной психологии был поставлен П.Н. Шихиревым, который выделял три парадигмы: объективизм, позитивизм и преобразованная, причем первые две достаточно определенно свелась в первом случае с американской традицией, а во втором – с европейской. Третья парадигма была в основном ориентирована на сочетание славянской социологии (Шихирев, 1999), что, вероятно, требует дальнейшего обсуждения, в частности, возможности вычленивания этой парадигмы, как «европеизированной» (Андреева, 2003).

Понятно, что подобный образ социальной психологии нельзя абсолютизировать: критические комментарии к нему были сформулированы уже в сороковые годы XX в., причем самими же американскими авторами⁸, что привело к необходимости более четкого определения исходных позиций – обозначения, как минимум, господствующих теоретических ориентаций: бихевиоризма, психоанализа, когнитивными и интеракционными (Deutsch, Krauss, 1965), а также исходных формулировок используемых парадигм (McGuire, 1972).

Тем не менее, именно традиционному образу американской социальной психологии противопоставит европейская модель (по мнению П. Яспера, XXI в. будет веком европейской социальной психологии⁹), хотя между ними существует и более сложная система взаимоотношений. Наиболее подробно она исследована европейскими авторами. Так, по мнению К. Грауманна, американская социальная психология, хотя и была «наукой об индивиде» (Грауманн, 2004, с. 14), в действительности имеет европейские корни. Это связано с массовой эмиграцией из Европы в США перед Второй мировой войной целой плеядой блестящих социальных психологов¹⁰. Стоит вспомнить лишь К. Левина, создавшего после эмиграции Школу групповой динамики, вокруг которой возникло так называемое «левинское развитие», сдвигавшее как бывших учеников Левина, так и новых, уже американских, исследователей (Д. Картрайт, М. Дойч, Л. Фестингер, Г. Келли, Р. Тибо, С. Шахтер и др.). С самого начала отношения между европейской и американской традициями приобрели противоречивый характер. Традиционный американский индивидуализм, истоки которого, по мнению Р. Фарра, «... заложены в душе всей западной интеллектуальной традиции», а «его расцвет – специфически американский феномен» (Farr, 1996, p. 104), при построении программы развития дисциплины приобрел методологическое значение¹¹. Поскольку эмпирическое исследование

8 Подробно об этом см.: Андреева, Богомолова, Петровская, 2002; Шахтер, 1999.

9 Эта же мысль провозглашена в фундаментальной работе Р. Фарра «Корни современной социальной психологии». Он автор подчеркивает значение европейской эмиграции для трансформации американской социальной психологии. Farr пишет себе парадоксальное высказывание: «...личность, которая является прелестью в этой трансформации, был... Альфонс Гателер» (Farr, 1996, p. 100).

10 В. Дугал называет четыре уровня исследования в социальной психологии: научение («экспериментальное» или «инструментальное» поведение), «индивидуальное» или «индивидуально-групповое» поведение, социальные познания и статусов и ситуационных взаимодействий; социальные отношения и их влияние на ментальные представления и поведение. По мнению автора, три первых уровня характерны для американской социальной психологии и лишь четвертый – европейской.

стало знаменем борьбы против кабинетной социальной психологии, характерной для американского направления являлась предложенная Ф. Олпортом своеобразная комбинация индивидуалистического принципа, бихевиористской позиции и экспериментального метода (см. Грауман, 2004, с. 14).

Тем не менее, влияние в американскую социальную психологию ведущих европейских сил привело к своеобразному синтезу научных подходов. Результат этого синтеза и знаменует собой существенный шаг в развитии методологических принципов социальной психологии. Конкретной вехой стало создание после второй мировой войны Европейской ассоциации экспериментальной социальной психологии, когда европейские идеи, реконструированные в рамках американского подхода, вновь вернулись в Европу. Практически вся вторая половина XX в. — это период напряженной дискуссии, касающейся как раз поисков новой парадигмы социальной психологии. Суть этой дискуссии в значительной мере составляет европейская критика просчетов, свойственных американской традиции, ее ориентации на принципы позитивистской методологии.

Соответственно, выход из критики социальной психологии¹¹ усматривается в преодолении позитивизма. И хотя эта новая нововеденная школа удерживает в своих руках европейские социальные психологи, справедливость требует остановиться и на принципиальной «завязке» на нововедения, предложенной американскими исследователями. Она складывалась постепенно, и ее вехами можно считать впервые сформулированные Макгайром идеи о недостатках «старой» и «новой» парадигм в американской социальной психологии и необходимости пока не вполне четко обозначенной «еще более новой парадигмы» (McGuire, 1972), а также довольно подробные обоснования нового подхода в психологии социального познания, изложенные в фундаментальной работе С. Фиска и Ш. Тейлор (Fiske, Taylor, 1984)¹².

Радикально сформулированная претензия на создание новой парадигмы предложена в концепции «социального конструкционизма» К. Бергена, являющейся специфическим социально-психологическим вариантом постмодернистского подхода в социальных науках. Спирит-

¹¹ Также в этом последнем случае обобщено множество исследований в «социальной психологии» (Dane, 1988, p. VII).

¹¹ Впервые термин «критика» был, впрочем, использован американским автором — Д. Салливаном в 1960-м году; позже в этой идее образовались психологи К. Макгайр, В. Дунс, Р. Фарр и др.

¹² Аналогичный подход в социологии предложил П. Бергером и Т. Лукманом (Berger, Luckmann, 1966).

ась на исходные позиции постмодерна, осуществляющего критику позитивистски ориентированной эмпирической науки, Тергер предлагает «новую эпистемологию» социального познания. Ее необходимость обосновывается двумя обстоятельствами: необходимостью в новых методологических принципах и ссылках на новую социальную ситуацию, сложившуюся в мире на рубеже столетий.

Принципиальными требованиями социального конструкционизма являются: во-первых, выход за пределы типичного для психологии дуализма «субъект – объект» и, как следствие этого, ориентация на альтернативную, нематериальную науку; во-вторых – объединение так называемых эндогенной и экзогенной концепций знания (Gergen, 1994). При этом эндогенная концепция отождествляется с бихевиоризмом, а эндогенная концепция – с когнитивизмом и, несмотря на успехи последней, полностью эндогенную концепцию преодолеть не удалось, так же как и преодолеть недостатки самой эндогенной концепции. Специфической чертой социально-психологического знания оказалось «раскалывание маятника» между бихевиоризмом и когнитивизмом, результатом чего стала невозможность вырваться из круга скомпрометировавших себя методологических оснований. Чтобы совершить скачок в полностью новую методологию, нужно построить науку, способную анализировать новые социальные реалии, для чего необходимо обратиться к более глубокому анализу социальных факторов (подробно см.: Яанмова, 1999).

Этому и должна послужить новая эпистемология, требования которой можно изложить в следующих положениях-гипотезах: а) поскольку исходным пунктом всякого знания является сомнение в том, что окружающий мир есть нечто само собой разумеющееся, объяснение его может быть только конвенциональным; б) в этом случае слова, употребляемые для обозначения социальных процессов, имеют смысл лишь в контексте исторических и культурных воздействий; в) поэтому правила «что чем считать» не являются чем-то жестким, а зависят от характера социальных изменений; г) роль языка в жизнедеятельности людей детерминирована характером его функционирования в рамках определенного типа отношений между ними: семантика производна от социальной прагматики; д) отсюда – описание и объяснение мира сами конструируют определенные формы социального действия и тем самым включаются в социальную деятельность (Тергер, 1995).

Реализация изложенных здесь принципов возможна лишь при условии выхода социальной психологии за рамки традиционной

классовой критики биосоциализма и когнитивизма, которая, по мнению Бергера, есть критика не горизонтальна, т. е. по линии эмпиризм – рационализм. Она исключала выход за пределы одной, западной, индивидуалистической культуры. Вместе с тем, в связи с глобализацией социального мира, с выдвиганием на авансцену других культур, критика должна осуществляться и в другом направлении – не вертикально, в частности, по линии Запад–Восток (Селден, 1994, р. 10)¹³. Только при соблюдении этого условия социальная психология будет в состоянии стать подлинно социальной наукой и обратить внимание на всю совокупность социальных реалий. При этом будет преодолен традиционный дуализм субъекта и объекта, поскольку трактовка социальных событий превратится в подлинное их конструирование.

Как видно, предлагаемая концепция означает, действительно, принципиальное обогащение методологии социальной психологии. И ответить на вопрос о том, является ли такое обогащение признаком прогресса в развитии науки, можно лишь проанализировав, насколько предложенные принципы способствуют более глубокому проникновению в исследуемую реальность. Движение именно по этому пути характерно как раз для европейской традиции. Обычно для доказательства этого тезиса приводятся три примера: теория социальных представлений С. Московичи, теория социальной идентичности А. Ташфела и в этногенетическая теория Р. Харре (см.: Андреева, 2005; Яковлева, 1999; Шахирова, 1999; Емельянова, 2006). Содержание каждой из этих концепций многосторонне изложено и проанализировано, поэтому здесь необходимо лишь привести такие иллюстрации, которые свидетельствовали бы о подлинных «нормах» на новый уровень постижения объекта исследования при помощи предлагаемого нами инструментария.

«Социальное представление», представляющее собой, по мнению С. Московичи, аналог здравого смысла, вырабатывается индивидом и группой в ходе социального опыта для ориентации в окружающем мире. В формулировке Д. Жодде, «социальное представление обозначает специфическую форму знания – знание здравого смысла, содержание которого свидетельствует о действии социально маркированных порождающих и функциональных процессов. В более

13 Эта идея Бергера получает свое развитие и в другом набравшем силу подходе, предельно радикально рассматривающем социальную психологию как культурно-исторический конструкт, в частности, в трудах Г. Триандиса, отмечавшего в качестве недостатка американского доминирующего подхода ориентированного на западную индивидуалистическую культуру и потому определяющего «культурта» социальной психологии из США и другие регионы (Триандис, 1994, подробнее см.: Стефанова, 2006).

широком понимании оно обозначает форму социального мышления» (Жодде, 2007). Оно выступает как специфическое, непрофессиональное средство, своеобразная «рамка» познания социального мира. Будучи выработано группой и зафиксировано в определенных терминах и словах, оно неизбежно включается в уже функционирующую в обществе «идентификационную матрицу», т. е. в некоторую сеть ранее возникших и «освоенных» представлений и констат, которую систему смыслов, заданных культурой, т. е. в *коммунио* (Augustinos, Walker, 1995, p. 139). Тем самым социальное представление включается в систему значений, выработанных обществом, а потому и в систему коммуникации между социальными субъектами.

Образ общества в ходе такой коммуникации конструируется. Таким образом, в рамках этой концепции не просто еще раз проводится достаточно банальная мысль, давно уже ставшая общим местом в социальной психологии, о социальной обусловленности познания мира и поведения в нем, но предлагается ее конкретная разработка, которая имеет полное право претендовать на еще один «виток» в обогащении исследовательской стратегии. Обеспечивается большая «социальность» социальной психологии. По мнению Д. Жодде, «благодаря своим связям с языком, миром идеологии, символического и воображаемого в социуме, благодаря роли, которую они играют в регуляции поведения и социальной практике, социальные представления являются теми объектами, исследование которых возвращает социальной психологии ее историческое, социальное и культурное измерение» (Jobelet, 1999). Здесь очевидна близость предложенных принципов основной идее социального конструкционизма, следовательно, приверженности новой парадигме в социальной психологии¹⁴.

Другая иллюстрация может быть взята из теории социальной идентичности А. Тэяфела (Tajfel, Turner, 1986). С точки зрения обсуждаемой проблемы, в данном случае важно подчеркнуть мысль о том, что ощущение человеком своей принадлежности к группе и эмоциональная значимость для него этой группы обуславливают построение «образа Я» как компонента социального мира, а сам мир воспринимается именно через эту принадлежность. Социальная идентичность выступает, таким образом, элементом конструирования окружающего мира: субъект

14 В этой связи Е.В. Яковлева замечает: «Если первоначально западные психологи, взаимодействуя с работами Миллеров, были склонны рассматривать его теорию в русле неконформизма, то со второй половины 80-х годов растет число публикаций, авторы которых ставят во главу угла необходимость (и даже необходимость) ее конструкционистского прочтения» (Яковлева, 1999, с. 88).

и в данном случае не противопоставляет объекту, но оба они взаимодействуют в построении образа мира. Активность субъекта проявляет себя в процессе категоризации социальных объектов, т. е. отбора тех категорий, в которых эти объекты описываются. При этом социальный мир предстает не как противопоставляющий субъекту, но как построенный (конструированный) им. Выбранные категории всегда есть результат некоторой конвенции, соглашения относительно значений, приписываемых объектам, т. е. являются результатом коммуникации.

Еще больший акцент теории Ташфела (как, впрочем и теории самокатегоризации его ученика и коллеги Дж. Тернера) на социальной детерминации проявляется в утверждении о том, что характер социальной идентичности зависит от *типа общностей*: в обществах со строгой идентификацией принадлежность индивида к группе особенно сильна, поскольку вне ее человек вообще мало что может осуществить. В демократических обществах эта принадлежность проявляет себя в меньшей степени, хотя и в этом случае мир создается и конструируется через приему группы. Тот факт, что идея конструирования изложена здесь не в терминах концепции Тернера, не оставляет сомнения в сходстве принципиальных путей поисков новой парадигмы. Как отмечает Е. Якимова, это дает основания считать теорию социальной идентичности также попыткой «обновления традиционной социальной психологии» (Якимова, 1995, с. 13).

Наконец, наиболее полная европейская версия социального конструционизма представлена в этногенетической концепции Р. Харре (Харре, 1996; Harre, 1977), претендующей на построение общей теории в социальной психологии (через «новую науку»). Одним из основных элементов теории Харре — идея дискурса, понимаемого как важнейшая составляющая коммуникативного процесса, «центральная человеческая активность, которой люди уделяют наибольшую часть своего времени» (рассуждение по поводу какой-либо проблемы, обсуждение ее, все формы «разговора», работы с текстом, т. е. говорение, слушание, беседа) (Argonstinos, Walker, 1995, p. 265). В ходе дискурса его участники вырабатывают единые значения категорий, которыми обозначены явления окружающего мира, что обеспечивает «разделенность» их понимания и потому возможность их использования во взаимодействии. Но в таком случае категория «конструирует» мир, уточняя его образ и направляя некоторое действие внутри него. «Первая функция дискурса, — говорит Я. Паркер, один из последователей этой идеи, — приводить объекты в бытие, создавать статус реальности» (op. cit., p. 278). Но именно это и есть принцип конструционистского подхода.

На его основаниях Харре анализирует широкий спектр традиционных социально-психологических проблем. Одна из них – проблема «Я-концепции». По мнению Харре, существующие способы ее описания, прежде всего в американской социальной психологии (будь то школы Г. Айзенха и Р. Кеттела или методы гуманистической психологии А. Маслоу и К. Роджерса), являются асоциальными, «психологизирующими» сущность проблемы. Поэтому он предлагает переключить внимание с «вопроса Я как сущности» на методы «конструирования Я» (на «творение» Я), поскольку при этом Я-концепция «исвлекается из ума индивида» и переносится в сферу социального дискурса. Рекомендуется последовать так называемые «Я-повествования», которые всегда связаны с контекстом взаимодействия, т. е. проявляются по-разному в различных обстоятельствах (например, специфично в профессиональной среде, в ситуации дружеских отношений и т.д.)¹⁵. Эта идея прямо перекликается с тезисом Гергена о том, что все социально-психологические феномены должны быть объяснимы в «важных событиях времени». Вклад Харре не только в концепцию социального конструкционизма, но и в общую парадигму постмодернизма в социальной психологии очевиден. В конечном счете именно европейская традиция разработки этой парадигмы оказывается особенно значимой.

Общая тенденция преобразования парадигмы в социальной психологии является очевидной, а содержание происходящих изменений, в особенности, в новой парадигме, свидетельствует таким образом о формировании более глубокого взгляда на характер взаимоотношений индивида и общества. В этом смысле ориентация на новую парадигму может с полным правом рассматриваться в качестве еще одного существенного критерия прогресса.

ПРАКТИКА

Итак, третий критерий. Возможно, вообще только этот показатель и следует считать решающим при выявлении наличия или отсутствия прогресса в науке? Важно или неважно дискуссия в этом случае переходит в сферу соотношения фундаментального и прикладного

15 Эта идея Харре включает широкое распространение в современной парадигмальной психологии, заключающей ориентацию не только на развитие новой парадигмы, но и на возможность правового использования ее положений в социальной практике (Croskey, 2000).

знания. В других терминах проблема формулируется как возможность науки отвечать на запросы практики. И хотя и эта дискуссия насчитывает не один десяток лет, сегодня острота ее, по крайней мере, в области социальной психологии, становится жизненно важной. В значительной степени это связано, так же как и при обсуждении двух первых критериев прогресса, с трансформациями, происходящими в ходе исторического процесса на рубеже двух столетий и тысячелетия. Характерный признак периода – глобальные социальные изменения, когда все современное сообщество оказалось не просто изменчивым, но и постоянно изменяющимся. «Готовность» науки работать в этом постоянно радикально меняющемся мире обуславливает возможности ее практического приложения. Кроме общих проблем соотношения фундаментального и прикладного уровней исследований, в науках социальных и гуманитарных возникают и более дробные, но не менее важные вопросы. Нельзя сказать, что социальная психология за всю свою столетнюю историю когда-либо была готова к их решению. Накопленный ею опыт теоретических и экспериментальных находок так или иначе апеллировал к относительно стабильному (если даже и разноразличному) обществу. Категория «изменение» в качестве теоретического концепта впервые была введена в рамках европейской традиции А. Тойнфелом (Tajfel, 1972). Более того, по Тойнфелу, проблема социальных изменений (точнее: отношений между человеком и социальным изменением) вообще должна стать главной для социальной психологии. И хотя решение этой проблемы в значительной степени выступает как составной элемент новой парадигмы в ее методологическом звучании, оно задает и общую рамку для выявления практических возможностей дисциплины.

Все широко известные формы практического приложения социальной психологии так или иначе сопряжены с реальным объектом ее исследования – изменяющимся обществом и взаимодействием в этом обществе человеком¹⁸. Вопрос упирается в то, пригодны ли десятилетиями разработанные формы и способы прикладных исследований и практических «вмешательств» в новой ситуации, ослепленной радикальными преобразованиями всей системы общественной жизни. Очевидно, что ответ на этот вопрос может быть предложен на двух различных уровнях: на уровне принципиально новых задач по взаимо-

18. Специально решаются эти задачи, в том числе в условиях российского общества сегодня, посвящена работа «Социальная психология в современном мире» под ред. Г.М. Андреевой и А.Н. Давыдова (2002).

отношениях науки и общества и на уровне более конкретных вопросов практического освоения новых областей социальной практики. И в том, и в другом случае речь идет о «социальной релевантности» науки, ибо без этого нельзя говорить о ее практической значимости. Доказательства же прогресса должны быть обнаружены на каждом из этих уровней.

Исходные идеи относительно нового характера взаимоотношений науки и общества содержатся в ряде положений новой парадигмы. Так, у Бергена звучит призыв отказаться от такого краеугольного камня социально-психологической науки, как прогнозирование, и перейти к ее беспрецедентной роли «в качестве катализатора социальной восприимчивости и чувствительности» (Gergen, 1994, p. 49). Необходимость этого обусловлена усложнением социального мира, его глобализацией, в связи с чем человек вынужден осмысливать более широкий круг проблем, сравнивать их решения в различных типах обществ именно это «расширяет диапазон альтернативных действий, приводя к модификации или постепенному изменению поведенческих моделей» (ibid, p. 34). Задаваемая этим новая роль социальной психологии требует радикального пересмотра всего арсенала средств практической работы. Одно из несомненных требований – преодоление традиционного понимания связи «исследование – внедрение» (см.: Шихирев, 1999) по той простой причине, что интервал между исследованием и внедрением может быть достаточно коротким, поскольку реальность, требующая внедрения, может измениться слишком быстро. Внедрение в таком случае окажется запоздавшим, а потому бессмысленным. Как видим, «парадигмальное» требование конструирования реальности в условиях радикальных трансформаций непосредственно диктует принципиально новую стратегию прикладных исследований: акцент сделан на такое качество прикладного исследования, которое должно обеспечить субъекту совладение с упоминаемой действительностью. Показано, что разработка такой новой стратегии – задача не непосредственно практична; она должна быть обеспечена на уровне фундаментальной науки, прежде всего на уровне разработки методологии; и в данном случае необходимость сопряженного рассмотрения всех трех критериев прогресса становится очевидной.

При решении вопроса о практических возможностях науки возникает и еще один поворот проблемы – соотношение не только фундаментальной и прикладной ее частей, но (во всяком случае, в социальной психологии) также фундаментальной науки и решения прямых практических задач. Как было отмечено, такая традиция была

заложена и на более ранних этапах развития социальной психологии, в частности, идей Левина относительно *актив-результат* — «исследователь-действием». Позже в социальной психологии появился термин «вмешательство» (*intervention*), служащий для описания особого вида деятельности социального психолога — не проведения исследований, а *прикладного решения* задачи. Сегодня поэтому принято говорить о существовании не только прикладной, но и *прикладной социальной психологии*. Возрастающее ее роли в эпоху социальных изменений выглядит как важный показатель прогресса науки (Введение в практическую социальную психологию, 1996; Методы практической социальной психологии, 2004).

Вместе с тем, возникает ряд довольно острых вопросов. Один из них касается как раз ответов социальной психологии непосредственно на ситуацию, характерную для каждой отдельной страны. Прогресс науки, по-видимому, в данном случае будет обеспечен лишь при условии решения конкретных задач, предъявляемых обществом. Так, в условиях России сегодня это, прежде всего, вопрос о формах и способах *вмешательства* социальной психологии в процессы общественной жизни и индивидуального существования человека в ситуации *бурных социальных изменений* в тех сферах, где они особенно очевидны (усиление роли СМИ, новые информационные технологии, новые формы управления в организациях, стратегии потребительского поведения в условиях рынка и пр.). Для этого необходима особенно тщательная рефлексия исследователей относительно того, что «может» и что «не может» социальная психология, памятуя о том, что помощь рядовому члену общества «оказаться» в новую реальность зависит не только от психологического воздействия на него, но и от глобальных социальных факторов, которые определяют его существование. В особенности значимое их возрастает в период глобализации, когда сами границы «социального контекста» неизбежно расширяются. Отсюда вытекает необходимость междисциплинарного сотрудничества с другими социальными дисциплинами при разработке стратегий «вмешательства».

С этим связан и второй дискуссионный вопрос: насколько все-таки в этой междисциплинарной стратегии должен быть представлен собственно социально-психологический подход. Вообще проблема доли каждой отдельной дисциплины в междисциплинарных исследованиях является достаточно общей и принципиальной для науковедения и имеет непосредственное отношение к прогрессу науки. В общем плане ее решение представляется достаточно очевидным: в случае слож-

ного объекта овладение им может быть обеспечено одновременными усилиями ряда участников. Но это верно для междисциплинарных исследований. Не случайно знаменитым временем становится отпочкование от социальной психологии все большего и большего количества в прошлом включенных в нее наук: на статус самостоятельных сегодня претендуют и организационная, и этническая, и политическая, и экономическая психология. В каждом случае степень и близость, и «принадлежность» к социальной психологии определяется по-разному¹⁷. Тем не менее, такое «разветвление» науки тоже в определенном смысле служит показателем ее прогресса. Хотя именно в ситуации, когда речь идет не об исследованиях, а о воздействиях, не до конца выясненные границы, в том числе и между отпочковавшимися дисциплинами, порою препятствуют дальнейшему успеху в исследованиях. Как обеспечить междисциплинарные усилия, если способы воздействий («интервенция») особенно различаются в традициях разных наук?

Представляется, что сегодня исчерпывающих ответов еще не найдено, и пока практика строится по принципу «не важно, кто какой вклад вносит, важно, чтобы дело было сделано». Типичный результат — достаточно бесцеремонное (и, увы, часто не профессиональное!) взаимное вмешивание только воздействиями различными дисциплинами друг у друга. Если говорить о социальной психологии, то подобных примеров можно привести сколько угодно. Во всех системах современного консультирования, тренинговой работы, психотерапевтических практик имеет место полное смешение подходов, разработанных не только в разных дисциплинах, но и в совершенно различных теоретических и методологических парадигмах. Как правило, все это выдается за «социальную психологию». В результате возникает видимость ее весьма широкой представленности в практических приложениях, а по существу часто происходит ее дискредитация по той простой причине, что фундаментальные социально-психологические разработки просто не известны конкретному исполнителю, если он не является профессиональным социальным психологом. Происходит процесс «размывания» социальной психологии, ее «растаскивания» по другим областям знания. Что касается традиционно более «старших» разделов психологии, то многих их представителей *вся социальная психология рассматривается как прикладная наука*. Естественно, суждения о прогрессе дисциплины в данном случае оказываются всегда противоречивыми и спорными.

17 См., например: Журавлев, 2004; Стефанова, 2006; Шестина, 2007 и др.

Все сказанное, естественно, не отрицает значимости такого критерия прогресса, как возможности науки решать практические задачи. Однако для достижения безусловных успехов на этом пути, по-видимому, нужна дальнейшая напряженная работа. Возможно, поднятые выше вопросы касаются не только социальной психологии, но и всего содружества психологических дисциплин, и есть основания продумать такой вариант организации науки, когда достаточно четко будет обозначена единая **практическая психология**, в рамках которой будут созданы какие-то общие модели «вмешательства». Тогда идея прогресса должна быть рассмотрена применительно к этой новой дисциплине.

* * *

Резюме, которое можно предложить на основании всего изложенного, сводится к тому, что за столетие своего существования социальная психология достигла значительного прогресса в развитии, побочным продуктом которого является ее «оживление» в другие разделы психологической науки, увы, ложко трактуемая или как утрата социальной психологией своего предмета, как растворение ее в других составных частях психологии, или как изведение ее до уровня лишь прикладной дисциплины. Такая тенденция в интерпретации данного вопроса (во всяком случае, в отечественной социальной психологии) — серьезная помеха дальнейшему прогрессу в этой области знания. Способ избежать подобных трактовок один — более пристальное знакомство с реальными идеями в социальной психологии и признание ее «инаковости» с точки зрения других областей психологии. Опыт развития этой дисциплины на протяжении ста минувших лет дает богатый материал для осмысления данной проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреева Г.М. В поисках новой парадигмы: традиции и старты XXI-го века // Социальная психология в современном мире. М.: Аспект-Пресс, 2002. С. 9–26.
- Андреева Г.М. О социологизации социальной психологии в двадцатом столетии // Социологический журнал. 2003. № 2. С. 12–30.
- Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект-Пресс, 2005а.
- Андреева Г.М. Социальная психология и социальные изменения // Психологический журнал. 2003б. Т. 26. № 5. С. 3–13.

Г.М. Андреева. Итоги столетия (к вопросу о прогрессе в социальной психологии)

- Андреева Г.М.* Становление социально-психологической традиции на факультете психологии // Психология в Московском Университете 1755-2005. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007.
- Андреева Г.М.* Социальная психология. М.: Аспект-Пресс, 2008.
- Андреева Г.М., Богомылова Н.Н., Петровская Л.А.* Зарубежная социальная психология XX столетия. М.: Аспект-Пресс, 2002.
- Андреева Г.М., Швецова А.Ю.* К дискуссии о проблеме группы в социальной психологии // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1998. № 1. С. 41–47.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М.: Аспект-Пресс, 1995.
- Введение в социальную психологию. Европейский подход / Под ред. М. Хьюстона, В. Штрубе. М.: ЮНИТИ, 2004.
- Введение в практическую социальную психологию / Под ред. Ю.М. Жукова, Л.А. Петровской, О.В. Соловьевой. М.: Смысл, 1996.
- Герриг (Джордж) К.* Движение социального конструкционизма в современной психологии // Социальная психология: само-рефлексия и маргинальность. Хрестоматия. М.: ИНИОН, 1995. С. 51–74.
- Грауманн К.* Историческое введение в социальную психологию // Введение в социальную психологию / Под ред. М. Хьюстон, В. Штрубе. М.: ЮНИТИ, 2004. С. 1–22.
- Емельянова Т.В.* Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Журавлев А.Л.* Экономическая психология в контексте современной психологической науки // Проблемы экономической психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.Б. Кутрейченко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. Т. 1. С. 3–24.
- Жюлье Д.* Социальное представление: феномен, концепт и теория // Социальная психология / Под ред. С. Московичи. СПб.: Питер, 2007. С. 372–394.
- Завбардо Ф., Лионе М.* Социальное влияние. СПб.: Питер, 2008.
- Кун Т.* Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975.
- Левинска А.И.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.

- Домашнев Д.А.* Неклассический вектор в современной психологии // Постнеклассическая психология. Социальный конструкционизм и нарративный подход. 2005. № 1(2). С. 51–71.
- Кармалова Т.В., Смирнов С.Д.* Методологические основы психологии. СПб.: Питер, 2006.
- Методы практической социальной психологии / Под ред. Ю.М. Жукова. М.: Аспект-Пресс, 2004.
- Оватория Г.* Личность в психологии. М.: КСП+, 1998.
- Парыгин Б.Д.* Социальная психология. СПб.: ИГУП, 1999.
- Психологическая теория коллектива / Под ред. А.В. Петровского. М.: Педагогика, 1979.
- Росс Л., Нисбем Р.В.* Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. М.: Аспект-Пресс, 1999.
- Социальная психология / Под ред. С. Московичи. СПб.: Питер, 2007.
- Социальная психология в современном мире / Под ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. М.: Аспект-Пресс, 2002.
- Селвин В.С.* От классической к постнеклассической науке (изменение оснований и ценностей ориентаций) // Ценностные аспекты развития науки. М.: 1990. С.152–166.
- Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М.: Аспект-Пресс, 2006.
- Стефаненко Т.Г.* Социальная психология в культурно-исторической перспективе // Социальная психология в современном мире. М.: Аспект-Пресс, 2002. С. 27–41.
- Управление персоналом / Под ред. Т.Ю. Базарова, Б.Л. Еремина. М.: ЮНИТИ, 2004.
- Харре Р.* Вторая когнитивная революция // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 2.
- Шестонал Е.Б.* Политическая психология. М.: Аспект-Пресс, 2007.
- Шварцев В.И.* Современная социальная психология в западной Европе. М.: Наука, 1985.
- Шварцев В.И.* Современная социальная психология. М.: Академический Проект, 1999.
- Хреман А.В.* Социальная психология науки. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2004.
- Яковлева Е.В.* Социальное конструирование реальности: социально-психологические подходы. М., 1999.

Г.М. Андреева. Источники статистики (к вопросу о прогрессе в социальной психологии)

- Зиндлерский М.Г. Психология в XX столетии. М.: Изд-во политической литературы, 1974.
- Augustinus M., Walber J. Social Cognition. An Integrated Introduction. London: SAGE, 1995.
- Crosby M. Introducing Narrative Psychology. Buckingham: Open University Press, 2000.
- Demar K., Dane F.S. Social Psychology in the 90s. Belmont: Brooks / Cole Publishing Company, 1993.
- Deutsch M., Krauss R. Theories in Social Psychology. N.Y., 1965.
- Daise W. Levels of Explanations in Social Psychology. Cambridge, 1986.
- Farr R. The Roots of Modern Social Psychology. Oxford: Blackwell, 1996.
- Fiske S., Taylor S. Social Cognition. N.Y., 1984.
- Gergen K. Realities and Relationships. Soundings in Social Construction. N.Y., 1994.
- Gergen K. An Invitation to Social Construction. London: SAGE, 1999.
- Haare R. The Ethogenic Approach: Theory and Practice // Advances in Experimental Social Psychology / Ed. by L. Berkowitz. N.Y.: Academic Press, 1977.
- Jodelet D. Representation Sociale: un Domaine en Expansion // Le Representation Sociale. Paris, 1999.
- Lindsay G., Aronson E. (Eds.). The Handbook of Social Psychology. N.Y.: Reading, 1968.
- McGuire W. Social Psychology // New Horizons in Psychology / Ed. by E. Dodwell. London, 1972.
- Moscovici S. Society and Theory in Social Psychology // The Context of Social Psychology. N.Y., 1972.
- Moscovici S. Phenomenon of Social Representations // Social Representations / Ed. by R. Farr, S. Moscovici. Paris, 1984.
- Tajfel H., Turner J. (eds.) The Context of Social Psychology. N.Y., London, 1972.
- Tajfel H., Turner J. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Psychology of Intergroup Relations. Chicago, 1986.
- Zinadze B. Psychology and Cultural Analysis // Journal for the Theory of Social Behavior, 1975, V. 5, № 1.
- Wrightman L. Social Psychology in the Seventies. Belmont: Brooks / Cole Publishing Company, 1973.

ПРОГРЕСС В ПОНИМАНИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ: СОЦИОКУЛЬТУРНО- ИНТЕРДЕТЕРМИНИСТСКАЯ ДИАЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

В.А. Яичев

Ситуация перманентного кризиса (схизиса и т.д.), в котором находится социальная наука в целом и психология в частности, сопровождается многократными самоуспокоительными декларациями на различного уровня научных форумах о прогрессивных тенденциях «за отчетный период» (наглядным свидетельством чему является недавно прошедший в Берлине XXIX Всемирный психологический конгресс), не вызывающей однозначной уверенности в наличии этого кризиса в реальности. Тем не менее, обозначенная проблема носит во многом судьбоносный характер для поддержания авторитета обсуждаемой области знания как в научном сообществе, так и общественном сознании. Если область научного знания «не прогрессирует», то ее статус становится в общественном сознании сомнительным. Если область знания является специфичной по отношению к конституированному в научном сообществе, то ей приходится предлагать специальные усилия для утверждения собственного права на существование в собрании обладающих таковым научных дисциплин. В силу названных обстоятельств само вынесение проблематики прогресса в психологии на суд научной общественности является необходимым, но и, одновременно, весьма ответственным актом в силу его возможных негативных последствий.

ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРОГРЕССА В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

Сегодня можно с достаточной степенью ответственности обсуждать проблему адекватности понятия «прогресс» применительно к научному знанию в целом, что выражается в многочисленных дискуссиях по

данному поведению и наличии диаметрально противоположных оценок. Как отмечает в этой связи А.В. Коротаев, «в западной социологии и социальной антропологии понятие прогресса исчезло практически полностью из академических текстов, но оно, похоже, продолжает достаточно активно употребляться в нашей науке» (Коротаев, 2003, с. 6–7), ссылаясь, в частности, на работы А.П. Назаретяна (1991, 1995). Автор считает, «что это можно только промететьствовать, ибо через это понятие в нашу науку (душкой и в скрытом виде) продолжают проникать два очень важных понятия, табуированных в современной науке, пожалуй, в еще большей степени, чем слово прогресс» (там же), имея в виду понятия «добро» и «зло».

Так стоит ли обсуждать проблему научного прогресса в психологии, если и в более устоявшихся и определенных областях науки сложилась такая неопределенность? На мой взгляд, стоит, при условии понимания многозначности и многогранности его содержания, учитывая характер и самого научного знания, включающего в качестве своего агента сообщества ученых, использующих научные методы его производства.

В контексте науки как таковой, включающей различные аспекты, а именно: социальные институты, исследователей, процесс исследования, его методы и научное знание в целом, понятие прогресса может быть определено по отношению к каждому из них. Следовательно, как отмечает I. Niiniluoto, можно выделить различные типы прогресса: экономический (увеличение финансирования науки), профессиональный (рост статуса ученых и их академических институтов в обществе), образовательный (рост умений и экспертных возможностей ученых), в области методов (изобретение новых методов исследования, усовершенствование научных инструментов) и когнитивный (рост или развитие научного знания) (Niiniluoto, 2008). Применительно к психологическому знанию этот перечень можно было бы дополнить аспектом человеческим, характеризующим развитие знания о его био-психо-социальной сущности. Причем роль этого человеческого фактора все возрастает не только по отношению к развитию научного познания, но и по отношению ко всему тому, что связано с активностью человека и его взаимодействии с социальным и природным окружением, изучением чего, по идее, и призвана заниматься психология, интегрируя в рамках своего предмета и «душу», и «тело», и все то, что связано с их бытием-в-мире.

«Прогресс» – это психологическое или нормативное понятие, которое следует отличать от таких нейтральных описательных

категорий, как «замкнутые» или «развитые», следовательно, оно должно прояснять ценности и нормы, которые могут быть использованы в качестве конституирующих критериев «настоящей науки». Определение прогресса должно давать нам нормативный стандарт оценки выбора, permanently совершенного научным сообществом. «Прогресс» является понятием, предполагающим ориентацию на результат и заинтересованность в успехе в достижении определенной цели. Но если рассматривать науку как предприятие по поиску знания, нельзя однозначно утверждать, что цель ее одномерна. По замечанию Леви, наши цели являются скорее «множественными», нежели «мессианскими»: конкретная цель, которую мы надеемся достичь в процессе нашего исследования, может быть переопределена «локально» относительно каждой проблемной ситуации. Более того, в дополнение к множественности возможных целей может существовать и множество путей их достижения (Levi, 1985).

Отдельное место в рассуждениях о научном прогрессе занимает вопрос о его критериях. Традиционные философские теории прогресса предлагают абсолютные критерии, такие как способность решать проблемы или приближение к истинному знанию (*truthfulness*), примененные ко всему развитию научного мышления на протяжении его многовековой истории. При высокой обоснованности и логичности данных критериев сложность возникает с определением степени решаемости и решаемости проблем, а еще больше — с приближением к истинности знания, оценка которого, в свою очередь, является не менее дискуссионной проблемой хотя бы в контексте наличия многочисленных концепций истины (дескриптивная, догматическая, когерентная, корреспондентная, прагматическая, феноменологическая и др.).

Подходы к оценке способности теории решать проблемы, равно как возможности ее приближения к «истинному знанию», существенно менялись в культурно-историческом контексте. Поэтому для понимания прогресса в научном познании, на мой взгляд, полезно обратиться к понятию «культурно-научная традиция», использование которого помогает оценить динамику представлений о мироустройстве на протяжении эпох. Эти представления актуализируются в индивидуальном и общественном сознании в виде конкретных знаний о сути наблюдаемых процессов и явлений и способах обращения с ними. В целом можно говорить о том, что культурно-научная традиция представляет собой, цитируя Н.И. Ильина, «многоликий и динамически подвижный в зависимости от исторического, социального и национального контекста комплекс философских, эпистемологических,

научно-теоретических и эмоционально-эстетических представлений, ...характеристику определенного менталитета, специфического способа мировосприятия, мироощущения и оценки как познавательных возможностей человека, так и его места и роли в окружающем мире» (2001, с. 206). С определенной долей условности можно выделить синкретическую, теонатрическую, модернистскую, постмодернистскую и, в перспективе – пост-постмодернистскую традиции, обоснование и описание особенностей которых уже давалось мною ранее (Яичук, 2005, с. 34–38). Следует отметить, что смена этих традиций в ходе общего прогресса человеческой культуры происходила под влиянием, с одной стороны, осознания исчерпанности их эвристического потенциала, а с другой – появления новых идей, таковым обладающих. Применительно к эволюции психологического познания она может быть проиллюстрирована сменой исследовательских метафор – от биологического стимульно-реактивного «черного ящика» к когнитивистскому «интеллектуальному компьютеру» и т.д.

В контексте обсуждаемой проблемы можно констатировать, что критерии решаемости проблем и приближения знания к истинности соответствуют модернистскому универсализму, подвергнутому жесточайшей критике постмодернистами. Эта критика представлена мною в отдельной работе (Яичук, 2003). Здесь же мне хочется констатировать вполне убедительное обоснование постмодернистами торжества многообразия как двигателя прогресса, воплощенного в форму антиуниверсализма. Обоснованность полезности многообразия для углубления познания психологической феноменологии ранее была показана мною на примере проблем предмета (Яичук, 2006), метода (Яичук, 2005; 2007) и объяснения (Яичук, 2008). вполне уместным в этой связи представляется выдвигание в качестве критерия научного прогресса *расширение и дробление представлений о природе и сущности психологической феноменологии, а также создание новых методов и средств, ему способствующих, приводящих к росту осознания сложности и многополярности объяснений и понимания феномена человека*. В контексте обсуждаемой А.В. Юреничем (2008) так называемой технологической парадигмы вполне возможно выдвигание еще одного критерия: *роста меланхоличности и прикладных возможностей психологического знания и творчества*.

Претерпелет наименование и само понимание научного познания. По мнению известного методолога науки В.С. Степанова, оно «начинает рассматриваться в контексте социальных условий его бытия и его социальных последствий как особая часть жизни общества,

детерминированная на каждом этапе своего развития общим состоянием культуры данной исторической эпохи, ее ценностными ориентациями и мировоззренческими установками. Осмысливается историческая изменчивость не только онтологических постулатов, но и самих идеалов и норм познания. Соответственно разрабатываются и обогащаются содержание категорий “теория”, “метод”, “факт”, “обоснование”, “объяснение” и т.д.» (Степин, 2000, с. 632). Следовательно, в понимании прогресса или регресса должно также учитывать обозначенный контекст, выходя за рамки одномерной локальности, и дополняться еще и осмыслением роли самого субъекта познания, который традиционно выносится за скобки обсуждения проблемы научного прогресса, но принимает самое непосредственное участие в его осуществлении.

В.С. Степин выделяет три крупные стадии исторического развития науки, сопрягая их с тремя типами рациональности – *классическая рациональность* (соответствующая классической науке в двух ее состояниях – дисциплинарном и дисциплинарно-организованном); *неклассическая рациональность* (соответствующая неклассической науке) и *постнеклассическая рациональность* (там же, с. 633). Отличительной особенностью последней является включение в предмет научного познания не только объекта и средства его изучения, но и субъекта познания. Принципиальное отличие этой стадии развития науки от предыдущих заключается в признании того, что и научное знание в целом (включая естествознание) в существенной степени субъективно и социально детерминировано. Так как субъект научного познания оказывает на него влияние, то оно неизбежно приобретает характер социально-конвенционального, а не объективного в подлинном значении этого понятия, т. е. независимого от исследователя. Изучением же субъекта познания как раз и занимается (или должна заниматься) психология, отражая на своем примере изменения во взглядах на природу внутренней психической активности, проявляющейся в наблюдаемом поведении, на протяжении человеческой истории и тем самым прогрессируя. Сам факт включения субъекта в процесс научного познания в качестве имплицитного элемента уже является косвенным подтверждением прогрессивного влияния психологического знания.

Позиционируюсь в определении прогресса в научном познании, считаю возможным констатировать следующее:

1. Обсуждение проблемы прогресса в психологии является полезным, по крайней мере, для отечественной традиции в контексте

рефлексии ее современного состояния, места в мировой системе психологического знания и определения перспектив развития.

2. Понятие прогресса многоаспективно и многомерно, что обуславливает необходимость его дифференцированного рассмотрения в связи со спецификой анализируемых контекстов.
3. Прогресс носит культурно-исторический характер, требуя при вынесении оценочных суждений учета особенностей настоящего в его сравнении с прошлым и с гипотетическим будущим.
4. Критериями прогресса могут выступать расширение и углубление представлений о природе и сущности психологической феноменологии, а также создание новых методов и средств, ему способствующих, наконец, рост технологичности и прикладных возможностей психологического знания и практики.
5. Психологическое знание имеет особый статус в силу его субъектного характера, предполагающего своеобразную «остраненность» в отношении самого себя (понятие, введенное В. Шкловским для обозначения состояния, лишённого эмоциональных блокировок, непредвзятой оценки происходящего) как субъекта и объекта научного познания.

ПРОБЛЕМА ОСОБОГО СТАТУСА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Как уже отмечалось выше, отличительной особенностью психологии является качественная специфичность объекта исследования — одновременно выступающего и объектом и субъектом научного познания. Ранее присущая психологической науке тенденция упорно закрывать глаза на эту субъектность сопровождалась верой в безграничные возможности позитивистской методологии, якобы позволяющей получать объективное универсальное знание, в том числе и о функционировании психики.

Характерную отличительную особенность развития психологической науки эпохи модернизма, К. Герген выделяет четыре пересекающиеся предвосхища, лежащие в основании позитивистски ориентированной психологии (Gergen, 1997, p. 19–20):

- 1) вера в познаваемость мира, требующая от каждой дисциплины определения границ поиска и области миропознания, составляющей предмет исследования;

- 2) представление об универсальности свойств мира, предполагающее наличие принципов, возможно, законов, которые могут быть открыты в предмете исследования;
- 3) вера в возможность постижения истины посредством метода, выражающаяся в убеждении, что, используя эмпирические методы и особенно контролируемый эксперимент, можно получить строгое истинное знание о природе предмета исследования и причинных связях, в которые он включен, и что результаты использования такой методологии исключительны;
- 4) вера в прогрессивную природу исследования, предполагающая, что в результате применения эмпирических методов к предмету психологического исследования мы все больше приближаемся к фундаментальности. Неверные представления устраняются, и мы продвигаемся к установлению надежной, ценностно-нейтральной истины о различных сегментах объективного мира.

Еще более жесткая критика модернистской психологии дается J. Shotter, анализирующим перспективы развития психологии в контексте необходимости изменения позиции и характера психологического исследования, предполагающего переход с позиции отстраненного, «обособленного проверяющего теорию соискателя, к позиции заинтересованного, интерпретирующего, проверяющего процедуру, включенного наблюдателя»; от «одностороннего стиля исследования к двусторонней интерактивной модели» (Shotter, 1997, p. 58). Он конкретизирует эту мысль следующим образом: «вместо образа (a) «мышления как (пассивного) зеркала природы», (b) «знания как точной репрезентации» и «исследователя как внешнего наблюдателя» предлагается ряд других образов: образ (a) ученого как одного из членов сообщества «действующих велтугов» людей, исследующих собственное окружение, используя стек или другие подобные рода инструменты; (b) для которых знание значимо как средство обращения с ним, познания о происходящем вокруг, коммуницирования друг с другом; и (c) рассматривающих мышление как истинно «создающее смыслы» в отношении инвариантных свойств, открываемых при помощи инструментально обеспеченных исследований собственного окружения – изменения с познания посредством «наблюдения за», на познание посредством нахождения «в контакте или сопряженности с» изучаемым феноменом» (там же).

Конечно, и сейчас в фундаментальной психологической науке по-прежнему доминирует стремление приблизиться к истинному

знанию модернистского толка, в том числе и в области открытия универсальных законов психики. Наглядным свидетельством этому является содержание многочисленных психологических журналов, представляющих бесконечное море результатов локальных экспериментов, почти не расширяющих и, тем более, не углубляющих понимание внутренней природы человека и отнюдь не способствующих прогрессу психологического знания.

Создается впечатление, что история психологии по-прежнему почему-то не учит. Не извлекла она уроков из влета и падения биохвизма с его стремлением к открытию универсальных законов поведения и собственно придавшим психологическому знанию позитивистский характер в борьбе с интроспективной субъективностью во имя обретения психологией статуса «чистой академической науки» и добившегося этого посредством популяризации прикладного психологического знания в обществе, формируя в его сознании нереалистичные ожидания в отношении получения универсальных средств решения всех проблем посредством психологических рекомендаций и технологий. Не делает она выводов и из того факта, что в естественнонаучном аспекте практически ничего не дала для прогресса научного познания, заимствуя достижения и исследовательские метафоры из других областей знания. В частности, достижения кибернетики и развитие компьютерной техники привели к так называемой «когнитивной революции» в психологии, использующей метафоры не психологические, а все те же естественнонаучные. Новое дыхание такая традиция «известель в известе» получала в связи с открытием генома и достижениями нейробиологии. Это и послужило основанием для доминирования в ответах 30 крупных европейских психологов на вопросы журнала «European Psychologist» в преддверии XVIII психологического конгресса суждений об огромном влиянии достижений геноетики на психологию. В этой связи следует заметить, что достижения геноетики отнюдь не связаны с достижениями психологии, которая все еще никак не определяется в своем предмете и месте под солнцем, забывая о том, что ее высокий статус в общественном сознании скорее связан с успехами в решении практических проблем, нежели с достижениями академическими. И можно бесконечно доказывать свою приверженность монизму, обвиняя в методологической безграмотности и безнечности плюралистов как идеологических врагов (Соколов, 2006, с. 107), правда, демонстрируя в свою несведетельность в том, что не менее весомы аргументы дуализма, эмерджентизма и того же онтологического плюрализма (см., например: Яцук, 2005).

Можно психику сводить к деятельности мозга, можно предпринимать и другие методологические ходы, оставая за скобками вопрос о прогрессе психологического знания как такового и о его специфике как области знания, претендующей на статус самостоятельной науки и на собственные исключительные роль и вклад в прогресс общечеловеческой науки и культуры. В этой связи следует напомнить, что само выделение психологии как области знания этимологически связано с понятием «психе» – душа – внутренний мир человека, но эта область в последующем, в силу некоторых историко-культурных обстоятельств, свелась к психике как свойству высокоорганизованной материи, не требующему приваивки к реальному человеку и его бытийной практике, а также о том, что в психологическом знании существуют альтернативные трактовки внутреннего мира человека в его взаимосвязи с внешними проявлениями.

Не претендуя на обладание правом на истину в последней инстанции в дебатах о примате естественнонаучной или гуманитарной парадигм в психологии, говоря о том, что существуют и другие, в частности, позитивистская, критическая, социально-конструктивистская, появившиеся на более строгим методологическом фундаменте (Янгук, 2006; 2007), следует напомнить в этой связи, что еще В. Дильтей отмечал: «Первейшим отличием наук о душе от естественных служит то, что в последних факты даются внешне, при посредстве чувств, как единичные феномены, между тем как для наук о душе они непосредственно выступают изнутри, как реальность и как некоторая живая связь. Отсюда следует, что в естественных науках связь природных явлений может быть дана только путем дополняющих заключений, через посредство ряда гипотез. Для наук о душе, наоборот, вытекает то последствие, что в их области в основе всегда лежит связь душевной жизни, как первоначально данное. Природу мы объясняем, душевную жизнь мы постигаем» (Дильтей, 1996, с. 15). В последние годы эта вечная констатация все чаще воспроизводится в работах различных авторов, анализирующих проблематику качественного отличия психологической феноменологии. Абстрагируясь от разного рода авторских вариаций на данную тему, можно вполне обоснованно констатировать наличие выраженного контраста в отношении того, что эта качественная специфичность психологической феноменологии выражается в ее культурной интердетерминированности. Претензии психологии на изучение интернализации, трансформации, актериализации культуры и ее проявлений в миропонимании и взаимодействии с социальным и природным миром мне кажутся

более перспективны по сравнению с пока явно безуспешным соперничеством с биологической наукой в ее областях, занимающихся изучением активности мозга.

Этот вывод кажется обоснованным еще и в силу того, что достижения отечественной психологии в западном психологическом сообществе связываются как раз с культурно-историческим подходом (Л.С. Выготский) и идеями диалогизма (М.М. Бахтин). Все прочие достижения отечественной психологии известны очень узкому кругу специалистов и не получали должной представленности за рубежом — факт, бывающий по самолюбию, но легко статистически подтверждаемый при обращении к библиографическим спискам серьезных (и не-серьезных) научных психологических изданий.

Так как и культура, и социальная феноменология сами по себе являются продуктами активности человека, то в обозначенном контексте знакомым является вывод Э. Кассирера о том, что ключом к постижению природы человека является символ: «У человека между системой рецепторов и эффекторов, которые есть у всех видов животных, есть и третья звено, которое можно назвать символической системой. Это новое приобретение целиком преобразовало всю человеческую жизнь. По сравнению с другими животными человек живет не просто в более широкой реальности — он живет как бы в новом измерении реальности. Человек живет отныне не только в физическом, но и в символическом универсуме. Язык, миф, искусство, религия — части этого универсума, те разные нити, из которых сплетается символическая сеть, сложная ткань человеческого опыта. Весь человеческий прогресс в мышлении и опыте уточняет и одновременно укрепляет эту сеть. Человек уже не противопоставит реальности непосредственно, он не сталкивается с ней лицом к лицу. Физическая реальность как бы отдаляется по мере того, как растет символическая активность человека» (Кассирер, 1988, с. 28–29). Еще ранее эта идея была обоснована в работах символических интеракционистов (Кули, Мид, Блумер и др.), показавших не просто символическую опосредованность социальной активности, но и ее интерактивный характер, проявляющийся в том, что значения, определяющие интерпретацию происходящего, конструируются в процессе совместной активности и реализуются в символической форме. Таким образом, психологическая феноменология обладает символической природой, и ее продуктом и содержательным насыщением является культура. Следовательно, и изучаться она должна в контексте культурной интердетерминированности и на иных по сравнению с физической природой методологических основаниях.

Подчеркнуто выделенное ссылкой на мнение одного из авторитетнейших зарубежных психологов Шоттера, вынужденного о том, что психологическая наука должна изменить свою исходную позицию, пересмотрев как исследовательскую процедуру, обязанную включить в плоскость рассмотрения точность и континуальность феноменологии, так и способы легитимизации обретенного знания, предполагающие изменение отношения к эпистемологическим переживаниям. В более детализированном виде это изменение должно предполагать переориентацию (Shotter, 1997, p. 59):

- 1) от теории к практике, от теоретизирования к практическому обеспечению, инструктивному описанию;
- 2) от заинтересованности в обстоятельствах к заинтересованности в активности и использовании «мыслительных средств» или «психологических инструментов» собственного изобретения;
- 3) от изучения того, что происходит в головах индивидов, к возрастанию интереса к познанию природы окружения (в большей части социального) и к тому, к чему оно может приводить, что позволяет или чему способствует;
- 4) переход от процедур, используемых кем-либо, к согласованию, диалогу друг с другом;
- 5) от исходной позиции отражения (когда поток взаимодействий приостанавливается) к локальным исходным точкам, вписанным в исторический поток социальной активности в повседневной жизни;
- 6) от языка репрезентации реальности к его роли как координатора многообразия социальных действий, с его репрезентативной функцией, реализующейся в лингвистически конституированных социальных отношениях;
- 7) от доверия нашему жизненному опыту как основе познания мира к рассмотрению социальных процессов его конструирования; и, что наиболее важно, от исследования, основанного на фундаменте, несомненно принимаемом как авторитетный – провозглашающий приемлемость результатов вне времени, – к образцам исследования, предполагающим возможность коррекции ошибок, обусловленных локальными ситуациями и обстоятельствами.

Очерчивая горизонты психологической науки будущего, Шоттер подчеркивает: «Таким образом, мы уходим от индивидуалистской, третьесторонней, внешней позиции соприкасающегося наблюдателя, исследователя, коллекционирующего фрагментарные данные с социально

«сторонней» позиции наблюдения за реализующейся активностью, соединяющего пробелы между фрагментами при помощи изобретательного воображения теоретических категорий, к более интерпретационному подходу, уходим от утверждения (конечно, имеющего над собой некоторые основания), что во существе незаблюдаемые, субъективные сущности, предположительно анутраличностные, все же существуют, к моделям герменевтического мышления; от теоретических к более практическим интересам, связанным с вспомогательными средствами и способами, неизбежно применяемыми нами при проведении исследований» (Shotter, 1997, p. 68).

Осознание проблемы сложности прогрессирования психологического знания в условиях многообразия подходов обуславливает поиск соответствующих механизмов взаимообогащения и взаиморазвития субъектов создания научного знания. Для этих целей представляется полезным привлечение подхода диалогической лингвистической коммуникации М.М. Бахтина. М.М. Бахтин подчеркивает, что «идея интерсубъективна и интересубъективна. Идея – это живое событие, разыгрывающееся в точке диалогической встречи двух или нескольких сознаний» (Бахтин, 1994, с. 294). Следовательно, и понимание также носит диалогический характер. Значение не скатывается, не отражается, а формируется и уточняется в диалоге участвующих в процессе взаимного познания и понимания людей, направленного на выработку совместных решений с учетом взаимного потенциала участвующих сторон. Без взаимопонимания нет ни взаимообогащения, ни взаиморазвития, достижение которых ставится возможным только через диалог и посредством диалога.

Учитывая конвенциональный характер современного знания, оно должно быть диалогическим по своей природе. Это требует изменения исследовательской методологии: от интраспективной (методология первого лица, основывающаяся на самонаблюдении) через экстраспективную (методология третьего лица, основывающаяся на отстраненном, опосредованном наблюдении) к диалогической (методология второго лица). Последняя предполагает активной, субъект-субъективный характер взаимодействия исследователя и последующего, направленного на взаимопровершение адекватности сформировавшегося поля разделяемых значений. Примерами такого рода диалогических методологий являются нарративная методология, этнографические и совместные исследования (Gergen, Gergen, 1997, p. 34).

Еще одной прогрессивной тенденцией в развитии психологического знания является осознание его внешне интердетерминистского

характера. В первую очередь, это обусловлено тем, что любое объяснение и понимание психологической феноменологии, осуществляемое в системе мультипарадигмальных координат, вклинно предполагает взаимодействие и взаимовлияние всех задействованных факторов и систем интеракций. В этой связи нельзя оставить без внимания прагматику взаимного детерминизма или интердетерминации А. Бандуры, представленной им в одной из наиболее фундаментальных работ XX в. «Социальные основания мышления и действий» (Bandura, 1986), в которой он формулирует основные принципы метатеории человеческого поведения, впоследствии положенные в основание активностной теории человеческого развития, адаптации и психического (Bandura, 2006). Анализируя известную формулу К. Левина $B = f(P, S)$, описывающую поведение как функцию от личности и ситуации, автор обосновывает их отношение взаимозависимости. Применительно к обсуждаемому контексту это означает, что прогресс в понимании психологической феноменологии предполагает акцентирование внимания, наряду с социокультурно-интердетерминированным контекстом, и на личностных особенностях субъектов научного познания, и на характере их активности, находящейся в отношении взаимозависимости или интердетерминации. Такого рода взаимоотношения определяют не только специфику представленного в объяснении упорядочивания психологической феноменологии, но и сформировавшиеся модели объяснения и понимания, а также способы их канализации.

Понимание необходимости выработки критериев оценки адекватности и путей согласования разноголосых объяснений, т. е. их интеграция, приводит к осознанию того, что она становится возможной только в диалоге и посредством диалога, открытого другим голосам. Открытость другим голосам является основополагающим свойством толерантного и плюралистичного сознания, являющегося высшим достижением современной цивилизации, что становится особенно важным для текущего постнеклассического состояния научного знания, характеризующегося включением в предмет рассмотрения его субъекта, являющегося членом сообщества и неизбежно проципирующего его состояние на научное объяснение.

Итак, позиционируясь в отношении статуса научности и прогрессивности психологического познания, отметим следующие основные моменты:

1. Особый статус психологической науки обусловлен ее субъект-объектной ролью в научном познании, проявляющейся в научении

особенностей самого субъекта научного познания, одновременно пребывающего в качестве его объекта.

2. Прогресс в психологическом познании обусловлен его ориентированностью на использование достижений науки и культуры для углубления понимания внутренней природы человека как субъекта познания и самопознания в их преломлении во взаимодействии с окружающей социальным и природным миром.
3. Магистральная линия прогрессирования психологического знания связана с изучением культурно-исторической динамики развития психологической феноменологии, приводящей к повышению возможностей, оптимизации и гармонизации взаимоотношений человека как социальной сущности в его взаимодействии с окружающим миром.
4. Необходимым условием прогресса в понимании психологической феноменологии является осознание интердетерминистского характера взаимодействия всех определяющих ее уникальных факторов, сопровождаемое формированием конвенционального знания динамического свойства посредством механизма диалога.

СОЦИОКУЛЬТУРНО-ИНТЕРДЕТЕРМИНИСТСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА В ОЦЕНКЕ ПРОГРЕССА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Анализ проблемного поля развития психологического знания, его механизмов и критериев прогресса является предметом научных исследований автора на протяжении последних десяти лет, нашедших свое выражение в ряде публикаций (Ягчук, 2000–2008). Исходно этот анализ был направлен на прояснение ряда фундаментальных вопросов, связанных с состоянием современного психологического знания: почему в нем существует многообразие подходов и интерпретаций; почему не находится оснований интеграции психологического знания в целостную систему; почему при наличии множества исследовательских методологий проблемы не находят исчерпывающих решений; наконец, существуют ли возможности и механизмы развития психологического знания в условиях многообразия подходов и решений?

Эти исходные посылки легли в основание разработанного авторского интегративно-диалектического подхода к анализу психологической феноменологии в условиях существующего многообразия традиций (Ягчук, 2000; 2001). В его рамках обосновывалась необходимость

достижения природы психологической феноменологии через сопровождаемую критической рефлексией интегративную электизацию различных традиций, подходов, логик и инструментов, при сохранении их автономии в последующем развитии.

Суть подхода заключается в многоплоскостном, поливекторном, разномасштабном анализе, создающем возможность качественного «инсайтирования», предполагающего включение в плоскость анализа аспектов множественности, диалогичности, диатроичности изучаемого феномена. Способность встать на позицию оппонента, включение в конкуренцию идей, критическая рефлексия, критическое позиционирование предоставляют возможность острого анализа, превращающегося в силу один «сечный двигатель» прогресса знания. Речь идет не об интеграции, неизбежно порождающей тенденцию к монополизированию истины со всеми вытекающими последствиями, а именно о свободном оперировании равноплоскостным, разномасштабным знанием, связанным с наиболее продуктивно работающими в проблемной области традициями и их инструментарием. В рамках подхода обосновывается необходимость смены односторонней логики или/или, верно/неверно, лежащей в основании классической рациональности, на постнеклассическую многомерную логику и/и, создающую основания для диалога и объединения ресурсов всех участвующих сторон на пути углубления представлений о природе и своеобразии психологической феноменологии.

Методологический фундамент интегративной электики составляет понятия поливариантности истины, онтологического плюрализма, диалогичности и диатроичности (Яцук, 2004, с. 312–313). Интегративная электика предполагает привлечение к анализу нашедших и достигших тех традиций, тех подходов, которые наиболее продуктивно работают в конкретной феноменальной области с последующей возможностью диффузии инсайтов и идей, их критической рефлексии через альтернативное позиционирование, способствующее преодолению парадигмальной и авторской предубежденности, и на этой основе – продвижению к более глубокому постижению исследуемого феномена, переходу на более высокий уровень обобщения за счет рассмотренных теоретических построений разных порядков сложности.

В дескриптивной концепции истины процесс установления истинности рассматривается как особый тип философской рефлексии над результатами сравнения разных видов знания и практик, традиций и типов рациональности, разных миров и проблем в том «свободном пространстве» поиска интегрального гносеологического процесса.

когда плюрализм истинных результатов сочетается с осознанием их ограниченности и условий дополняемости (Касавага, 1990). В этой интерпретации истины представлен тонис психологического плюрализма. Применительно к развитию психологического знания подобная рефлексия, осуществляемая через равноправный диалог альтернативных традиций, свободный от предубеждений друг относительно друга, приводит, во-первых, к продолжению доминанты абсолютной истины собственных предпочтений, во-вторых, к рефлексивной идентификации с правомерными рассуждениями партнера, наконец, в-третьих, к нахождению точек соприкосновения и пересечения подходов и позиций, создающих возможность совместной проработки идей и решений на более продуктивном диалогическом основании.

Онтологический плюрализм предостигает возможность существования разных типов реальности, что уже само по себе освобождает воображение исследователя от сковывающих рамок одномерности. Признание наличия разных реальностей (биологическая, символическая и рефлексивная как базовые), отличающихся качественно и требующих разных исследовательских методологий, создает основания для, во-первых, обсуждения вопросов их соотношения и сопряжения друг с другом; во-вторых, разграничения круга и компетенции последующих аспектов при обсуждении их соотношения с целью — социальным бытием личности и ее окружения; в-третьих, рассмотрения вопросов концептуально-критериальных оснований научности и их возможных вариаций применительно к исследуемым типам реальности в связи с их спецификой.

Диалогика (Библер, 1991) обосновывает необходимость привлечения разных логик к процессу глубокого постижения психологической феноменологии. Диалог разных традиций, разных взглядов и подходов, их инструментальных ресурсов способствует расширению горизонтов видения и изучения проблемных областей, преодолению парадигмальной и личностной предубежденности, нахождению новых решений и перспектив развития.

Наконец, диатропика (Чайковский, 1990) предоставляет фундамент многообразия форм существования и проявления жизни. Диатропика парадигмальных координат, культурных и субкультурных миров, наконец, индивидуальных миров личности и ее окружения позволяет создать необходимые основания для определения оптимального соотношения идеографии и номотетики в психологическом исследовании, признания уникальности индивидуальности столь же значимой, как и человеческой природы вообще.

Интегративная электика предлагает механизмы развития психологического знания, в качестве которых выдвигаются парадигмальное позиционирование, интегративно-электический диалог альтернативных традиций и критическое рефлексивное позиционирование (альтернативный круг).

Парадигмальное позиционирование предполагает четкое определение исходных позиций, которых придерживается исследователь, включающее определение онтолого-эпистемологических оснований, способа теоретизирования и метода исследования с фиксацией их возможностей, ограничений и сферы экстраполяции результатов. Оно позволяет налаживать продуктивный межапарадигмальный диалог, освобождая оппонентов от необходимости доказательства того, что предлагаемый подход является единственно верным и универсальным. Позиционируя подход, констатируя его потенциал и ограничения, исследователь получает возможность свободного сопоставления собственной позиции с позицией оппонента, при принятии правомерности наличия таковой, как обусловленной исходно выбранной системой исследовательских координат.

Интегративно-электический диалог альтернативных традиций предполагает максимальное использование его возможностей: он позволяет расширить представления о подходах и исследовательских методологиях, применяемых в изучении избранного проблемного поля. Этот диалог предполагает включение механизмов идентификации, эмпатии и рефлексии как условий понимания оппонента и налаживания продуктивного взаимодействия с ним, подчиненное общей цели – углублению представлений о сути изучаемого и обсуждаемого феномена, нахождению путей и способов сотрудничества.

Подтверждением возможности и пользы такого рода межапарадигмального диалога альтернативных традиций является обоснованный Л. Лауданом философский принцип разрешения разногласий: «...разногласия о фактическом следует разрешать на методологическом уровне; методологические разногласия следует улаживать на аксиологическом уровне» (Лаудан, 1996, с. 313). Отмечается она и Перриным, одним из ведущих персонажей современности, подчеркивающим: «Вместо того, чтобы рассматривать классический, корреляционный и экспериментальный подходы как конкурирующие, мы можем воспринимать их как взаимодополняющие пути получения новых insights о поведении человека, каждый из которых потенциально информативен для другого» (Perrin, 1996, p. 310).

Критическое рефлексивное позиционирование, реализующееся через рефлексивную идентификацию с альтернативными позициями, создает основание для расширения горизонтов видения проблемной области, снижения парадигмальной и личностной предубежденности, фиксации исходных парадигмальных координат и связанных с ними ограничений. Рефлексивное позиционирование создает предпосылки для острого взгляда на выстроенную объяснительную версию, преодоления эмоциональных блокировок, связанных с влиянием собственных исследовательских приоритетов, наконец, эмоций и чувств в отношении окружающих людей как носителей соответствующего знания и занимающих определенную исследовательскую позицию.

Эти механизмы реализуются в ряде необходимых условий, обеспечивающих повышение потенциала продуктивности научного исследования:

- Четкое определение парадигмальных координат, в рамках которых проводится исследование, связанных с ними возможностей и ограничений в экстраполяции результатов.
- Создание максимально полной информационной базы теоретической и эмпирической проработанности проблемной области в рамках систем парадигмальных координат при наличии таких возможностей и претензий на более высокий уровень обобщений.
- Прохождение критического рефлексивного круга альтернативного позиционирования как условие расширения парадигмальных рамок и освобождения от предубежденности и перехода на метатеоретический уровень более высокого порядка.

Идея изложенного подхода позволили произвести инвентаризацию состояния современного психологического знания на уровне основных конституированных систем парадигмальных координат. В основу рассмотрения положено авторское определение парадигмы как «коллективно сформированного на основе конкретных мета-теоретических и онтолого-эпистемологических оснований научного психологического мировоззрения в отношении изучаемой феноменологии, принимаемое и разделяемое психологическим сообществом на протяжении относительно продолжительного временного периода, включающего согласованный ряд основоположений в отношении описания и объяснения следущей феноменологии, способов и критериев доказательства научности полученного знания, его верификации, методов и процедур исследования» (Ягчук, 2005, с. 71). Этот анализ

осуществлен посредством специально разработанных инструментов и критериев (там же, 88–95). Применение авторской концептуально-критериальной оценочно-сравнительной матрицы соотношения парадигмальных координат (Ягчук, 2005, с. 94) позволило показать, что различия в них носят онтолого-эпистемологический характер, не позволяющий говорить о возможности их системной интеграции в гипотетическом будущем. В то же время показано, что каждая из них обладает своим специфическим видением и интерпретацией различных аспектов психологической феноменологии, позволяющими охватить те грани и особенности, которые не доступны с позиций других парадигмальных координат. Межпарадигмальный же диалог создает условия для взаимообогащения и взаиморазвития, в частности, предоставляя основания для размышлений и попыток изучения в собственных рамках достижений друг друга, тем самым выступая в качестве важного двигателя прогресса психологического познания.

Известно качественная гетерогенность природы психологической феноменологии и ее проявлений и ее принадлежность в мультипарадигмальной системе координат была заложена нами в авторское определение предмета психологического знания как «бытия-в-мире-самости как био-психо-социальной социокультурно-интеракционированной диалогической сущности во взаимодействии с социальным и физическим окружением в осозанном-неосозанном-экзистенциальном измерении» (Ягчук, 2006, с. 204). Обобщенный трехмерный континуум и должен задавать рамки психологического объяснения и понимания, предполагающего нахождение согласований, создающих относительную определенность (упорядоченность) в само- и мироотношении. Такого рода качественная разноприродность требует и особого типа объяснения психологической феноменологии, предполагающего, во-первых, всходную толерантность, плюралистичность и рефлексивность сознания исследователя; во-вторых, процессуальность; в-третьих, социокультурную интеракционированность и конструктивность; в-четвертых, сосуществование качественно разнородных природ; в-пятых, экзистенциальную бытийность; наконец, в-шестых, механизмов особого типа интеграции как представлений о них, так и знаний, накопленных в альтернативных традициях и подходах.

Как отмечалось нами ранее, решение такого рода задачи предполагает наличие и иного типа логики – диалогической, выдвигающей в качестве альтернативы классическому «или/или» диалогическое «и/и», при котором альтернативные подходы начинают рассма-

триваться не как взаимоисключающее, а как взаимодополняющее (Библер, 1991). Задачей же развития научного знания становится выработка путей и средств налаживания продуктивного междисциплинарного и междисциплинарного диалога, направленного на взаимобогащение и взаиморазвитие, углубление понимания психологической феноменологии и актуализацию полученного знания в целях повышения продуктивности человеческого фактора прогресса.

В соответствии с развиваемым видом социокультурно-интердетерминистским диалогическим подходом такого рода углубление понимания психологической феноменологии становится оптимальным при соблюдении следующих условий:

- плюралистичности и толерантности по своей сути, реализующейся в исходном осознанном принятии факта возможности и полезности существования альтернативных объяснений природы анализируемых феноменов;
- согласованности исходных онтолого-эпистемологических оснований, определяющих отношение к наиболее фундаментальным вопросам, связанным с познаваемостью научаемой и объясняемой реальности, сопровождаемой констатацией совпадения и расхождения позиций;
- социокультурной интердетерминированности, выражающейся в признании взаимовлияния и взаимобусловленности всех факторов, присутствующих в процессе функционирования научаемого феномена;
- диалогичности, проявляющейся в способности соединить совместное знание с учетом индивидуальных и культуральных различий, основанной на логике взаимобогащения и взаиморазвития.

Внедрение подхода в методологическом аспекте предполагает прояснение ряда связанных проблемных областей: теоретического доказательства и метода исследования. Становятся очевидными ограничения эксплицитно-структурированного доказательства (основывающегося на необходимости эмпирического подтверждения любого элемента теории) и необходимость повышения роли имплицитно-структурированного доказательства (основывающегося на меньшей зависимости от эмпирического подтверждения и акцентировании на логической последовательности и непротиворечивости, убедительности и принятии заинтересованным и квалифицированным читателем) (Franklin, 1982; Яичук, 2000; 2005). В области

метода исследования осуществляется поиск оптимального сочетания возможностей количественных и качественных методов, примером чего является методологическая триангуляция и ее авторская модификация – интегративная электика путем триангуляции (Яцук, 2000, с. 321–331).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая размышления над проблемой научного прогресса в психологии, сошлюсь на высказывание одного из крупнейших психологов современности А. Бандуры, который в своем анализе перспектив прогресса в психологии пишет: «Психология является одной из дисциплин, уникальным образом охватывающих сложное взаимодействие биологических, интраличностных, межличностных и социокультурных детерминант человеческого функционирования. Как основополагающая дисциплина, она особенно хорошо подходит для продвижения понимания интегрированной био-психо-социальной природы людей и того, как они активно формируют мир вокруг самих себя и управляют им. Сегодняшний взор ускоренных социальных, информационных и технологических изменений с мгновенным коммуникационным доступом к ним обеспечивает людей расширенными возможностями проявлять собственное влияние в события, влияющие на их жизнь. Осуществление индивидуальной и коллективной активности привносит все больший вклад практически во все сферы жизни: в развитие человека, его адаптацию и изменение. На более широком социальном уровне изменения в научных представлениях концентрируются на том, как включить эти активностные человеческие возможности способами, формирующими лучшее и более жизнеспособное будущее» (Bandura, 2006, p. 176).

ЛИТЕРАТУРА

- Безухин М.М.* Проблемы творчества Достоевского. Киев: Наукова думка, 1994.
- Баблер В.С.* От наукоучения – к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1991.
- Димовой В.* Описательная психология. СПб.: Алетейя, 1996.

- Ильин И.И. Постмодернизм: Словарь терминов. М.: Интрада, 2001.
- Касанов И.Г. О дескриптивном понимании истины // *Философские науки*. 1990. № 8. С. 64–74.
- Кассирер Э. Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры // *Проблема человека в западной философии*. М.: Наука, 1988. С. 28–29.
- Коротков А.В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М.: «Восточная литература» РАН, 2003.
- Лардон Ж. Наука и ценности // *Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада*. Учебная хрестоматия. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Издательская корпорация «Логос», 1996. С. 61282.
- Низаревич А.В. Нителдужтво Воесленно: истоци, становление, перспектывы. Очерки междисциплинарной теории прогресса. М.: Педра, 1991.
- Низаревич А.В. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры. Синергетика социального прогресса. М.: Наследие, 1995.
- Сожикова Е.В. Апология системного монизма // *Вопросы психологии*. 2006. № 4. С. 15–23.
- Светлов В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Философия культуры. Становление и развитие / Под ред. М.С. Каганца, Ю.В. Перова, В.В. Прохурского, Э.П. Юрениной. СПб.: Лань, 1998.
- Чайковский Ю.В. Элементы многоуровневой диаграммы. М.: Наука, 1990.
- Шварцер Д. М.М. Бахтин и Л.С. Выготский: интерниризация как «феномен границы» // *Вопросы психологии*. 1996. № 6. С. 107.
- Юренич А.В. Методологический либерализм в психологии // *Вопросы психологии*. 2001. № 5. С. 5–18.
- Юренич А.В. Перспективы парадигмального синтеза // *Вопросы психологии*. 2008. № 1. С. 3–15.
- Яцук В.А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-объективный подход. Минск: Бестпринт, 2000.
- Яцук В.А. Интегративная объективна // *Всемирная энциклопедия философия*. М.: АСТ-Минск: Современный литератор, 2001. С. 312–313.
- Яцук В.А. Психология постмодерна // *Время как фактор изменений личности. Сборник науч. трудов* / Под ред. А.В. Брушлинского, В.А. Полыкарпова. Минск: ЕГУ, 2003. С. 175–201.

- Янчук В.А.* Эволюция социально-психологического знания: от модернистского монолога к постмодернистскому диалогу // Социальная психология XXI столетия / Под ред. В.В. Козлова. Ярославль, 2005. Т. 2. С. 324–329.
- Янчук В.А.* Введение в современную социальную психологию. Минск: АСАР, 2005.
- Янчук В.А.* Эволюция метода социально-психологического исследования: от модернистской экстракции к постмодернистской диалогической методологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3: Метод психологии / Под ред. В.В. Новикова (гл. ред.), И.Н. Корицкого, В.В. Козлова, В.А. Мамилова. Ярославль: МАПН, 2005. С. 398–410.
- Янчук В.А.* Постмодернистский, социокультурно-интердетерминистский диалогизм как перспектива позиционирования в предмете психологии // Методология и история психологии. 2006. Т. 1. С. 193–206.
- Янчук В.А.* Постмодернистская социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива метода психологического исследования // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Выпуск 1. С. 207–226.
- Янчук В.А.* Постмодернистская социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива объяснения в психологии // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. Выпуск 1. С. 193–209.
- Янчук В.А.* Методология, теория и метод в психологическом исследовании. Минск: АПО, 2008.
- URL = <http://www.academy.edu.by/details/personnel/yanchuk.htm>.
- Sandara A.* Social Foundation of Thought and Action: A Social Cognitive Theory. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1986.
- Sandara A.* Toward Psychology of Human Activity // Perspectives on Psychological Science. 2006. V. 1. № 2. P. 164–179.
- Fordris C.W.* Theoretical perspectives in social psychology. Boston: Little, Brown and Company, 1982.
- Gergen K.J.* Toward a postmodern psychology // Psychology and postmodernism / Ed. by S. Kuale. London: Sage Publications, 1997. P. 17–30.
- Gergen K.J., Gergen M.M.* Toward a Cultural Constructionist psychology // Theory and Psychology. 1997. V. 7. P. 31–36.

Levi J. Messianic vs. Myopic Realism // PSA 1984, v. 2 / Ed. by P.D. Asquith, P. Kitcher, East Lansing, Michigan: Philosophy of Science Association, 1985. P. 617–636.

Niiniluoto I. Scientific Progress // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2008 Edition) / Ed. by N. Zalta, 2008.

URL – <http://plato.stanford.edu/archives/fall2008/entries/scientific-progress/>

Perrin L. Personality: View of the Future Based on a Look of the Past // Journal of Research on Personality, 1996, V. 30, P. 300–318.

Shaffer J. "Getting in touch": The meta-methodology of a postmodern science of mental life // Psychology and postmodernism / Ed. by S. Kvale, London: Sage Publications, 1997, P. 58–72.

ПРОГРЕСС В ИССЛЕДОВАНИИ ВОСПРИЯТИЯ: ТЕОРЕТИКО- МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

В.А. Барабанищikov

Говоря о прогрессе, имеют в виду движение вперед, от менее совершенного к более совершенному. В науке подобное движение происходит за счет появления оригинальных методов исследования, существенного увеличения объема и нового качества эмпирических данных, разработки подходов и концепций, более полно учитывающих природу изучаемых явлений. В данной статье предлагаются принципы методологического подхода к исследованию перцептивных процессов как теоретико-методологической предпосылки прогресса в области психологии восприятия.

* * *

В прошлом одна из наиболее ярких и увлекательных, психология восприятия все чаще представляется скучной и малоперспективной. Объем исследований монотонно снижается, уменьшается относительное число публикаций, реже собираются представительные научные форумы. В значительной степени эта тенденция обусловлена преобразованием предметной области и задач психологической науки в целом: эпицентр интересов сместился в сторону проблем личности и ее отношений с миром, повести исследования познавательных, в том числе перцептивных, процессов. Вместе с тем переживаемые трудности связаны с особенностями развития самой психологии восприятия, зафиксированными в основаниях и способах ведущихся исследований.

Во-первых, дихотомично разделены субъект и объект восприятия. В качестве объекта восприятия предлагаются непосредственное окружение индивида, дистальная стимуляция, фрагменты или отдельные элементы среды; в качестве субъекта — индивид или сенсорные системы. Взаимосвязь субъекта с объектом носит внешний характер и выступает как случайная.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 08-06-005072a-11-11.

Во-вторых, жестко разграничены когнитивный и личностный (субъективный) планы восприятия. Следствием этого является обезличенность процесса и его внешняя связь с поведением. Перцептивный процесс оказывается оторванным от потребностей, воли и желаний человека, принимая вид когнитивного автоматизма, который неплохо описывается в терминах логики, математики, физики, лингвистики или информатики.

В-третьих, чувственный образ чаще всего представляется как сложившаяся структура, существующая независимо от других психических образований, вне собственного порождения и развития. Вводится разрыв между: 1) чувственным образом и двигательной активностью субъекта, включая движения органов чувств; 2) процессом восприятия и его результатом и 3) воспритым и другими психическими процессами. Важный изобретательно перцептивный образ оказывается не способным ни ориентировать индивида в окружающей среде, ни регулировать его действия.

В-четвертых, процесс восприятия рассматривается как гносеологический акт, вырванный из контекста жизни индивида. Каждый раз он начинается «с нуля» и завершается построением образа, лишённого будущего. Развитие восприятия становится необъяснимым. Неудивительно, что в качестве механизма перехода одного образа в другой фигурируют внешние средства: переключение внимания, парасаккадическое подавление, маскировка или движения органов чувств. Дискретность доминирует над непрерывностью и в описаниях самой динамики восприятия, что выражается, например, в акцентуации перцептивных единиц (блоков, стадий, элементов), а не переходов между ними. Движение, процесс мыслится как последовательная смена воспринимаемых содержаний, т. е. суммативно, подобие полета зеноновой стрелы.

В-пятых, восприятие берется в форме функционирования — как процесс, совершающийся в одной плоскости. Он не порождает нового, не содержит качественных преобразований. Это, по-видимому, и ведет к временным парадоксам восприятия (что возникает раньше: ощущение или значение? элемент или целое? образ или движение? восприятие или внимание? восприятие или установка? и т. п.), фиксирующим противоречивый характер перцептивного процесса, невозможность его теоретической реконструкции на базе лишь одного из противонаправленных моментов.

В-шестых, внешне разграничены формально-динамический и содержательный аспекты восприятия: первый преобладает над

вторым. Под содержанием восприятия чаще всего имеют в виду его информационные характеристики, под формой — их организацию. Тенденция состоит в том, чтобы изучать перцептивный процесс безотносительно к его содержанию, искать универсальные средства или механизмы восприятия. Он представляется не как развитие организованного содержания, а как дилемма формы (например, функционального поля зрения) относительно готового содержания.

Взятые в совокупности, рассмотренные представления выражают такой способ мышления, при котором ключевые образующие восприятия (объект и субъект, чувственный образ), а также его связи с другими психическими явлениями, берутся как изначально данные, сложившиеся. Тем самым субъект противопоставляется объекту, образ отделяется от других модальностей познания и активности субъекта, перцептивный акт «вырезается» из контекста жизни человека и исследуется как бы с нуля, преимущественно в формально-динамическом плане. Даже в тех случаях, когда исследователю удается выделить генетические характеристики процесса, например, последовательность стадий формирования зрительного образа, они рассматриваются вне порождающего их основания, безотносительно к своим предшественникам и последующей «судьбе», как нечто имеющее самостоятельное значение. Все это приводит к тому, что используемый понятийный аппарат не соответствует природе изучаемого процесса, а познание фиксирует лишь поверхностный слой его организации. По отношению и к своему источнику, и к своему продукту перцептивный процесс оказывается внешним, а его течение во времени — неопределенным.

Другая методологическая особенность состоит в сведении многомерного явления к одному из его моментов или срезов. Так, процесс восприятия отождествляется с динамичной решенной перцептивной задачей (Ариехейм, 1973, 1974; Рок, 1980), приемом и переработкой информации (Garbaro, 1974; Neisser, 1967), развитием перцептивного образа (Flavell, Deagans, 1957; Krugh, Smith, 1970), действием (Зинченко, 1997) и т.п. Конкретный процесс оказывается расколотым на множество частей, сторон, аспектов, каждый из которых предстает в качестве равноправного референта. В итоге психология восприятия напоминает конгломерат подходов, методов и микротеорий, причем вопрос о когерентности (связанности) данной области знания даже не ставится. Чаще всего исследователи ограничиваются описанием свойств и структуры чувственного образа; характеристики субъекта восприятия и способы его взаимодействия

с объектом изучаются отдельно, эпизодически и независимо друг от друга. Восприятие и личность рассматриваются как бы в разных системах координат, одна из которых фиксирует интегральные свойства субъекта, другая – локальные процессы и функции, протекающие где-то «внутри». В результате такой специализации концептуальные схемы, понятия и методы исследования одной области знания оказываются слабо применимыми в другой, порождая проблему совместимости когнитивного и личностного подходов к восприятию. Аналитическая и синтетическая ветви познания оказались разбросаны по разным «департаментам» науки, объединение которых сулит перспективы не только фундаментальным, но и прикладным областям.

В основе рассмотренных особенностей познания лежит одна и та же причина абсолютизации гносеологического отношения человека к действительности (объект – образ). Главная проблема, которая здесь решается, касается отражения, или превращения свойств среды во внутреннее достоинство субъекта – чувственный образ. В этой связи говорят о восприятии пространства, времени, движения, энергетических и предметных особенностей среды, пытаются установить «механизмы» соответствующих репрезентаций. Гносеологическая парадигма ориентирована на изучение состава и структуры информационного содержания восприятия, рассматривая его в наиболее развитой форме – как результат отражения. Однако в реальной жизни отношение объект – образ всегда включено в широкий контекст, опосредованно состоянием субъекта и его активностью. Восприятие совершается как разрешение перманентно меняющихся отношений индивида со средой, человека с миром. Оно отвечает потребности индивида в той или иной информации, преодолевает наличие средств и условий ее удовлетворения. Наряду с уникальным содержанием и структурой чувственный образ имеет уникальную судьбу. Он зарождается в конкретных обстоятельствах жизни, проходит путь внутренней дифференциации и интеграции, по определенной стадии развития организует индивида в конкретной ситуации и регулирует текущее поведение, наконец, он сам так или иначе обуславливает вновь рождающийся образ, переходя в латентное состояние. Этот процесс неразрывно связан с другими психическими процессами, состояниями и свойствами личности.

С данной точки зрения восприятие рассматривается со стороны своего существования – как событие. Существовать (быть) – значит участвовать в процессах жизни: родиться и умирать.

переходить из одной формы в другую, влиять на смысловые процессы и испытывать их влияние на себе. Перцептивное событие выражает намерение (становление, развитие, преобразование) и, одновременно, сохранение (пробывание, свершение) чувственной данности мира человеку. В ходе события определяется и воспринимающий индивид, и его мир.

Это онтологическая характеристика перцепции, фиксирующая ее отнесенность к человеку (субъекту восприятия) и формам его активности (Рубинштейн, 2003). Приоритеты исследования меняются. Исходным и основным оказывается не отображение объекта, а взаимоотношение человека с миром, субъекта с объектом, включающее в себя гносеологическое отношение в качестве необходимого звена.

На сегодняшний день онтология восприятия относится к проблемам «второго плана». Говоря об онтологии, имеют в виду нейрофизиологические механизмы перцептивного процесса, акты поведения или потоки стимуляции, параметры которых можно объективно зарегистрировать и оценить. При этом чувственная данность человеку действительности – основной феномен восприятия – рассматривается как нечто производное, не имеющее самостоятельного значения. Между тем любое перцептивное явление выступает не только в качестве функции сенсорной системы или образа среды, но и как переживание индивида и регулятор его активности. Оно столь же реально, как и сама действительность, поведение или динамика нервной ткани, т. е. имеет собственное относительно независимое бытие. Без учета оснований порождения, организации, развития и преобразования чувственных впечатлений, специфики их взаимосвязей наши знания о восприятии остаются принципиально неполными, а в практическом отношении – весьма ограниченными.

Онтологический подход позволяет рассмотреть перцептивный процесс в его целостности и развитии. В центре внимания оказываются взаимоотношения субъекта и объекта восприятия, способы порождения и существования чувственного образа и его обусловленность системой внешних и внутренних детерминант.

* * *

В общей психологии словосочетание «субъект восприятия» встречается редко и на теоретическом уровне не представлено. Исследователи ограничиваются предельно общим значением – носитель перцептивного процесса – либо отождествляют его с испытуемым. В психофизиологических работах в качестве субъекта

восприятия рассматривается сенсорная система, мозг или организм в целом, в социально-психологических – сообщество (группа) либо личность.

Подобная трактовка связана с традициями сенсуализма, наиболее глубоко укоренившимися в практике психологического эксперимента. И субъект, и объект познания рассматриваются здесь как независимые вещи, объединенные односторонней причинно-следственной зависимостью: объект (природа) – субъект (сознание). Соответственно, процесс восприятия выражает лишь внешнюю связь объекта и его образа, который интерпретируется как результат физического воздействия среды на органы чувств. В данном контексте носителю восприятия отводится роль регистратора воздействий, а сам субъект восприятия напоминает рантье, пользующегося продуктами процесса, к которому он имеет отдаленное отношение. Неслучайно при обсуждении конкретных феноменов вопрос о природе субъекта восприятия либо замалчивается, либо считается слишком общим и потому далеким от существа дела.

В экспериментальных работах перцептивный процесс рассматривается так, как если бы воспринимающий представлял собой сложное устроенный регистрирующий прибор, а объект восприятия – воздействующий на него внешний агент (Велетковский, 1982; Глезер, 1985; Лопышев, 1985; Мэпп, 1987; Фрисби, 1979; Гарднер, 1974; Кауфман, 1974; Векс, Гевен, 1993). Выявлению рабочих характеристик «прибора» посвящено подавляющее большинство исследований восприятия. Они показывают, что эти характеристики очень динамичны, взаимосвязаны друг с другом и приводят к интегральным эффектам. При этом сам «прибор» наряду с внешними воздействиями чувствителен к потребностям человека, его темпераментальным особенностям, чертам характера, способностям, опыту, и даже к внешнему облику. Существенно, что в процессе функционирования он может изменять не только свойства, но и принцип работы. Не остается неизменным и объект восприятия, который в разных контекстах обнаруживает различные качества и роли, открываясь реципиенту с самой неожиданной стороны.

В последние десятилетия получен большой массив экспериментальных данных, демонстрирующих динамичное отношение объект – образ и тесную взаимосвязь восприятия с другими психическими явлениями (процессами, состояниями и свойствами личности). Показано, что в ходе восприятия складывается не только образ объекта, но и сам объект, а так же тот, кому этот образ принадлежит.

Перцептивный процесс преодолевает рамки основного феномена и отрывается как явление бытия человека, в котором познавательное отношение играет часто подчиненную роль (Барабанщиков, 2002, 2006; Барабанщиков, Белоловский, 2008; Барабанщиков, Носуленко, 2004; Носуленко, 2007).

Наисполненный эмпирический материал заостряет вопрос об онтологической природе субъекта восприятия. Становится все более очевидным, что в качестве носителя восприятия необходимо рассматривать не техническое устройство или вещь в широком значении этого термина, а конкретного человека как субъекта жизни. Именно он оказывается «альфой» и «омегой» анализа восприятия как психического процесса.

Онтологически (конкретно) понятый субъект выражает основу многообразных отношений человека к действительности. Вступив в определенные отношения и играя определенную роль (выполняя функцию), индивид не просто подчиняется действительности, но и воплощает в ней самого себя, продолжает себя в мире. Чем сложнее и разнообразнее отношения, тем сложнее и многообразнее их субъект. Реализуя разные отношения с действительностью, один и тот же человек оказывается субъектом разных качественных проявлений, в частности, восприятия, мышления, эмоциональных переживаний, общения, деятельности. Совокупность многообразных отношений индивида является основанием и его различных качества и свойств, и субъективной организации в целом. Субъект жизни – своеобразный интеграл функциональных возможностей (свойства, качества, образования, ролей) и, одновременно, достижений человека, не сводимый к субъектам отдельных отношений, но так или иначе присутствующий в каждом из них. Наиболее важное качество человека как субъекта заключено в его способности распоряжаться собственными ресурсами и благодаря этому строить отношения с действительностью, миром. Эта инстанция позволяет осуществлять выбор, ставить цели, принимать или отвергать задачи, соотносить предметы и события, во для самого человека остается «за кадром», растворяясь в образе, переживаниях или действиях.

С данной точки зрения восприятие предстает перед исследователем как структурированный фрагмент бытия человека, взятый в единстве внешних и внутренних условий своего существования. Человек воспринимает мир экзистенциально: в перцептивном процессе участвует весь человек целиком, с его физическими, душевными и духовными качествами. Сюда включаются желания и чувства, опыт

и предчувствия, надежда и боль. Благодаря этому обстоятельству человек получает возможность не только ориентироваться, но и жить в социальном мире, открывать, познавать и усваивать его. Восприятие мира изначально пронизано отношениями и петностями человека. Соответственно, исходным пунктом анализа восприятия оказывается не отображение объекта, а взаимоотношение человека с миром, субъекта с объектом, включающее в себя психологическое отношение в качестве необходимого звена.

Субъект восприятия выражает качество, которое приобретает индивид в системе жизненных связей и отношений. Имется в виду особая инстанция, которая разрешает противоречия между возможностями и притязаниями человека, с одной стороны, и требованиями жизни — с другой. Специфика субъекта восприятия состоит в возможности информационного взаимодействия индивида со средой, обеспечивающего контроль текущих обстоятельств жизни и деятельности человека. Это функциональное образование, которое складывается, развивается и проявляется в самом процессе восприятия и вне его не существует.

Субъект инициирует и завершает перцептивный процесс, состоит его продукты, распоряжается необходимыми ресурсами — он является основой такого способа объединения относительно простых психических функций, при котором возникает новое качество, отсутствующее в каждом из них.

На разных уровнях организации бытия субъект восприятия обнаруживает различное содержание.

В физической системе отношений он выступает как телесное существо, «погружаемое» в внешне оформленную анатомическую среду. Антропометрические параметры (рост, вес, длина руки или шага, скорость передвижения и т.п.) индивида становятся мерой чувственно представленных свойств и отношений действительности.

На биологическом уровне субъект проявляется как организм, реализующий, наряду с обменными, трофическими и другими жизненными процессами, ориентировочную и регуляторную функции. Действительность, мир открывается живому существу в форме предметов, потребностей и действий, а процесс восприятия включает мотивационные (конативные), когнитивные, диспозиционные и операциональные компоненты.

В рамках социальной системы координат субъект предстает как воспринимающая мир личность. Восприятие действительности опосредствуется знаковыми системами (Выготский, 1996), деятельностью

(Леонтьев, 1977), общинном (Ломов, 1984), культурой в целом (Койд, 1997) и включает в себя символическое содержание (Крючкова, 1994). Особое значение начинают играть не столько поиск и прием полезной информации, сколько ее интерпретация — включение в смысловые контексты или семантические поля воспринимающего (Артемьева, 1999; Леонтьев, 1999; Петренко, 1983). Наконец, приняты ценности, нормы и интересы референтной группы, индивид воспринимает и себя и мир «глазами» коллективного субъекта (Андреева, 1997; Межличностное восприятие в группе, 1984; Бастин, 2000; Бодалева, 1983). Вопрос о том, как социальное и культурно-историческое входит в содержание чувственного восприятия и определяет его течение, оказывается не менее значимым, чем традиционно обсуждаемый вопрос о механизмах превращения энергетического воздействия на органы чувств в «факт сознания».

На каждом из уровней бытия субъект занимает уникальную позицию. Действительность воспринимается им в определенном ракурсе, или с некоторой «точкой зрения», всегда многомерной как и бытие. Сам же субъект выражает узловой пункт организации бытия, центр его возмущения или перестройки (Рубинштейн, 2003). Человек изначально погружен в мир и оказывается условием его существования и развития. Выступая в ткань реальной жизни, восприятие выступает как феномен жизни, задающий ее течение и смысл.

Таким образом, бытие, действительность изначально включает в себя характеристику субъекта восприятия, причем не только в виде отображенного содержания, но и как состояние субъекта, форма его активности и сфера контроля. При этом пространство субъекта восприятия не ограничивается его «телесной оболочкой», а время — текущим моментом: человек как субъект выходит за свои пределы, проникая через установленные связи и отношения в окружающий его мир.

Смещение акцентов с феноменов восприятия на его субъекта вводит в психологическое исследование ряд принципиальных моментов.

Прежде всего приоритизируется значение *интенционального* плана восприятия. Реализуя широкий спектр отношений индивида со средой, человека с миром, субъект восприятия выступает как многомерное целое, включающее в себя разнообразные качества и свойства: от задатков (например, порогов сенсорной чувствительности) и способностей восприятия (например, оценки пропорций или глазомера) до направленности личности (в частности, склонности к художественному

восприятию действительности) и черт характера (восприимчивости к определенной информации, наблюдательности и т.д.).

Субъект играет роль внутренней предпосылки перцептивного процесса; сам же процесс открывается как реализация потенциала и ресурса субъекта восприятия. Через понятие «субъект восприятия» исследователь получает выход на проблемы психологии личности и межличностного восприятия. Структура личности наблюдателя с самого начала участвует в детерминации перцептивного процесса как внутренний фактор и общая предпосылка, и так или иначе испытывает на себе его эффект. Словообразие перцептивной потребности, установки, отношений к объекту, совокупный чувственный опыт характеризуют и восприятие, и личность человека. Поскольку перцептивные задатки, способности, направленность и черты личности проявляются и формируются в ходе восприятия, его формирование и развитие не может быть сведено к получению, накоплению и организации чувственных данных. Этот процесс охватывает и мотивационную, и операциональную, и когнитивную стороны восприятия.

В данном контексте целесообразно говорить о формировании и развитии перцептивного интеллекта, включающего как структуры поиска, приема, преобразования и активизации информации (перцептивные схемы, карты и др.), так и структуры, обеспечивающие координацию и саморегуляцию перцептивной активности. Согласно исследованиям, эти образования оказывают на перцептивный процесс достаточно сильное влияние, определяя как способ его организации в целом, так и индивидуально-типологические особенности, например, перцептивный стиль (Холодная, 1997; Шкуратова, 1994). К сожалению, на сегодняшний день потенциальный план чувственного восприятия, его «кристаллизованная форма», изучен слабо. Чаще всего подобные образования выносятся «за скобки», а исследователь ограничивается сопоставлением перцептивного содержания с характеристиками объекта. Небольшой совершаемый разрыв актуального и потенциального ведет к противоположному когнитивного и личностного в восприятии и, как следствие — к внешним взаимоотношениям чувственного образа и действия. Проводимая редукция существенно ограничивает возможность практического использования закономерностей восприятия, раскрываемых экспериментаторами.

Становится очевидным, что границы восприятия как психического явления очень размыты. Оно вбирает в себя другие модальности психики, распространяя на них свое влияние. Известна в виду хаотичность и беспорядочность включений, а их организованность

в рамках и на «территории» локального целого: такая организованность, которая выступает непременным условием возникновения и развития конкретного чувственного образа. В каком-то смысле восприятие *гологрфично*. Целое, заключенное в своей части, обладает двумя уникальными свойствами: подчинено основной функции (непосредственной ориентировке в действительности) и открыто любым модальностям и отправленным психика. Это позволяет ему выполнять роль связующего звена между феноменом восприятия и его жизненной основой, с одной стороны, между восприятием и остальными психическими явлениями — с другой, между восприятием и формами активности человека — с третьей. Рассматриваемое целое выражает совокупность внутренних условий восприятия, в которых в их естественной взаимосвязи и взаимоотношении. Чувственная данность как бы упакована в многокачественный полифункциональный элемент опыта, благодаря которому в каждый момент времени человек ориентируется и в мире, и в себе самом.

Обращение к составной субъекта восприятия возвращает в психологию казалось бы забытое представление об *апперцепции*, но в современной форме (Барабаншинов, 2006). Имеется в виду не высшая ступень познания (Г. Лейбниц), осознание предмета под влиянием опыта (И. Порбарт) или психологическая причина ассоциаций (В. Вундт), а функциональное объединение внутренних условий перцептивного процесса, направленное на получение определенного чувственного впечатления. В результате подобного объединения возникает новое качество, отсутствующее у каждого из условий в отдельности. Апперцептивный комплекс — это своеобразный орган восприятия, реализующий возможность непосредственной ориентировки человека в среде и регуляцию его активности. В его состав входят когнитивный (перцептивная потребность, оценка), когнитивный (схема), исполнительный (перцептивный план, операции), диспозиционный (перцептивная установка, отношение) и рефлексивный компоненты, которые порождаются и реализуются практически одновременно, благодаря друг другу, ради других и образуемого целого. Безотносительно к апперцептивному комплексу чувственный образ — такая же абстракция, как и отдельно взятый когнитивный процесс или активность. Вне порождающего целого его возникновение выглядит случайным, а отводимая ему функция — невыполнимой.

Закономерности организации, функционирования и развития апперцептивного комплекса идут своего исследования. Традиционный трактовка восприятия в терминах функционально локализованного

психического процесса уходит в прошлое, уводящая за собой представления о внешней обусловленности восприятия другими психическими явлениями (потребностью, эмоциями, памятью, мышлением и т.п.).

* * *

Онтологическое понятие субъекта непосредственно затрагивает еще одну реальность, которую нередко выносит за скобки исследования — объект восприятия. Традиционно в качестве объекта восприятия рассматриваются вещи или элементы среды, произвольно выделяемые и описываемые исследователем. Проблемность объекта сводится к тому, чтобы подобрать вещь с подходящими параметрами, описать ее в объективированной форме, предъявить испытуемому и зафиксировать его ответы. Однако при таком подходе действительный процесс восприятия оказывается выхолащиваемым. На теоретическом уровне анализа исследователь оперирует абстракциями как субъекта, так и объекта восприятия, пытаясь установить между ними якобы естественную (конкретно-практическую, жизненную) связь в виде «механизмов восприятия» формы, величины, движения и т.д. Это приводит к тому, что знания, представления, установки самого исследователя несколько приписываются объекту восприятия и сопоставляются с содержанием перцептивного образа (процедура подобной подстановки и ее следствия глубоко проанализированы А.Н. Мираковым [1993, 2004]). В силу применяемых процедур, реальный, чувствующий индивид с самого начала отрывается от условий своего существования и развития, и никакие логические ухищрения в дальнейшем не способны обеспечить их внутреннего единства. Теоретическое изображение процесса восприятия приобретает виртуальный характер, лишь отдаленно напоминающий действительность.

Мало что меняется и в том случае, когда объект-вещь рассматривается в терминах стимуляции: анализ перцептивного процесса переводится на язык нейрональной активности либо сигналов среды и ответов на них. Способ же эмпирического (абстрактного) представления процесса восприятия полностью сохраняется (Frisky, 1979; Kaufman, 1974).

Проблема объекта восприятия неоднократно формулировалась в психологической науке (Koffka, 1935; Allport, 1955; Boring, 1942; Itelson, 1960) и несколько разработана в рамках экологического подхода (Gibson, 1988; Barker, 1968; Itelson, Freshansky, Rivlin, Winkel, 1974; Johanson, Hojsten, Jansson, 1980; McArthur, Baron, 1983). Общее направление ее решения связывается со все более полным включением в содержание объекта как воспринимающего индивида, так

и разнородных обстоятельства его жизни и деятельности (не только физических и экологических, но и социокультурных).

Становится очевидным, что объект восприятия – это функциональное образование, проявившееся сквозь актуальную активность субъекта. Речь идет о форме единства индивида и среды, которая неплохо описывается в терминах «ситуации» (Argyle, Fureham, Graham, 1981; Lewin, 1936; Magnusson, 1981), «жизненного пространства» или «мира» (Толд, 1990; Рубинштейн, 2003; Lewin, 1936; Uexküll, 1957). Ситуация характеризует способ объединения разнонаправленных «сил» и потенциалов в некоторое целое, в котором центрирующая роль и инициатива принадлежат человеку. Это – *его* ситуация (мир), а не ситуация (мир) вообще.

Объект-ситуация изначально противоречив и парадоксален: он включает в себя воспринимающего и одновременно противопоставлен ему как нечто внешнее. Осуществляя восприятие, субъект конструирует свое бытие, одновременно подчиняясь ему. Объект восприятия оказывается и детерминантой (вернее, системой детерминант), и результатом активности субъекта.

Объект-ситуация – главная альтернатива объекту-вещи, восприятие которого принято изучать. Он предоставляет индивиду определенные возможности (мотивал, цель, пути) восприятия и накладывает на его активность определенные ограничения. По-своему он тоже активен. В этом смысле можно говорить о потенциале объекта-ситуации, формирующем течение перцептивного процесса. Конституирующая роль объекта в восприятии действительности проявляется, например, в феноменах полевого поведения (Левин, 2000), предоставленных (*affordances*) среды (Гибсон, 1987), когнитивных аттракторах (Laloux, 1999) или эффектах группового давления (Ross, Nisbett, 1999).

Объект восприятия конституируется не только физическими (Вавилов, 1961), географическими (Толд, 1990) или экологическими (Гибсон, 1988) особенностями среды, но и социокультурными детерминантами – нормами, правилами, ролями (Ross, Nisbett, 1999), допускаями возможностью «драматургического» сращения (Лифшиц, 2000). Ведущими факторами объекта-ситуации являются намерения и цели субъекта. Они определяют тип ситуации, ее структуру, предмет восприятия и стратегию активности. Наряду со сложностью и ясностью, к наиболее важным структурным характеристикам объекта относят его значимость для воспринимающего субъекта и силу заложенных «опорений» и «накладных» (Ross, Nisbett, 1999). Целостной единицей анализа объекта выступает эпизод, или относительно завершённый

фрагмент жизненной ситуации, который, в свою очередь, может быть дифференцирован на более мелкие единицы — парциальные события (Барабанников, Мельник, 2000).

Объект-ситуация отличается не только целостностью, но и динамичной, развитием. Это система обстоятельств, развертывающаяся во времени, т. е. имеющая начало, кульминацию и конец. Побуждая и направляя активность субъекта, он сам преобразуется под ее влиянием. Поэтому до завершения перцептивного акта объект-ситуация остается недоопределенным, как, впрочем, и субъект восприятия.

Поскольку факт перцептивной потребности указывает на недостаток или отсутствие чего-то, что должно быть чувственно отражено, объект восприятия несет момент проблемности и по своей структуре подобен задаче. Это означает, что в нем некоторым образом дифференцируется данное, или наличное положение вещей и искомое — предмет перцептивной потребности, который имплицитно содержится в данном. В результате решения перцептивной задачи устанавливается новое соотношение индивида со средой, ведущее к удовлетворению исходной потребности. Решение перцептивной задачи означает преодоление индивидом информационной избыточности среды, снятие ее неопределенности (Зинченко, 1997).

Таким образом, объект восприятия — это уникальная система обстоятельств, сконцентрированных и уязвимых на индивиде в некоторый момент времени. Здесь сфокусировано действие сил, интересов, напряжений, позиций, ролей, разрешение которых предполагает самостоятельную линию движения. Объект-ситуация выступает как источник чувственного содержания и, одновременно, как поле отношений и активности человека. Объект «предлагает» индивиду возможные цели, пути и способы восприятия, как бы подталкивая его к тому или иному решению. Однако принятие решения становится делом субъекта восприятия, его выбором. В объекте-ситуации заложена возможность и его чувственного восприятия, и отношения к нему, и его изменения; вне перцептивного процесса объект восприятия не существует.

Анализ объекта-ситуации ведет к постановке принципиально новых проблем и появлению постгалассианских теорий восприятия. При этом могут выделяться и разрабатываться совершенно разные аспекты или грани. Если, например, Дж. Гибсон (1988) обращает внимание на аппараты распределения света относительно поверхности элементов ситуации, их взаиморасположение и изменение, то А.Н. Миронян (1992) пытается сформулировать природные основания орга-

ниции и развития объекта восприятия как такового. Представление об объекте-ситуации прослеживается и в когнитивной психологии, но уже в терминах «внутренних временных»: перцептивной схемы, карты, сценария или плана (Найссер, 1981).

Понятный как ситуация объект выступает в виде констелляции разнородных событий, совершающихся в ходе восприятия и одновременно с ним. Они выполняют функции причин и следствий, внешних и внутренних условий, предпосылок и опосредствующих звеньев (Ломов, 1984), отношения между ними исключительно подвижны, а совместное движение носит направленный характер. Поэтому до завершения перцептивного процесса определить объект-ситуацию в полном объеме невозможно. Соответственно, центром эмпирического исследования оказывается не влияние отдельных переменных, а динамическая структура детерминант (средовых, диспозиционных, интерактивных), порождающая целостный перцептивный процесс и так или иначе учитывающая его текущее состояние.

Обращение к объекту-ситуации позволяет рассмотреть весь спектр информационного наполнения восприятия, идущего от особенностей как среды, так и индивида, выходя в их динамику. Со стороны своего содержания объект восприятия открывается как междисциплинарный, описываемый в терминах физики, химии, географии, экологии, микросоциологии и других наук.

Перспектива анализа объекта восприятия как ситуации заключается в возможности сблизить организацию процедур лабораторного исследования с реальными способами жизни и деятельности человека не только в физическом и экологическом, но и в социальном и культурном отношениях. Практическая полезность подобного подхода обнаруживается при решении задач профотбора, профессионального обучения, оптимизации деятельности, коррекции отклоняющегося поведения, организации взаимоотношений человека с другими людьми. Очевидно, что для сохранения валидности результатов, лабораторный эксперимент должен воспроизводить основные образующие, структуру и развитие реальной ситуации, представляющей самостоятельный и весьма простой предмет исследования.

* * *

Многолетней опыт разработки психофизической проблемы показывает, что для возникновения функционально адекватного образа действительности ее воздействие на органы чувств самих по себе недостаточно (Ушаков, 1966; Boeing, 1942; Carterette, Friedman, 1974; Gordon, 1997). Необходим встречный процесс — «изнутри во вне».

актуализирующий соответствующие ресурсы человека, приводящий его в состояние готовности и включающий механизмы поиска, организации и преобразования внешних воздействий. Благодаря «встречному процессу» любое воздействие иначе корректируется внутренними условиями; внутреннее обуславливает внешнее. На каждом из уровней бытия (физическом, биологическом, социальном) условия существования и развития восприятия меняются, а соотношение внешнего и внутреннего приобретает новые черты. Чем выше уровень организации субъекта, тем сложнее и многограннее связь внешнего и внутреннего, тем радикальнее преобразуются воздействия, идущие со стороны.

В наиболее общей форме описанные представления воплотились в принципе детерминизма (Рубинштейн, 1957), согласно которому внешнее всегда преломляется через внутреннее: отражение действительности опосредствуется отношением субъекта, активность которого так или иначе видоизменяет самую действительность. Единая координирующаяся цель объективных событий «связывается» на субъекте и его свойствах. Раскрыть закономерности внутренне-го – значит указать способы преобразования объекта в процессе восприятия и регуляции активности субъекта. Выступая в качестве исходной методологической установки, принцип детерминизма подчеркивает порождающую роль внутренних условий и необходимость самодвижения, собственной логики существования и развития восприятия.

Перцептивная активность выражает акт бытия воспринимающего, в котором порождается и существует чувственный образ действительности, субъект восприятия и объект-ситуация. Ключевое значение активности для понимания природы восприятия в целом превращает его в один из основных предметов экспериментального исследования (Прохв, 1963; Линдсей, Норман, 1974; Рок, 1980; Фресс, Пиаже, 1978; Кауфман, 1974; Васс, Гросс, 1993; Райнек, 2002).

Перцептивная активность характеризуется тремя наиболее общими моментами. Во-первых, наличием инцидирующего знака, «запускающего» процесс; в качестве его источника выступает потребность субъекта в информации об объекте-ситуации. Во-вторых, направленностью процесса на тот или иной элемент ситуации (вещь, событие, человека), который становится предметом восприятия. В-третьих, актуализацией механизмов осуществления направленного процесса, т. е. способов и средств преобразования либо соработки субъекта, объекта и его чувственного образа.

Побуждение, ориентировка, принятие решения, исполнение, оценка и контроль – основные образующие (этапы) перцептивной активности. Это звенья единой цепи, каждое из которых имеет свою особую функцию и специфично для всего процесса в целом. Они могут носить как осознанный (произвольный), так и неосознаваемый (непроизвольный) характер, переходить друг в друга и прерываться, совершаться автоматически и включать креативные моменты. На разных уровнях организации восприятия этот процесс имеет разный масштаб и разное содержание. Параллельное развертывание нескольких активностей одного и того же уровня допускает их согласованность в пространстве и времени (совокупность потребностей, целей, средств и т.д.).

Любая перцептивная активность имеет двойной эффект: на стороне субъекта – изменение его состава, порождение или модификацию чувственного образа, на стороне объекта – развертывание или преобразование ситуации.

По отношению к субъекту перцептивная активность выступает как способ актуализации и реализации потенциального плана, и, одновременно, – как основа его становления и развития. Каждый акт восприятия предполагает уникальное состояние индивида, характерную динамику его мотивов, целей, средств, позиций, отношений. Его опыт, способности, темперамент, качества личности – вся психика в целом мобилируется для решения перцептивной задачи. Через субъекта восприятия в детерминации перцептивной активности участвуют многочисленные отношения, в которые включен данный индивид.

В процессе активности происходит формирование и перестройка перцептивных структур, складываются новообразования субъекта восприятия, осуществляется регуляция (саморегуляция [Абульханова-Славская, 1980]) чувственной сферы человека. В актах восприятия субъект не просто проваливается – он развивается. Преобразование субъекта восприятия оказывается одним из постоянных каналов психического развития индивида в целом. Становление субъекта и развертывание перцептивной активности – внутренне связанные процессы.

К сожалению, несмотря на свое принципиальное значение, субъективный аспект перцептивной активности пока еще не стал предметом систематического исследования. Как, впрочем, и объективный. На полюсе объекта перцептивная активность выступает в виде механизма развертывания пдличной ситуации. Логика ее динамики, переход от одной

стадии к другой опосредствованы организацией актов восприятия. В свою очередь, объект-ситуация определяет факторы перцептивной активности: ее возможности («каналы») и ограничения («барьеры») (Левин, 2000; Magnusson, 1981). Развитие ситуации протекает как преобразование позиций субъекта восприятия, его функциональных связей и отношений. В ходе этого процесса возникает новая, «сформированная» на индивиду системы обстоятельств, перераспределяется действие «сил», интересов, ролей участников и элементов ситуации, складывается другой объект восприятия.

Перцептивная активность многомерна. С точки зрения способа осуществления она представляет собой процесс решения задачи. В отличие от интеллектуальной, перцептивная задача ставится и решается в непосредственно-чувственном плане (Ариксейм, 1973; 1974). Психологическому механизму перцептивная активность является равнозначна поведенческому акту, регулирующего познавательное отношение индивида к среде. Чувственная данность индивиду требуемых свойств действительности оказывается здесь и побудителем, и полезным эффектом, и критерием его достижения (Анохин, 1978; Skinner, 1974; Taylor, 1962). Со стороны психологического строения перцептивная активность выступает как *действие* (деятельность). Перцептивные действия не просто совершаются для получения и преобразования чувственной информации, а опосредуются общественно выработанными и индивидуально освоенными нормами, критериями и средствами восприятия (Захарович, 1967; Зинченко, 1997; Леонтьев, 2000). В социальной ситуации, когда необходимо установить или реализовать непосредственное (лицом к лицу) отношение между людьми, перцептивная активность принимает форму *общения*. Благодаря взаимному восприятию коммуниканты как бы проходят друг в друга, «вымеривают» индивидуально-психологические, эмоциональные, гендерные, этнические и др. особенности партнеров, строя на их основе свой поступок (Бодалева, 1983; Барабанщиков, Носуленко, 2004). Поскольку в каждый момент времени перцептивная активность либо складывается заново, либо воспроизводится в новых условиях, она характеризуется как процесс *маушета*. Овладение перцептивным навыками и их совершенствование — необходимое условие аффективного поведения и деятельности индивида (Рок, 1980).

Строго говоря, ни одна из рассмотренных «проекций» перцептивной активности не имеет преференции. Каждая из них воспроизводит взаимодействие субъекта и объекта восприятия с определенной точки зрения, по-своему важна и необходима. Решение задачи, поведенческий

акт, перцептивное действие, коммуникация, навыки, видоизменения субъекта и объекта слиты во времени, едины. Какое из измерений окажется предметом конкретного исследования восприятия – зависит от его задачи, методических возможностей и концептуальных представлений исследователя. В методологическом отношении фиксация многомерности перцептивной активности, ее включенности в различные системы отношений представляется чрезвычайно важной. Это позволяет не только реконструировать «объемное» целое через изучение его сторон («пресекций»), но и сделать более эффективным исследование каждой из сторон в отдельности.

* * *

Дифференциация субъекта и объекта восприятия инициируется потребностью индивида в информации о значимых (существенных для жизни и деятельности) свойствах действительности. Возникает познавательное отношение, на основе которого выстраивается перцептивный процесс. Поскольку и исходная потребность, и наличная ситуация перманентно и непредсказуемо меняются, акт восприятия каждый раз происходит заново. Он совершается как обмен информацией, действиями и состояниями субъекта и объекта, их переход друг в друга, порождение одного другим. Изменение ситуации так или иначе меняет состояние субъекта, которое, в свою очередь, ведет к установлению нового соотношения индивида со средой, т. е. вновь изменяет объект восприятия. Причина и следствие, процесс и его продукт непрерывно меняются местами, создавая своеобразный круговорот, переходяние субъекта в объект и обратно.

Описанный способ функционирования позволяет отнести перцептивное событие к классу органических целостностей (Кульман, 1980; Реабер, 1981), обладающих рядом характерных свойств. Во-первых, предпосылки события одновременно являются и его результатом: благодаря данной особенности оно выступает как саморазвивающееся. Во-вторых, событие складывается не путем суммирования готовых частей, а путем развертывания собственных образующих (субъекта и ситуации) на основе имеющихся предпосылок; событие, следовательно, обладает свойством спрямить само себя. В-третьих, способ взаимодействия образующих специфицируется в самом ходе события; поэтому отношения между субъектом и ситуацией подвижны и могут видоизменяться. В-четвертых, событие выступает как единство различного, это функциональный узел качества, процессов и свойств, лежащих многообразно и комплексно восприятия. Наконец, в-пятых, образующие события складываются по законам целого и выражают

его природу: субъект восприятия, его объект, их взаимодействие и результат — органические системы.

По способу осуществления событие воспроизводит органический процесс, который протекает от фазы к фазе, где каждая предыдущая фаза подготавливает последующую. Способствие перцептивного события состоит в том, что оно реализует непосредственно-чувственное отношение индивида со средой, человека с миром.

Роль и значение образующих события неодинаковы. Субъект восприятия содержит источник, средства и результат активности, а значит, является основным, задающим движение компонентом. Объект-ситуация оказывается источником информации и сферой приложения активности, а следовательно, компонентом подчиненным, производным от основного. Перцептивное событие *субъектно-объективно*. Человек соотносит объективированный результат своей активности с его отражением и только при этом условии получает возможность саморегуляции и саморазвития.

Перцептивное событие совершается одновременно в двух направлениях. Вектор «субъект → объект» фиксирует момент активности субъекта, в котором выражена его потребность или интенция. Вектор «объект → субъект» характеризует момент отражения объекта в формах как чувственного образа, так и состояния воспринимающего. Каждое из направлений в отдельности, хотя и включает момент противоположности, реализует лишь половину кругооборота причин и следствий, а значит, недостаточно для порождения процесса восприятия в целом. Отражение действительности вне отношения к ней индивида столь же бесполезно (явление «пустого взора») и невозможно, как бесполезно и невозможно само по себе (вне чувственного отражения) познавательное отношение к действительности. Перцептивное событие воплощает единство отражения, или представственности объекта и отношения к нему (Мяснища, 1995; Рубашштейн, 1999).

В ходе восприятия процесс (субъект-объектное взаимодействие) «овеществляется» в продукте (состоянии образующих и способе их связи), а продукт вертекает в процесс. Одно является предпосылкой и результатом другого. Поэтому за, казалось бы, спонтанным развертыванием чувственного образа (Flavell, Dragana, 1957) всегда скрывается многомерное событие, а кругооборот причин и следствий так или иначе «размывается» на полюсах, модифицируя содержание как субъекта, так и объекта. В ходе этого движения преобразуется и способ субъект-объективной взаимосвязи: всегда изменения образующих доста-

гают критического анализа, событие перестраивается, меняет свою структуру. Взаимодействие образующих выводит событие на новую ступень организации, которая задает соответствующий способ или тип взаимодействия.

Перцептивное событие проходит четыре стадии развития:

- **зарождение** – возникновение в общем виде нового познавательного отношения; событие находится в форме предсуществования, развиваясь внутри предсуществующего;
- **формирование** – посредством «оборачивания» предсмыслов и следствий событие поднимается на более высокую ступень организации; новое познавательное отношение наполняется адекватным информационным содержанием, дифференцируется и становится основным;
- **свершение** – событие достигает функциональной зрелости и включается в регуляцию поведения человека; предсуществующие стадии развития события, как и предсуществующее познавательное отношение, сняты;
- **преобразование** – исчерпанное отношение сменяется новым, событие теряет актуальность и свертывается; его содержание становится предсмыслкой будущих событий.

Описанные стадии не имеют жестких границ, вырастает одна из другой и онтологически неразделимы. Их динамика выражает цикл развития восприятия, который при непрерывном взаимодействии субъекта восприятия с объектом каждый раз воспроизводится на индивидуальном основании (познавательном отношении) и принимает форму спирали. Настоящее, прошлое и будущее как бы стягиваются вместе, обеспечивая возможность осуществления события.

Уровни организации событий выражают ступени в иерархии взаимодействий субъекта восприятия с объектом. В зависимости от масштаба, используемых средств и конечного результата можно выделить перцептивные микро-, макро- и мегасобытия. Микрособытия направлены на дифференциацию отдельных элементов ситуации и предполагают простейший контакт субъекта с объектом. Макрособытия обеспечивают воспроизведение ситуации в целом и сопровождаются развернутой активностью субъекта. Мегасобытия связаны с воспроизведением совокупных условий наличного бытия индивида и сопоставимы с продолжительностью этапов его жизни. Перцептивные события более высоких уровней задают направление и нормы (контакты) развертывания более широких; перцептивные события нижележащих выступают в качестве диахронических

элементов событий более высокого уровня; переход с одного уровня на другой опосредствован продуктом (перцептивным эффектом) осуществляемых событий.

Иерархии активностей субъекта и многочисленные коллатерали субъект-объектных взаимодействий указывают на то, что сфера организации перцептивных событий исключительно сложна и запутанна. События, связанные в пространстве и во времени, оказывают влияние друг на друга, способны группироваться и дифференцироваться на более мелкие (локальные) события. На разных стадиях развития событий способ их взаимодействия и чувственный результат оказываются различными.

Понятие перцептивного события образует основное звено теоретической реконструкции восприятия как равноправящегося целого, порождаемого системой жизненных связей и отношений человека. Оно фиксирует и сам феномен, и совокупность его детерминант, и основание их диспозиция, т. е. все, что необходимо для построения конкретно-психологической концепции. Ценность этого понятия заключается в возможности восстановить общую картину развертывания перцептивного процесса, предсказать его тенденции и сформировать исследователя в пространств фактологического материала, теоретических схем и экспериментальных процедур. Установившая границы предмета исследования, оно помогает дифференцировать наблюдаемый поток чувственных впечатлений на целостные единицы, отвечающие собственной природе восприятия.

Понятие события задает основные «координаты», в которых необходимо рассматривать любое явление восприятия. Это характеристики конкретного субъекта, объекта-ситуации и их взаимодействия, специфика перцептивных образований различных уровней организации, логика их развития, взаимодействия и преобразований. Событие предполагает порождение психического в ходе взаимодействия индивида со средой, его детерминированность на всех стадиях развития и профессиональный характер. Фиксация изначальной отнесенности восприятия к субъекту жизнедеятельности слышит влияние противоположные восприятия другим психическим процессам и формам активности. Наконец, понятие перцептивного события позволяет преодолеть главный недостаток большинства подходов к исследованию восприятия — острый субъекта восприятия от объекта и их внешнее противопоставление. Объект и его образ оказываются полюсами одного и того же целого, а процесс восприятия открывается не только как отражение бытия, но и как его порождение.

* * *

Из вышесказанного следует, что онтологический подход к анализу восприятия не только не исключает, но и предполагает гносеологическую составляющую; возникновение и развитие события опирается на познавательное отношение субъекта восприятия к объекту, опосредуется им.

Гносеологическая сущность восприятия проявляется в функциональном воспроизведении (отражении) человеком объективной действительности, в ее наглядной представленности субъекту (Ананьев, 1982; Леонтьев, 1977, 2000; Лозов, 1984; Рубинштейн, 1957; Смирнов, 1975; Тельнов, 1985). С данной точки зрения восприятие выступает как процесс порождения, развития, функционирования и преобразования чувственного образа – основной предпосылки и результата активности субъекта. Отметим, что «термин "образ" служит... только для выражения образности как чувственности восприятия (чувственное познание в отличие от отвлеченного мышления в понятиях), а не квалификации его по существу, как копии (Abbild), снимка, фотографии и т.д.» (Рубинштейн, 2003, с. 328). Чувственный образ отличается высокой информационной емкостью, многомерен, существует в форме процесса и результата, развертывается на всех уровнях организации перцептивного события. Образ порождается в событии, является его ключевым звеном, и в этом качестве обнаруживает новые, не всегда замечаемые свойства и закономерности.

Необходимость возникновения чувственного образа вытекает из необходимости активной формы приспособления индивида к среде, требующих непрерывной ориентировки в ситуации и регуляции поведения. В процессе жизнедеятельности образ не просто формируется, но и развивается, а его основу составляет не только индивидуальное, но и родовое бытие субъекта (Давыдов, 1972; Леонтьев, 1977). Поэтому конкретный результат восприятия – продукт всей системы жизненных связей и отношений индивида со средой, человека с миром.

Перцептивный образ – это чувственный конструкт объективной ситуации, его субъективная модель, в которой различаются элементы и отношения. Функции элементов выполняют воспроизведенные субъектом свойства вещей и событий (впечатления); в совокупности они составляют информационное содержание образа. Отношения элементов обуславливают способ существования, выражения и преобразования информационного содержания, т. е. его форму.

Информационное содержание носит гетерогенный характер и выступает в единстве трех измерений: 1) модально-качественного

(дифференциация субъектом физико-эмпирических свойств действительности); 2) пространственно-временного (дифференциация пространственных и временных свойств) и 3) предметно-смыслового (дифференциация функциональных свойств). В содержании образа входят воспринимаемые характеристики внешней среды и самого индивида, функционально адекватные наличному бытию. Образ оперативен (Ошанин, 1999): полно и отчетливо дифференцируется то, что соответствует требованиям выполняемого действия. Поскольку этим требованиям отвечает лишь часть получаемых впечатлений, образ допускает моменты неполноты и неадекватности. Искажение впечатлений о величине, форме, цвете является условием полифункционального восприятия действительности (Миракин, 1983; 1992).

Если содержание перцептивного образа можно уподобить строительному материалу, то его форму — архитектурному проекту, который вносит в чувственную конструкцию порядок и организованность. Форма также проявляет себя трояко. Во-первых, как способ функциональной организации информационного содержания (перцептивный строй). В ней выражается позиция субъекта, его отношение к воспринимаемому, границы восприятия и функциональное соподчинение элементов информационного содержания (определяется ориентация и масштаб неоднородной системы координат, ядро и периферия чувственного образа). Во-вторых, как способ предметной организации информационного содержания (перцептивная схема). Подобная схема связывает предметные характеристики впечатлений и является смысловой основой чувственного образа; она обеспечивает антиципацию изменений и направление активности субъекта восприятия. В-третьих, как способ ранжирования информационного содержания (перцептивный план). Перцептивный план задает ориентиры и контролирует движение чувственного содержания, объединяя разноразмерные впечатления в организованное целое.

Содержание и форма взаимополняют и взаимопределяют друг друга. Все формы информационное содержание избыточно и неопределенно; все содержания формы виртуальны и неконкретны. За единством содержания и формы чувственного образа скрывается единство субъекта и объекта восприятия. Противоречие формы и содержания становится источником движения перцептивного образа. Форма фиксирует момент призрачности и активности восприятия, снимает информационное «обезличие» действительности. Не только через содержание, но и через форму в образ проникает система живых связей и отношений индивида.

Образ выполняет две противоположные, но взаимосвязанные функции (они выражают двунаправленность события): отражение объекта и регуляцию активности субъекта. Адекватно воспринимается то, что оказывается предметом перцептивной активности. Информационные содержания образа и предмета переосознаются, а чувственные впечатления развертываются посредством взаимодействия субъекта восприятия с объектом. Одновременная реализация функций обуславливает развитие образа, в ходе которого предпосылка и результат, причина и следствие непрерывно меняются местами. Через механизм «оборачивания» воспринимаемое содержание апробируется на адекватность. Цикл и стадии движения чувственного образа воспроизводит цикл и стадии развития события.

Зарождение перцептивного образа обусловлено потребностью субъекта в новой чувственной информации. Она инициирует направленный синтез предпосылок восприятия (схема ситуации, предварительное знание о ее элементах и др.), в результате которого возникает преобраз — «зародышевая клетка» восприятия, в абстрактной форме несущая определение будущего результата. Это ангажация (гипотеза, прогноз) того, что должно быть воспринято. В ходе субъект-объектного взаимодействия преобраз «обрастает» конкретным содержанием, перестраивается и переходит на более высокий уровень организации. Зрелый результат восприятия существует как устойчивое функциональное целое, способное ориентировать и направлять поведение индивида в среде. Выполнив свою роль, перцептивный образ снимается новым конструктом ситуации. Он теряет непосредственно-чувственную основу, включается в контекст перцептивного опыта и приобретает статус представления (Лостев, 1992; Рубинин, 2003).

Чувственный конструкт всегда оказывается квантом или пиком непрерывающегося потока впечатлений. Поэтому схожие конструкты ситуации не «склеены», не соединены внешними принципами, а проливаются друг друга. Восприятие не дискретно, и непрерывно. Перцептивный образ имеет момент инновации, но не начинается «с нуля» и не оканчивается бесследно.

Длительное время внимание исследователей привлекали ранние и средние стадии перцептогенеза; при этом самая возможность восприятия рассматривалась абстрактно: как способность чувственного отражения вообще (Ланге, 1983; Никитин, 1985; Flavell, Draguns, 1957; Smith, 1957; Ularik, Johnson, 1979). Поэтому сегодня особенно важно раскрыть чувственный образ в единстве и полноте связей и отношений, а в каждом конкретном случае — установить его прошлое (предпосылки) и будущее (возможность развития иного).

Вопрос о соотношении элементов и структуры (формы) перцептивного образа решается диалектически. Возникшая в результате синтеза предпосылок, чувственный образ выступает как интегративное целое, которое подробно описано в психологии сознания (Вундт, 1880; Джеймс, 1991). Развиваясь путем специализации своих компонентов и их все большего подчинения целому, чувственный образ обнаруживает черты дифференцированной целостности, структурные закономерности которой изучались представителями Берлинской (Koffka, 1935; Köhler, 1940) и Лейпцигской (Кляйвер, 1928; Сандет, 1930) школ. Перцептивное целое не может возникнуть иначе как на основе исходных элементов, однако оно не может и состоять из них, поскольку как предпосылки они уже не существуют; есть другие элементы, которые обладают иными свойствами, подчиняясь структурным законам. В результате синтеза создается и новое целое, и новые компоненты.

Сходное решение получает проблема целого и части (Воринг, 1942; Piaget, 1969). Если в качестве целого берется чувственный образ, то его частями становятся ядро и периферия. Ядро презентует актуальный предмет восприятия, периферия – фоновые элементы и отношения объекта. Развитие перцептивного образа протекает как возникновение и разрешение противоречия между ядром и периферией. Важно здесь то, что явное ядро (часть) проваливается в структуре сложившегося образа и ведет к его полному преобразованию. Целое, следовательно, не только определяет свою часть, но и определяется ею. Последнее хорошо заметно на той стадии функционирования, когда ядро выражает смысл перцептивного образа в целом.

Конечно, развитие образа не всегда совершается по кратчайшей прямой: перцептивная потребность – результат. За ним всегда стоит активность, в частности, процесс решения перцептивной задачи, в котором возможны избыточные звенья, «беспольные» ходы, «зацикливания» и даже отказы от дальнейшего движения. Соответственно, формирование образа включает как репродуктивный, так и продуктивный, творческий момент, а оперативность образа соседствует с избыточной избыточностью.

С онтологической точки зрения, перцептивный образ далек от дубликата или «ментальной картинки» действительности, возникающей в голове человека при раздражении органов чувств. Чувственный конструирует объекта-ситуации устроен с учетом опыта, свойств и состояния воспринимающего индивида. Это результат перехода вещей и событий от бытия «в себе» к бытию для субъекта, необходимо связанного с изменением их содержания. Образ – это «рефлектирование в другое» или

значение другому (Рубинштейн, 2003, с. 328). Существование образа подчинено принципам органической системы. Он недвоярок, полнорефлекс, внутренне противоречив, динамичен, иерархически или психологически организован, но главное – всегда включен в структуру события и не существует безотносительно к ипсидентивному комплексу. Образ есть не что иное, как *эмпирические события*, его отпечаток во внутреннем мире человека. Появляются дополнительные системы отсчета, в которых продукт восприятия обнаруживает новые качества. Поскольку объект-ситуация и его образ оказываются разными полюсами одного и того же целого, порождается одновременно, требуется нетрадиционный подход как в методическом плане, так и в плане интерпретации эмпирических данных. Онтологический аспект перцептивного образа вышесказанно изучен и нуждается в глубокой проработке, но именно он представляет наибольший интерес как с теоретической, так и с практической точек зрения.

Важным следствием, вытекающим из вводимого строя понятий, являются представления о *обыкновенной относительности* феноменов восприятия и *сложившейся* природе их связей. Чувственная данность индивиду окружающего его действительности (перцептивный образ) возможна лишь в той мере, в какой сложилась: а) порождающее его основание – объект-ситуация и б) совокупность внутренних условий восприятия – ипсидентивный комплекс. Минус эти инстанции, исследователь пропускает существенные звенья в цепи взаимосвязей образа и предметного действия, образа и непосредственного общения, образа и структуры личности, образа и других психических явлений, образа и процессов нейродинамики, что затрудняет или делает невозможным понимание действительной природы восприятия.

Завершая обсуждение, отметим, что онтологический подход в психологии существенно видоизменяет ландшафт проблемного поля и стратегию исследования чувственного восприятия. Во-первых, процесс восприятия «приобретает лицо», становится личностным (альтернатива изучению восприятия как абстрактной функции). Во-вторых, в содержании объекта восприятия включается весь спектр реальных событий действительности, как природного, так и социального (альтернатива эмпирическому – абстрактно-логическому – объекту восприятия: телу, абстрактному пространству, времени, движению). В-третьих, вводится объективный посредник феноменов восприятия и воспринимаемой действительности, обуславливающий возможность объективного исследования перцепции (альтернатива феноменологическому и бихевиоральному подходам). В-четвертых, восприятие рассматривается в системе других психических явлений (альтернатива

взаимоотношениях психических процессов в их изолированности друг от друга). В-пятых, само восприятие выступает как многомерное, многосуровневое, развивающееся целое (альтернатива механистическому подходу, с одной стороны, и холистскому — с другой). В-шестых, основной формой детерминации перцептивных явлений становится системный детерминизм (Ломов, 1984), наиболее полно реализующий диалектику внешнего и внутреннего (Рубинштейн, 2003) применительно к восприятию (альтернатива причинно-следственным отношениям лапласового детерминизма). В-седьмых, открывается возможность установления тесных внутри- и междисциплинарных связей психологии восприятия как относительно самостоятельной области научного знания (альтернатива узкодисциплинарного исследования). В-восьмых, выявляемые закономерности восприятия с самого начала оказываются экологически и социально, в том числе профессионально, валидными (альтернатива практической беспомощности абстрактно-академических изысканий).

Прогресс в рассмотренной области знания связан с разработкой теории, методов и прикладных процедур конкретной эмпиологии восприятия, предметом которой оказывается перцепция как акт бытия человека, *событие* его жизни.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрыцкова-Савицкая К.А. Деятельность и психология личности. М.: Наука, 1989.
- Асмолов Е.Г. Сенсорно-перцептивная организация человека // Познавательные процессы: ощущения, восприятие. М.: Педагогика, 1982.
- Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект-Пресс, 1997.
- Ашотин В.К. Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1978.
- Архипов Р. Визуальное мышление // Зрительные образы: Феноменология и эксперимент. Душанбе: Донна, 1973. Т. 2. С. 8–98.
- Архипов Р. Искусство и визуальное восприятие. М.: Прогресс, 1974.
- Архиповых Е.В. Основы психологии субъективной семантики М.: Наука-Смысл, 1999.
- Карабалицкий В.А. Восприятие и событие. СПб.: Алетейя, 2003.

- Барбашаков В.А.* Психология восприятия. Организация и развитие перцептивного процесса. М.: Когнито-Центр, 2006.
- Барбашаков В.А., Беломыслий В.И.* Стабильность видимого мира. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Барбашаков В.А., Мельник Л.Г.* Ситуационный подход к исследованию психики и поведения человека // Системные исследования в общей и прикладной психологии. Набережные Челны, 2000. С. 54–69.
- Барбашаков В.А., Носовичев В.И.* Системность. Восприятие. Общество. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002.
- Бегтин М.М.* Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000.
- Бодальн А.А.* Личность и общество. М.: Педагогика, 1983.
- Бодров В.А.* Информационный стресс. М.: ПЕР СЭ, 2000.
- Вавилов С.И.* Глаз и солнце. М.: АН СССР, 1961.
- Величковский Б.М.* Современная когнитивная психология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.
- Высоцкий Л.С.* Психология развития как феномен культуры. М.-Воронеж: АПСН, 1996.
- Вурьян В.* Основания физиологической психологии. М.: Изд-во Н.А. Абрикосова, 1880.
- Гибсон Дж.* Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988.
- Геллер В.Д.* Зрение и мышление. Л.: Наука, 1985.
- Гризеи Ч.Х.* Зрительное восприятие // Экспериментальная психология. М.: Прогресс, 1963.
- Вайс Дж.* Психология и география: основы поведенческой географии. М.: 1990.
- Велько А.А.* Образная сфера человека. М.: Из-во «Институт психологии РАН, 1992.
- Вельман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000.
- Давыдов В.В.* Виды обобщений в поведении и обучении. М.: Педагогика, 1972.
- Джеймс У.* Психология. М.: Педагогика, 1991.

- Запорожца А.В. Развитие восприятия и деятельности // Вопросы психологии. 1987. № 1. С. 11–17.
- Зачемко В.И. Образ и деятельность. М.-Воронеж: Институт практической психологии, 1997.
- Кодз М. Культурно-историческая психология. М.: Когито-Центр, 1997.
- Кривошапкин В.А. Символизм в изобразительном искусстве. М.: Изобразительное искусство, 1994.
- Курьянов В.Д. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М.: Политиздат, 1980.
- Лавин И.И. Психологические исследования. Одесса: Новорос. ун-т, 1983.
- Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь, 2000.
- Левиньяк А.И. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977.
- Левиньяк А.И. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2000.
- Левиньяк А.А. Психология общения. М.: Смысл, 1999.
- Лидский Г., Норман Д. Переработка информации у человека // Введение в психологию. М.: Мир, 1974.
- Ломовичко А.Д. Чувственные основы восприятия пространства. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985.
- Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Март Д. Зрение. М.: Радио и связь, 1987.
- Междисциплинарное восприятие в группе / Под ред. Г.М. Андреевой, А.И. Довгова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981.
- Марьякин А.И. Константность и полифункциональность восприятия. М.: ИИ РАН, 1992.
- Марьякин А.И. Психология пространственного восприятия. Ереван: Айстан, 1990.
- Марьякин А.И. Контуры трансцендентальной психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. Кн. 2.
- Марьякин А.И. Константность и функциональная гибкость восприятия // Вопросы психологии. 1983. № 4. С. 104–110. Мухоморов А.А. Системная организация зрительных функций. М.: Наука, 1988.
- Маслова В.И. Психология отношений. М.-Воронеж: АПСН, 1995.
- Найденковичи Ш.А. Психологическая природа восприятия. Тбилиси: Медицина, 1976.

- Найссер У.* Познание и реальность. М.: Прогресс, 1981.
- Николаев М.И.* К вопросу об образовании зрительных восприятий // Психологический журнал. 1985. № 3. С. 14–21.
- Носовская В.И.* Психофизика восприятия естественной среды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Овчинин Д.А.* Предметное действие и оперативный образ. М.: Воронежск АПСН, 1999.
- Петренко В.Ф.* Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм презентации в обыденном сознании. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.
- Роман В.М.* Визуальная культура и восприятие. М.: Эдиториал УРСС, 1996.
- Рот Н.* Введение в зрительное восприятие. М.: Педагогика, 1989.
- Росс Л., Нисбеком Р.* Человек и ситуация. М.: Аспект-Пресс, 1989.
- Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. М.: АН СССР, 1957.
- Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 1999.
- Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
- Смирнов А.А.* Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. М.: Пресс, 1975.
- Теплов Е.М.* Избранные труды. М.: Педагогика, 1985.
- Ухович Д.И.* Психологические исследования. М.: Наука, 1966.
- Фресс П., Вилкокс Ж.* Экспериментальная психология // Восприятие. М.: Прогресс, 1978.
- Холодная М.А.* Психология интеллекта: парадоксы исследования. М.-Томск: Барс, 1997.
- Шварцманов И.И.* Когнитивный стиль в общении. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского пед. ун-та, 1994.
- Алпорт Ф.* Theories of perception and the concept of structure. N.Y.: Wiley, 1955.
- Argyle M., Furnham A., Graham J.A.* Social situations. Cambridge University press, 1981.
- Barker R.G.* Ecological psychology: concepts and methods for studying the environment of human behavior. Stanford, Ca.: Stanford Univ. Press, 1968.
- Boring E.G.* Sensation and perception in the history of experimental psychology. N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1942.

- Bruce V., Green P.* Visual perception: physiology, psychology and ecology. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1993.
- Carterette E.C., Friedman M.P.* Handbook of perception // Historical and philosophical roots of perception. N.Y.: Wiley, 1974. V. 1.
- Fiscell J.H., Deegan J.* A microgenetic approach to perception and thought // *Psychol. Bull.* 1957. V. 54. P. 197-217.
- Frisby J.P.* Seeing. Oxford: Oxford Univ. press, 1979.
- Gardner W.R.* The processing of information and structure. Potomac: Erlbaum, 1974.
- Garden J.E.* Theories of visual perception. N.Y.: Wiley, 1997.
- Itruss W.H.* Visual space perception. N.Y.: Springer, 1960.
- Itruss W.H., Proshansky H.M., Kirbis L.G., Winsel G.H.* An introduction to environmental psychology. N.Y.: Holt, Rinehart & Winston, 1974.
- Johansson C., Hofsten C. von, Jansson G.* Event perception // *Rev. of Psychol.* 1980. V. 31. P. 27-63.
- Kaufman L.* Sight and mind: An introduction to visual perception. N.Y.: Oxford Univ. press, 1974.
- Koffka K.* Principles of gestalt psychology. N.Y.: Bruce, 1935.
- Köhler W.* Dynamics in psychology. N.Y.: Liveright, 1940.
- Kreger F.* The essence of feeling: Outline of a systematic theory // *Feelings and emotions.* Worcester: Mass. Univ. Press, 1928. P. 58-78.
- Knigh U., Smith G.* Percent-genetic analysis. Lund: Gleerup, 1970.
- Lahow S.* Observing cognitive work in offices // *Cooperative buildings. Integrating information, Organizations and Architecture* / Ed. by Streig, Siegel, Hartkopf, Konomi. Heidelberg: Springer, 1999. P. 150-163.
- Lewis K.* Principles of topological psychology. N.Y.: McGraw-Hill, 1996.
- Magnusson D.* Wanted: A psychology of situation // *Towards a psychology of situations and interactional perspective.* Hillsdale (N.J.): Erlbaum, 1981. P. 9-32.
- Magnusson D., Allen V.L.* An interactional perspective for human development // *Human development: An interactional perspective.* N.Y., 1985. P. 281-299.
- McArthur L.Z., Brown R.M.* Toward an ecological theory of social perception // *Psychol. Rev.* 1983. V. 90. № 2. P. 215-238.
- Neisser U.* Cognitive psychology. N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1967.

- Palmer S.E.* Vision science: photons to phenomenology. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2002.
- Piaget J.* The mechanisms of perception. N.Y.: Basic Books, 1969.
- Pylyshyn Z.W.* Seeing and visualizing. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 2003.
- Sander F.* Structures, totality of experience, and gestalt // *Psychologies of 1930*. Worcester (Mass.): Clark Univ. press, 1930. P. 188–204.
- Shiner B.* About behaviorism. N.Y.: Knopf, 1974.
- Smith G.* Visual perception: An event over time // *Psychol. Rev.* 1957. V. 64. P. 306–313.
- Taylor J.G.* The behavioral basis of perception. New Haven: Yale Univ. press, 1962.
- Uexküll J.* A stroll through the worlds of animals and men // *Instinctive behavior* / Ed. by S.H. Scholler. N.Y.: Int. Univ. Press, 1957. P. 5–80.
- Ullsack J., Johnson R.* Development of form perception in repeated brief exposures to visual stimuli // *Perception and perceptual development: Perception and experience*. N.Y.: Plenum Press, 1979. P. 374–360.

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ И РЕВОЛЮЦИЯ В КОГНИТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ РАЗВИТИЯ

Е.А. Сергиенко

В настоящей статье хотелось бы обратить внимание читателя на те принципиальные изменения в психологических представлениях, которые происходят в психологии и имеют фундаментальное значение для всей психологической науки. Только постепенное накопление знаний, эмпирических и теоретических, их заметная эволюция приводят к революционным сдвигам в науке. Хотелось бы проиллюстрировать это положение на примерах.

Психология находится в постоянном кризисе: поиск предмета, методов, надежных критериев психических феноменов, размытого, все возрастающего множества понятий. Изучение истории психологии внушает постоянную тревогу: может ли кризис быть перманентным? Однако если взглянуть на кризисы глазами оптимиста, то окажется, что кризисом — это показатели интеллектуального и бурного развития молодой метауслуги, вбирающей идеи и гуманитарного, и естественнонаучного знания. То, что называется кризисами, отражает внутреннее развитие методологических основ, интеграцию новых идей, что неизбежно ведет к пересмотру многих устоявшихся положений науки. Мне представляется, что кризисы являются показателями роста науки. Происходит постепенная эволюция идей и представлений, приводящая к революционным изменениям.

Прогресс психологических знаний, их постепенная эволюция позволяли отойти от жесткой дихотомии в представлениях о детерминантах психического развития: или биологическое или социальное, или генетическое или средовое, или врожденное или приобретенное, сменяющейся пониманием непрерывного континуума взаимодействий направляющих развития: и генетическое и средовое, и биологическое и социальное. Основная черта современного понимания роли биологического фактора в развитии психики — отказ от узкого биологического детерминизма, наиболее ярко выраженный в словах К. Левинтина: наша биология делает нас свободными, в том смысле, что в нашей психике переосмысливаются множество составляющих, образованных человеческой природой во взаимосвязях с миром (Левинтин, 1993).

По остроумному замечанию Д. Хебба, роль генома и среды в формировании сложных поведенческих адаптаций оценить столь же трудно, как решить вопрос: от чего больше зависит площадь — от длины или ширины (Hebb, 1949).

Хотя и сложно расставаться с дихотомией, которая коренится в основах человеческого знания, в настоящий момент скорее стоит вопрос выявления «весов» генетических и средовых факторов на разных уровнях развития при становлении систем взаимодействия.

Коактивация генетических и средовых факторов необходима для любых форм развития, на каком бы уровне мы их не рассматривали — психологическом или физиологическом. Этот принцип коактивации ярко выражен в метафоре эпитетического ландшафта, представляющей организм как определенный, индивидуальный рельеф, в котором происходит развитие. Однако обобщенные перспективные разработки системно-эволюционного подхода не дают ответа на конкретные вопросы: как, когда и какие внутренние и внешние факторы детерминируют развитие, как осуществляется многоуровневое и многокачественное взаимодействие. Некоторые перспективы на этом пути открываются при анализе сензитивных периодов развития.

Необходимо различать понятия «сензитивного» периода и «кризиса», которые наиболее часто употребляются в психологических теориях. Так, в культурно-исторической теории психического развития Л.С. Выготского выделяются кризисы развития как переходы от одной стабильной стадии развития к другой. Это кризисы первого года, 3, 7 и 13 лет. Понимание кризиса как переходного процесса интенсивно разрабатывается в современной психологии развития в таких подходах, как теория динамических систем (Thelen, Smith, 1994), и коннекционизм (Miyakata, McClelland et al., 1997). Развитие видится как изменение свойств целостной системы и может быть понято только в терминах сложного взаимодействия ее компонентов. Редукция к одному элементу, структуре или причине невозможна. Ключевая характеристика динамической системы — самоорганизация, что означает достижение новых состояний через собственное функционирование. При непрерывном изменении по одному или более параметрам, новое состояние может возникнуть спонтанно как функция нелинейных взаимодействий между элементами системы.

Сензитивный период отличается от критического только степенью соответствия генома и среды. Сензитивные периоды более либеральны и не предполагают столь жесткого соответствия. Их

можно описать фразой «можно и лучше сейчас, чем в другое время», а при рассогласовании генетико-средового взаимодействия возможен широкий спектр вариантов адаптации. Критический же период означает, что «только теперь и только это», а вариативность развития строго ограничена. При этом в человеческом развитии наблюдаются немногочисленные критические и множественные сензитивные периоды. Возрастные кризисы характеризуются множественностью одновременно протекающих сензитивных периодов в развитии разных психических функций, которые и проявляются столь очевидно на поведенческом уровне из-за многочисленных изменений. Трудно согласиться с тем, что кризисные периоды — это всегда революционные, а не эволюционные этапы, когда происходит отмирание старого и порождение нового (Полуханова, 2000). Не отмирание, а иерархическая реорганизация дает наблюдаемый эффект появления нового. Это часто эволюционный путь развития. В модели динамических систем к реорганизации системы может привести постепенное накопление взаимодействия старых компонентов и включение новых, даже незначительных звеньев. Динамические системы изменяются во времени, достигая нового оптимального состояния. Поведение и его развитие являются результатом функционирования сложных систем, включающих психологические, биологические и физические компоненты. Например, при реализации поведения оно может казаться дискретным и неупорядоченным, тогда как на уровне динамики систем оно непрерывно и упорядочено само по себе. Так происходит развитие словаря через повторение отдельных слов, фонем, интонаций, которое не может пока быть реализовано как ясное проявление речи. Однако шаг за шагом происходит непрерывное упорядочивание компонентов системы, что приводит в процессе самоорганизации к образованию динамической системы, реализующей речь. Маленькие, незаметно нарастающие изменения могут результироваться позже — стать причиной больших изменений. Данная модель позволяет понять логику рассогласования между уровнем непрерывных изменений системы и дискретным переходом ее в новое состояние, к новому уровню функционирования. Динамическая модель открывает путь анализа одновременных изменений (темы, созревание, опыт) для понимания мультиуровневой причинности.

Хотелось бы указать еще на одно обстоятельство, объясняющее интенсивную эволюцию психологических знаний. На современном этапе развития психологии намечается интеграция разных областей психологического знания. Важность междисциплинарного

и полипарадигмального подхода в психологии подчеркивает Т.Д. Маршиковская (2004), приводя замечания Г. Спенсера, утверждавшего, что психология — уникальная наука, имеющая дело и с внутренними, и с внешними факторами, тогда как естественные науки направлены на внешние факторы, а гуманитарные — на внутренние. Отсюда следует, что для психологии использование одной парадигмы не имеет смысла.

Взаимопроникновение разных парадигм исследования ведет к осознанию единого предмета в научении человека и способствует не только росту междисциплинарных исследований, но и становлению единой психологической науки, которую лучше всего было бы обозначать как науку о человеке, что предвидел и на чем настаивал в своих работах Б.Г. Алашеев. Примеры могут быть приведены на самых разных областях. Так, казалось бы, совершенно далекие от пересечений области социальной психологии, когнитивной психологии и психологии развития почти совершенно не разделены в области социального познания. В центре — проблема познания законов социума, которую не решить без анализа становления различных механизмов этого процесса, без представлений об организации знаний у человека. Как происходит разделение представлений о физическом и социальном мире, каковы предикторы и предикторы познания социального в отличие от физического, какие механизмы отвечают за приобретение знаний о других людях и законах их жизни, в каких условиях происходит данное познание и что может нарушить этот процесс? Какова природа атрабуций, почему люди так плохо понимают друг друга, и где граница между пониманием и поведением? Некоторые из перечисленных вопросов позволяют, кроме указанных областей психологии, назвать еще и экзистенциальную психологию, и клиническую психологию, занимающуюся нарушениями познания (так, при аутизме страдает именно социальное познание и, как следствие, — социальное поведение индивида), психологию управления и даже нейропсихологию (нейропсихологические механизмы дефицита социальных взаимодействий). На этом примере становится очевидным, что границы областей знаний, скорее указывают лишь на предмет исследования и способы анализа, нежели на обособленность научных областей. Более того, границы часто выступают как досадное недоразумение, когда исследователи, занимаясь, по сути, сходными проблемами, не знают о достижениях коллег, поскольку находятся в контексте своей узкой области. Поэтому для психологической науки одной из основных задач становится построение все

более общих принципов психологии человека. На этом пути принципа развития, по глубокому и горячему убеждению автора, является ведущим.

В отечественной психологии принцип развития в изучении психики человека рассматривается как ведущий. Однако проблемами раннего онтогенетического развития психики человека занимаются лишь единицы. В то же время, огромное внимание к исследованным именно раннего онтогенеза человека привело к принципиальным теоретическим сдвигам в области психологии познания.

Такая революция произошла и в психологии развития, а именно, в области когнитивного развития. Эта революция почти не отражена научной общественностью нашей страны, но активно обсуждается на мировой психологической арене.

Прежде всего она коснулась вопросов о происхождении знаний, роли действий в психическом развитии, становления ментальных репрезентаций, базовых основ личности, субъектности. Безусловно, невозможно рассмотреть все принципиальные вопросы, поднятые прошедшей теоретико-эмпирической революцией, поэтому я перечислю лишь несколько основных и принципиальных моментов.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЖИТЕЙСКИХ ЗНАНИЙ

Традиционно было принято считать, что младенцы не способны к адекватному восприятию мира, не обладают способностью к репрезентации и образованию представлений о законах существования мира. Они проходят длинный путь от ощущения к восприятию, представлению, до образования понятий. Современная революция в психологии развития заставляет пересматривать эти представления. Младенцев с самого раннего возраста наделяют организационными принципами, позволяющими репрезентировать мир и «понимать» некоторые законы его существования.

Исследования в области истории науки показали, что революционные изменения в научных знаниях происходят редко и проходят трудный и тернистый путь. Житейские же знания о физическом и социальном мире появляются спонтанно и легко. Некоторые из них приобретаются в течение младенческого периода до того момента, как дети обретают способность понимать инструкции или формальную логику. Такие когнитивные структуры, как непрерывность

и субстанциональность, глубоко видрены в когнитивные репрезентации физического мира.

Первый тезис революционных изменений состоит в том, что младенец — не сенсорный индивид, лишенный упорядоченных ментальных структур, погруженный в хаос ощущений, как ранее полагалось. *Младенец — репрезентативный индивид*, наделенный способностью структурировать и упорядочивать мир. Младенческие понятия далеки от сознательных понятий взрослых, оперирующих абстракциями. Однако без базовых, начальных, несознаваемых конструктов младенцев, направляющих и регулирующих их взаимодействие с миром, невозможно представить континуальное развитие мышления человека.

Сильным аргументом, подтверждающим данное заключение, являются факты, свидетельствующие о наличии у младенцев способности к антиципации. Источником неосознанной концептуальной активности младенцев является репрезентация пространственных характеристик объектов и событий. Идея состоит в том, что перцептивный анализ пространственной структуры может привести к выявлению ментальной описанной типа образных схем, которые становятся прекурсорами концептов, таких как «ожидание», «агент», «вместитель». Образные схемы — это репрезентации перцептивных структур событий, таких как пространственные отношения и движение в пространстве (например, «вместитель»). При формировании образных схем используются активные абстракции ключевой информации о таких событиях, которые затем кодируются в неперцептивную форму, репрезентирующую значение. Эти значения — простые понятия: «вверх-низ», «часть-целое», «живь». Знания, основанные на таких значениях, осознаются, и их содержание пополняется по мере познавательного развития ребенка (Серженко, 1996, 2002; Melzoff, Moore, 1998; Spelke et al., 1992).

Доказательства способности младенцев к образному образным схем, по крайней мере, в 2-месячном возрасте, мы находим в пространственно-временных эффектах антиципации. Младенцы способны предвосхищать исчезновение объекта. Надежным свидетельством того, что в основе этой способности лежит репрезентация пространственных характеристик, является наличие различных стратегий поисковых движений глаз. В нашей работе продемонстрировано наличие дискретных и непрерывных стратегий в задачах исчезновения объекта за ширмами разной величины уже у детей 2-месячного возраста. Выбор адекватной стратегии исполнительного действия указывает на существование внутренних репрезентаций, делающих

возможной вариативности исполнительного поведения (Сергиенко, 1992). Детальный анализ динамики исполнительных действий у младенцев (в виде глаубодитивельных стратегий) приводит к мысли о том, что, по всей вероятности, у них существует хотя бы «сырая» репрезентация пространства, основанная на способности интегрировать пространственно-временные отношения. Наличие врожденной или очень рано возникающей способности к репрезентации пространства не означает ее жесткой запрограммированности и неизменности. Это, скорее, направленная готовность к интеграции, а более точная настройка обеспечивается самой задачей. Репрезентация целостности пространства является важной составляющей познания физического мира на основе использования закона непрерывности (Сергиенко, 1992; Spelke et al., 1992). «Понимание» некоторых законов существования физического мира в столь раннем возрасте подтверждается данными о возможности новорожденного имитировать выражение лица взрослой модели (Field et al., 1982) и повторять жесты (Meltzoff, Moore, 1977). Многократно подтвержденные опыты с имитацией у младенцев заставляют согласиться с тем, что задолго до 8-месячного возраста, оцененного Пиаже как первый этап сенсомоторной интеграции, младенцы демонстрируют способность к интегративным действиям, предполагающим наличие репрезентаций. Механизмом образования активной репрезентации является интермодальное взаимодействие.

Наши исследования функционирования антиципирующих слем в ранний период младенчества и данные о развитии интермодального взаимодействия в условиях зрительной депривации показывают, что имеет место начальная интеграция восприятия и действия, предполагающая возможности репрезентации (Сергиенко, 1996).

Многочисленные данные исследований, включая наши собственные, убедительно свидетельствуют в пользу гипотезы о способности младенцев к репрезентации (Сергиенко, 1996; Spelke et al., 1992; Vallboerj et al., 2002). Младенцы, начиная с самого раннего периода развития, имеют активную репрезентацию некоторых аспектов существования физического мира. При этом их способность представлять и «интерпретировать» физический мир развивается в раннем возрасте, опережая способность активно действовать в нем. В 3–4-месячном возрасте младенцы не способны говорить об объекте, совершать локомотории вокруг него и активно манипулировать с ним. Они даже видят объекты с невысокой разрешающей способностью. В то же время младенцы этого возраста могут представлять объекты, исчезающие из поля зрения, интерпретируют их скрытые перемещения, «знают»

о пространстве их существования. Младенцы представляют объекты и причинность их движения в соответствии с такими свойствами поведения материальных тел, как непрерывность и субстанциальность (Сергиенко, 2002). Данные, полученные нами и другими исследователями, опровергают теорию Пиаже, что знание о физическом мире зависит от интерпретации сенсомоторных структур и накапливается постепенно, по мере становления координации восприятия и действия. Кроме того, результаты приведенных экспериментов отрицают утверждения сторонников различных эмпирических теорий, предполагающих, что источником знаний о физическом мире являются только действия в нем, что представления возникают благодаря активному манипулированию с объектами этого мира или локомоциям вокруг них, или невозможны до освоения языка и жестов.

Одним из аргументов в пользу того, что действие опосредует развитие знаний о физическом мире не столь прямолинейно, могут служить наши исследования детей с врожденной катарактой и врожденно слепых младенцев. У этих детей действия с объектами не развиваются до становления представлений о постоянстве объектов, которое происходит у них существование позже, чем у нормальных детей, из-за отсутствия зрения, которое выполняет функцию интегратора в процессе взаимодействия. Существенные задержки наблюдаются также в развитии локомоций, которые также направляются и побуждаются ментальной представленностью окружения (Сергиенко, 1996).

Однако это не означает неизменности базовых представлений. Тесная связь восприятия и действия как неразрывных звеньев любого взаимодействия, совершающихся, развивает представление, которое имеет врожденную основу. Эта основа может быть обобщена как *сердцевина* или *ядро знания*, или как «*антиципирующая схема*». Составной элемент «*антиципирующей схемы*» – *представленность* (репрезентация) внешнего мира, которая направляет восприятие и организует действие, а это, в свою очередь, развивает, изменяет и дополняет первоначальное, базовое понятие. Приведенные доказательства и аргументы говорят в пользу базовой, очень рано формирующейся основы интеллеcного понятия, которым оперирует взрослый, и опровергают теорию о возможности конгний.

Подобные представления перекликаются с идеей спонтанности мышления И. Канта. В основе спонтанности мышления лежит способность к воображению (в основе которого – репрезентация, выразитель современным языком). Рассудок, благодаря воображению, порождает свои понятия. Созидательная деятельность воображения обусловлена

готовыми конструкциями (категориями) и эмпирическим материалом. Категории описываются схемами. Схемы же являются продуктом воображения. Априорные знания, по Канту, отличаются от врожденных идей Платона. Априорны только формы (или принципы организации, в современной интерпретации), содержание же целиком зависит от опыта. Существуют две априорные домысливаемые формы: пространство и время. Синтезирующая деятельность познания начинается уже на уровне чувства (сравните с гипотезой о категоричности восприятия Дж. Брунера, Р. Претори). Здесь происходит тройкий синтез: скатывание представлений, сведение многообразного содержания в единый образ, далее – репродукция представлений в памяти и, наконец, апперцепция – узнавание, установление тождества представлений с действительным. Этот тройкий синтез осуществляется на основе воображения. Категории проникают в чувства, делая их осмысленными. Категории априорны, но не врождены. Они создаются сами по себе в ходе развития чистого разума. В Гете подчеркивал, что Кант первым ввел представление о воображении как необходимой составной части восприятия.

Приведенные философские взгляды Канта, несмотря на их спорность, вызывают прямые аналогии с современными представлениями о необходимости включения в восприятие актицизирующих схем, предполагающих избирательность и упорядочивание взаимодействия, о саморазвитии, в том числе и мышления, где внутренние механизмы развития – это только потенциалы (формы), получающие реализацию (содержание) через опыт взаимодействия со средой, по законам организации среды. Принцип эволюции разрешает противоречие в дихотомии гены – среда, биологическое – социальное, врожденное – приобретенное.

СООТНОШЕНИЕ ВОСПРИЯТИЯ И ДЕЙСТВИЯ

Второй тезис революционных концептуальных изменений связан с первым. Классические теории психического развития предполагали, что формирование понятий происходит благодаря действиям ребенка (Ж. Пиаже; А.Н. Леонтьев). Современная психология развития показала, что задолго до того, как ребенок обретает способность осуществлять манипуляции с объектами, перемещаться активно, он *уже* когнитивно компетентен, чем представляли до сих пор. *Воображение и действие – неотъемлемые составляющие одной системы взаимодействия, управляемые общими эволюциями.*

На основе собственных исследований и данных других авторов (Сергиенко, 2004; Berthelal, 1996) в области раннего онтогенеза нами выдвигается гипотеза о возможности выделения в единой системе восприятия и действия двух функциональных субсистем – перцептивного контроля действия и опознания. Отличия в организации функционирования этих двух субсистем лежат в координатах взаимодействия с окружающим миром (аллоцентрическая – эгоцентрическая), типа кодирования и хранения информации (амодальное кодирование – модально-специфическое), степени осознанности (большая степень характерна для системы опознания) и особенности эффектов антиципации (пространственно-временное упреждение – избирательное ожидание). Обе субсистемы развиваются с момента рождения, однако субсистема перцептивного контроля достигает более зрелого уровня организации раньше субсистемы опознания. Несмотря на признаки диссоциации между двумя субсистемами, их функционирование управляется репрезентативными, организованными гетерархически, и активируются в соответствии с требованиями задачи. Координация восприятия и действия обеспечивается абстрактными структурами репрезентации, которые могут быть амодальными, но могут быть и модально-специфичными. Какой формат хранения знаний будет использоваться, будет зависеть от задачи, стоящей перед субъектом. Предполагается, что оба типа репрезентативного хранения развиваются с самого рождения, но амодальное кодирование обеспечивает базовые уровни информационной обработки в большей степени, чем модально-специфическое, поскольку дает самое общее представление о пространственно-временных характеристиках объектов и событий, а также способах действий. Детализация сцены предполагает модально-специфическое кодирование и более высоко организованные уровни организации действий. Таким образом, мы полагаем, что система репрезентации–восприятия–действия имеет уровневую организацию.

Еще одним из важнейших аспектов революционных изменений в психологии развития, затрагивающих и когнитивное развитие, является проблема становления человека как субъекта.

В отечественной психологии, с доминирующей в ней тенденцией к гиперсоциализации, вся ответственность за психическое развитие ребенка возлагается на взрослого как уполномоченного представителя социума, без которого невозможно становление высших психических функций. Этому вопросу автор посвятила ряд работ (Сергиенко, 1992, 1996). С точки зрения подобного гиперсоциализированного подхода,

ребенок остается объектом воздействия, а не субъектом. Наша точка зрения состоит в том, что ребенок с самого раннего момента своего существования (с перинатального периода) наделен своей собственной индивидуальностью, которая складывается на основе уникального профиля его структур и функций, которые, безусловно, включают как универсальные, видовые, общечеловеческие, так и особые составляющие. Эта индивидуальная составляющая поведения ребенка (а сначала и плода) определяется не только уникальностью его генетических корней, но и историей его развития, которая, наряду с типичным, вносит свои особенности в поведение, способности ребенка, становление его ментального мира. Поэтому мы считаем, что нельзя не учитывать индивидуальность человека на всех этапах его развития. Индивидуальность человека тесно связана с категорией субъекта. Данная категория, в развитие которой внесли огромный вклад С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова, Б.Г. Ананьев, Д.Н. Узнадзе и многие другие (см.: Сергеевко, 2002), наиболее полно разработана в рамках субъектно-деятельностного подхода А.В. Брушлинским (2003).

ГЕНЕТИЧЕСКАЯ И СРЕДОВАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ КОГНИТИВНОГО РАЗВИТИЯ

Третий тезис касается представлений, доминирующих не только у большинства людей, но и у специалистов: что раннее развитие ребенка находится под значительно большим генетическим контролем, чем в старшем, а тем более во взрослом возрасте. Революционные изменения этих представлений связаны с данными психогенетики, показавшей, что генетические влияния на развитие интеллекта в младенческом возрасте минимальны, с возрастом они усиливаются и приобретают максимальные значения у взрослых людей. Более того, привлечение психогенетических исследований к анализу проблемы сензитивного периода позволяет раскрыть ковариацию генетической активации и средовой настроенности для перехода на новый уровень развития.

Психогенетика заставляет пересмотреть представления о критических периодах и их детерминации, о значительном вкладе генетических факторов в развитии речи, индивидуальности, т. е. повышение ключевых положений о детерминантах психического и когнитивного развития (Сергеевко, 2002; Plomin et al., 1997). Но означает ли это, что необходимо отказать от представлений о важности среды,

социальных факторов в психическом развитии ребенка? Безусловно, нет. Генетическое без средового, также как и средовое без генетического – совершенно пустые понятия. Две эти силы составляют непрерывный континуум взаимодействий, изменяются только их «ключевые» приложения в разные моменты жизни человека, к разным его способностям (Сергеевко, 1992, 2002).

Четвертый тезис касается проблемы становления человека как субъекта. Развитие человека как субъекта происходит в процессе непрерывном, что дает возможность рассматривать даже самого маленького ребенка как активного субъекта собственной жизни.

Мы выделили следующие уровни развития субъектности: от протосубъектных уровней первичной и вторичной протосубъектности к уровню агента и настоящего субъекта. При этом все уровни взаимосвязаны и взаимообусловлены, что предполагает историческую связность уровней критериев субъектности. Выделение внутренних психических структур взаимодействия позволяет представить процесс социализации как бинаправленный: не только воздействие взрослого субъекта и личности на ребенка, но и содействие с ним как субъектом и личностью.

Создание эволюции и революции в психологии можно проиллюстрировать приростом новых теоретических представлений на основе арсенала классических психологических теорий и школ.

Так, в теории деятельности А.Н. Леонтьева совместная деятельность людей играет ключевую роль в становлении сознания. Всем известен пример с охотой и распределением ролей между участниками, коммуникациями для достижения общей цели, которая в рамках такой деятельности ментально представлена у каждого субъекта действия и неразрывно связана с его собственными целями. В работе Микела Томаселло с коллегами (Tomaseffo et al., 2005) предлагается гипотеза об истоках человеческого познания. Он указывает, что суть различий между человеческим познанием и познанием животных – это способность участвовать в коллективной деятельности, в которой есть общая цель и общие интенции. Общая цель и интенции составляют понятие общей интенциональности (у А.Н. Леонтьева – общий мотив). В теории А.Н. Леонтьева условием формирования подобной деятельности был труд, тогда как у Томаселло – стремление к общей интенциональности, к сотрудничеству. Акценты изменились, но ключевая мысль осталась как основа эволюции идей.

Можно привести в качестве примера и концепцию Ж. Пиаже, критика которой, во многом справедливая, на следующем эволюционном этапе развития психологического знания привела к пониманию, что

концепция Пиаже, особенно дооперационального интеллекта и стадии конкретных операций, может быть справедливой для описания процессов понимания физических и социальных взаимодействий.

Таким образом, мне представляется, что прогресс психологической науки не может произойти вдруг, он является результатом постепенных и длительных усилий психологов — представителей разных направлений, теоретиков, эмпириков и практиков. Главное — создать макро- и микросреду, где наука востребована и общественно значима, а не принижена.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что автор рассматривает представлений анализ революционных преобразований в когнитивной психологии и психологии развития как положение вещей на настоящий момент времени. Многие вопросы, поднятые здесь, нуждаются в разработке, более подробном исследовании. Однако одно остается постоянным — это убеждение, что ключ к решению проблем развития лежит в генетическом подходе, и только анализ динамики развития позволит психологии вскрыть сущность психических феноменов.

ЛИТЕРАТУРА

- Александров Ю.И.* Научение и память: системная перспектива // Вторые синоновские чтения. М.: РАН, 2004. С. 3–51.
- Амшель Е.Г.* О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977.
- Андерферова Л.И., Зюблинина Д.И., Рыбалко Е.Ф.* Категория развития в психологии // Категория материалистической диалектики в психологии. М., 1988. С. 9–36.
- Брумер Дж.* Психология познания. М.: Прогресс, 1977.
- Брушлинский А.В.* Психология субъекта. Алетейя, 2003.
- Греслер Р.А.* Глаз и мозг. Психология зрительного восприятия. М.: Изд-во «Прогресс», 1979.
- Захарович А.В.* Психология действия. М.-Воронеж. Изд-во «Московский психолого-социальный институт», 2009.
- Левинсон Р.* Человеческая индивидуальность: наследственность и среда. М.: ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «ПРОГРЕСС» «УНИВЕРС», 1993.

- Лезеровай В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Изд-во УРСС, 2001.
- Лавин Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Марциновская Т.Д.* Междисциплинарность как системнообразующий фактор современной психологии // *Методологические проблемы современной психологии: Сборник статей / Под ред. Т.Д. Марциновской.* М.: Смысл, 2004. С. 61–82.
- Найссер У.* Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии. М., 1981.
- Польвонова Е.И.* Психология возрастных кризисов. М.: Академия, 2000.
- Сергеева Е.А.* Автоципация в раннем онтогенезе человека. М.: Наука, 1992.
- Сергеева Е.А.* Истоки познания: онтогенетический аспект // *Психологический журнал.* 1996. Т. 17. № 4. С. 43–54.
- Сергеева Е.А.* Ранние этапы развития субъекта // *Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Брушлинского.* М., 2002. С. 270–310.
- Сергеева Е.А.* Восприятие и действие: взгляд на проблему с позиций онтогенетических исследований // *Психология.* 2004. Т. 1. № 2. С. 16–38.
- Сергеева Е.А.* Развитие модели психического как ментальный механизм становления субъекта // *Субъект, личность, психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Зинкова, Э.Н. Рыбачиной.* М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 243–270.
- Шварков В.Б.* Системно-мелкоинформный подход к изучению мозга, психики и сознания // *Психологический журнал.* 1988. Т. 9. № 1. С. 132–148.
- Wimmer S.* Theory of mind and autism: a fifteen year review // *Understanding other minds.* Oxford University Press, 2000. P. 2–21.
- Wuillergon R., Su-Awa Wang.* Event categorization in infancy // *Trends in Cognitive Science.* 2002. V. 6. № 2. P. 75–105.
- Wentshall B.J.* Origins and early development of perception, action and representation // *Annu. Rev. Psychol.* 1996. V. 47. P. 431–459.
- Field T.M., Woodson R., Greenberg R., Cohen D.* Discrimination and imitation of facial expressions by neonates // *Science.* 1982. V. 218. P. 179–181.

- Frisberg S.* Insight from the blind. Comparative studies of blind and Sighted infants. N.Y., 1977.
- Hebb D.J.* The organization of behavior. N.Y.: Academy Press, 1949.
- Meltzoff A., Moore M.K.* Imitation of facial and manual gestures by human neonates // *Science*. 1977. V. 218. P. 179-181.
- Meltzoff A., Moore M.K.* Object representation, identity and paradox of early permanence: steps a new framework // *Infant behavior & development*. 1998. V. 21. № 2. P. 201-235.
- Miyakata Y., McClelland, J.L., Johnson M.H., Sengler R.S.* Rethinking infant knowledge: toward and adaptive process account of successes and failures in object performance tasks // *Psycholog. Review*. 1997. V. 104. P. 686-713.
- Power J.* Understanding the representational mind. ambridge: Massachusetts. MIT Press, 1991.
- Perner J., Stummer S., Sprang M., Doherty M.* Theory of Mind finds its Piagetian perspective: why understanding belief // *Cognitive development*. 2002. V. 17. P. 1451-1472.
- Plomin R., DeFries J.C., McClearn G.E., Rutter M.* Behavioral genetics. (Third edition.) N.Y.: W.H. Freeman and Company, 1997.
- Renzick J.S., Cooley R., Robinson J.* A longitudinal twin study of intelligence in the second Year // *Monographs of society for research in child development*. 1997. V. 62. № 249. P. 166.
- Spelke E., Breiliger K., Macomber J., Jacobson K.* Origins of knowledge // *Psychological Review*. 1992. V. 99. № 4. P. 605-633.
- Thelew E., Smith L.A.* Dynamic systems approach to the development of cognition and action. Cambridge, MA: MIT Press, 1994.
- Thelew E., Smith L.* Dynamic systems theories // *Theoretical models of human development*. Handbook of child psychology. V. 1. N.Y.: Wiley, 1998.
- Thelew E., Bates E.* Connectionism and dynamic systems: are they really different? // *Developmental Science*. 2003. V. 6. P. 378-392.
- Zanucello M., Carpenter M., Coll J., Behve T., Moß H.* Understanding and sharing intentions: the origins of cultural cognition // *Behavioral and brain sciences*. 2005. V. 28. P. 675-735.

АВТОРЫ И СОСТАВИТЕЛИ СБОРНИКА

<i>Алдриэл Башки Михайлович</i>	доктор психологических наук, академик РАО, профессор факультета психологии МГУ им. М.В.Ломоносова.
<i>Бондаренков Владимир Александрович</i>	доктор психологических наук, член-коррес- пондент РАО, заведующий лабораторией Ин- ститута психологии РАН.
<i>Гусев Илья Евгеньевич</i>	кандидат психол. наук, доцент Саратовского государственного социально-экономического университета.
<i>Гусева Марина Сергеевна</i>	кандидат психол. наук, ст. научный сотрудник Психологического института РАО.
<i>Земцова Татьяна Владимировна</i>	кандидат психол. наук, доцент Московского государственного областного педагогического института, старший научный сотрудник Мо- сковского НИИ психиатрии Росздрава.
<i>Ждан Антонина Николаевна</i>	доктор психол. наук, член-корреспондент РАО, профессор факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова.
<i>Жуковский Анатолий Лактионович</i>	доктор психол. наук, профессор, член-кор- респондент РАН, член-корреспондент РАО, директор Института психологии РАН.
<i>Ковалева Татьяна Владимировна</i>	доктор психол. наук, профессор факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова.
<i>Ломов Дмитрий Александрович</i>	доктор психол. наук, профессор факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

<i>Мальчишинская Татьяна Давыдовна</i>	доктор психол. наук, профессор, заведующая лабораторией Психологического института РАО.
<i>Митрошко Ирина Анатольевна</i>	доктор психол. наук, профессор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов.
<i>Пагис Владимир Павлович</i>	доктор филос. наук, профессор, заведующий кафедрой Государственного университета — Высшая школа экономики.
<i>Семёнов Игорь Николаевич</i>	доктор психол. наук, профессор Государственного университета — Высшая школа экономики.
<i>Семанко Елена Александровна</i>	доктор психол. наук, профессор, заведующая лабораторией Института психологии РАН.
<i>Синюков Сергей Дмитриевич</i>	доктор психол. наук, профессор, заведующий кафедрой психологии образования и педагогики факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.
<i>Тришкова Наталья Валентиновна</i>	доктор психол. наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель группы психологии развития познавательных процессов Психологического института РАО.
<i>Кудряв Андрей Владиславович</i>	доктор психол. наук, заместитель директора Института психологии РАН, член-корреспондент РАН.
<i>Литва Владимир Александрович</i>	доктор психол. наук, профессор, декан факультета психологии Академии последишломного образования, Республика Беларусь.

Научное издание

Серия

«Методология, теория и история психологии»

ПРОГРЕСС ПСИХОЛОГИИ: Критерии и признаки

Редактор – Н.В. Ключкова
Корректор – О.В. Шапошникова
Макет и верстка – С.Н. Терехов
Обложка – Е. Гуров

Сдано в набор 20.03.09. Подписано в печать 25.05.09.
Формат 60x90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура Петербург.
Усл. печ. л. 21. Уч.-изд. л. 18,2.
Тираж 800 экз. Заказ №

Лицензия ЛР № 03726 от 12.01.01
Издательство «Институт психологии РАН»
129366, Москва, ул. Ярославская, 13
Тел.: (495) 682-51-29

E-mail: rio@psychol.ras.ru
www.psychol.ras.ru

Отпечатано в ППП «Типография "Наука"»
121099, Москва, Шубинский пер., 6